This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

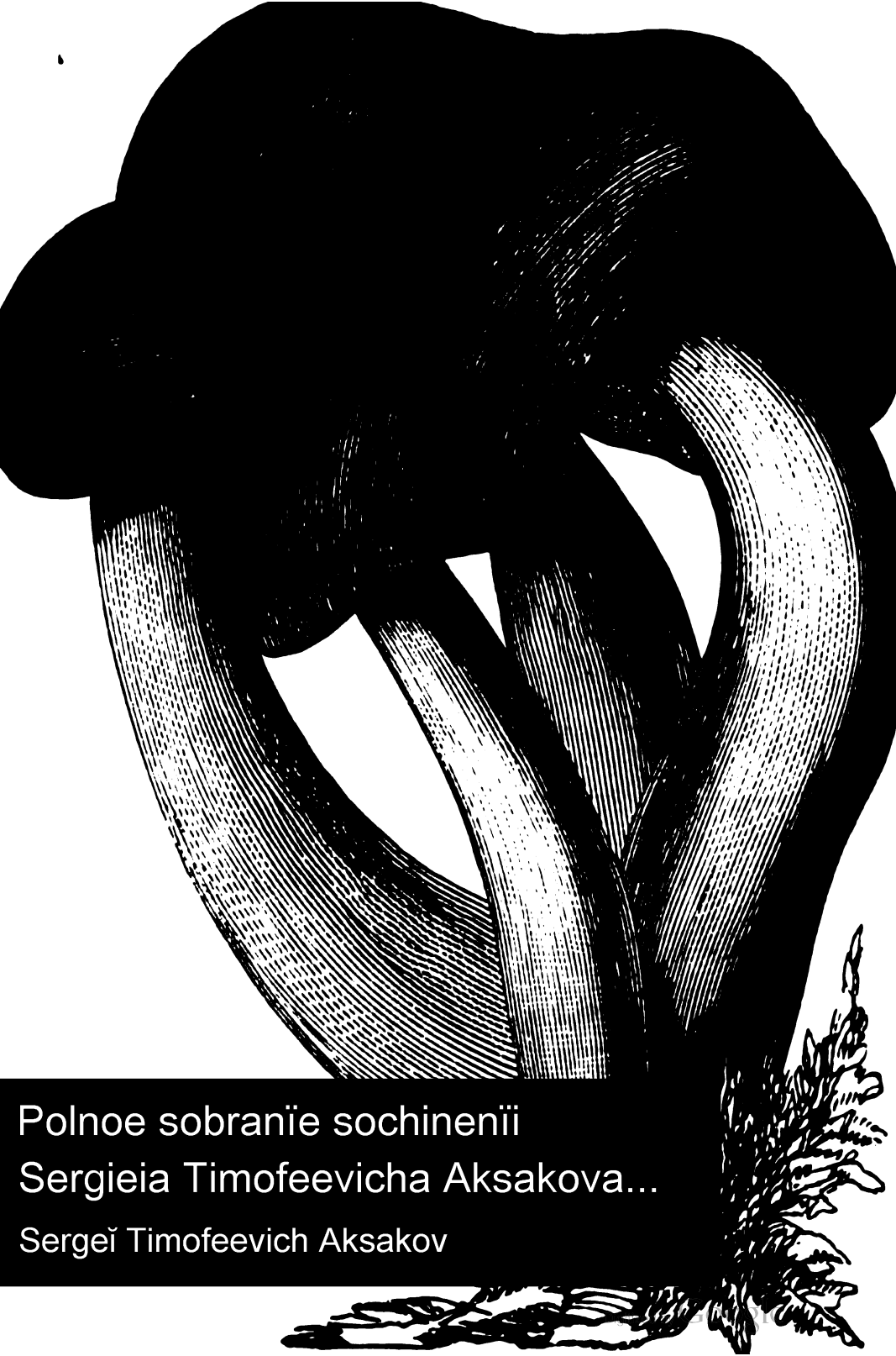
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

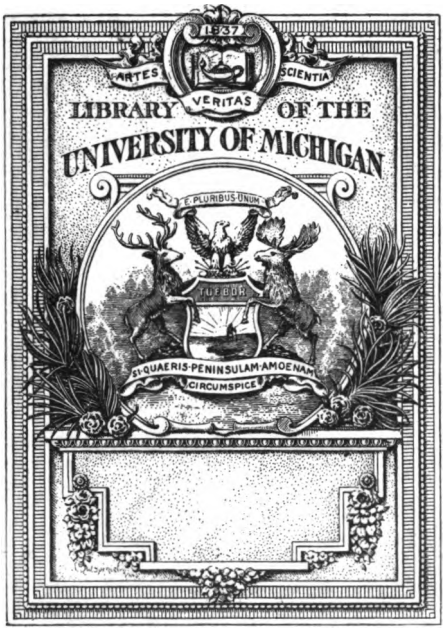
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`



Polnoe sobranïe sochinenïi Sergieia Timofeevicha Aksakova...

Sergeĭ Timofeevich Aksakov

Digitized by Google



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

891.78
A31

Полное Собраніе Сочиненій
Сергѣя Тимоѳеевича АКСАКОВА.

Изданіе Н. Г. Мартынова.

Digitized by Google

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

Sochineniii

СОЧИНЕНІЙ

Sergeia Timofeevicha

СЕРГѢЯ ТИМОѲЕЕВИЧА

Aksakov

АКСАКОВА.

Vol 5

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1886.

Digitized by Google

С. Т. Аксаковъ.

ЗАПИСКИ
ОБЪ УЖЕНЬѢ РЫБЫ
и
РАЗСКАЗЫ И ВОСПОМИНАНІЯ ОХОТНИКА
О РАЗНЫХЪ ОХОТАХЪ.

съ прибавленіемъ письма о соловьяхъ И. С. Тургенева, съ примѣчаніями К. Ф. Рулье и Н. А. Варпаховскаго, и съ политипажами.

Дѣлу время и потѣхѣ часъ.
Изъ книги „Уставъ Сокольничьяго Пути, писанный Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ“.

Охоту тѣшить—не бѣду платить.
Охота пуще неволи.
Русскія пословицы.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1886.

Digitized by Google

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 9 Мая 1886 г.

Въ типографіи В. Безобразова и Комп. (Вас. Остр., 8 л., № 45).

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЗАПИСКИ ОБЪ УЖЕНЬѢ РЫБЫ.

	Стран.
Вступленіе	I
Происхожденіе удочки	1
Удилище	2
Леса	4
Наплавокъ	7
Грузило	9
Крючокъ	10
Поводокъ	12
Устройство удочки	13
Насадка	16
О выборѣ мѣста	23
Прикормка	29
Объ умѣньѣ удить	31
О рыбахъ вообще	46
Лошокъ	62
Верховка	63
Голецъ	65
Пескарь	67
Уклейка	70
Елецъ	72
Ершъ	73
Плотица	76
Красноперка	79
Язь	81
Головль	85
Лещъ	89
Сазанъ	92
Карпъ, или карпія	94
Линь	96
Карась	99
Окунь	104
Щука	110
Жерихъ, шересперъ	117

231647

Digitized by Google

Стран.
Судакъ 119
Лохъ, красуля 120
Форель, пеструшка 122
Кутема 126
Налимъ 128
Сомъ 131
Раки 132
Крючки и жерлицы 135
Блесна 138

Полая вода и ловля рыбы въ водополье 140
Охота съ острогою 148
Странный случай 158
Новыя охотничьи замѣтки 161

ПРИБАВЛЕНІЯ.

I. Ходъ рыбы противъ теченія воды. *Статья К. Ф. Рулье.* 166
II. Краткое описаніе видовъ рыбъ, упоминаемыхъ въ «Запискахъ объ уженьѣ рыбы» С. Т. Аксакова. *Статья Н. А. Варпаховскаго* . . 174
III. Примѣчанія къ «Запискамъ объ уженьѣ рыбы». *Его-же* 192

РАЗСКАЗЫ И ВОСПОМИНАНІЯ ОХОТНИКА О РАЗНЫХЪ ОХОТАХЪ.

Къ читателямъ 198
Вступленіе 199
Охота съ ястребомъ за перепелками 204
Прилетъ дичи и нѣкоторыхъ другихъ птицъ въ Оренбургской губерніи . 228
Ловля шатромъ тетеревовъ и куропатокъ 239
Выниманье лисятъ 248
Ловля мелкихъ звѣрковъ 255
Капканный промыселъ 263
Гоньба лисъ и волковъ 270
Нѣсколько словъ о суевѣріяхъ и примѣтахъ охотниковъ 275
Счастливый случай 283
Странные случаи на охотѣ 286
Необыкновенный случай 289
Новыя охотничьи замѣтки 291

О соловьяхъ. Письмо *И. С. Тургенева* 292

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Замѣчанія и наблюденія охотника брать грибы, съ 2 рисунками. . . . 301
Пояснительная замѣтка къ «Уряднику Сокольничья Пути» 310
Отзывъ о «Журналѣ Охоты» 316

Digitized by Google

МОИМЪ БРАТЬЯМЪ И ДРУЗЬЯМЪ

Н. Т. и А. Т. Аксаковымъ.

Есть однако примиритель,
Вѣчно юный и живой,
Чудотворецъ и цѣлитель,—
Ухожу къ нему порой.
Ухожу я въ міръ природы,
Въ міръ спокойствія, свободы,
Въ царство рыбъ и куликовъ,
На свои родныя воды,
На просторъ степныхъ луговъ,
Въ тѣнь прохладную лѣсовъ
И—въ свои младые годы.

(Отрывокъ изъ посланія къ М. А. Д. 1850 г. Январь).

Digitized by Google

Digitized by Google

ВСТУПЛЕНІЕ.

Я написалъ записки объ уженьѣ рыбы для освѣженія моихъ воспоминаній, для собственнаго удовольствія. Печатаю ихъ для рыбаковъ по склонности, для охотниковъ, для которыхъ слова: «удочка и уженье» слова магическія, сильно дѣйствующія на душу. Я считаю, что мои записки могутъ быть для нихъ пріятны и даже нѣсколько полезны: въ первомъ случаѣ потому, что всякое сочувствіе къ нашимъ склонностямъ, всякій особый взглядъ, особая сторона наслажденій, иногда уясненіе какого-то темнаго чувства, не вполнѣ прежде сознаннаго, — могутъ и должны быть пріятны; во второмъ случаѣ потому, что всякая опытность и наблюденіе человѣка, страстно къ чему-нибудь привязаннаго, могутъ быть полезны для людей, раздѣляющихъ его любовь къ тому же предмету. — Уженье, какъ и другія охоты, бываетъ и простою склонностью и даже сильною страстью: здѣсь не мѣсто и безполезно разсуждать объ этомъ. Русская пословица говоритъ глубоко и вѣрно, что *охота пуще неволи*. Но едва ли на какую-нибудь человѣческую охоту такъ много и съ такимъ презрѣньемъ нападаютъ, какъ на тихое, невинное уженье. Одинъ называетъ его охотою празднолюбцевъ и лѣнтяевъ; другой — забавою стариковъ и дѣтей; третій — занятіемъ слабоумныхъ. Самый снисходительный изъ судей пожимаетъ плечами и съ сожалѣніемъ говоритъ: «я понимаю охоту съ ружьемъ, съ борзыми собаками — тамъ много движенія, ловкости, тамъ есть какая-то жизнь, что-то дѣятельное, даже воинственное. О страсти къ картамъ я уже не говорю; но удить рыбу, признаюсь, этой страсти я не понимаю....» Улыбка договариваетъ, что это

Digitized by Google

просто глупо. Такъ говорятъ не только люди, которые, по несчастію, родились и выросли безвыѣздно въ городѣ, подъ вліяніемъ искусственныхъ понятій и направленій, никогда не живали въ деревнѣ, никогда не слыхивали о простыхъ склонностяхъ сельскихъ жителей и почти не имѣютъ никакого понятія объ охотахъ; нѣтъ, такъ говорятъ сами охотники — только до другихъ родовъ охоты. Послѣднихъ я рѣшительно не понимаю. Всѣ охоты: съ ружьемъ, съ собаками, ястребами, соколами, съ тенетами за звѣрьми, съ неводами, сѣтьми и удочкой за рыбою — всѣ имѣютъ одно основаніе. Всѣ разнородные охотники должны понимать другъ друга: ибо охота, сближая ихъ съ природою, должна сближать между собою.

Чувство природы врожденно намъ, отъ грубаго дикаря до самаго образованнаго человѣка. Противоестественное воспитаніе, насильственныя понятія, ложное направленіе, ложная жизнь — все это вмѣстѣ стремится заглушить мощный голосъ природы, и часто заглушаетъ, или даетъ искаженное развитіе этому чувству. Конечно, не найдется почти ни одного человѣка, который былъ бы совершенно равнодушенъ къ такъ называемымъ *красотамъ природы*, то-есть: къ прекрасному мѣстоположенію, живописному далекому виду, великолѣпному восходу или закату солнца, къ свѣтлой мѣсячной ночи; но это еще не любовь къ природѣ: это любовь къ ландшафту, декораціямъ, къ призматическимъ преломленіямъ свѣта; это могутъ любить люди самые черствые, сухіе, въ которыхъ никогда не зарождалось или совсѣмъ заглохло всякое поэтическое чувство: за то ихъ любовь этимъ и оканчивается. Приведите ихъ въ таинственную сѣнь и прохладу дремучаго лѣса, на равнину необозримой степи, покрытой тучною, высокою травою; поставьте ихъ въ тихую, жаркую лѣтнюю ночь на берегъ рѣки, сверкающей въ тишинѣ ночнаго мрака, или на берегъ соннаго озера, обросшаго камышами; окружите ихъ благовоніемъ цвѣтовъ и травъ, прохладнымъ дыханіемъ водъ и лѣсовъ, неумолкающими голосами ночныхъ птицъ и насѣкомыхъ, всею жизнію творенія: для нихъ тутъ нѣтъ красотъ природы, они не поймутъ ничего! Ихъ любовь къ природѣ внѣшняя, наглядная, они любятъ картинки, и то не надолго; смотря на нихъ, они уже думаютъ о своихъ пошлыхъ дѣлишкахъ и спѣшатъ домой въ свой грязный омутъ, въ пыль-

Digitized by Google

ную душную атмосферу города, на свои балконы и террасы, подышать благовоніемъ загнившихъ прудовъ въ ихъ жалкихъ садахъ, или вечерними испареніями мостовой, раскаленной дневнымъ солнцемъ... Но, Богъ съ ними! Деревня, не подмосковная, далекая деревня,—въ ней только можно чувствовать полную, неоскорбленную людьми жизнь природы. Деревня, миръ, тишина, спокойствіе! Безъискуственность жизни, простота отношеній! Туда бѣжать отъ праздности, пустоты и недостатка интересовъ; туда же бѣжать отъ неугомонной, внѣшней дѣятельности, мелочныхъ, своекорыстныхъ хлопотъ, безплодныхъ, безполезныхъ, хотя и добросовѣстныхъ мыслей, заботъ и попеченій! На зеленомъ, цвѣтущемъ берегу, надъ темной глубью рѣки или озера, въ тѣни кустовъ, подъ шатромъ исполинскаго осокоря, или кудрявой ольхи, тихо трепещущей своими листьями въ свѣтломъ зеркалѣ воды, на которомъ колеблются или неподвижно лежатъ наплавки ваши, — улягутся мнимыя страсти, утихнутъ мнимыя бури, разсыплются самолюбивыя мечты, разлетятся несбыточныя надежды! Природа вступитъ въ вѣчныя права свои, вы услышите ея голосъ, заглушенный на время суетней, хлопотней, смѣхомъ, крикомъ и всею пошлостью человѣческой рѣчи! Вмѣстѣ съ благовоннымъ, свободнымъ, освѣжительнымъ воздухомъ, вдохнете вы въ себя безмятежность мысли, кротость чувства, снисхожденіе къ другимъ и даже къ самому себѣ. Непримѣтно, мало-помалу, разсѣется это недовольство собою, эта презрительная недовѣрчивость къ собственнымъ силамъ, твердости воли и чистотѣ помышленій — эта эпидемія нашего вѣка, эта черная немочь души, чуждая здоровой натурѣ русскаго человѣка, но заглядывающая и къ намъ за грѣхи наши....

Но я увлекся въ сторону отъ своего предмета. Я хотѣлъ сказать нѣсколько словъ въ защиту уженья и нѣсколько словъ въ объясненіе моихъ записокъ. Начнемъ сначала: обвиненіе въ праздности и лѣни совершенно несправедливо. Настоящій охотникъ необходимо долженъ быть очень бодръ и очень дѣятеленъ; раннее вставанье, часто до утренней зари, перенесенье полдневнаго зноя или сырой и холодной погоды, неутомимое вниманіе во время самаго уженья, пріискиванье удобныхъ мѣстъ, для чего иногда надо много ихъ перепробовать, много исходить, много изъѣздить на лодкѣ: все это

Digitized by Google

вмѣстѣ не по вкусу лѣнивому человѣку. Если найдутся лѣнтяи, которые, не имѣя настоящей охоты къ уженью, а просто не зная, куда дѣваться, чѣмъ занять себя, предпочтутъ сидѣнье на берегу съ удочкой бѣганью съ ружьемъ по болотамъ, то неужели ихъ можно назвать охотниками? Чѣмъ виновато уженье, что такіе люди къ нему прибѣгаютъ? Другое обвиненіе, будто уженье забава дѣтская и стариковская — также неосновательно: никто въ старости не дѣлался настоящимъ охотникомъ-рыболовомъ, если не былъ имъ смолоду. Конечно, дѣти почти всегда начинаютъ съ уженья, потому-что другія охоты менѣе доступны ихъ возрасту; но развѣ дѣти въ одномъ уженьѣ подражаютъ забавамъ взрослыхъ? Что же касается до того, что слабый старикъ, или больной, иногда не владѣющій ногами, можетъ удить, находя въ томъ нѣкоторую отраду бѣдному своему существованію, то въ этомъ состоитъ одно изъ важныхъ, драгоцѣнныхъ преимуществъ уженья предъ другими охотами. Остается защитить охотниковъ до уженья въ томъ, что будто оно составляетъ занятіе слабоумныхъ или, попросту сказать, дураковъ. Но, Боже мой, гдѣ же ихъ нѣтъ? За какія дѣла они не берутся? Въ какихъ умныхъ и полезныхъ предпріятіяхъ не участвуютъ? Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы всѣ остальные люди, занимающіеся одними и тѣми же дѣлами съ ними, были также глупы. Противъ нелѣпости такого обвиненія можно назвать нѣсколько славныхъ, историческихъ людей, которыхъ мудрено заподозрить въ глупости, и которые были страстными охотниками *удить рыбку*. Извѣстно, что нашъ знаменитый полководецъ, Румянцевъ, преданъ былъ этой охотѣ до страсти; извѣстенъ также и его отвѣтъ, съ притворнымъ смиреніемъ сказанный, на одинъ важный дипломатическій вопросъ: *это дѣло не нашего ума; наше дѣло рыбку удить, да городки плѣнить*. Славный Моро, поспѣшая съ береговъ Мисиссипи на помощь Европѣ, возставшей противъ своего побѣдителя, не могъ проѣхать мимо уженья трески, не посвятивъ ему нѣсколькихъ часовъ, драгоцѣнныхъ для ежидавшаго его вооруженнаго міра — такъ страстно любилъ онъ эту охоту! Людовикъ-Филиппъ, человѣкъ, кажется, тоже умный, все время, свободное отъ дѣлъ государственныхъ, посвящалъ удочкѣ въ своемъ прелестномъ Нельи.

Теперь объяснимся о моихъ запискахъ: на русскомъ языкѣ,

Digitized by Google

сколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ не напечатано ни одной строчки объ рыболовствѣ вообще, или объ уженьѣ въ особенности, написанной грамотнымъ охотникомъ, знающимъ коротко свое дѣло. На французскомъ и англійскомъ языкахъ есть много полныхъ сочиненій по этой части и еще болѣе маленькихъ книжекъ собственно объ уженьѣ. Въ Лондонѣ даже существуетъ общество охотниковъ до ловли рыбы удочкой, которое систематически преслѣдуетъ эту охоту, совершенствуя ее во всѣхъ отношеніяхъ. Нѣкоторыя сочиненія объ этомъ предметѣ у Французовъ написаны очень живо и увлекательно. Но у насъ они не переведены, а еслибъ и были переведены, то могли бы доставить болѣе удовольствія при чтеніи, чѣмъ пользы въ примѣненіи къ дѣлу. Причиною тому разность въ климатахъ, въ породахъ рыбъ и ихъ свойствахъ. Въ этомъ случаѣ добросовѣстныя наблюденія рыболова-туземца, какъ бы ни были недостаточны, будутъ имѣть важное преимущество.

Все это вмѣстѣ рѣшило меня сдѣлать первый опытъ на русскомъ языкѣ. Охотниковъ до уженья много на Руси, особенно въ деревняхъ, и я увѣренъ, что найду въ нихъ сочувствіе. Прошу только помнить, читая мою книжку, что она не *Трактатъ объ уженьѣ*, не *Натуральная исторія рыбъ*. Моя книжка ни больше, ни меньше, какъ простыя записки страстнаго охотника: иногда поверхностныя, иногда одностороннія и всегда неполныя, относительно къ обширности обоихъ предметовъ, сейчасъ мною названныхъ *).

С. А.

1847 годъ.

---

*) *Примѣчаніе къ 3-му изданію.* Я печатаю книжку мою третьимъ изданіемъ. Въ теченіи шести лѣтъ, постоянно продолжая удить, съ меньшимъ увлеченіемъ и бо́льшимъ вниманіемъ, я имѣлъ возможность, для втораго изданія, сдѣлать много новыхъ наблюденій и сказать пространнѣе и полнѣе о томъ, о чемъ было сказано слишкомъ коротко, въ чемъ справедливо обвиняли меня нѣкоторые охотники; въ теченіи же послѣднихъ 3 лѣтъ, я почти ничего новаго прибавить не могъ.

1856 годъ.

С. Аксаковъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЗАПИСКИ

ОБЪ

УЖЕНЬѢ РЫБЫ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ УДОЧКИ.

Вѣроятно, изъ всѣхъ родовъ рыболовныхъ снастей, одна изъ первыхъ была изобрѣтена удочка. Какой-нибудь дикарь, бродя по берегамъ рѣки или моря для добыванія себѣ скудной пищи, или безпечно отдыхая подъ тѣнью крутаго берега и растущихъ на немъ деревьевъ, примѣтилъ стаи рыбъ, плавающихъ около береговъ; видѣлъ, какъ голодныя рыбы жадно хватаютъ, падающихъ на поверхность водъ, разныхъ насѣкомыхъ и древесные листья, и, можетъ быть, самъ бросалъ ихъ въ воду, сначала забавляясь только быстрыми движеніями рыбъ. Весьма естественно должна была родиться у него мысль, что если бы въ насѣкомыя спрятать что-нибудь, похожее на крючокъ (изъ кости, или крѣпкаго дерева) и привязать его на нитку, выдѣланную изъ звѣриныхъ жилъ, или волоконъ растеній, и что если рыба схватитъ и проглотитъ такую насадку, то крючокъ зацѣпитъ, и рыбу можно будетъ вытащить на берегъ. Такъ, вѣроятно, родилась удочка; почти такова она и теперь въ деревняхъ у крестьянскихъ мальчишекъ: загнутый крючкомъ гвоздь безъ шляпки, крючокъ изъ проволоки или булавки, привязанный на нитку,

Digitized by Google

съ камешкомъ, вмѣсто грузила, и палочкою сухаго дерева, или камыша вмѣсто паплавка.... вѣдь это почти удочка дикаря. Впрочемъ, даже и у насъ, въ настоящемъ своемъ развитіи, у самыхъ взыскательныхъ охотниковъ, удочка строго сохранила всѣ первоначальныя основныя свои качества.

Слово удочка—названье общее. Она состоитъ изъ слѣдующихъ частей: удилища, лесы, поплавка или наплавка, грузила, поводка и крючка. Все это разсмотримъ мы внимательно, порознь и по порядку.

УДИЛИЩЕ.

Едва ли нужно говорить, что этимъ именемъ называется длинный прутъ или палочка, къ которой привязывается леса. Удилища бываютъ искусственныя и натуральныя: я рѣшительно предпочитаю послѣднія. Искусственное, складное удилище дѣлается изъ морскаго тростника (камыша) разной толщины, даже просто вытачивается изъ дерева, такъ что одно колѣнцо, будучи тонѣе, можетъ вкладываться въ другое, болѣе толстое; цѣлое удилище состоитъ изъ трехъ или четырехъ такихъ колѣнцевъ; всѣ они привинчиваются одно къ другому, или просто втыкаются одно въ другое; верхнее колѣнцо дѣлается изъ китоваго уса, или тонкой камышенки, съ маленькимъ проволочнымъ колечкомъ на верхнемъ концѣ для привязки лесы. Такія складныя удилища, хорошо отдѣланныя, съ набалдашникомъ и наконечникомъ, имѣютъ наружность толстой красивой палки; кто увидитъ ихъ въ первый разъ, тотъ и не узнаетъ, что это цѣлая удочка; но во-1-хъ, оно стоитъ очень не дешево; во-2-хъ, для большой рыбы оно неудобно и неблагонадежно: ибо у него гнется только верхушка, то-есть, первое колѣнцо, состоящее изъ китоваго уса или камышенки, а для вытаскиванія крупной рыбы необходимо, чтобы гибь постепенно проходила сквозь удилище, по крайней мѣрѣ до половины его; въ-3-хъ, его надобно держать всегда въ рукахъ, или класть на что-нибудь сухое, а если станешь класть на воду, что̀ иногда неизбѣжно, то

Digitized by Google

оно намокнетъ, разбухнетъ и даже современемъ треснетъ; къ тому же, размокшія колѣнца, покуда не высохнутъ, не будутъ свободно вкладываться одно въ другое; въ 4-хъ, все это надо дѣлать не торопливо и аккуратно — качества, противоположныя натурѣ русскаго человѣка: всякой разъ вынимать, вытирать, вкладывать, свинчивать, развинчивать, привязывать и отвязывать лесу съ наплавкомъ, грузиломъ и крючкомъ, которую опять надобно на что-нибудь намотать, положить въ футляръ или ящичекъ и куда-нибудь спрятать... Не правда ли, что это утомительно и скучно? Точно такія складныя удилища поддѣлываются у насъ изъ простаго дерева; нѣтъ сомнѣнія, что послѣднія никуда не годятся. Во многихъ мѣстахъ употребляютъ удилища составныя: къ обыкновенному березовому или орѣховому удилищу прикрѣпляютъ верхушку изъ китоваго уса, или тонкаго можжевеловаго прута; но и здѣсь почти тѣ же неудобства: гибь будетъ также неровна и верхушка станетъ сгибаться только до того мѣста, гдѣ она привязана. Всего простѣе и лучше цѣльныя, натуральныя орѣховыя или березовыя удилища: послѣднія прочнѣе, и вездѣ скорѣе можно ихъ сыскать; говорятъ, что и вязовыя также хороши, но мнѣ не случалось ихъ употреблять. Весною, покуда листъ еще не распустился, а сокъ дерева уже бросился изъ корня вверхъ, и надулись почки на вѣтвяхъ, — всего благонадежнѣе срѣзывать удилища; впрочемъ, можно срѣзывать ихъ и во всякое время года. Надобно выбирать стволы тонкіе, длинные и прямые; тщательно обрѣзать всѣ сучечки, оставя главный стволъ неприкосновеннымъ во всю его длину, до самой послѣдней почки, при чемъ должно наблюдать, чтобы удилище не было тонко въ комлѣ; нижнюю половину, идущую къ рукѣ, надобно оскоблить, даже сострогать, если она слишкомъ толста, а верхнюю *непремѣнно* оставить въ кожѣ; нѣсколько такимъ образомъ приготовленныхъ удилищъ должно плотно привязать къ прямому шесту или доскѣ, и въ такомъ принужденномъ положеніи завялить, то-есть, высушить въ комнатѣ или на воздухѣ подъ крышей, гдѣ бы не брали ихъ ни дождь, ни солнце. Такое удилище, если не сломается отъ неосторожности, можетъ служить два и три года.

Выборъ и приготовленіе хорошаго удилища весьма важны. Прямизна и гибкость верхняго его конца необходимы для

Digitized by Google

успѣшной подсѣчки; слѣдовательно, отъ хорошаго удилища зависитъ иногда количество выуженной рыбы, но верхъ его достоинства узнается только тогда, когда на тонкую лесу возьметъ крупная рыба. Тутъ-то можно полюбоваться, какъ на хорошемъ удилищѣ, согнувшемся до половины въ дугу, будетъ ходить на кругахъ огромная рыба до тѣхъ поръ, пока искусная рука рыбака утомитъ ее и подведетъ къ берегу, гдѣ можно взять добычу другою, свободною рукой, или, что̀ всегда благонадежнѣе, подхватить сачкомъ.

Всякому извѣстно, что̀ такое сачокъ. Но вотъ какія качества долженъ имѣть онъ: 1) сачокъ долженъ быть легокъ; 2) ободокъ, къ которому прикрѣпляется сѣтка, лучше употреблять желѣзный, а чтобы ржавчина ее не переѣдала, можно обшивать ободокъ холстиной и къ ней уже пришивать сѣтку; 3) мѣшокъ изъ сѣтки — тонкій и не частый; 4) мѣшокъ этотъ долженъ быть не мелокъ, четверти въ три глубиною, для того, чтобы рыба не могла выпрыгнуть и чтобы даже можно было ее завернуть въ немъ.

ЛЕСА.

Лесою называется нитка, однимъ концомъ привязанная къ удилищу, а другимъ къ крючку. По большой части она свивается изъ волосъ конскаго хвоста; но есть лесы шелковыя, нитяныя и приготовленныя изъ какого-то индійскаго растенія *), прозрачностью совершенно похожаго на бѣлый конскій волосъ. Всѣ эти роды лесъ имѣютъ свои выгоды и невыгоды. Я предпочитаю первыя, и по прочности, и по удобству доставанія свѣжихъ конскихъ волосъ; не трудно найдти искусника свить или ссучить изъ нихъ лесу какой угодно толщины, а всего лучше сплесть: плетеная леса прочнѣе, никогда не скручивается и не спутывается. Всего лучше умѣть это дѣлать самому. Лесы шелковыя и нитяныя въ

*) Такъ думалъ я прежде по слухамъ; но теперь думаю, что это шелкъ-сырецъ, приготовляемый какимъ-нибудь особеннымъ способомъ.

Digitized by Google

Россіи не приготовляются на продажу, онѣ получаются изъ Англіи и Австріи; съ крючкомъ, наплавкомъ и грузиломъ онѣ продаются въ магазинахъ не менѣе 2 р. 50 к. асс. — цѣна слишкомъ высокая. Можно приготовлять ихъ дома: всякая женщина умѣетъ ссучить на рукахъ, или на маленькихъ колесахъ, на которыхъ спускаютъ тонкія бичевки, нѣсколько шелковниковъ или нитокъ (всего лучше конопляныхъ) какой угодно толщины и длины. Выгода такихъ лѣсъ состоитъ въ томъ, что онѣ, будучи безъ узловъ и не имѣя упругости, извиваются по движенію воды, разнообразятъ и представляютъ натуральнымъ, какъ-будто шевелящимся, видъ насаженнаго червяка, или чего-нибудь другаго; когда же насадка и конецъ шелковой зеленой лесы лежатъ на днѣ, то она совершенно походитъ на волокны длиннаго водянаго моха, называемаго водянымъ шелкомъ. Должно признаться, что рыба беретъ на нихъ охотно; но за то онѣ довольно скоро перегниваютъ и нестерпимо путаются, что̀ отнимаетъ много времени и ужасно надоѣдаетъ; обоимъ этимъ порокамъ можно нѣсколько помочь, проваривъ лесы въ растопленномъ воскѣ *), но отъ того онѣ отчасти потеряютъ свою, такъ сказать, зыблемость, составляющую приманку для рыбы. Что же касается до лесы изъ индійскаго растенія, тонкой, какъ конскій волосъ, то вся ея выгода состоитъ въ прозрачности и легкости; если насадка также легка (напр. мухи, кузнечики и проч.), то она стоитъ на всѣхъ глубинахъ воды и долго плаваетъ на поверхности, не погружаясь; но *зыблемости* шелковыхъ и нитяныхъ лесъ она не имѣетъ, и болѣе пригодна для уженья некрупной рыбы безъ наплавка, особенно въ водахъ прозрачныхъ, около полудня, когда рыба гуляетъ на поверхности воды. Такая леса (изъ индійскаго ли она растенія, или изъ сырца) сначала очень крѣпка, и съ помощью хорошаго удилища и осторожности можно на нее выудить рыбу въ четыре и даже въ пять фунтовъ; но она скоро мшарится, то-есть дѣлается шероховатою, мѣстами тонѣетъ; высыхая на солнцѣ, въ сгибахъ трескается въ длину, и для уженья хорошей рыбы дѣлается неблагонадежною, даже опасною. Говорятъ, что все это можно

*) Здѣсь опять должно сказать, что это не прочно: воскъ скоро сойдетъ, и леса начнетъ путаться по-прежнему; впрочемъ, воскъ можно подновлять.

Digitized by Google

отвратить, вытирая ее до-суха всякій разъ послѣ уженья и вымазывая масломъ; но я, вѣрный моей русской безпечной природѣ, никогда этого не пробовалъ, и много разъ терялъ рыбу и удочку; я скажу объ этомъ подробнѣе въ статьѣ о поводкахъ *). И такъ обратимся къ лесамъ изъ конскихъ волосъ. Получаемыя изъ-за границы очень хороши, но за то и очень дороги, и не довольно разнообразны въ своей толщинѣ. Покупаемыя въ русскихъ лавкахъ обыкновенно ссучены не ровно и часто изъ старыхъ, уже не такъ прочныхъ, волосъ, что, впрочемъ, можно узнать по желтоватому цвѣту. И такъ всего лучше приготовлять ихъ дома.

Надобно выдернуть волосы изъ хвоста бѣлой **) лошади; выбрать самые длинные, ровные, бѣлые и прозрачные, и сучить, или вить изъ нихъ лесы какой угодно толщины: отъ двухъ, четырехъ, шести и до двадцати волосъ. Можно вить и сучить лесы цѣльныя, или съ колѣнцами. Цѣльныя, безъ сомнѣнія, лучше, но для приготовленія ихъ надобно гораздо болѣе умѣнья. Лесы съ колѣнцами дѣлаются очень просто. Берутся, напримѣръ, шесть конскихъ волосъ, одинаковой длины, выравниваются въ толщинѣ ***), завязываются на концѣ обыкновеннымъ узломъ, раздѣляются поровну и сучатся, или вьются (какъ кто лучше умѣетъ) до самаго конца волосъ; потомъ опять завязывается обыкновенный узелъ: это называется колѣнцомъ. Колѣнцы связываются между собой уже двойнымъ *рыбачьимъ* узломъ, затягиваются какъ можно крѣпче, коротенькіе кончики подстригаются довольно плотно, и вотъ вамъ готова леса, какой угодно длины. Объяснить на словахъ свиванье цѣльной лесы довольно трудно; но разъ увидѣвши,

---

*) Въ 1853 году привезли мнѣ въ подарокъ изъ Гавра много чудесныхъ лесъ, очень тонкихъ и полупрозрачныхъ, имѣющихъ въ то же время (покуда онѣ сухи) какую-то упругость и звонкость струны. Я употреблялъ ихъ цѣлый годъ, и долженъ сказать, что сначала онѣ удивительно крѣпки и могутъ выдержать самую крупную рыбу; но мѣсяца въ четыре, при ежедневномъ уженьѣ, перегниваютъ и требуютъ перемѣны. Намокнувъ, онѣ дѣлаются мягки, какъ шелкъ, но высохнувъ, опять получаютъ упругость; онѣ свиты изъ нѣсколькихъ, удивительно тонкихъ волоконъ, кажется, сырцовыхъ. Въ Гаврѣ называютъ ихъ американскими. Рыба беретъ на нихъ очень охотно. Можетъ быть, это волокна какого-нибудь американскаго растенія.

**) Приготовляются лесы и изъ черныхъ волосъ, но очевидно, что прозрачность бѣлыхъ волосъ, сливаясь съ водою, дѣлаетъ лесу непримѣтною для рыбы, слѣдовательно лучшею.

***) То-есть: одна половина волосъ кладется комлемъ вверхъ, а другая внизъ.

Digitized by Google

какъ это дѣлается, перенять легко. Тутъ волосы употребляются разной длины и всучиваются или ввиваются одинъ за другимъ: какъ скоро приходитъ къ концу одинъ волосъ, то другой впускается на его мѣсто, а кончики обоихъ обстригаются такъ плотно, что даже непримѣтно, гдѣ волосы оканчивались и гдѣ вставлялись. Сдѣланныя такимъ образомъ лесы, по окончаніи каждаго уженья и въ продолженіе зимы сохраняемыя въ сухомъ мѣстѣ, если не будутъ изорваны насильственно, могутъ служить года три и болѣе, хотя бы весною, лѣтомъ и осенью удили на нихъ каждый день. Не нужно распространяться, какъ важна для охотника крѣпость лесы, которая преимущественно зависитъ отъ ея ровности. Лѣсы, плетеныя изъ волосъ, какъ обыкновенно заплетаются дѣвичьи косы, особенно хороши. Онѣ гораздо прочнѣе сученыхъ и витыхъ лесъ и никогда не путаются.

НАПЛАВОКЪ.

Наплавкомъ называется небольшая, обыкновенно круглая или овальная палочка *), длиною и толщиною въ палецъ, изъ легкаго дерева или древесной коры осокаря, или изъ пробки, привязываемая къ лесѣ, въ какомъ угодно разстояніи отъ крючка. Величина наплавка должна зависѣть отъ толщины лесы, тяжести грузила, величины крючка и удилища. Если наплавокъ малъ — онъ тонетъ, если великъ — не встаетъ на глубинѣ, а это иногда бываетъ нужно. Наплавокъ имѣетъ два назначенія: первое, чтобы крючокъ съ насадкой плавалъ въ такомъ разстояніи отъ дна, какое нужно рыбаку, или лежалъ на днѣ, смотря по надобности; и второе, еще важнѣйшее, чтобы онъ показывалъ своимъ движеніемъ всякое прикосновеніе рыбы къ насаженному крючку, и наконецъ время, когда надобно подсѣчь (то-есть, дернуть удилищемъ

*) Впрочемъ, фигура наплавка — дѣло произвольное. Я видалъ наплавки очень искусно вырѣзанные изъ осокоря, представляющіе рыбу, птицу и даже человѣка; но вообще наплавокъ бываетъ въ срединѣ толще.

Digitized by Google

лесу) и вытащить на берегъ свою добычу. Слѣдовательно, всякое легкое, плавающее на водѣ вещество можетъ служить наплавкомъ. Наплавки приготовляются различнымъ образомъ: 1) Они вырѣзываются или вытачиваются изъ коры *осокори*, которая имѣетъ прекрасный темнокрасный цвѣтъ, очень легка и не намокаетъ въ водѣ. По-моему это самые лучшіе наплавки. 2) Можно ихъ дѣлать изъ всякого сухаго дерева: на одинъ обвостренный конецъ маленькой палочки, въ палецъ толщиною посрединѣ, плотно надѣвается нижняя половина гусинаго пера, а въ другой, обвостренный же, втыкается маленькая, изъ проволоки сдѣланная петелька для продѣванья лесы, другой конецъ которой (то-есть лесы) продѣвается сквозь колечко, вырѣзанное изъ пера и надѣваемое на перяной конецъ наплавка (колечко должно быть нѣсколько шире пера). 3) Вмѣсто дерева можно употреблять пробку: пропускаютъ сквозь нее тоненькую, деревянную палочку и потомъ обдѣлываютъ точно такъ же, какъ наплавки 2-го разряда. Есть еще наплавки, получаемые изъ-за границы, сдѣланные изъ одного гусинаго, толстаго пера, и устроенные точно такъ же, какъ сейчасъ описанные мною наплавки, но они пригодны только для удочки наплавной, безъ грузила, ибо слишкомъ легки; притомъ толстый конецъ пера, въ которомъ утверждается петелька, обыкновенно заклеивается сургучомъ или особенною смолою; если вода, какъ-нибудь, туда проникнетъ, то наполнитъ пустоту пера, и наплавокъ будетъ тонуть; къ тому же они не видки на водѣ. Хотя осокоревые наплавки менѣе удобны для передвиганья, ибо каждый разъ надобно распустить двойную петлю лесы, которою затянутъ наплавокъ, за то они менѣе сложны и рѣже портятся; а у наплавковъ 2-го и 3-го рязрядовъ проволочныя петельки часто выдергиваются, и перяныя колечки еще чаще трескаются. Колечки надобно имѣть запасныя, но надѣвать ихъ хлопотно: должно отвязывать лесу, если крючокъ и грузило, по величинѣ своей, сквозь перяное колечко пройдти не могутъ. Можно также употреблять наплавки изъ зеленаго и сухаго камыша особой породы, мягкаго, толстаго и ноздреватаго внутри; но онъ не проченъ и не вездѣ родится. Величина наплавка должна быть соразмѣрна съ цѣлымъ устройствомъ удочки, какъ я уже и сказалъ; а потому наплавокъ долженъ

Digitized by Google

имѣть такую тяжесть, относительно къ этому общему устройству удочки, чтобы рыба, трогая и забирая въ ротъ насадку крючка, не почувствовала никакого препятствія.

ГРУЗИЛО.

Грузиломъ называется кусочекъ металла, почти всегда свинца (ибо онъ тяжелъ и мягокъ), прикрѣпляемаго къ лесѣ, въ недальнемъ разстояніи отъ крючка, для его погруженія въ воду. Грузила бываютъ разной тяжести, смотря по величинѣ всей удочки и текучей или стоящей водѣ. Для самой маленькой удочки довольно одной небольшой дробинки; для средней — одной, двухъ или трехъ крупныхъ дробинъ, а для самой огромной употребляютъ небольшую пулю. Прикрѣпленіе грузила изъ свинца дѣлается слѣдующимъ образомъ: берется кусочекъ свинца такой величины, какой надобно, разбивается въ длинную узенькую пластинку и навертывается на лесу или поводокъ; а чтобы грузило не передвигалось, то легкимъ ударомъ молотка бока его сжимаются. Дробины прикрѣпляются еще простѣе: возьмутъ дробину или пулю, разрѣжутъ ее до половины ножомъ, вложатъ въ это отверстіе лесу, и потомъ краюшки сколотятъ. Всегда надобно прикрѣплять грузило къ волосяной лесѣ повыше шелковаго поводка: ибо свинецъ скорѣе переѣдаетъ шелкъ, чѣмъ конскіе волосы. За неимѣніемъ дроби и пуль, можно сдѣлать грузило изъ всякого кусочка свинца, о чемъ сейчасъ мною сказано, наблюдая только, чтобы фигура его была овальна; угловатое грузило скорѣе задѣнетъ за траву или шероховатое дно. Послѣ свинца всего лучше олово, а за неимѣніемъ того и другаго, можно употребить и мѣдь и желѣзо: послѣднія привязываются иногда къ лесѣ особой ниткой.

Digitized by Google

КРЮЧОКЪ.

Безъ сомнѣнія, это важнѣйшая часть удочки: весь успѣхъ уженья зависитъ отъ доброты крючка. Лучшіе крючки англійскіе. Величина ихъ различна и раздѣляется на 12 нумеровъ *). При выборѣ ихъ надобно наблюдать слѣдующее: 1) Крючокъ долженъ быть хорошо закаленъ: недокаленный будетъ разгибаться, а перекаленный — ломаться; синій цвѣтъ, признакъ доброй закалки, легко поддѣлать, и потому всего лучше каждый крючокъ попробовать погнуть рукою. Въ случаѣ крайности, лучше брать крючки недокаленные: они будутъ разгибаться немного, а перекаленные будутъ ломаться; послѣдніе никуда не годятся. 2) Сгибъ крючка долженъ быть кругловатъ, не слишкомъ глубокъ и не мелокъ, широкъ, къ острому концу немного погнутъ набокъ. Жало должно быть остро, длинно, смотрѣть въ сторону. Выгода первыхъ двухъ качествъ не требуетъ поясненія, но выгоду послѣдняго — для чего конецъ крючка долженъ быть погнутъ немного въ бокъ — можно узнать только изъ опыта. Если вы будете удить на двѣ одинаковыя по величинѣ и устройству удочки, изъ которыхъ у одной жало крючка смотритъ на сторону, а у другой прямо по спинкѣ крючка, то увидите, что на вторую удочку будетъ втрое болѣе промаховъ, чѣмъ на первую. Безъ сомнѣнія, причина состоитъ въ томъ, что, при подсѣчкѣ, крючокъ съ жаломъ прямымъ удобнѣе выдергивается изо рта рыбы, не задѣвъ за какую нибудь его сторону. 3) Зазубрина должна хорошо, но не круто, отдѣляться и крѣпко держаться въ разсѣчкѣ: ибо она не допускаетъ крючокъ выскользнуть назадъ изо рта подсѣченной рыбы. Крючки нерѣдко ломаются въ разсѣчкѣ, если она слишкомъ глубока. 4) Крючокъ не долженъ быть толстъ. Толстый крючокъ неудобенъ, потому что мелкая насадка (небольшой червь, кобылка, маленькая рыба и проч.) теряетъ на немъ свой натуральный видъ и сейчасъ умираетъ, и осо-

*) Это раздѣленіе прежнее. Теперь насчитывается множество нумеровъ, но я хорошенько ихъ не знаю.

Digitized by Google

бенно потому, что крючокъ тонкій скорѣе пронзитъ губу. Еще труднѣе толстому крючку проколоть верхнюю часть рыбьяго рта, которая бываетъ очень жестка. 5) Спинка крючка не должна быть длинна: это также мѣшаетъ живости насадки, которая обыкновенно сбивается къ низу, и верхняя часть спинки остается ничѣмъ незакрытою. Это рыбу пугаетъ, но сверхъ того, если она и возьметъ насадку въ ротъ, что почти всегда дѣлается на ходу (кромѣ уженья со дна), то сейчасъ почувствуетъ твердую, не закрытую спинку крючка, и проворно выплюнетъ (выкинетъ назадъ) насадку. Въ этомъ всякій наблюдательный охотникъ можетъ убѣдиться собственными глазами, когда будетъ удить въ свѣтлыхъ водахъ. 6) Спинка крючка оканчивается лопаточкой, плечики которой должны быть широки и не остры, для того, чтобы завязка поводка или волосяной лесы не обрѣзывалась и держалась крѣпко: это послѣднее условіе очень важно. Завязка часто подрѣзывается внутри непримѣтно для глаза, хотя бы заботливый рыбакъ всякій день осматривалъ свои удочки; дѣло идетъ хорошо, покуда беретъ небольшая рыба, но чуть взяла крупная, прощай и крючокъ и добыча.... Леса взвивается вверхъ, какъ-будто просто сорвалась рыба, огорченный охотникъ поспѣшно достаетъ свѣжаго червя, хочетъ насадить, и вмѣсто крючка видитъ перерѣзанный конецъ поводка или лесы, которымъ была она привязана.... Тутъ послѣдуютъ заключенія: «рыба была такъ велика, что поводокъ не выдержалъ, откусила щука», и проч., а это вздоръ! При внимательномъ разсмотрѣніи окажется, что длина поводка или лесы не убавилась, а что она порвалась у самаго крючка, въ самой завязкѣ.

Обращаю особенное вниманіе охотниковъ-рыбаковъ на *привязку* крючка къ поводку или прямо къ лесѣ: отъ прикосновенія къ желѣзу и мокроты, привязка, то-есть, самый узелокъ, часто цереѣдается ржавчиной; для предохраненія отъ нея можно подъ привязку наматывать тонкую шелковинку, въ одинъ рядъ, но не болѣе, иначе привязка будетъ толста. Всего лучше осматривать крючки ежедневно и внимательно: чуть появится желтизна около привязки — сейчасъ перемѣнить поводокъ. Хотя и волосяная леса подвергается дѣйствію ржавчины, но она долѣе ей противится.

Digitized by Google

ПОВОДОКЪ.

Поводкомъ называется особый небольшой *привязокъ* къ лесѣ, къ которому уже прикрѣпляется крючокъ. Поводки бываютъ: 1) изъ тонкой проволоки, мѣдной или желѣзной; 2) изъ басовыхъ и простыхъ толстыхъ струнъ; 3) изъ спинки гусинаго пера во всю его длину, очищенную отъ мякоти, и 4) изъ шелка. Первые три рода поводковъ употребляются для уженья щукъ, ибо по множеству и остротѣ зубовъ она перегрызаетъ, иногда въ одну секунду, всякія лесы: волосяныя, нитяныя и шелковыя; а послѣдній родъ поводковъ шелковыхъ почти никто не употребляетъ. Это собственно придумано у насъ въ домѣ однимъ старымъ рыбакомъ. Тридцатилѣтняя опытность моя и нѣсколькихъ охотниковъ, перенявшихъ эту выдумку, удостовѣрили меня въ ея несомнѣнной пользѣ. На удочку съ шелковымъ поводкомъ всякая рыба беретъ (по-охотничьи: клюетъ) гораздо жаднѣе. Почти все, что было мною говорено о выгодахъ шелковой лесы, состоящихъ въ ея зыблемости, шелковый поводокъ имѣетъ въ себѣ, для чего онъ долженъ быть не короче шести вершковъ; а волосяная лѣса, къ которой онъ привязанъ, не путается и не гніетъ такъ, какъ цѣльная шелковая: разумѣется, всякій годъ раза четыре надобно перемѣнять поводки; но это не трудно. Еще выгода: шелковымъ поводкомъ гораздо крѣпче привязывается крючокъ, чѣмъ волосяною лесою; причина очевидная: упругость волосъ. Толщина поводка зависитъ отъ толщины лесы. На самую толстую лесу я обыкновенно навязываю поводокъ, ссученный изъ шести, на среднюю изъ четырехъ, а на маленькую изъ двухъ обыкновенныхъ шелковинокъ англійскаго шелка. Здѣсь разумѣется *маленькая* удочка, или *плотичная*, волоса въ четыре: для удочки наплавной поводокъ изъ двухъ шелковинокъ будетъ тяжелъ. Шелкъ для поводковъ лучше употреблять зеленый, ибо онъ сходенъ цвѣтомъ съ травой; но въ случаѣ нужды, годится всякаго цвѣта. Хорошій шелкъ бываетъ такъ крѣпокъ, что на свѣжій поводокъ изъ *одной* шелковинки можно вытащить съ осторожностію рыбу въ пять фунтовъ; только такіе поводки, если удить постоянно, надобно перемѣнять разъ или два въ недѣлю.

Digitized by Google

Есть еще поводки, получаемые изъ-за границы, изъ индійскаго растенія или сырца-шелка съ прикрѣпленными уже крючками; они имѣютъ всѣ достоинства и пороки цѣлыхъ таковыхъ лесъ. Рыба беретъ на нихъ очень хорошо, но предупреждаю охотниковъ, чтобъ они не привязывали своихъ лесъ къ выписнымъ, волосянымъ поводкамъ за *петельку*, которая всегда у нихъ дѣлается, а связывали бы поводокъ съ лесою обыкновенымъ рыбачьимъ узломъ. Индійскій волосъ на петелькѣ легко рвется, и потому я до нихъ не большой охотникъ. Я испыталъ это, къ несчастію, много разъ. — Леса въ одинъ конскій волосъ употребляется безъ поводка. Впрочемъ, можно и вовсе не употреблять поводковъ, а привязывать крючокъ прямо къ лесѣ, что̀ и дѣлаютъ почти всѣ охотники.

УСТРОЙСТВО УДОЧКИ.

Какъ скоро всѣ части удочки у васъ будутъ изготовлены, то вамъ остается только устроить цѣлую удочку.

Удочки бываютъ различной величины, смотря по своему назначенію: *маленькія* для мелкой рыбы: гольцовъ, пискарей, ершей, уклеекъ (въ Оренбургской губерніи ихъ называютъ сентявками и бѣлоглазками), ельцовъ, мелкихъ окуней и плотвы; *среднія*, болѣе другихъ употребительныя, для крупныхъ окуней, язей, головлей, лещей, линей и карасей; *большія* удочки назначаются для самой крупной рыбы: для породъ, сейчасъ мною поименованныхъ, достигающихъ иногда огромной величины, и особенно для породъ хищныхъ: для щукъ, жериховъ, сазановъ, судаковъ, карпій и лоховъ, или красуль. Разумѣется, это раздѣленіе произвольно, и, если удить въ водахъ, гдѣ водятся всѣ породы рыбъ, то легко можетъ взять огромная рыба на среднюю и даже на маленькую удочку; она любитъ иногда попроказить, и, не трогая большія, самыя лакомыя насадки, хватаетъ за пшеничное зернышко, кусочекъ хлѣба съ булавочную головку, или муху.... И страшно и весело бываетъ тогда рыбаку!.... Горь-

Digitized by Google

ко, когда рыба сорвется, или порветъ лесу; за то какое счастіе, если на маленькую удочку вытащитъ онъ большаго язя или головля! Вѣрно одно, что на большую удочку не возьметъ уже мелкая рыбка — по величинѣ насадки.

И такъ: вы берете крючокъ, привязываете къ нему поводокъ; поводокъ привязываете къ лесѣ и сейчасъ прикрѣпляете къ ней грузило; если у васъ наплавокъ съ петелькой и перомъ, то надѣваете его съ другаго конца лесы, и отмѣривши ее столько, чтобъ она была четверти двѣ или полторы длиннѣе удилища, привязываете ее двойною петлею къ тонкому его концу, къ самой верхушкѣ; а какъ вся леса должна быть всегда гораздо длиннѣе удилища, то остальную ея часть надобно плотно обвить около него, спускаясь сверху внизъ, и гдѣ леса кончится, тамъ привязывать ее гладенько къ удилищу восченой ниткой.

Теперь устроена у васъ удочка обыкновенная, всего болѣе употребляемая; но есть еще два рода удочекъ: *подонная* и *наплавная*, или *накидная*. Первая удочка, то-есть ея леса, бываетъ длиною до 8 аршинъ и болѣе; грузило ея состоитъ изъ пули и прикрѣпляется отъ $^3/_4$ до 1 аршина разстояніемъ отъ крючка, который обыкновенно берется изъ самыхъ крупныхъ нумеровъ, то-есть: перваго, втораго и третьяго. — Такая удочка съ самой толстой лесой, волосъ въ тридцать, употребляется на большихъ и быстрыхъ рѣкахъ, безъ наплавка; леса привязывается къ маленькому и самому гибкому удилищу; а какъ ее нельзя закинуть обыкновеннымъ образомъ, то леса забирается кругами въ руку до самаго грузила, и такимъ способомъ крючокъ съ насадкой закидывается на большое разстояніе. Тутъ уже удилище всегда держится въ рукѣ и служитъ для указанія, что рыба взяла, для подсѣчки и для того только, чтобъ уводить и утомить рыбу, по большой части самую крупную; но она подтаскивается уже просто за лесу и вынимается рукою или сачкомъ. По большой части такое уженье производится по ночамъ и съ лодки. Я самъ видѣлъ, какъ рыбакъ удилъ такимъ образомъ на Москвѣ-рѣкѣ (въ 1827 году) огромнѣйшихъ головлей, фунтовъ по 9; онъ увѣрялъ меня, что головли иногда попадаются въ 14 фунтовъ.

Наплавная или накидная удочка устроивается изъ лесы въ два и даже въ одинъ конскій волосъ, безъ грузила, наплавка

Digitized by Google

и поводка. На длинную лесу навязывается самый маленькій крючокъ (№ 10, 11, 12), а она привязывается къ тонкому, легкому и гибкому удилищу. Насадка состоитъ изъ мухъ и самыхъ маленькихъ, красненькихъ червячковъ, называемыхъ *мотылями*, которыхъ я нигдѣ, кромѣ окрестностей Москвы, не видывалъ. Крючокъ почти не тонетъ, и рыба хватаетъ насадку на поверхности воды. Удить надобно на мѣстахъ быстрыхъ. Предпочтительно берутъ: ельцы, язики, головлики и уклейка. Разумѣется, удилище надобно держать въ рукѣ. Я не охотникъ ни до подонной, ни до накидной удочки. Особенно трудно закидывать послѣднюю. Обыкновенно удятъ на нее съ моста, или войдя въ воду по колѣни и глубже; въ такомъ только положеніи удобно ее закидывать по вѣтру: уженье безпокойное и требующее большаго навыка. Чувство осязанія въ рукѣ должно быть такъ развито, чтобы вѣрно указывало время подсѣчки: совсѣмъ тѣмъ на каждую рыбу придется по нѣскольку промаховъ. Подонная и наплавная — начало и конецъ всѣхъ удочекъ. Кстати здѣсь сказать, что вообще уженье безъ наплавка мнѣ не нравится не только потому, что оно безпокойно: ибо надобно постоянно держать удилище въ рукѣ; но главное потому, что уженье безъ наплавка много лишается своей прелести. Внимательное наблюденіе за движеніями наплавка, за различіемъ и значеніемъ этихъ движеній, ожиданіе, что сейчасъ потянетъ или утащитъ наплавокъ—все это вмѣстѣ составляетъ наслажденіе для охотника. Притомъ, есть такого рода клёвъ, гдѣ только глазами можно различить, когда надобно подсѣчь; а если судить по силѣ дерганья (безъ наплавка же иначе судить нельзя), то будешь безпрестанно ошибаться: станешь подсѣкать не во время и пропускать настоящее мгновеніе для подсѣчки, ту небольшую *потяжку*, которую никогда нельзя различить рукой. — И такъ удочки у насъ готовы всѣхъ сортовъ: надобно умѣть ихъ насадить, или, какъ многіе охотники говорятъ — наживить....

Digitized by Google

НАСАДКА.

Насадкою называется все то, что для приманки рыбы насаживается на острый конецъ крючка, который, если насадка велика, прячется въ ней весь. Исчисляя многоразличные виды и роды насадокъ, я скажу объ умѣньѣ насаживать, ибо оно также разнообразно. Можно сдѣлать одно общее правило: жало крючка должно быть такъ скрыто въ насадкѣ, чтобъ его не было видно глазами и слышно осязаніемъ; чтобъ оно не укололо рта рыбы при самомъ первомъ ея прикосновеніи; но чтобъ въ то же время выходъ жала былъ свободенъ и чтобъ при подсѣчкѣ, или собственномъ движеніи рыбы (которая, взявши въ ротъ насадку, иногда вдругъ бросается въ сторону), жало мгновенно высовывалось и впивалось во внутреннія части рта рыбы.

1) Самая обыкновенная, вездѣ находимая въ навозѣ весной, лѣтомъ, осенью, употребляемая всѣми, насадка—есть красный *навозный червь*, называемый въ низовыхъ губерніяхъ *глистою*. Только въ серединѣ лѣта рыба беретъ на него не такъ охотно. На него клюютъ всѣ породы рыбъ, кромѣ жериха и щуки, но и тѣ иногда изволятъ имъ лакомиться, особенно щука. Разумѣется, на навознаго червячка, по его мелкости, обыкновенно беретъ мелкая и средняя рыба, но иногда хватаетъ и крупная. Краснаго червяка надобно насаживать, впуская жало въ его голову *); весь крючокъ долженъ быть въ немъ скрытъ; всего лучше, чтобы головка держалась на привязкѣ лесы, или на плечикахъ крючка, середина скрывала въ себѣ крючокъ и жало, а хвостъ изгибался на свободѣ. Такимъ образомъ червякъ, нигдѣ по бокамъ не прорванный, будетъ довольно долго живъ и сохранитъ свой натуральный видъ: и то и другое очень важно для приманки рыбы. Она весьма охотно хватаетъ за длинный хвостикъ; но для мелкой рыбы, особенно для плотвы, такая насадка неудобна: рыба схватитъ за длинный конецъ

*) Иногда можно насаживать и съ хвоста, если мелкая рыба безпрестанно отрываетъ только одинъ хвостикъ. Особенно выгоденъ этотъ способъ насадки при уженьѣ ершей. Жало крючка скрывается тогда въ головѣ червяка.

Digitized by Google

и наплавокъ утащитъ; рыбакъ дернетъ—и пол-червяка безвредно останется во рту рыбы. Разумѣется, чѣмъ меньше удочка, тѣмъ меньше насаживается червякъ. Для большой рыбы на одинъ и тотъ же крючокъ насаживаютъ по нѣскольку навозныхъ червей, даже по десятку и болѣе, прокалывая ихъ поперегъ и спрятавъ жало въ одномъ изъ червей: это называется удить на *кучу глистъ*.

2) *Земляной червь*, фигурой совершенно сходный съ червякомъ навознымъ; онъ длиною бываетъ вершка въ три и даже четыре, а толщиною почти въ мизинецъ; цвѣта блѣдно-коричневаго, самые же крупные—коричневаго. Земляные черви насаживаются не совсѣмъ такъ, какъ навозные. Насадка дѣлается двумя способами: или проколоть червяка пониже головы пальца на полтора, весь крючокъ помѣстить въ остальной его части, а плечики крючка спрятать въ скважинѣ, или насаживать съ хвоста, отступя пальца на два и болѣе, острый конецъ крючка скрыть въ головѣ червяка, которая будетъ нѣсколько висѣть, а тупой—въ его серединѣ. Многіе предпочитаютъ второй способъ, утверждая, что рыба охотнѣе беретъ червяка съ головы; но я не могу вполнѣ съ этимъ согласиться. По моему замѣчанію, мелкая рыба жаднѣе беретъ червяка съ хвостика, а крупная, особенно окунь, какъ случится, и всего чаще поперегъ. Этой породы червей я не видывалъ въ Оренбургской губерніи, а здѣсь, около Москвы, ихъ очень много. Удочки надобно употреблять самаго большаго размѣра. Язи, головли, лини и особенно окуни берутъ на этого червя очень хорошо; онъ имѣетъ и ту выгоду, что мелкая рыба его не трогаетъ.

Есть еще глиста или червякъ, тоже земляной. Онъ отличается отъ обѣихъ породъ червей, сейчасъ описанныхъ: онъ бѣлесоватъ, очень длиненъ, но не толстъ; тѣло его прахово и легко рвется; онъ пригоденъ для насадки среднихъ удочекъ. Обѣ породы земляныхъ червей не живутъ въ навозѣ, а въ землѣ. Вторыхъ можно вездѣ найдти, а первыхъ—иногда очень трудно: въ сухое время они уходятъ глубоко въ землю, и только послѣ дождя вылѣзаютъ наружу, особенно ночью. Любимое ихъ мѣстопребываніе—рыхлыя гряды въ огородѣ: тамъ, послѣ дождя, можно запастись ими надолго; но для сбереженія, надобно держать ихъ въ большомъ глиняномъ горшкѣ, засыпавъ сверху, вершка на два, обыкновенной землей; гор-

Digitized by Google

шокъ должно ставить въ подвалъ, и на уженье брать червей понемногу. Такимъ образомъ можно сохранять ихъ нѣсколько дней, даже недѣлю, въ сильные жары.

3) Въ Москвѣ-рѣкѣ, въ рѣчкахъ, въ нее впадающихъ, и въ заливаемыхъ ею озерахъ, водится маленькій червякъ, называемый *мотыль*,—вѣроятно отъ того, что, состоя весь изъ крошечныхъ суставовъ, онъ мотается во всѣ стороны. Насаживать его очень хлопотно, ибо, какъ скоро вы его проколете, то изъ него вытечетъ красная влага и останется одна прозрачная кожица. Несмотря на то, туземные рыбаки умудряются насаживать мотылей на маленькія удочки: прокалывая двухъ или трехъ поперегъ, въ четвертомъ искусно прячутъ жало. Всякая мелкая рыба клюетъ на нихъ очень охотно, именно лѣтомъ, когда плохо беретъ на червяка навознаго; но возня съ ними очень скучна.

4) Есть еще довольно большой, толщиною въ палецъ, длиною въ вершокъ, съ красною, жесткою головою, *бѣлый червь*, въ Симбирской губерніи называемый *сальникомъ*, а около Москвы, Богъ знаетъ почему, *угремъ*. Это гусеница навознаго жука. Онъ насаживается точно такъ же, только всегда съ головы, какъ и обыкновенный червь, съ тою разницею, что находящуюся въ нижней его части дрянь надобно слегка выдавить и червяка сполоснуть, а не то онъ въ водѣ скоро весь поснѣетъ и даже почернѣетъ. На него охотно берутъ крупные язи, окуни, особенно головли. Мелкихъ же сальниковъ, называемыхъ *мологиниками*, насаживаютъ не выдавливая.

Всѣ породы червей надобно сберегать въ ящичкахъ, деревянныхъ или металлическихъ, которые бы плотно задвигались и были наполнены землею, всегда влажною: излишняя мокрота и сухость равно имъ вредны; всего лучше такіе ящички, послѣ уженья, ставить на погребицу, или въ другое сырое и прохладное мѣсто.

5) Раки составляютъ во всякое время отличную насадку и приманку для рыбы въ тѣхъ водахъ, гдѣ они водятся; въ водахъ же, гдѣ ихъ нѣтъ, рыба на нихъ не беретъ, но вѣроятно можно пріучить. Обыкновенно употребляютъ облупленныя, сырыя раковыя шейки, но можно употреблять и внутреннія стороны рака и его клещенки; жаль только, что эту превосходную насадку немилосердно треплетъ плотва, и гдѣ

Digitized by Google

ея очень много, тамъ она выведетъ изъ терпѣнья всякаго терпѣливаго рыбака. Можно удить и на вареныхъ раковъ: рыба беретъ на нихъ хуже, но плотва не станетъ такъ сильно трепать и раздергивать эту насадку. Самый же лакомый кусокъ, на который съ жадностью бросается всякая крупная рыба, есть ракъ *линючій*. Всѣмъ извѣстно, что раки линяютъ, то-есть, перемѣняютъ свою скорлупу, лѣтомъ въ іюнѣ и въ іюлѣ мѣсяцѣ *). Это время ихъ болѣзни, и потому они сидятъ въ норахъ, откуда надобно вытаскивать ихъ руками. Линочій ракъ тогда готовъ для насадки, когда можно съ него и со всѣхъ его частей, даже съ ножекъ, слупить осторожно старую жесткую скорлупу; подъ нею останется тонкая, молодая кожица, и онъ сдѣлается такъ нѣженъ и мягокъ, что самаго огромнаго рака можетъ заглотать и язь, и головль, и линь, у котораго ротъ очень малъ, относительно его величины. Всѣ роды большихъ рыбъ, не исключая и хищныхъ, до невѣроятности жадны до линючаго рака. Онъ насаживается цѣлый, исключая клешни, которыя составляютъ особую лакомую насадку. Сначала крючокъ продѣвается сквозь середину шейки, начиная съ ея конца, вдоль по кишечному каналу, и вынимается вонъ внизу, возлѣ первыхъ двухъ ножекъ, такъ что шейка остается продѣта поводкомъ; отступя на пол-пальца, крючокъ снова впускается весь во внутренность рака, и жало его выходитъ нѣсколько наружу возлѣ рачьихъ глазъ. Поводокъ легонько выправляется, и ракъ получаетъ свою естественную длину и фигуру. Эту насадку надобно дѣлать очень искусно: если вы прорвете гдѣ-нибудь молодую кожу, и жидкая внутренность рака выйдетъ наружу, то жадная и дерзкая плотва сейчасъ начнетъ щипать за прорванное мѣсто и совершенно испортитъ вашу насадку.

Клещенки или клешни у крупныхъ раковъ отрываютъ у самаго туловища, во всю ихъ длину, не повредивъ нигдѣ ни маленькаго кончика, очищаютъ отъ старой кожи и также осторожно насаживаютъ съ верхняго узкаго конца на крючокъ, который прячется въ самой клешнѣ при ея раздвоеніи: она расправляется на поводкѣ и имѣетъ видъ вытянутой длин-

*) Не утверждаю, но мнѣ сказывали, что въ иныхъ мѣстахъ раки линяютъ два раза въ годъ.

Digitized by Google

ной женской перчатки. На нее очень жадно беретъ рыба средней величины и даже крупная.

Если линючій ракъ уже прорванъ, то можно насаживать его по частямъ, то-есть: шейку особо, туловище разрѣзать вдоль пополамъ и каждую половинку употреблять также особо, наблюдая при насадкѣ общее правило. Эти половинки рачьяго туловища покрыты съ внутренней стороны какимъ-то мохомъ; большіе окуни жадно берутъ на нихъ. Уженье на такую насадку называется «уженьемъ на *рачій мошокъ*». Всѣ раковыя насадки надобно часто вынимать и осматривать, если наплавокъ не совершенно спокоенъ: онѣ легко портятся отъ прикосновенія мелкой рыбы, то есть, жало крючка высовывается наружу.

Раковъ всего лучше имѣть живыхъ; но какъ это не всегда возможно (впрочемъ, раки живутъ безъ воды дня два и три), то надобно очистить шейки и сохранять ихъ въ жаркое время на льду.

6) *Печеный хлѣбъ* и *хлѣбныя зёрна*. Ржаной хлѣбъ, мягкій, умятый руками до степени липкаго тѣста, скатанный нѣсколько кругловатыми шариками, составляетъ также весьма употребительную насадку, особенно у крестьянъ, живущихъ по рѣкамъ, изобильнымъ рыбой. Величина шариковъ бываетъ различная, смотря по величинѣ крючка и рыбы, какую желаешь поймать: отъ мелкой горошенки до небольшаго грецкаго орѣха. Всего охотнѣе беретъ на хлѣбъ плотва, но беретъ также и всякая другая рыба, исключая породъ хищныхъ, также ершей и гольцовъ. Хлѣбная насадка, кромѣ удобства ея приготовленія, имѣетъ двѣ выгоды: а) клёвъ на нее вѣрнѣе, ибо круглый кусочекъ хлѣба нельзя таскать съ мѣста на мѣсто безнаказанно, какъ это часто дѣлаетъ рыба съ хвостомъ насаженнаго червяка; и б) отъ васъ зависитъ, насадивъ большой кусокъ хлѣба, величиною съ грецкій небольшой орѣхъ, защитить тѣмъ себя отъ дерганья мелкой рыбы и ждать спокойно крупной, чего нельзя сдѣлать ни съ шейкой нелинючаго рака, ни съ червякомъ. Можно удить на ситный и бѣлый хлѣбъ, но ржаной болѣе имѣетъ запаха, и рыба охотнѣе беретъ на него.

Хлѣбныя зёрна овса, ячменя, гороха, а всего лучше пшеницы, употребляются предварительно распаренныя въ горячей

Digitized by Google

водѣ, отчего они дѣлаются крупными, мягкими и удобными для протыканія жаломъ крючка. Насаживаютъ по одному зерну, по два и по три, смотря по ихъ мягкости, величинѣ и по рыбѣ. Тутъ особенно надобно наблюдать, чтобы остріе крючка выходило свободно. На зёрна преимущественно ловится рыба заранѣе прикормленная. Рыба беретъ всякая, кромѣ породъ хищныхъ, и даже весьма крупная.

7) *Живецъ, животка,* или мелкая живая рыбка. На мелкую рыбку беретъ окунь, щука, шересперъ или жерихъ, судакъ и головль. На рыбку беретъ охотно и налимъ, но только по ночамъ; на маленькіе кусочки изрѣзанной рыбки, поздно осенью, клюетъ плотва-красноперка. Рыбку обыкновенно насаживаютъ, впуская въ ея спинку острый конецъ крючка, отъ головки къ хвостику. Многіе охотники задѣваютъ крючкомъ за губу живца, и утверждаютъ, что этотъ способъ гораздо лучше, что насаженная такимъ образомъ рыбка ходитъ бойчѣе, долѣе живетъ и лучше приманиваетъ хищную рыбу. Все это отчасти и правда, но не менѣе правда и то, что рыбка, задѣтая за губу, часто срывается сама и еще чаще отрывается, если схватитъ ее не самая крупная хищная рыба и не вдругъ всю заглотаетъ. Для насадки употребляются всѣ породы рыбъ, кромѣ хищныхъ; въ случаѣ крайности можно и ихъ употреблять, разумѣется, покуда онѣ очень малы; пескари же, гольцы и лошки во всѣхъ своихъ возрастахъ служатъ превосходными живцами. Мелкую рыбку для насадки надобно сохранять живою, что̀ довольно трудно. Самый простой способъ — держать ее въ ведрѣ съ водою, которую перемѣнять какъ можно чаще, а всего лучше въ маленькой плетеной сажалкѣ, которая можетъ подлѣ васъ стоять, или плавать въ водѣ; но переносить эту сажалку съ мѣста на мѣсто неудобно.

8) *Кобылки, жуки, мухи.* Всѣ роды кобылокъ употребляются для уженья: отъ саранчи до кузнечика. Всего охотнѣе, какъ мнѣ случалось замѣтить, беретъ крупная рыба на большую зеленую кобылку, а средняя и мелкая — на сѣренькую, очень маленькую. Удить надобно съ легкимъ грузиломъ и не рано, а около полденъ, когда рыба гуляетъ по верху. Можно даже совсѣмъ снять грузило и пустить наплавокъ какъ можно мельче, иногда вершка въ три глубиною, обращая та-

Digitized by Google

кимъ образомъ обыкновенную удочку въ наплавную. Всѣ породы насѣкомыхъ насаживаются однимъ способомъ: крючокъ впускается въ спинку отъ головки къ хвостику. Этотъ родъ уженья бываетъ успѣшнѣе въ водахъ чистыхъ и довольно быстро текущихъ, особенно въ рѣкахъ *степныхъ*, потому что въ степяхъ болѣе водится кобылки, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и рыба привыкла къ ней, часто попадающей въ воду.

Жуки употребляются для уженья такъ называемые *майскіе*, но въ средней полосѣ Россіи они появляются въ іюнѣ и держатся до половины іюля, и потому напрасно называются майскими. На нихъ берутъ язи и головли. При насадкѣ ихъ надобно наблюдать, чтобы верхнія, жесткія крылышки были приподняты и изъ-подъ нихъ торчали ихъ вторыя крылья, длинныя, мягкія и прозрачныя. Нѣкоторые охотники даже отрываютъ верхнія, жесткія крылья.

Обыкновенныя *мухи* составляютъ лакомую приманку для мелкой рыбы; она жадно беретъ на нихъ съ весны до осени, на удочку наплавную или накидную; изрѣдка беретъ рыба и порядочной величины, особенно головли.

Надобно, чтобы мухи и всякія насѣкомыя, употребляемыя для насадки, были свѣжія, живыя; для чего слѣдуетъ ихъ наловить передъ самымъ уженьемъ и посадить въ чистый, сухой, стеклянный пузырекъ, потому что въ мокромъ, или имѣющемъ какой-нибудь запахъ, онѣ тотчасъ перемрутъ.

Можно удить на коромысловъ, бабочекъ, летучихъ таракановъ, однимъ словомъ, на всѣхъ насѣкомыхъ и даже на улитокъ (слизней). Удятъ также всякую крупную и хищную рыбу на кусочки сыраго мяса.

Я не употреблялъ самъ, но слыхалъ, что насаживаютъ крючки «*зеленью*», то есть водянымъ цвѣтомъ, когда онъ сдѣлается довольно густъ.

За неимѣньемъ другой насадки, случилось мнѣ одинъ разъ (на рыбной рѣкѣ, *Демѣ*, въ Оренбургской губерніи) попробовать насадить крючокъ кишечкой кулика, и рыба брала всякая!... Я пробовалъ тоже раза два въ другихъ мѣстахъ, и всегда съ успѣхомъ. Я ловилъ мелкую рыбу, потому что удилъ на тонкія кишечки, а на толстыя, можетъ быть, брала бы и крупная рыба.

Digitized by Google

И такъ у насъ готовы не только удочки, но и всякая насадка: надобно выбирать мѣста для уженья.

О ВЫБОРѢ МѢСТА.

Если вы случайно заѣдете, или постоянно живете на такой мѣстности, гдѣ на рѣкѣ есть мельница и прудъ— спѣшите туда: тамъ найдете вы самое разнообразное уженье и приволье въ выборѣ мѣста, о чемъ я буду говорить ниже. Я долженъ признаться, что пристрастенъ къ запруженной рѣкѣ. Видъ пруда и мельницы, стукъ ея снастей, шумъ падающей воды — приводятъ въ тихое и сладкое волненіе душу стараго рыбака. Чѣмъ-то дорогимъ прошедшимъ глядятъ воды и водяныя травы, шумятъ вертящіяся колёса, дрожитъ мельничный амбаръ и пѣнятся кипящія подъ нимъ волны! Кустами обросшая плотина, дорожки, протоптанныя прохожими, помольцами и хозяевами, переходы черезъ воду изъ жердочекъ — все говоритъ о чемъ-то давно знакомомъ, близкомъ сердцу. Гдѣ мельница — тамъ и рыба. Прудъ ея— притонъ и гульбище! Тамъ много всякой пищи, тамъ привольно метать икру и выводиться маленькой рыбешкѣ. Около мельницы, во всѣ времена года, во всякую пору дня, охотникъ найдетъ и достанетъ рыбу. Въ раннюю весну, въ позднюю осень, въ дурную погоду—она держится больше въ материкѣ, въ верховьяхъ пруда; въ теплое время, въ лѣтніе жары — она гуляетъ по полямъ, въ травахъ и камышахъ; въ холодное ненастье — жмется по теченію материка къ теплой навозной плотинѣ; но особенно любитъ она держаться въ ямахъ, подъ спусками вешняка или подъ водяными колесами. Напрасно низвергающійся потокъ относитъ назадъ стаи мелкихъ рыбокъ; онѣ сторонкой безпрестанно возвращаются на самую быстрину, и хищныя породы рыбъ хватаютъ мелюзгу, обезсиленную борьбою съ стремленіемъ воды. Рыбакъ вскарабкается на мокрый лежень, на которомъ тяжело ходитъ мельничный валъ, и подъ навѣсомъ водяныхъ трубъ, оброс-

Digitized by Google

шихъ зеленымъ мохомъ, подъ каплями и нитями просачивающейся воды, вздрагивая на своемъ мѣстѣ при каждомъ оборотѣ колеса — бросаетъ удочку, насаженную червякомъ, или всего лучше рыбкой, въ самую быстрину, въ волны и пѣну— и таскаетъ жадныхъ окуней и небольшихъ щукъ.... Но сказавъ о мельницѣ, какъ о выгодномъ мѣстѣ въ частности, обращаюсь къ выбору мѣстъ для уженья вообще.

Выборъ мѣстъ бываетъ различенъ не только по времени года, но и по времени дня. Весною, пока вода еще нѣсколько мутна, рыба бродитъ зря, какъ говорятъ охотники, и клюетъ вездѣ, на всѣхъ глубинахъ: ибо берега рѣкъ еще не опредѣлились, не заросли по мѣстамъ густою осокой, аиромъ или камышомъ; еще не поднялись со дна водяныя травы, не всплыли лопухи; береговыя деревья и кусты не одѣлись листьями, не покрыли прозрачныя воды тѣнью зеленаго навѣса, маня рыбу пищею во всякое время и прохладою въ полдень.

При раннемъ весеннемъ уженьѣ, которое можетъ иногда начинаться въ исходѣ апрѣля, когда въ рѣкахъ еще много воды и онѣ бѣгутъ быстрѣе обыкновеннаго—надобно грузило прибавить, чтобы крючокъ опускался какъ можно глубже, потому что удить приходится въ *натяжку*, то-есть, леса стремленіемъ воды будетъ натягиваться, и крючокъ не будетъ касаться дна, а это весной необходимо. Рыба жмется обыкновенно ко дну, къ берегамъ, особенно крутымъ, гдѣ теченіе потише. Мѣста надобно выбирать не мелкія и не слишкомъ глубокія; крючокъ съ насадкой червя навознаго, или земляного (на хлѣбъ удить на быстрякахъ неудобно) отъ сильнаго теченія будетъ прибивать къ берегу, и потому должно такъ класть или втыкать удилище, чтобы насадка только касалась берега и чтобъ леса и наплавокъ не ложились на него; въ противномъ случаѣ они станутъ, при подсѣчкѣ, задѣвать за берегъ, а это никуда не годится: рыба, хватая играющую насадку съ набѣга, сейчасъ встрѣтитъ упоръ отъ задѣвшей лесы или наплавка и сейчасъ броситъ крючокъ, да и подсѣчка никогда не можетъ быть вѣрна: ибо рука охотника встрѣтитъ такое же препятствіе, и подсѣчка не можетъ сообщиться мгновенно крючку. Когда вода еще не совсѣмъ слила и не просвѣтлѣла, трудно достать раковъ, насѣкомыхъ

Digitized by Google

еще никакихъ нѣтъ, и потому единственная насадка — черви; но какъ скоро рѣка войдетъ въ *межéнь* и образуются тихія мѣста, то на нихъ всякая нехищная рыба очень охотно станетъ брать на хлѣбъ.

Въ рѣкахъ не запруженныхъ, текущихъ вольно, собственною массою воды, обыкновенно выбираютъ для уженья *омуты*, то-есть глубокія мѣста, гдѣ вода вдругъ теряетъ свою быстроту, падая въ яму; потомъ, завертывая назадъ около берега, она встрѣчается съ верхнею, текучею струею, борется съ нею и наконецъ теряетъ свое стремленіе: изъ этой борьбы образуется тишина; въ такихъ тихихъ омутахъ постоянно держится рыба.

Лѣтомъ надо выбирать глубину умѣренную, дно песчаное, или хрящеватое (то-есть, состоящее изъ мелкихъ камешковъ), идущее отъ берега покато и отлого въ глубину; на такихъ мѣстахъ хорошо удить рано утромъ и поздно вечеромъ. Еще лучше, если вода аршина на два отъ берега проросла травою и накрылась ея листьями, какъ бы зеленымъ ковромъ. Тутъ много выгодъ для охотника. Тутъ есть для рыбы и пища и защита отъ яркаго солнца; а главное, тутъ не видно рыбака, сидящаго на берегу, и ловко ему положить свои длинныя удилища на травянистую ткань. Глубокія мѣста, обросшія круглыми, какъ тарелки, зелеными лопухами, представляютъ тѣ же выгоды. Мѣста, гдѣ деревья зелеными вѣтвями своими наклонились надъ водою, гдѣ гибкіе кусты омываютъ длинные листья свои въ прозрачныхъ струяхъ, тихо ропщущихъ отъ ихъ прикосновенія, — благонадежны для уженья не очень ранняго и не очень поздняго: ибо въ это время рыба, уже поднявшись со дна, ходитъ на умѣренной глубинѣ и очень любитъ держаться около зелени листьевъ. Охотники хорошо это знаютъ, и на рѣкахъ и озерахъ, берега которыхъ совершенно голы, прибѣгаютъ къ хитрости, устроиваютъ искусственную зелень: срубаютъ вершину какого-нибудь молодаго дерева (если оно мало, то два и три) или цѣлый кустъ тальнику, вербы, выбираютъ удобное для уженья мѣсто, и кладутъ ихъ на воду, погрузивъ до половины и воткнувъ нижніе, заостренные концы въ берегъ. Мелкая рыба не замедлитъ броситься къ зеленымъ листьямъ, а за ней придетъ и крупная. Дня въ два рыба привыкнетъ держаться около кустовъ, которые, впослѣдствіи,

Digitized by Google

когда листья поблекнутъ, можно перемѣнять по ночамъ. Также поступаютъ и на большихъ рѣкахъ, гдѣ удятъ съ лодки, привязавъ къ ней связку вершинъ древесныхъ, или кустъ. Если мѣсто не такъ глубоко, то лодка стоитъ на *приколѣ*, то-есть, привязанная къ длинному колу, воткнутому во дно; если же глубоко, то лодка держится на веревкѣ съ камнемъ, опущеннымъ на дно.

Осенью, для уженья крупной рыбы, по утрамъ и вечерамъ, надобно выбирать самыя глубокія мѣста; но около полудня рыба уже не прячется отъ солнечнаго зноя, какъ лѣтомъ, подъ траву, кусты, тѣнь нависшихъ береговъ и даже тѣнь мостовъ; напротивъ, обрадовавшись теплотѣ солнечныхъ лучей, она стаями выплываетъ на поверхность воды, хватаетъ падающіе на нее увядающіе листья и всякихъ насѣкомыхъ. Тутъ надобно удить какъ можно мельче и предпочтительно на всякихъ насѣкомыхъ.

Есть осеннее уженье «нахлыстомъ», какъ выражаются рыбаки, котораго мнѣ не довелось испытать, — но которое, говорятъ, бываетъ очень удачно. Оно особенно выгодно и пріятно потому, что въ это время, другими способами уженья, трудно добывать хорошую рыбу; оно производится слѣдующимъ образомъ: въ маленькую рыбачью лодку садятся двое; плывя по теченію рѣки, одинъ тихо правитъ весломъ, держа лодку въ разстояніи двухъ-трехъ саженъ отъ берега; другой безпрестанно закидываетъ и вынимаетъ наплавную удочку съ длинной лесой, насаженную червякомъ, кобылкой (если онѣ еще не пропали), или мелкой рыбкой; крючокъ бросается къ берегу, къ травѣ, подъ кусты и наклонившіяся деревья, гдѣ вода тиха и засорена падающими сухими листьями: къ нимъ обыкновенно поднимается всякая рыба, иногда довольно крупная, и хватаетъ насадку на ходу. Вѣроятно, вмѣстѣ съ сухими листьями падаютъ въ воду какія-нибудь насѣкомыя, и потому паденіе листьевъ привлекаетъ рыбъ. Я много разъ самъ наблюдалъ, какъ хватаетъ рыба упавшіе листья и уноситъ въ глубь: нѣкоторые листочки всплываютъ, а другіе пропадаютъ; можетъ быть, рыба глотаетъ тѣ изъ нихъ, которые еще зелены. Въ тихое время и на тихой водѣ, въ верховьяхъ прудовъ, гдѣ материкъ стоитъ наравнѣ съ берегами, обросшими лѣсомъ, листья застилаютъ воду иногда такъ густо, что

Digitized by Google

трудно закинуть удочку, и если грузило легко, то крючокъ съ насадкой будетъ лежать на листьяхъ; разумѣется, надобно добиться, чтобы крючокъ опустился и наплавокъ всталъ; удить надобно всячески, то-есть и очень мелко и глубоко, потому что рыба иногда беретъ очень высоко, подъ самыми листьями, а иногда со дна. Это уженье имѣетъ одну невыгодную сторону: въ листьяхъ трудно разглядѣть наплавокъ; но за то рыба охотно и смѣло беретъ подъ лиственнымъ покрываломъ, и прозрачность осенней воды въ этомъ случаѣ помогаетъ успѣшному уженью: ибо рыба издалека видитъ упавшую въ воду насадку, а человѣка не видитъ.. Берутъ по большей части окуни, средніе головли, язи и крупные ельцы. Впрочемъ, можетъ взять и всякая рыба. Пріятность этого уженья состоитъ въ томъ, что оно спокойно и что въ позднее осеннее время нельзя въ другихъ мѣстахъ выудить никакой порядочной рыбы, кромѣ хищной, а изъ-подъ листьевъ мнѣ случалось выуживать хорошихъ язей, головлей и очень крупную плотву: послѣдняя брала на хлѣбъ, а первые на крупныхъ земляныхъ червей.

Во всякое время года выгодны для уженья *перекаты* (мелкія мѣста рѣки), устья впадающихъ рѣчекъ и ручьевъ, ямы, выбитыя паденіемъ воды подъ мельничными колесами и вешняками. Перекаты,—проходное мѣсто рыбы, переплывающей изъ одного омута въ другой, скатывающейся внизъ, когда вода идетъ на убыль, и стремящейся вверхъ, когда вода прибываетъ, — перекаты всегда быстры, слѣдовательно удить надобно со дна и съ тяжелыми грузилами. Теченіе воды будетъ тащить и шевелить насадку на крючкѣ, и проходящая рыба станетъ хватать ее.

При устьяхъ впадающихъ рѣчекъ и ручьевъ всегда держится мелкая рыбешка, а около нея держатся всѣ породы хищныхъ рыбъ: щуки, жерихи, судаки, окуни и даже головли, которые, несмотря на свою нехищную, повидимому, породу, очень охотно глотаютъ маленькихъ рыбокъ. Въ глубокихъ ямахъ, выбиваемыхъ паденьемъ полой воды подъ вешняками или скрынями, всегда водится много крупной рыбы. Подъ шумомъ воды, падающей съ мельничныхъ колесъ, также всегда стоитъ рыба, хотя и не такъ крупная.

Изъ всего этого не слѣдуетъ заключать, что только въ

Digitized by Google

мѣстахъ, мною исчисленныхъ, должна клевать рыба. Гдѣ есть вода, тамъ, она можетъ плавать, слѣдственно, и брать на удочку. Рыба пользуется этой свободой, и нерѣдко клёвъ ея бываетъ такъ прихотливъ, что приводитъ въ недоумѣніе опытнаго рыбака.

До сихъ поръ мы говорили о рѣкахъ. О выборѣ мѣстъ въ небольшихъ рѣчкахъ и ручьяхъ, гдѣ ловятся на удочку форель (пеструшка), кутема и лохъ, нечего сказать особеннаго: такія мѣста, то-есть небольшіе омуточки или ямки, перемѣняются безпрестанно, и объ этомъ будетъ сказано въ статьѣ объ уженьѣ форели. Выборъ мѣстъ для уженья въ проточныхъ прудахъ, заросшихъ травою и камышами, имѣетъ свои особенности. Уженье въ ихъ материкѣ (материкомъ называется русло настоящей рѣки) есть уженье рѣчное. Тутъ нѣтъ выбора мѣстъ, зависящаго отъ положенія береговъ, ибо вода затопила ихъ и стоитъ выше земной поверхности на аршинъ, иногда и болѣе; тутъ надобно знать положеніе дна, замѣтивъ его при спускѣ полой воды, или, если этотъ прудъ вамъ незнакомъ, ощупавъ дно рыбачьимъ лотомъ: лотомъ называется маленькая гиря, или большая свинцовая пуля, привязанная на длинный шнурокъ. Отлогое дно, идущее отъ берега въ глубину, твердое, не заросшее травою, не имѣющее задѣвовъ, безъ сомнѣнія, есть самое лучшее мѣсто; но здѣсь уженье производится уже съ лодки, или съ нарочно устроенныхъ для того мостковъ или плота. Для уженья *въ полояхъ*, то-есть въ разливѣ пруда, проросшаго травой и камышами, какъ это особенно бываетъ въ губерніяхъ черноземныхъ, надобно выбирать мѣстечки поглубже, не заросшія травой или камышомъ. Лѣтомъ вся рыба бросается туда, и полои дѣлаются единственнымъ и обильнѣйшимъ мѣстомъ для уженья, о чемъ мы поговоримъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ. Въ озерахъ, если берега ихъ обросли травою и кустами, выборъ мѣстъ для ловли удочкой во многомъ сходенъ съ выборомъ мѣстъ въ рѣкѣ. Въ копаномъ прудѣ берега и дно вездѣ одинаковы, и потому можно удить, гдѣ угодно. Впрочемъ, всегда надобно соображаться съ привычками самой рыбы: гдѣ она больше держится, тамъ и удить. Опытъ лучшій указатель въ этомъ дѣлѣ.

Мѣста для уженья получаютъ особенныя достоинства отъ прикормки.

Digitized by Google

ПРИКОРМКА.

Прикормкою называются бросаемые въ воду хлѣбъ, хлѣбныя зёрна, квасная гуща, червячки и вообще все то, что ѣстъ рыба. Много есть рыбаковъ-охотниковъ, которые цѣлый вѣкъ удятъ безъ прикормки и даже не находятъ въ ней большой пользы, но послѣднее несправедливо: прикормка дѣло великое, и не только доставляетъ обильнѣйшій ловъ, но даетъ возможность выуживать рыбу въ такомъ мѣстѣ, гдѣ безъ прикормки вы бы никакъ ее не выудили, и въ такое время года, когда эта порода рыбы перестала уже брать. Разумѣется, мы говоримъ о прикормкѣ постоянной, которую хорошо приготовлять слѣдующимъ образомъ: берутся хлѣбныя зёрна ржи, овса, пшеницы, или какія есть; прибавляются отруби, корки ржанаго хлѣба, особенно пригорѣлыя (рыба далеко слышитъ ихъ запахъ), все это кладется въ чугунъ, наливается водой и ставится въ жаркую печь, сутки на двое, такъ чтобы совершенно разопрѣло.

Прикормки бываютъ *временныя* и *постоянныя*. Временною прикормкою мы называемъ бросанье оной во время уженья, или съ вечера наканунѣ, или передъ самымъ уженьемъ. Можно бросать и червей и раковъ, разщипанныхъ въ куски. Постоянною называется опущеніе въ воду, на самое дно, мѣшка съ прикормкою, сейчасъ мною описанною; величина мѣшка произвольная, но весьма достаточно, если онъ будетъ четверти $2^1/_2$ въ длину и $1^1/_2$ въ ширину. Мѣшокъ долженъ быть сшитъ изъ рѣдинки, такъ чтобы не только просачивалась жидкость, но и зёрна мѣстами высовывались. Мѣшокъ съ такою прикормкою, съ камнемъ для тягости, привязанный на веревочкѣ, опускается на самое дно въ избранномъ для уженья мѣстѣ. Мѣшокъ надобно класть недалеко отъ берега, такъ чтобы удочки ходили около него впереди, для того, чтобы подходящая къ прикормкѣ рыба прежде встрѣчала насаженные крючки. Мѣшокъ долженъ быть привязанъ шнуркомъ къ маленькому колышку, который втыкается въ берегъ, или подъ берегъ, такъ чтобы его нельзя было и примѣтить никому, и

Digitized by Google

чтобы только хозяинъ могъ его отыскать. Шнурокъ нуженъ во-первыхъ для того, чтобы, въ случаѣ надобности, можно было перенести мѣшокъ съ прикормкою на другое мѣсто; и во-вторыхъ для того, что если вы задѣнете за него удочкой, то можете вытащить мѣшокъ, и крючокъ отцѣпить, а безъ шнурка вы оторвали бы его. Задѣть можно при всей осторожности: сама рыба натащитъ. Мнѣ случилось одинъ разъ зацѣпить крючкомъ за мѣшокъ; я вытащилъ его посредствомъ шнурка, и нашелъ, пришпиленную къ нему крючкомъ моей удочки, плотицу.

Постоянная прикормка должна лежать съ недѣлю, прежде чѣмъ начнется уженье; очень полезно, сверхъ того, побрасывать всякій день прикормки особо, горсти по двѣ, по утрамъ или вечерамъ. Если сдѣлать такую прикормку съ весны, сейчасъ, какъ сольетъ вода, покуда не выросла трава около береговъ и на днѣ рѣки, пруда или озера, и не развелись водяныя насѣкомыя, слѣдственно въ самое голодное для рыбы время, то можно такъ привадить рыбу, что хотя она и высосетъ прикормку изъ мѣшка, но все станетъ приходить къ нему, особенно, если поддерживать эту привычку ежедневнымъ бросаньемъ прикормки въ одно и то же время; разумѣется, уже въ это время предпочтительно надобно и удить.

Прикормка постоянная имѣетъ еще ту выгоду, что менѣе приманиваетъ мелкой рыбы, чѣмъ временная.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что не только можно, но и должно на *то* удить, *чѣмъ* прикормлена рыба, то-есть: на хлѣбъ и на распаренныя хлѣбныя зёрна; но охотники рѣдко выдерживаютъ такую послѣдовательность и спѣшатъ предложить дорогимъ гостямъ вкуснѣйшія и любимѣйшія ими кушанья, какъ-то червей, раковъ и др. Въ оправданье охотниковъ можно сказать то, что на хлѣбъ и зёрна нѣкоторыя породы рыбъ, особенно хищныхъ, совсѣмъ не берутъ; за что же рыбакъ добровольно лишитъ себя возможности ихъ выудить, лишится разнообразія добычи, столь пріятнаго всякому охотнику?

Дѣлаются хлѣбныя прикормки съ конопляным масломъ, съ сыромъ; пришиваютъ къ мѣшку, завернувши въ тряпочку, маленькіе кусочки бобровой струи (даже привязываютъ ихъ къ крючкамъ): все это я пробовалъ, но никакой особенной

Digitized by Google

пользы не видѣлъ; хлѣбомъ же, или квасною гущею съ конопляным масломъ, по моему замѣчанію, скорѣе можно отвадить рыбу; я два раза испыталъ это очевидно на карасяхъ. Я увѣренъ, впрочемъ, что должна существовать такая лакомая пища для рыбы, которая имѣетъ силу непремѣнно собрать ее въ одно мѣсто: но покуда еще не сдѣлано этого важнаго открытія.

Хотя послѣ всего, мною сказаннаго, нельзя оспаривать, что постоянная прикормка очень выгодна для уженья; но, повторяю, есть охотники, которые предпочитаютъ уженье безъ прикормки. «Что за удовольствіе, говорятъ они, поймать рыбу, «которая посредствомъ долговременной привычки сдѣлалась «почти ручною, приваженною ѣсть кормъ, безъ всякаго опа«сенія, въ извѣстное время, какъ дворовая птица? Тутъ про«падаетъ искусство удить, тутъ почти равняется умѣющій съ «неумѣющимъ рыбакомъ; тутъ не нужны ни трудъ, ни за«бота, ни безсонныя ночи. Нѣтъ, изучить, отгадать мѣстопре«бываніе, свойство и вкусъ осторожной, пугливой, вольной «рыбы, привлечь и обмануть ее искусною насадкой, подсте«речь ея прикосновеніе къ крючку — вотъ въ чемъ наслаж«деніе рыбака! Одна такая рыба стоитъ десяти прикормлен«ныхъ!» Несмотря на то, что я много уживалъ съ прикормкой, продолжаю и теперь удить и защищаю ея выгоды, я долженъ признаться, что въ возраженіи противъ нея — много правды, если смотрѣть на уженье только съ его поэтической стороны.

ОБЪ УМѢНЬѢ УДИТЬ.

Нѣтъ, кажется, ничего проще, какъ взять удочку, насадить червячка или кусокъ хлѣба, закинуть въ воду и, когда погрузится наплавокъ, вытащить рыбу на берегъ. Все это правда, а не менѣе того и то правда, что существуетъ большое умѣнье удить рыбу. Для пріобрѣтенія вполнѣ этого умѣнья, надобно много опытности и даже нѣкоторыхъ

Digitized by Google

особенныхъ способностей. Напримѣръ, нужны: ловкость въ рукахъ и искусство сохранять натуральный видъ червяка, рака и насѣкомыхъ, насаживаемыхъ на крючокъ; острое зрѣніе для наблюденія за движеніями наплавка, иногда едва примѣтными и вовсе непонятными для непосвященнаго въ таинство уженья; нужно неразвлекаемое вниманіе, ибо клёвъ рыбы, смотря по временамъ года и по насадкѣ, безконечно разнообразенъ; нужны смѣтливость и догадка... Вы уже смѣетесь, вы подумали, любезные читатели, что я хочу исчислять всѣ качества, необходимыя ружейному охотнику, о которыхъ напечатано въ «*Совершенномъ егерѣ*», и дойду наконецъ до «*острыхъ, прямыхъ зубовъ*»? Хотя ихъ не худо имѣть каждому человѣку, но я скажу вамъ нѣчто другое. Настоящему рыбаку, охотнику-артисту, необходимо изученіе нравовъ рыбъ, а это самое трудное и темное дѣло, хотя рыбы живутъ и въ прозрачныхъ чертогахъ. Нравы ихъ должно отгадывать; данныхъ очень немного, и потому надобно имѣть и проницательность, и соображеніе, а сколько труда, безпокойства!... Вечерняя и утренняя заря—наилучшее время для наблюденія нравовъ рыбъ, относительно ихъ пищи, а лѣтомъ, какъ говорится, заря съ зарей сходится... и такъ наблюдателю немного часовъ останется спать.

Если бы кто-нибудь вздумалъ спросить меня, хотя ради шутки: что̀ я разумѣю подъ словами «*нравы рыбъ*»? то я отвѣчалъ бы, что подъ этими словами я разумѣю вообще природныя свойства рыбъ, то-есть: въ какихъ водахъ преимущественно любятъ жить такія-то породы рыбъ, что̀ составляетъ ихъ любимую пищу, въ какое время года и въ какое время дня держится рыба въ такихъ-то мѣстахъ, и проч., и проч.

Надобно признаться, что мы очень мало знаемъ эту любопытную сторону натуральной исторіи въ *жизни* обитателей водъ. Все, что мнѣ случалось читать, весьма неудовлетворительно, а иногда и очевидно не вѣрно. Разсказы рыбаковъ по ремеслу, которые, впрочемъ, рѣдко и мало занимаются ловлею на удочку, конечно, могутъ быть очень полезны; но эти люди часто смотрятъ съ отвращеніемъ на свое ежедневное, трудовое занятіе, работу, доставляющую имъ скудный кусокъ насущнаго хлѣба. У нихъ нѣтъ любви къ своему дѣлу, слѣдовательно, не можетъ быть вниманія и наблюдательности

Digitized by Google

образованнаго человѣка; но повторяю, что разсказами ихъ очень можно воспользоваться. Говоря о каждой породѣ рыбъ отдѣльно, я скажу все то немногое, что̀ знаю о ихъ нравахъ, также о клёвѣ и способахъ удить. Предупреждаю моихъ читателей, что хотя все, мною сказанное, будетъ совершенная правда, но легко можетъ оказаться неудачнымъ и даже безуспѣшнымъ въ исполненіи. Не только въ разныхъ водахъ, у однѣхъ и тѣхъ же породъ рыбъ бываютъ разные вкусы и свойства, но въ одной и той же рѣкѣ нравы ихъ измѣняются съ теченіемъ времени. Вѣроятно это зависитъ отъ измѣненія свойствъ воды, береговъ дна и обыкновеннаго рыбьяго корма. Напримѣръ: отъ усиленнаго народонаселенья, скотоводства, постройки мельницъ, вода дѣлается мутнѣе и теплѣе; берега теряютъ обросставшія ихъ прежде тра̀вы, въ разливахъ прудовъ выростаютъ новыя, свойственныя только водѣ мелкой и запруженной; породы рыбъ отчасти замѣщаются другими; рыба отъ сытнаго корма дѣлается не такъ жадна, а съ тѣмъ вмѣстѣ измѣняется ея клёвъ. И такъ мнѣ остается сказать только объ однихъ общихъ правилахъ относительно умѣнья удить.

Первое). Важнѣйшее дѣло въ умѣньѣ удить—умѣнье хорошо устроить удочки; объ этомъ уже было говорено, но я повторю вкратцѣ: удилище должно быть прямо, гладко. легко, ловко для подсѣчки, конецъ его гибокъ; леса должна быть ровна и ссучена не круто. Крутая леса будетъ свиваться, наплавокъ станетъ вертѣться, крючокъ съ насадкою приподниматься къ верху, и если въ этомъ положеніи возьметъ рыба, то, по большой части, случится промахъ. Это несносно на уженьѣ, и даже пугаетъ рыбу; такую лесу или надобно разсучить, что довольно хлопотно, или бросить. Узелки, которыми поводокъ привязанъ къ лесѣ и крючку, должны быть не велики, безъ махровъ; поводокъ долженъ идти отъ внутренней стороны крючка; крючокъ — хорошо загнутый, всегда острый: какъ скоро жало притупляется, сейчасъ перемѣнить крючокъ *); насадка свѣжая, живая, насажена искусно. Вся удочка должна быть соразмѣрна въ своихъ частяхъ, красива, даже изящна. Такая удочка — большая порука за успѣхъ.

---

*) Чтобы жало крючка не тупилось, надобно не втыкать его никогда въ удилище, что̀ дѣлается весьма часто.

Digitized by Google

Второе). Не менѣе важно умѣть пользоваться благопріятною погодою и временемъ дня. Самые драгоцѣнные часы для уженья — раннее утро. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ это время рыба голоднѣе, беретъ охотнѣе и смѣлѣе, потому что вода еще не такъ прозрачна, и что отъ того рыба заклевываетъ вѣрнѣе. Вечеромъ также рыба беретъ охотнѣе, чѣмъ въ продолженіе дня, особенно поздно вечеромъ: тогда и крупная рыба начнетъ смѣло ходить около береговъ, даже на мѣстахъ очень чистыхъ и мелкихъ, и хотя рыба ѣстъ во всякое время дня, но вечеромъ она жаднѣе ищетъ корма. Чѣмъ жарче погода, тѣмъ надобно удить ранѣе: среди лѣта, въ ясные знойные дни, едва блеснетъ бѣлая полоса на востокѣ, охотникъ долженъ быть на мѣстѣ уженья: мы разумѣемъ уженье крупной рыбы, и особенно на прикормленномъ мѣстѣ; покуда рыбакъ броситъ прикормку, разовьетъ и насадитъ старательно удочки, уже займется заря, начнутъ выскакивать пузыри со дна на поверхность воды отъ идущей со всѣхъ сторонъ рыбы, и клёвъ наступаетъ немедленно. Онъ не продолжается долго, часовъ до шести. Какъ только солнце хорошенько обогрѣетъ и лучи его поглотятъ утреннюю прохладу, ступайте на другое мѣсто удить среднюю или мелкую рыбу, или ступайте съ своею добычею домой и ложитесь спать. Въ дождливую и прохладную погоду не нужно начинать удить такъ рано, особенно весной и осенью, даже можно удить почти цѣлый день.

Третье). Весьма также важно знать, въ какихъ мѣстахъ, въ какое время года и въ какую погоду держится рыба. Можно получить объ этомъ нѣкоторое понятіе, прочтя все написанное мною; но узнать настоящимъ образомъ этого нельзя по одному описанію; тутъ необходимо знаніе опытное, собственное наблюденіе. Иногда мѣсто и время кажется очень хорошо, со всѣми выгодами, а рыбы нѣтъ, или она не беретъ; иногда совсѣмъ наоборотъ: рыба клюетъ и въ дурное время и на плохихъ мѣстахъ. Никакъ нельзя оспаривать, что у рыбы есть любимыя мѣста, повидимому, безъ всякой причины. Самые благопріятные дни для уженья—дни теплые, сѣрые, съ перепадающими дождями и особенно тихіе: при одномъ только уженьѣ окуней и плотвы, даже сильный вѣтеръ бываетъ иногда полезенъ. Въ знойные, безоблачные дни можно удить только рано поутру и поздно вечеромъ (о полдневномъ уженьѣ пого-

Digitized by Google

ворю особо); но въ сѣрые, съ перепадающими дождями дни можно удить цѣлый день. Хотя иногда набѣжитъ туча съ грозой и съ сильнымъ вихремъ, съ частымъ и крупнымъ дождемъ, который забьетъ ваши наплавки подъ траву, въ шумныя брызги и пузыри изрубитъ гладкую поверхность воды, взмутитъ ее, если она не глубока, отнесетъ длинныя плетеницы травъ туда, гдѣ ихъ не бывало, такъ измѣнитъ положеніе мѣста уженья, что вы сами его не узнаете... Но туча пронеслась, влажная, парная теплота разливается въ воздухѣ, мгновенно наступаетъ глубокая тишина, все приходитъ въ порядокъ: круглые, зеленые лопухи медленно отплываютъ на свое прежнее мѣсто, длинные листья прибрежной травы снова разстилаются широко надъ водою, и рыба, испуганная на время внезапнымъ возмущеніемъ стихій, съ новою жадностью бросается на ваши, между тѣмъ оправленные крючки. Теперь поговоримъ собственно о процессѣ уженья.

Четвертое). Охотникъ долженъ наблюдать возможную тишину и стараться, чтобы рыба его не видала, особенно, если вода свѣтла, мѣсто не глубоко и удочки закидываются недалеко отъ берега. На водѣ мутной, на значительной глубинѣ, также подъ шумомъ мельничныхъ колесъ, или падающей воды, и при далекомъ закидываніи удочекъ, можно наблюдать менѣе осторожности.

Пятое). Удочку должно закидывать, не шлепая по водѣ удилищемъ, всегда подальше, и потомъ привесть на то мѣсто, на которомъ вы назначаете держаться наплавку (не давъ крючку лечь на дно); закинутую же удочку никакъ не должно *подтаскивать* къ берегу; а если это нужно, то вынуть ее совсѣмъ и закинуть ближе: подтаскивая, сейчасъ задѣнешь за какую-нибудь неровность дна.

Шестое). Безъ надобности не должно часто вынимать удочки, особенно при уженьѣ крупной рыбы: этимъ можно испугать ее; но если безпрестанно дергаетъ мелкая рыба, то неминуемо должно часто вынимать и оправлять, или перемѣнять испорченную насадку; но дѣлать это слѣдуетъ осторожно и тихо.

Седьмое). Никогда не должно употреблять много удочекъ. Если вы удите со дна, можете закинуть три удочки, никакъ не болѣе, насадивъ ихъ разною насадкою, если она у васъ есть, и если мѣсто уженья просторно. При малѣйшемъ дви-

Digitized by Google

женіи наплавка, надобно сейчасъ положить руку на удилище, не пошевеля его съ мѣста, чтобы въ ту же минуту, какъ скоро рыба погрузитъ наплавокъ, или значительно потащитъ въ сторону, можно было ее подсѣчь. Если наплавки ходятъ на вѣсу, то болѣе двухъ удочекъ употреблять не должно: ибо тутъ иногда, вслѣдъ за первымъ движеніемъ, мгновенно слѣдуетъ погруженіе наплавка. И лишнее число удочекъ будетъ мѣшать; если же вы удите мелкую рыбу, которая беретъ часто посреди безпрестаннаго дерганья, то надобно удить на одну удочку и держать удилище въ рукѣ, иначе вы будете кидаться отъ одной удочки къ другой, и на обѣихъ пропускать время, благопріятное для подсѣчки.

Восьмое). Знаніе времени, поры для подсѣчки, безъ сомнѣнія, всего важнѣе въ умѣньѣ удить; но сдѣлать общее правило, когда надобно подсѣкать, невозможно: ибо у всякой рыбы особый клёвъ и особая подсѣчка, и та измѣняется по измѣненію характера клёва и времени года; хотя о ней будетъ сказано при описаніи каждой рыбы отдѣльно, но это дѣло такъ важно въ умѣньѣ удить, что о немъ стóитъ поговорить особенно. Я слыхалъ всегда отъ старыхъ, опытныхъ рыбаковъ, что всего нужнѣе дать рыбѣ *заклевать хорошенько*, то-есть: проглотить насадку вмѣстѣ съ крючкомъ и утащить наплавокъ на дно. Я долго и слѣпо этому вѣрилъ; но впослѣдствіи, при собственномъ внимательномъ наблюденіи, убѣдился, что это правило никакъ нельзя принимать безусловно. Въ отношеніи къ рыбамъ хищнымъ оно вѣрно всегда, наплавокъ точно погружается; но въ отношеніи къ другимъ породамъ рыбъ, особенно некрупнымъ, это правило вредно: онѣ не проглатываютъ, а берутъ насадку въ ротъ и плывутъ въ сторону, очень часто не утаскивая наплавка; если встрѣтится какое-нибудь препятствіе (и оно встрѣтится непремѣнно отъ упора натягиваемой лесы), особенно если рыба услышитъ жесткую спинку крючка, а всего болѣе, если уколется его жаломъ, то она сейчасъ выброситъ насадку вмѣстѣ съ крючкомъ И такъ *потяжка* наплавка, то-есть время, когда онъ поѣдетъ въ сторону, особенно при нѣкоторомъ наклоненіи нижняго конца — есть настоящая пора для подсѣчки. Подсѣкать должно всегда живо, но не слишкомъ сильно, всегда нѣсколько вверхъ и въ противоположную сторону той, куда рыба тащитъ наплавокъ.

Digitized by Google

Это послѣднее правило еще нужнѣе соблюдать, когда удишь со дна.

Девятое). Какъ можно надобно стараться, чтобы не класть удилищъ на воду и не погружать ихъ концовъ въ воду. Если позволяетъ мѣсто, то можно легонько втыкать концы удилищъ въ берегъ, или класть ихъ на береговую высокую траву, или подставлять подъ нихъ рогульки, которыя заблаговременно можно воткнуть у берега въ воду, на мѣстахъ, гдѣ вы постоянно удите. Это чрезвычайно нужно для скорости и вѣрности подсѣчки. Въ такомъ лишь случаѣ необходимо классть удилища на воду, если она, по отмели, далеко проросла травою, такъ что удилище едва достаетъ ея края, а иногда и не достаетъ. При такомъ неудобномъ уженьѣ надобно тащить заклевавшую рыбу, если можно, прочь отъ себя, или прямо до самой поверхности воды, и потомъ выкинуть на берегъ. Это дѣлается для того, чтобы рыба не запуталась въ травѣ, куда она (особенно крупная) сейчасъ бросается.

Десятое). Леса, отъ удилища до наплавка, особенно если она длинна, не должна слишкомъ много погружаться въ воду; она можетъ задѣть за что-нибудь на мелкомъ днѣ у берега, и вы сдѣлаете промахъ.

Одиннадцатое). Не должно вытаскивать рыбу съ одного пріема, изъ всей силы: у мелкой рыбы вы станете рвать губы и забрасывать такъ далеко на берегъ, что иногда не скоро въ травѣ и найдете, даже потеряете; а съ крупной рыбой можете порвать лесу или сломать удилище. Надобно быстро подсѣчь, и если рыба не велика, то легонько ее вытащить; если же вы послышите большую рыбу, то, послѣ подсѣчки, которая должна быть довольно сильна, чтобы жало крючка могло вонзиться глубже, надобно дать ей свободу ходить на кругахъ, не ослабляя лесы, и не вдругъ выводить на поверхность воды, а терпѣливо дожидаться, когда рыба утомится и сдѣлается смирна; тогда, смотря по удобству берега, или подведя поближе, взять ее рукою подъ жабры, если берегъ крутъ, — или вытащить ее таскомъ, если берегъ пологъ, для чего надобно отбѣжать назадъ или въ сторону. Впрочемъ, это непростительная вина удить, не имѣя съ собою сачка въ такихъ мѣстахъ, гдѣ можетъ взять крупная рыба. При вытаскиваніи крупной рыбы безъ сачка, увидѣвъ и услышавъ

Digitized by Google

ее, надобно подводить къ берегу, особенно крутому, въ такомъ положеніи, чтобы голова рыбы и верхняя часть туловища были наружи и приподняты къ верху: само собою разумѣется, что это можно сдѣлать съ толстой, крѣпкой лесою; въ противномъ случаѣ надобно долго водить рыбу сначала въ водѣ, потомъ на поверхности и подтаскивать ее къ берегу очень бережно, не приподымая уже головы рыбьей къ верху, и потомъ взять ее рукою, но непремѣнно *въ водѣ*.

Двѣнадцатое). Если возьметъ очень большая рыба, и вы не умѣете, или не можете заставить ее ходить на кругахъ въ глубинѣ, если она бросится на поверхность воды и пойдетъ прямо отъ васъ, то надобно попробовать заворотить ее въ бокъ, погрузивъ удилище до половины въ воду; если же это не поможетъ, и напротивъ рыба, идя вверхъ прочь отъ васъ, начнетъ вытягивать лесу и удилище въ одну прямую линію, то бросьте сейчасъ удилище въ воду. Это одно спасеніе: если вы станете упорствовать, то потеряете и рыбу и удочку: ибо безъ гиби, происходившей отъ конца удилища, леса непремѣнно и въ одну минуту порвется. Рыба утомится, плавая на брошенномъ вами удилищѣ, и прибьется или къ берегу, или запутается въ траву на мелкомъ мѣстѣ: тамъ можете вы удобнѣе взять ее руками.

Тринадцатое). При вытаскиваніи большой рыбы, никогда не должно брать рукой за лесу, хотя бы и казалось это очень удобнымъ: тутъ можетъ случиться та же потеря, о которой я сейчасъ говорилъ. Въ одномъ только случаѣ надобно прибѣгнуть къ этому средству: если у васъ переломится удилище очень высоко, тогда, нечего дѣлать, надобно поймать обломанный конецъ удилища и полегоньку подвесть рыбу къ мелкому мѣсту, или пологому берегу, и взявъ рукой за лесу на аршинъ или менѣе отъ рыбы, выволочь ее таскомъ на берегъ. Если же мѣсто глубоко и берегъ крутъ, то, подведя къ нему рыбу и придерживая на слаби лѣвою рукою за лесу— правою взять рыбу подъ жабры и выкинуть на берегъ, какъ уже и было мною сказано. Должно всегда помнить, что леса, особенно не толстая, только потому выдерживаетъ тяжесть большой рыбы, что она плаваетъ въ водѣ, что вода гораздо гуще воздуха, слѣдовательно лучше поддерживаетъ рыбу, и

Digitized by Google

что гибкій конецъ удилища служитъ, такъ сказать, продолженіемъ лесы.

Четырнадцатое). Если рыба на удочкѣ запутается въ травѣ, то никакъ ее не тащить; напротивъ, ослабить лесу и дать рыбѣ свободу выпутаться самой изъ травы, что̀ она почти всегда сдѣлаетъ: нужно только терпѣніе. Наплавокъ или леса сейчасъ вамъ покажетъ, что рыба пошла въ ходъ; тогда надобно проворно вывести ее на чистое мѣсто и далѣе поступать такъ, какъ я сейчасъ говорилъ. Если же по прошествіи долгаго времени рыба не отпутывается и слышно по рукѣ, что она крѣпко затянулась и задѣла на днѣ за корни травы или карягу, то надобно лѣзть въ воду и отцѣпить руками: тутъ сохранится иногда и удочка и рыба; или надобно достать длинный шестъ, вырѣзать на тонкомъ концѣ его углубленіе (родъ рогульки), и дойдя имъ по лесѣ до крючка и до корня травы, за которую онъ зацѣпилъ, легонько вырвать траву изъ дна, или отцѣпить отъ каряги; въ этомъ случаѣ рыбу уже трудно сохранить.

Пятнадцатое). Никогда не должно уходить съ мѣста, не попробовавъ поудить на удочки разной величины и разной глубины, и на всѣ роды насадокъ, какія у васъ есть. Рыба бываетъ непостижимо своенравна и прихотлива; по крайней мѣрѣ такъ кажется намъ по нашему невѣдѣнію: сколько разъ со мной случалось, что на удочку, хуже другихъ устроенную, не на мѣстѣ лежащую, на одинъ и тотъ же обрывокъ червяка или рака безпрестанно брала хорошая рыба, тогда какъ наплавки другихъ удочекъ, во всемъ ее превосходящихъ, съ живою, лакомою насадкой, лежали неподвижно; такимъ указаніемъ пренебрегать не должно, и не *мудрствуя лукаво*, совѣтую, оставя другія удочки, продолжать удить на ту, на которую беретъ; то-есть на *счастливую*, насаживая на нее не цѣлыхъ червей и раковъ, а небольшіе обрывки ихъ, и закидывая удочку на то же самое мѣсто. Кто знаетъ, можетъ быть положеніе дна такъ выгодно для лежанія насадки, что она видна со всѣхъ сторонъ?

Шестнадцатое). Хотя справедливо мнѣніе, признанное всѣми рыбаками, что рыба ходитъ высоко въ августѣ и сентябрѣ, а въ прочіе мѣсяцы ходитъ низко; но къ этому надобно прибавить, что состояніе погоды совершенно измѣняетъ

Digitized by Google

ходъ рыбы. Если погода стоитъ жаркая и солнечная, то еще въ исходѣ іюля рыба поднимается высоко и держится подъ навѣсомъ травъ, преимущественно широколистныхъ, что̀ продолжается въ августѣ и даже въ сентябрѣ — до наступленія холоднаго времени; впрочемъ, рыба опускается не столько отъ холодной погоды, какъ отъ дождей и сильныхъ вѣтровъ; вообще крупная рыба держится глубже мелкой. И такъ главнѣйшее правило состоитъ въ томъ, чтобы соображаться съ временами года и состояніемъ погоды: на дворѣ тепло, ясно и тихо — рыба гуляетъ вездѣ, даже по самымъ мелкимъ мѣстамъ (особенно вечеромъ), слѣдовательно тамъ и надобно ее удить; наступаетъ ненастье, особенно вѣтеръ — рыба бросается въ траву, прячется подъ берегами и кустами: должно искать ее тамъ; наступаетъ сильный холодъ — рыба становится на станы, то-есть раздѣляется по породамъ, собирается стаями и ложится на дно въ мѣстахъ глубокихъ: надобно преслѣдовать ее и тамъ, и удить очень глубоко. Такіе станы, извѣстные рыбакамъ, и зимою даютъ возможность, прорубя надъ ними проруби, удить рыбу, несмотря на стужу.

Кажется, я все сказалъ, что̀ болѣе или менѣе составляетъ умѣнье удить, или къ нему относится. Говоря сколько можно вообще, я не могъ избѣгнуть и частностей, которыя неминуемо должны повториться въ своемъ мѣстѣ.

Теперь слѣдуетъ сказать нѣсколько также общихъ замѣчаній о «клёвѣ» и причинахъ неудачи въ уженьѣ, зависящихъ отъ характера самого рыбака.

Рыба не всегда клюетъ одинаково. Никакъ нельзя ручаться, чтобъ превосходный клёвъ вдругъ не измѣнился. У рыбаковъ существуютъ на этотъ счетъ разныя мнѣнія. Одни говорятъ, что рыба перестаетъ брать передъ ненастьемъ, что она *слышитъ* ненастье, и я считаю это мнѣніе справедливымъ. Много разъ случалось мнѣ замѣчать, что въ прекрасную погоду вдругъ рыба переставала брать, и почти всегда, черезъ сутки или ближе, наступало упорное ненастье, то-есть сильные, продолжительные дожди съ холоднымъ вѣтромъ. Я замѣчалъ также, что рыба потомъ привыкала къ дурному времени и начинала опять брать, хотя не такъ хорошо, какъ прежде; за сутки же до наступленія вёдра, клёвъ возстановлялся прежній. Другіе рыбаки убѣждены, что рыба отлично

Digitized by Google

беретъ *«на молодую»* и очень плохо—на *«ущербъ мѣсяца»*. Съ этимъ согласиться я не могу, потому что мои наблюденія этого не подтверждаютъ. Вотъ положенія, выведенныя мною изъ многочисленныхъ опытовъ и не подлежащія сомнѣнію: 1) Рыба клюетъ жаднѣе, когда нѣтъ травы, и предпочтительно весной, сейчасъ по слитіи полой воды. 2) Чѣмъ жарче становится лѣтомъ, тѣмъ хуже клюетъ рыба, и въ сильные лѣтніе жары, — только самое раннее утро и поздній вечеръ могутъ дать рыбаку что-нибудь порядочное. 3) Въ серединѣ лѣта рыба очень неохотно клюетъ на *навознаго* червяка, а на хлѣбъ лучше, чѣмъ въ другое время года; всего же лучше — на рака, особенно линючаго. 4) Прохладная, не ярко-солнечная погода выгоднѣе для уженья лѣтомъ, потому что рыба менѣе гуляетъ и держится глубже на мѣстахъ, извѣстныхъ охотнику.

Никакъ нельзя спорить, что въ уженьѣ, какъ и вездѣ, многое зависитъ отъ счастья, и что есть счастливые рыбаки, также какъ есть счастливые игроки. Иначе мудрено будетъ объяснить ни на чемъ неоснованную удачу одного и ничѣмъ незаслуженную неудачу другаго. Но какъ счастливый игрокъ, безъ умѣнья, нерѣдко остается въ проигрышѣ, такъ и счастливый рыбакъ, безъ умѣнья, выуживаетъ мало. Вездѣ надобны твердость, терпѣнье и умѣнье воспользоваться счастіемъ. Нетерпѣливый рыбакъ, раздосадованный тѣмъ, что у его сосѣда-рыбака, на дурномъ мѣстѣ, на грубо устроенную удочку, на глупую, несвоевременную насадку, частехонько поклевываетъ рыба, а его удочки, мастерски устроенныя, по-охотничьи насаженныя, лежатъ неподвижно, нерѣдко бросаетъ выгодное прикормленное мѣсто, переходитъ на другое, на третье, пропускаетъ удобное время, и возвращается домой съ пустыми руками; тогда какъ сосѣдъ, перейдя на оставленное имъ мѣсто, несмотря на плохія удочки и неумѣнье удить (отчего, разумѣется, онъ потеряетъ половину рыбы), возвращается домой съ полнымъ кошелемъ. Впрочемъ, это болѣе касается до характера, а не до умѣнья удить. Вообще не должно никогда гнѣваться на неудачу. Я много знавалъ рыбаковъ, у которыхъ, если сначала что-нибудь не удавалось, напримѣръ: запутывалась или зацѣплялась удочка, а всего хуже, если срывалась первая хорошая рыба, то они, разсердясь, и

Digitized by Google

насаживать начнутъ дурно и подсѣкать станутъ рано и слишкомъ рѣзко, да и удить бросятъ. Такимъ образомъ, будучи сами кругомъ виноваты, эти нетерпѣливые охотники обыкновенно обвиняютъ свое несчастіе.

Объ уженьѣ на крючки съ готовыми, искусственными насѣкомыми я ничего не могу сказать, потому что сколько разъ его ни пробовалъ, пробы были неудачны.

Уженье форели (пеструшки), кутемы и лоха, или красули, имѣетъ совсѣмъ особенный характеръ, если производится на быстрыхъ мелкихъ рѣчкахъ; въ верховьяхъ же прудовъ, тѣхъ же самыхъ рѣчекъ, въ которыхъ иногда водятся эти породы рыбъ, оно ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго уженья, ибо вода уже въ нихъ глубока и не совсѣмъ прозрачна. Удить форель въ рѣчкахъ незапруженныхъ и мелкихъ, слѣдовательно совершенно прозрачныхъ, надобно съ величайшею осторожностью: малѣйшій шумъ, человѣческая тѣнь, мелькнувшая на поверхности воды, мгновенно заставятъ спрятаться подъ берегъ или корни деревъ пугливую рыбу, изъ-подъ которыхъ она не выходитъ иногда по нѣскольку часовъ. Высмотрѣвъ издали удобное мѣсто *), надобно подкрадываться изъ-за кустовъ и, пропустивъ сквозь нихъ длинное, прямое удилище, на концѣ котораго навита леса безъ наплавка съ небольшимъ грузиломъ, крючкомъ и насадкою краснаго навознаго червяка, тихонько развить лесу и опустить въ воду; если рыба васъ не увидитъ, то она схватитъ въ ту же секунду, иногда едва допуститъ червяка погрузиться въ воду. Если же вы опустите крючокъ, и рыба не беретъ немедленно, то значитъ: или ее нѣтъ, или вы ее испугали. Сейчасъ надобно идти на другое мѣсто. Для уженья выбираются по рѣчкѣ, какъ я уже сказалъ, небольшіе омуточки. На одномъ мѣстѣ никогда болѣе пяти, много шести рыбъ не выудишь. Иногда можно закидывать удочку, спрятавшись за крутыми берегами, густыми деревьями или кустами, *не пропуская сквозь нихъ удилища:* въ такомъ случаѣ леса должна быть подлиннѣе. Надобно признаться, что уженье рыбы довольно безпокойно и утоми-

*) Удобными мѣстами считаются омуточки, ямки, гдѣ вода завертывается и бѣжитъ тише, и гдѣ форель выпрыгиваетъ иногда на поверхность, ловя червячковъ, падающихъ съ деревъ, мошекъ и другихъ насѣкомыхъ.

Digitized by Google

тельно. Пеструшка и особенно лохъ, по словамъ нѣкоторыхъ охотниковъ, охотно берутъ на маленькую рыбку.

Пеструшка, хотя очень рѣдко, попадается иногда довольно большая; я не выуживалъ болѣе $2^1/_2$ фунтовъ; но достовѣрно знаю, что другіе рыбаки выуживали въ 5 фунтовъ и болѣе. Лохъ бываетъ огромной величины: я видѣлъ лоха въ 27 фунтовъ; онъ зашелъ, въ весеннее водополье, въ маленькій ручей, и былъ пойманъ недоткой. Въ небольшой рѣчкѣ и на малой глубинѣ возиться съ рыбой очень трудно. Водить неловко, изъ береговъ торчатъ корни, на берегахъ кусты и деревья, а лесы, по большой части, бываютъ не толстыя, крючокъ небольшой, удилище не гнуткое, а рыба самая бойкая.... Бѣда да и только! При такихъ обстоятельствахъ мудрено избѣжать несчастной потери. Впрочемъ, очень крупная рыба рѣдко беретъ въ маленькихъ омуточкахъ, а болѣе въ верховьяхъ прудовъ, въ мѣстахъ глубокихъ: тамъ хорошему охотнику съ средними удочками, обыкновеннаго устройства, нечего бояться отчаянныхъ прыжковъ этой бѣшеной на удочкѣ рыбы, и драгоцѣнная добыча не уйдетъ отъ его сачка.

Уженье около полденъ, о которомъ я обѣщалъ сказать особо, въ жаркіе лѣтніе дни производится въ такихъ мѣстахъ, гдѣ густая тѣнь покрываетъ воду, какъ-то: подъ мостами, плотами, нависшимъ берегомъ, толстыми пнями и карягами, нерѣдко торчащими въ водѣ, подъ густымъ навѣсомъ травъ, разстилающихся иногда надъ значительною глубиною. Особенно окуни любятъ стоять въ тѣни, и берутъ въ полдни довольно хорошо; иногда хватитъ язь и головль, даже на мелкопущенную удочку. Но только въ проточныхъ прудахъ, заросшихъ камышами и травами, полдневное уженье имѣетъ настоящее значеніе. Лѣтомъ въ жаркій день, часовъ съ девяти утра, вся порядочная рыба уйдетъ изъ материка и чистыхъ мѣстъ разлива въ полои, проросшіе разными травами и зеленымъ густымъ лѣсомъ камыша, надъ которымъ возвышается уже палочникъ своими пуховыми темнокоричневыми султанами. Въ травахъ и камышахъ всегда бываютъ мѣстечки поглубже другихъ, которыя никогда не заростаютъ, и которыя называются «протоками». Вотъ тутъ-то надобно удить, разумѣется, на лодкѣ. Въ травѣ, около такихъ мѣстъ, въ надлежащемъ разстояніи, заблаговременно втыкаются колья, къ которымъ при-

Digitized by Google

вязывается лодка для того, чтобы она не качалась. Тутъ непремѣнно нужны длинныя удилища, ибо лодка должна стоять не близко отъ мѣста уженья, и удилища кладутся на траву. Въ камышахъ же не надобно кольевъ. Подогнавъ осторожно лодку къ незаросшему мѣсту, надобно стать къ нему бокомъ, такъ чтобы лодка и рыбакъ совершенно были спрятаны въ камышѣ, котораго горсти по двѣ съ обѣихъ сторонъ захватываются и подгибаются подъ себя: рыбакъ плотно сядетъ на нихъ, и лодка будетъ стоять неподвижно. Удилища должны лежать поперегъ лодки. По большой части, вода бываетъ не глубока; тѣмъ болѣе надобно тишины и осторожности въ движеніяхъ, особенно при вытаскиваніи рыбы, которая очень хорошо беретъ въ такихъ мѣстахъ, и очень крупная. Это уженье въ полояхъ имѣетъ особенную важность потому, что въ знойное лѣтнее время, кромѣ ранняго утра и поздняго вечера, и то на мѣстахъ прикормленныхъ, трудно выудить что-нибудь порядочное и въ материкѣ пруда, и въ его верховьѣ, и въ рѣкѣ; тогда какъ здѣсь добыча бываетъ иногда чрезвычайно изобильна и разнообразна. Весело смотрѣть на *кружокъ* *), привязанный къ лодкѣ съ противоположной стороны, въ которомъ ходятъ крупные окуни, язи, головли, лини, лещи и даже щуки!

Но кромѣ сказанныхъ выше причинъ, полдневное уженье на лодкѣ имѣетъ, по крайней мѣрѣ для меня, своего рода, совершенно особенную прелесть. Для многихъ она покажется непонятною; для многихъ даже невыносимы палящіе лучи лѣтняго, полдневнаго солнца, которое, отражаясь въ водѣ, дѣйствуетъ съ удвоенною силою; но я всегда любилъ и люблю жары нашего кратковременнаго лѣта.... Пышетъ знойный полдень. Совершенная тишина. Не колыхнетъ зеленый, какъ весенній лугъ, широкій прудъ, затканный травами, точно спитъ въ отлогихъ берегахъ своихъ; камыши стоятъ неподвижно. Материкъ и чистые отъ травъ протоки блестятъ, какъ зеркала: все остальное пространство воды сквозь проросло разновидными водяными растеніями. То яркозеленые, то темно-

---

*) *Кружкомъ* называется мѣшокъ изъ крѣпкой частой сѣти; въ середину его вставляется обручь; нижній конецъ завязывается наглухо, а верхній собирается на крѣпкій шнурокъ, которымъ онъ и привязывается, къ чему случится.

Digitized by Google

цвѣтные листья стелются по водѣ, но глубоко ушли корни ихъ въ тинистое дно; бѣлыя и желтыя водяныя лиліи, цвѣтъ лопуховъ, попросту называемые кувшинчиками, и красные цвѣточки темной травы, торчащіе надъ длинными вырѣзными листьями,—разнообразятъ зеленый коверъ, покрывающій поверхность пруда. Какая роскошь тепла! Какая нѣга и льгота тѣлу! Какъ пріятна близость воды и возможность освѣжить ею лицо и голову! Рыбѣ также жарко: она какъ-будто сонная стоитъ подъ тѣнью травъ. Завидя лакомую пищу, только на мгновенье лѣниво выплываетъ она на чистыя мѣста, пронзаемыя солнечными лучами, хватаетъ добычу и спѣшитъ подъ зеленые свои навѣсы.

Всякому рыбаку извѣстно, что нерѣдко случается задѣвать крючками удочекъ за неровное дно, берегъ, камни, травяные и древесные корни, торчащіе въ водѣ непримѣтно для зрѣнія, или вѣтви цѣлыхъ деревъ, нерѣдко въ ней лежащихъ. Много пропадаетъ отъ того крючковъ и даже лесъ. Избѣжать такихъ невзгодій нельзя, особенно если удишь въ водахъ неизвѣстныхъ; притомъ рыба, преимущественно окуни, именно въ такихъ крѣпкихъ мѣстахъ любитъ держаться, и попавшись на удочку, сама натаскиваетъ на задёвъ. И такъ для отдѣванія удочекъ всегда надобно имѣть гладкое желѣзное кольцо, вершка въ полтора въ поперечникѣ, въ 1 фунтъ или менѣе вѣса, привязанное на длинномъ, тонкомъ и крѣпкомъ шнуркѣ; продѣвъ въ него задній конецъ удилища задѣтой удочки, надобно дать кольцу свободу бѣжать внизъ сначала по удилищу, а потомъ по лесѣ, которую въ это время держать нѣсколько на слаби: кольцо, дойдя до крючка, отдѣнетъ его своею тяжестью *). За неимѣніемъ кольца, можно довольно успѣшно отдѣвать удочки шестомъ, точно такъ, какъ я говорилъ объ отдѣваньѣ въ травѣ рыбы. Но можетъ служиться, что нѣтъ ни кольца, ни шеста, и некому лѣзть въ воду, чтобы отцѣпить крючокъ — потеря его неизбѣжна; остается оторвать и сколько можно сохранить лесу; для этого нѣтъ дру-

*) Я читалъ въ одной французской книжкѣ, что такое кольцо дѣлается съ двумя крючками, крѣпко припаянными къ внѣшней сторонѣ кольца, одинъ противъ другаго, для того, чтобы, задѣвъ крючьями за карягу, за которую зацѣпилась удочка, можно было ее вырвать и тѣмъ спасти крючокъ.

Digitized by Google

гаго средства, какъ навивать ее на удилище до тѣхъ поръ, пока она лопнетъ.

Никогда не должно спѣшить отдѣваніемъ зацѣпившейся удочки. Очень часто бываетъ, что ракъ затаскиваетъ крючокъ въ нору, а рыба — подъ берегъ. Удилище надобно положить, не натягивая лесы; нерѣдко случается, что черезъ нѣсколько времени удочка отцѣпится сама, то-есть, ее отцѣпитъ рыба или выпуститъ ракъ, или вымоетъ изъ берега водой.

Иногда удочки отцѣпляются диковиннымъ образомъ; но, безъ сомнѣнія, это дѣлаетъ рыба. Я видѣлъ своими глазами, какъ удочку, задѣвшую грузиломъ за крутой берегъ, отцѣпила плотва, дернувъ къ низу за крючокъ. Это и не мудрено; я видѣлъ, какъ крючокъ, воткнувшійся въ деревянную плаху очень крѣпко, потому что я нѣсколько разъ сильно дергалъ удочку, рискуя даже оторвать — былъ отцѣпленъ рыбой, которая, схвативъ насаженный крючокъ сзади и потянувъ внизъ, весьма легко сняла его съ дерева. Этого мало, я задѣлъ одинъ разъ крючкомъ, на глубокомъ мѣстѣ, такъ крѣпко, что пробившись болѣе часа, бросилъ удочку, чтобы не пугать рыбу и отдѣть послѣ. Черезъ полчаса я вижу, что вдругъ наплавокъ исчезъ, лесу натянуло, и тащитъ въ воду даже удилище; я схватилъ его и выволокъ большаго окуня; насадка была раковая.

Теперь слѣдуетъ взглянуть вообще на всѣ породы рыбъ, ловлею которыхъ мы занимаемся.

О РЫБАХЪ ВООБЩЕ.

Стихія рыбы — вода; назначеніе — плавать въ ней, для чего снабжена она многими плавательными перьями и ими же опушеннымъ хвостомъ. Для погруженія себя въ воду и стоянія на всѣхъ ея глубинахъ, имѣетъ она во внутренности своей пузырь, лежащій вдоль спиннаго хребта, наполненный воздухомъ и перетянутый на двѣ неравныя половинки: должно предположить, что посредствомъ сжиманья и разжиманья этого пузыря рыба погружается внизъ или поднимается вверхъ.

Digitized by Google

Дальнѣйшія подробности внутренняго устройства рыбъ относятся уже къ натуральной исторіи. Я поговорю о томъ, какъ и гдѣ живутъ онѣ и какъ размножаются.

Трудно вообразить себѣ плодовитость рыбъ. Многія изъ нихъ имѣютъ такую мелкую икру и въ такомъ множествѣ, что еслибъ она оплодотворялась и выводилась вся, то каждая рыба производила бы ежегодно можетъ быть милліонъ себѣ подобныхъ, и для помѣщенія ихъ не достало бы воды на земной поверхности. Но не то выходитъ на дѣлѣ. Природа не даромъ снабдила такимъ изумительнымъ обиліемъ икры каждую рыбью самку: ибо кромѣ того, что икра нерѣдко остается неоплодотворенною, она истребляется каждую минуту, окружающими ее въ водѣ и живущими надъ водою въ воздухѣ, хищными врагами, для которыхъ служитъ лакомой пищей. Не могу опредѣлить, въ какомъ возрастѣ рыбьи самки начинаютъ *метать* или *бить икру*, способную къ принятію оплодотворенія, а молоки самцовъ — получаютъ способность оплодотворять; но то не подвержено сомнѣнію, что икру и молоки, черезъ годъ послѣ своего рожденья, ежегодно имѣютъ маленькія, молодыя рыбки, не достигшія и десятой доли своей природной величины. Каждая порода рыбы мечетъ икру въ свое опредѣленное время, такъ что эта операція производится почти круглый годъ *). Когда наступитъ пора **) и рыбьи самки почувствуютъ охоту или надобность выкинуть изъ себя, обременяющую ихъ, икру, а самцы — молоки, и тѣ и другіе собираются стаями; самцы тѣснятся вплоть за самками, даже смѣшиваются съ ними: первыя выпускаютъ икру, вторые обливаютъ ее молоками; за ними слѣдятъ другія породы рыбъ, преимущественно хищныя: щуки, окуни, судаки, жерехи, налимы и проч., и даже не

*) Многіе охотники утверждаютъ, что нѣкоторыя породы рыбъ мечутъ икру по два раза въ годъ. Но я никакъ не могу съ этимъ согласиться. Хотя икра во внутренности рыбъ (одной и той же породы) бываетъ точно въ разное время года, но это только доказываетъ, что онѣ мечутъ икру въ разные сроки. Я убѣжденъ, что каждая рыбья самка мечетъ икру одинъ разъ въ годъ. Убѣжденье мое я основываю *на медленности*, съ какою икра растетъ въ рыбѣ: два раза въ годъ—некогда совершиться этому процессу.

**) Эту пору узнаетъ всякій, взглянувъ на пойманную въ то время рыбу, особенно взявъ ее въ руки. Кромѣ того, что она бываетъ необыкновенно толста, даже пузаста — изъ самокъ течетъ жидкая икра, а изъ самцовъ — бѣловатая слизь, похожая на молоко.

Digitized by Google

называемыя хищными: головли и язи *). Всѣ они съ жадностью глотаютъ мелкія, какъ макъ, яички, опутанныя слизью, плавающія кучками, въ видѣ клочьевъ шерсти или паутинъ, держащіяся на поверхности и на всякой глубинѣ воды. Мечущіе икру и молоки самки и самцы, особенно первыя, стараются прижаться или удариться объ что нибудь жесткое; они трутся около береговъ и водяныхъ растеній, предпочтительно около камыша и лопуховъ, около подводныхъ карягъ, корней и камней. Нѣкоторыя породы, какъ-то: лещи, караси и плотва, выскакиваютъ безпрестанно изъ воды и шлепаются объ ея поверхность, чтобъ отъ движенія и толчковъ свободнѣе вытекала икра и молоки. Сидя тихо и смирно съ удочкой на берегу озера или рѣчнаго залива, проросшаго травами, а иногда притаясь въ лодкѣ въ густыхъ камышахъ пруда, я имѣлъ случай нерѣдко, хотя поверхностно, наблюдать любопытную картину *рыбьяго боя* **): при совершенной тишинѣ въ воздухѣ, поверхность воды волнуется, какъ-будто вѣтромъ, отъ вертящейся и прыгающей рыбы; брызги летятъ во всѣ стороны, и плескъ воды слышенъ издалека. Въ первый разъ я былъ очень удивленъ такимъ зрѣлищемъ. Я подошелъ съ ружьемъ къ небольшому озерку, кругомъ обросшему высокою и плотною гривою камыша, и вдругъ услышалъ какой-то странный шумъ воды; полагая, что онъ происходитъ отъ утиныхъ выводокъ, я осторожно вошелъ въ камышъ, по колѣни въ водѣ пробрался до его края, и увидѣлъ—настоящую рыбью пляску, производимую средней величины плотвою. Не вдругъ догадался я, что̀ значитъ такое явленіе, хотя слыхалъ о немъ. Впослѣдствіи нѣсколько разъ я имѣлъ случай наблюдать этотъ процессъ у лещей и особенно у карасей; но, при всемъ моемъ

---

*) Я полагаю, что всѣ безъ исключенія породы рыбъ ѣдятъ всякую икру, даже собственную свою.

**) Процессъ метанья или боя икры, даже этихъ трехъ породъ, сейчасъ мною названныхъ, наблюдать очень трудно, потому что онъ происходитъ, по большой части, въ травахъ или камышахъ, а главное потому, что рыба боится приближенія человѣка. Нѣкоторые рыбаки утверждаютъ, что не самцы гоняются за самками, а напротивъ самки за самцами, и всегда бываютъ гораздо въ большемъ числѣ, чѣмъ самцы, что первыя трутся около послѣднихъ, загоняютъ ихъ на мель, на густую траву, и когда самецъ, обернувшись къ верху брюшкомъ, начнетъ изливать молоки—самки прямо въ эту оплодотворяющую жидкость выпускаютъ свою икру. Я не беру на себя рѣшить, которое мнѣніе справедливѣе. Оплодотворенная икра, въ теплое, солнечное время, выводится черезъ 10, 12 и 14 дней.

Digitized by Google

желаніи, разсмотрѣть его въ подробностяхъ я никакъ не могъ; пожиранье же икры другими рыбами я видѣлъ самъ, да и нахаживалъ ее часто въ желудкахъ пойманныхъ рыбъ.

Другія породы рыбъ, особенно *донныя*, то-есть, ходящія или плавающія обыкновенно по дну, какъ-то: ерши, пискари, гольцы, лини, а всего болѣе налимы, которые мечутъ икру около Святокъ, — при совершеніи этой операціи, вѣроятно, трутся около береговъ и подводныхъ карягъ или о хрящеватое, каменистое дно: послѣднее предположеніе доказывается тѣмъ, что именно на такихъ мѣстахъ, именно въ это время года, попадаютъ налимы въ морды или нероты. Выметываемая икра вышесказанными породами рыбъ, казалось бы, должна подвергаться меньшей гибели, потому что воды покрыты льдомъ, да и рыба зимою не плаваетъ вездѣ, а стоитъ по своимъ мѣстамъ; кажется, этихъ породъ должно бы разводиться гораздо болѣе другихъ; но этого никакъ нельзя сказать, особенно о налимахъ. Безъ сомнѣнія, есть другія причины, отъ которыхъ также пропадаетъ ихъ мелкозернистая, безчисленная икра.

И такъ при самомъ появленіи рыбьихъ яичекъ начинается ихъ истребленіе; оно продолжается до полнаго образованія мелкой рыбёшки, которая, будучи окружена тѣми же врагами, можетъ, по крайней мѣрѣ, прятаться отъ нихъ и спасаться проворствомъ своего плаванья и малостью роста. Кромѣ хищныхъ и нехищныхъ рыбъ, не мало также поѣдаетъ икру птица; самыя главныя истребительницы — утки, чайки и вороны: утки и чайки хватаютъ ее, плавающую въ водѣ, даже ныряютъ за ней; а вороны достаютъ ее сухопутно, ходя по берегамъ и по мелкой водѣ, преимущественно около травъ, куда икру прибиваетъ вѣтромъ, и гдѣ она, прилипнувъ къ осокѣ или камышу, на которые сплескивается волнами — часто обсыхаетъ и пропадаетъ даромъ. Должно предположить, что въ первый годъ или въ первые года рыба растетъ очень скоро: потому что послѣ вывода изъ икры, мелкой, какъ размоченный макъ, достигаетъ она въ одинъ мѣсяцъ величины овсянаго зерна въ шелухѣ. Я убѣдился въ этомъ собственными наблюденіями: о дальнѣйшемъ ростѣ рыбы, а также о долговѣчности ея, ничего положительнаго не знаю. Говорятъ и пишутъ, что щуки живутъ до 300 лѣтъ, а карпіи —

Digitized by Google

болѣе ста, чему, какъ увѣряютъ печатно, были дѣланы несомнѣнные опыты, ибо въ пруды, которые никогда не сходятъ, но освѣжаются проточною водою или внутренними родниками, пускали маленькихъ щукъ и карпіи съ золотыми или серебреными кольцами, продѣтыми сквозь щечную кость, съ означеніемъ на кольцахъ года: такихъ рыбъ ловили въ послѣдствіи (разумѣется, уже потомки), и убѣдились по надписямъ годовъ въ ихъ долговѣчности.

Рыба имѣетъ болѣзни, которыя часто обнаруживаются черными пятнами по всему тѣлу; если эти пятна находятся только на поверхности кожи, то рыба переноситъ ихъ благополучно; но если чернота пойдетъ въ глубь и коснется внутреннихъ органовъ — рыба умираетъ. Около Москвы, въ рѣчкахъ, по большой части припруженныхъ, замѣчалъ я, что почти каждую осень на плотвѣ появляются черныя пятнышки; здѣшніе рыбаки увѣряли меня, что это происходитъ отъ осенней морзобитной травы, которою плотва питается, и что никакого вреда отъ того ей не бываетъ: кажется, это справедливо. Въ небольшихъ непроточныхъ прудахъ, въ которыхъ водятся караси въ большомъ изобиліи, нерѣдко случается, что они, особенно бѣлые, получаютъ сначала кровяныя, а потомъ черныя пятна, но я рѣдко замѣчалъ, чтобъ караси именно отъ нихъ снули. Я сначала думалъ, что пятна происходятъ отъ внутреннихъ причинъ; но при внимательномъ разсмотрѣніи я наконецъ увидѣлъ, что они происходятъ отъ укушенія крошечныхъ зеленыхъ червячковъ, которые въ иные года, особенно въ жаркое и сухое лѣто, появляются въ стоячихъ водахъ въ невѣроятномъ множествѣ; они заползаютъ подъ чешую карасей и кусаютъ ихъ до крови: въ одной ранкѣ я нахаживалъ болѣе десятка червячковъ. Сверхъ того въ такихъ прудахъ водятся большіе, зеленоватые, водяные черви (вѣроятно, выростающіе изъ маленькихъ зеленыхъ), завертывающіе себя въ трубочку, какъ-будто склеенную изъ осоки, — водяныя ящерицы и жуки *). Всѣ они кусаютъ и

*) Водяные червяки имѣютъ способность выползать до половины изъ своихъ трубочекъ и прятаться въ нихъ совсѣмъ. Водяные жуки—плоскіе, каштановаго цвѣта, съ бѣловатыми по краямъ обводками; они проворно ползаютъ по землѣ и летаютъ быстро по воздуху: поднимаются прямо изъ воды и опускаются прямо

Digitized by Google

портятъ бѣдныхъ карасей и препятствуютъ ихъ размноженію и полному росту; а сидящихъ въ плетеныхъ сажалкахъ или прорѣзяхъ даже совсѣмъ заѣдаютъ. Въ добавокъ, вся эта гадость беретъ на удочку, насаженную навознымъ червякомъ, и мнѣ часто случалось вытаскивать на крючкахъ этихъ отвратительныхъ гадинъ. Нигдѣ я не встрѣчалъ такого обилія и разнообразія этой подводной фауны, какъ около Москвы.

Иногда попадается снулая рыба безъ всякихъ наружныхъ и внутреннихъ признаковъ болѣзни; но кишки и пузырь оказываются какъ-будто сморщенными и нѣсколько высохшими.

Здоровье рыбы, безъ сомнѣнія, зависитъ отъ хорошей воды и пищи. Всѣ охотники знаютъ, что въ одной водѣ рыба бываетъ жирна, вкусна и бойка, въ другой—тоща, безвкусна и вяла. Но какія качества воды и какая пища полезны или вредны для рыбы — мы рѣшительно не знаемъ. Вода дѣйствуетъ даже на цвѣтъ рыбы: не измѣняясь въ своихъ природныхъ пестринахъ и отмѣтинахъ, она измѣняется въ ихъ яркости или цвѣтности, единственно отъ пересадки изъ одной воды въ другую. Это дознано многими опытами: озерные караси, напримѣръ, по большой части бываютъ яркаго, темно-желтаго или золотистаго цвѣта, а пересаженные въ копанные, глинистомутные пруды дѣлаются блѣдно-бланжевыми; окуни въ иныхъ рѣкахъ бываютъ очень темны и ярко-пестры, но посидѣвъ долго въ прудѣ, становятся свѣтлыми, бѣлесоватыми: точно то же дѣлается, болѣе или менѣе, и съ другими породами рыбъ.

Рыба очень нерѣдко задыхается зимой подъ льдомъ, даже въ огромныхъ озерахъ и проточныхъ прудахъ *): сначала, въ продолженіе нѣкотораго времени, показывается она въ отверстіяхъ прорубей, высовывая ротъ изъ воды и глотая воздухъ; но ловить себя еще не даетъ и даже уходитъ, когда подойдетъ человѣкъ; потомъ покажется гораздо въ большемъ

въ воду. Мнѣ сказывали, что подмосковные крестьяне употребляютъ ихъ вмѣсто піявокъ. *Авт.*

Этотъ жукъ есть Dytiscus marginatus, L., а черви въ трубочкахъ—личинки *веснянки* (Phryganaea). *К. Р.*

*) Изъ многихъ, мною самимъ видѣнныхъ, такихъ любопытныхъ явленій, самое замѣчательное случилось въ Казани около 1804 г.: тамъ сдохлось зимою огромное озеро «Кабанъ»; множество народа набѣжало и наѣхало со всѣхъ сторонъ: рыбу, какъ-будто одурѣлую, ловили всячески и нагружали ею цѣлые воза.

Digitized by Google

числѣ и какъ-будто одурѣлая, такъ что ее можно ловить сакомъ и даже брать руками; иногда всплываетъ и снулая. Какъ скоро число прорубей будетъ значительно увеличено— рыба отдыхаетъ и скрывается. Это послѣднее обстоятельство произвело общую увѣренность, что рыба дохнетъ отъ недостатка прорубей, то-есть, отъ недостатка продушинъ, въ которыя могли бы вылетать спершіяся водяныя испаренія, и могъ бы получаться свѣжій воздухъ. Это отчасти справедливо; но согласиться безусловно съ такимъ заключеніемъ нельзя, и вотъ почему: 1) Всѣ озера и пруды, и большіе и малые, не находящіеся близь жилья человѣческаго, никогда не имѣютъ прорубей, потому что некому и не для чего ихъ дѣлать, не имѣютъ также и полыней, то есть, мѣстъ незамерзшихъ, бывающихъ, какъ извѣстно, только на рѣкахъ большихъ и быстротекущихъ: слѣдовательно, въ такихъ прудахъ и озерахъ не должна бы совсѣмъ водиться рыба, особенно въ изобиліи: опытъ показываетъ противное. 2) Въ прудахъ и озерахъ, находящихся въ селеніяхъ или близъ селеній, имѣющихъ постоянныя проруби для водопоя скота и другихъ надобностей. рыба въ иные года сдыхается подъ льдомъ при одинаковомъ числѣ прорубей. 3) Это сдыханье, при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ, случается не каждый годъ, а лѣтъ черезъ десять и болѣе. И такъ изъ всего мною сказаннаго слѣдуетъ заключить, что есть какія-нибудь другія условія, при содѣйствіи которыхъ дохнетъ рыба подъ льдомъ, но что, независимо отъ этихъ причинъ, рыба отдыхаетъ, если будетъ увеличено сообщеніе воды съ атмосферическимъ воздухомъ, и что содержаніе большихъ прорубей, ежедневно вычищаемыхъ, не только на прудахъ не имѣющихъ теченія и озерахъ, но даже на прудахъ проточныхъ, и даже на тихихъ омутистыхъ рѣкахъ, покрывающихся сплошнымъ льдомъ, — для сохраненія здоровья рыбы весьма полезно.

Рыба снетъ иногда отъ примѣси вредныхъ постороннихъ веществъ, какъ-то: навозной жидкости со скотныхъ дворовъ и испорченной воды съ фабрикъ и металлическихъ заводовъ, если то или другое какъ-нибудь проникнетъ въ озеро или прудъ, преимущественно непроточный. Но на рыбу бываетъ повальный и внезапный моръ отъ причинъ совершенно неизвѣстныхъ. Въ послѣдній разъ мнѣ случилось видѣть такой

Digitized by Google

моръ въ 1841-мъ году: я жилъ это лѣто въ подмосковномъ селѣ «Ильинскомъ»; отъ него, верстахъ въ трехъ, есть довольно большой, глубокій прудъ и мельница при деревнѣ «Оборвихѣ» на рѣчкѣ «Сомынкѣ»; всякой рыбы много водилось въ этомъ пруду, потому что въ немъ нельзя было ловить неводомъ и даже бреднемъ, по множеству подводныхъ каршей, карягъ и густой травы. Я ѣздилъ туда удить почти каждый день. Одинъ разъ (въ исходѣ іюля), подъѣзжая къ пруду, я увидѣлъ, что всѣ берега бѣлѣлись, точно по краямъ воды лежалъ снѣгъ; подошедъ ближе, я разсмотрѣлъ, что это была снулая рыба: окуни, плотва, язики, головлики и небольшіе щурята. Мельникъ сказалъ мнѣ, что моръ начался вчера. Въ снулой рыбѣ не оказывалось никакихъ признаковъ болѣзни; крупные язи и огромныя щуки ходили по верху и кружились; крестьяне ловили ихъ и употребляли въ пищу безъ всякаго вреда. Замѣчательно, что лини, караси и ерши остались невредимы. Я сейчасъ попробовалъ удить изъ любопытства: рыба брала изрѣдка, но очень тихо и вяло, и выуженная казалась почти снулою. Моръ продолжался дней пять, и вдругъ прекратился. Черезъ нѣсколько дней клёвъ начался по-прежнему, и въ рыбѣ не было замѣтно никакого уменьшенія: въ окружныхъ водахъ рыба осталась совершенно здоровою. Очевидно, что это не была общая эпидемія и что причина ея была мѣстная, находившаяся только въ Сомынскомъ прудѣ, въ водѣ котораго, однако, никакой перемѣны я замѣтить не могъ. Мнѣ разсказывали крестьяне, что будто какой-то пьяный солдатъ, поссорившись съ мельникомъ въ кабакѣ, погрозилъ ему, и проходя мимо пруда, что-то въ него бросилъ. Предоставляя на произволъ каждаго читателя удовлетвориться или нѣтъ такимъ объясненіемъ, я съ своей стороны скажу, что намъ весьма еще малоизвѣстны какъ цѣлительныя, такъ и ядовитыя вещества, особенно травы, которыя знаетъ народъ. Одно вѣрно, что сомынскій моръ рыбы происходилъ не отъ дурмана, не отъ табаку, не отъ кукольванца: ибо дѣйствіе этихъ отравъ кратковременно и продолжается менѣе сутокъ. Эти отравы производятся слѣдующимъ образомъ: истертый въ мелкій порошокъ табакъ, дурманъ, а всего чаще кукольванецъ, ибо онъ несравненно сильнѣе, смѣшиваютъ съ печенымъ хлѣбомъ или сырымъ тѣстомъ и раскидываютъ небольшими кусоч-

Digitized by Google

ками въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ болѣе держится рыба, которая съ жадностью ихъ глотаетъ. Черезъ часъ или менѣе, смотря по качеству и количеству отравы, рыба дѣлается пьяною, одурѣлою: выходитъ на мель, всплываетъ на поверхность воды, кружится, мечется, тычется въ берега, даже иногда выскакиваетъ на нихъ и особенно забивается въ камыши и травы, гдѣ они есть. Отравители, бо́льшею частію деревенскіе парни и мальчишки, нетерпѣливо дожидавшіеся этой потѣхи, съ громкими и радостными криками бѣгаютъ по берегамъ, по мелкой водѣ, поросшей травою, берутъ снулую и ло́вятъ руками засыпающую рыбу; для крупной употребляютъ и сачки. Хотя, въ сравненіи съ прежнимъ, это гибельное добываніе рыбы значительно уменьшилось, но, къ сожалѣнію, всѣ увѣрены, что отравленная такимъ образомъ рыба, даже снулая — служитъ безвредною пищею для человѣка. Хотя трудно съ этимъ согласиться, но положимъ, что такая увѣренность справедлива, да для рыбы эта отрава очень вредна: та, которая наглоталась кукольванца много, умираетъ скоро, всплываетъ на верхъ, бываетъ собрана и съѣдена; но несравненно бо́льшая часть окормленной рыбы въ безпамятствѣ забивается подъ берега, подъ каряги и камни, подъ кусты и корни деревъ, въ густые камыши и травы, растущіе иногда на глубокихъ мѣстахъ — и умираетъ тамъ, непримѣченная своими отравителями, слѣдовательно *пропадаетъ совершенно даромъ*, и гніеніемъ портитъ воду и воздухъ. Я даже думаю, что вся рыба, окормленная кукольванцемъ и отдохнувшая, потому что мало съѣла отравы, непремѣнно должна долго хворать, терять способность къ достиженію полнаго роста и, можетъ быть, къ размноженію своего потомства. Я замѣчалъ, что гдѣ часто окармливали рыбу, тамъ она значительно уменьшалась, хотя число пойманной посредствомъ отравы ничего не значило въ сравненіи съ числомъ рыбы, какое вылавливали прежде ежегодно, въ той же водѣ, обыкновенными рыболовными снастями. Замѣчено также, что послѣ отравы кукольванцемъ рыба перестаетъ брать на удочки.

Хищныя породы рыбъ питаются мелкою рыбешкой; нехищныя — глотаютъ все, что ни попало: тѣмъ не менѣе питанье этихъ послѣднихъ — иногда дѣло загадочное. Въ прудахъ, озерахъ и рѣкахъ, поросшихъ и проросшихъ водяными травами и растеніями, рыба кормится ими и водящимися

Digitized by Google

около нихъ водяными насѣкомыми и гадинами. Это понятно, и всѣ рыбаки знаютъ, что самую питательную пищу представляетъ рыбѣ молодой камышъ, первые побѣги котораго на вкусъ сладки. Если подойти тихонько къ пруду или озеру камышистому и травянистому и послушать внимательно, то удивишься, какой странный и неумолкаемый шумъ, даже чавканье, производитъ рыба, кушая траву. Но чѣмъ питается нехищная рыба въ большихъ рѣкахъ, текущихъ всегда въ берегахъ песчаныхъ, на которыхъ не растетъ ни одной былинки, дно которыхъ также песчано и чисто, и гдѣ очень мало водится водяныхъ насѣкомыхъ? Наконецъ, чѣмъ питается рыба въ деревянныхъ сажалкахъ, съ деревяннымъ дномъ, называемыхъ *прорѣзями* (потому что онѣ *прорѣзаны* или просверлены), въ которыхъ обыкновенно рыбаки держатъ пойманную рыбу иногда по нѣскольку мѣсяцевъ, и никогда ее не кормятъ? На эти вопросы я отвѣчать удовлетворительно не умѣю. Поневолѣ надобно согласиться съ мнѣніемъ рыбаковъ, которые говорятъ, что рыба, кромѣ всякой другой пищи, питается тиною, иломъ, землею, пескомъ и даже — одной водой. Пребыванье въ сажалкахъ безъ корма только этимъ и можно объяснить, допустивъ предварительно, что всякая вода содержитъ въ себѣ множество инфузорій, непримѣтныхъ для глаза человѣческаго, слѣдовательно: питательна для рыбы уже сама по себѣ.

Весною, при наступленіи водополья, какъ скоро вода сдѣлается мутна, рѣки начнутъ прибывать и подниматься, — рыба также поднимается къ верху и идетъ противъ воды, сначала около береговъ: тутъ ловятъ ее во множествѣ саками. Когда же рѣки выступятъ изъ береговъ и разольются по поемнымъ мѣстамъ, рыба также разбредется по полоямъ, не переставая упорно стремиться противъ теченія воды. Это инстинктивное стремленіе бываетъ такъ сильно, что не видавши, трудно повѣрить: несмотря на ужасную быстрину, съ которою летитъ спертая полая вода, вырываясь въ вешнякахъ или спускахъ, изъ переполненныхъ прудовъ, рыба доходитъ до самаго послѣдняго, крутаго паденія воды и, не имѣя уже никакой возможности плыть противъ летящаго отвѣсно внизъ каскада—прыгаетъ снизу вверхъ; безпрестанно сбиваемыя силою воды, падая назадъ и нерѣдко убиваясь до смерти о де-

Digitized by Google

ревянный помостъ или кампи, новыя станицы рыбъ безпрестанно повторяютъ свои попытки, и многія успѣваютъ въ нихъ, то-есть попадаютъ въ прудъ. Во время весеннихъ разливовъ рыба заходитъ въ самыя вершины рѣкъ, рѣчетъ и ручьевъ; заходитъ въ такія мѣста, что трудно повѣрить, стоя на такомъ мѣстѣ лѣтомъ, чтобы тутъ ловили крупную рыбу крыленами или вятелями, ставя ихъ сначала по теченію, а потомъ противъ теченія воды. Но какъ скоро *дрогнетъ* вода, то-есть, пойдетъ на убыль, рыба поворачиваетъ назадъ, и съ такимъ же стремленіемъ скатывается внизъ, съ какимъ до сихъ поръ шла вверхъ, для чего немедленно бросается она изъ мелкихъ мѣстъ въ глубокія, изъ разливовъ—въ материкъ. Нерѣдко случается однако, что, зайдя слишкомъ высоко или далеко въ луговые поймы, не находитъ она водянаго пути для возвращенія въ рѣку и остается въ ямкахъ и бокалдинахъ: если увидятъ люди, то поймаютъ ее, а если нѣтъ, и бокалдины высыхаютъ уединенно, рыба гибнетъ и достается на пищу воронамъ и разнымъ другимъ птицамъ — иногда и свиньямъ. Рыба, застигнутая внезапно, обмелѣніемъ водяныхъ сообщеній, въ ямахъ, или, по-московски, въ бочагахъ, переходитъ иногда изъ одного въ другой *сухопутно*, прыгая по тому мокрому слѣду, гдѣ недавно бѣжала вода. Если же хотя крошечный ручеекъ останется, она перепрыгнетъ по немъ внизъ непремѣнно. Даже изъ копаныхъ сажалокъ или прудковъ, сквозь которые протекаетъ ручеекъ, рыба уходитъ этимъ самымъ способомъ, если только берега низки. Такія весеннія путешествія рыбы снизу вверхъ и обратно повторяются отчасти при всякой случайной, но значительной прибыли воды: при внезапномъ прорывѣ огромныхъ прудовъ и при *паводкахъ*, случающихся отъ сильныхъ и продолжительныхъ дождей *).

Не всѣ породы рыбъ могутъ жить въ одной и той же температурѣ воды: для однѣхъ нужна чистая, быстрая и холодная вода, для другихъ—болѣе теплая, тихая и даже стоячая, имѣющая дно иловатое и тинистое. Я скажу объ этомъ поточнѣе въ описаніи рыбъ, а здѣсь означу только порядокъ, слѣдуя которому живетъ одна порода за другою почти во всякой рѣкѣ. Бо́льшая часть рѣкъ начинаются холодными,

*) О причинахъ хода рыбы противъ теченія воды мы скажемъ ниже. *К. Р.*

Digitized by Google

какъ ледъ, ключами; протекая на открытомъ воздухѣ, прогрѣваясь солнечными лучами, увеличиваясь разными притоками — онѣ постепенно теплѣютъ. Въ самой головѣ такихъ ключей или родниковъ живетъ форель, то-есть пеструшка, кутема и лохъ или красуля; за ними лошекъ, голецъ и налимъ. Потомъ появляются головль, плотва, окунь, щука и пискарь; далѣе—уклейки, ельцы, ерши, язи, судаки и жерихи, если вода велика; наконецъ — лещи, лини, карпіи и караси. Нѣкоторыя изъ поименованныхъ породъ, какъ-то: гольцы и караси, могутъ жить и водиться въ водахъ самыхъ холодныхъ и самыхъ теплыхъ, въ самыхъ чистыхъ и въ самыхъ грязныхъ. Разумѣется, точность такого порядка иногда нарушается; но гдѣ же нѣтъ исключеній отъ причинъ и обстоятельствъ мѣстныхъ. И такъ всѣ породы рыбъ могутъ жить въ одной и той же рѣкѣ, если теченіе ея *продолжительно*, только однѣ выше, гдѣ вода холоднѣе и чище, а другія ниже, гдѣ вода теплѣе и мутнѣе: въ этомъ убѣдиться не трудно, изслѣдовавъ теченіе какой-нибудь порядочной рѣки. Въ водополье вода вездѣ одинакова: вездѣ мутна и холодна, и рыба, обыкновенно обитающая въ теплой, сравнительно, водѣ, поднимается вверхъ до самыхъ холодныхъ ключей; но при возвращеніи назадъ, если случайно что-нибудь захватитъ ее въ такихъ мѣстахъ, гдѣ вода для нея еще холодна, или, наоборотъ, скатится она слишкомъ низко, такъ, что вода для нея окажется уже тепла — рыба или поднимется выше, или опустится ниже, только непремѣнно отыщетъ сродную ей температуру. Если не можетъ этого сдѣлать въ тотъ же годъ, по причинѣ прудовыхъ затворовъ и рѣшотокъ, то непремѣнно сдѣлаетъ въ слѣдующую весну. Непреодолимость такого стремленія къ обычной температурѣ воды испытали многіе охотники, пробуя развесть у себя въ пруду тѣ породы рыбъ, которыя водились въ той же самой рѣкѣ, только нѣсколько верстъ пониже. Всѣ усилія оказывались безполезными: сажали рыбу мелкую и крупную, днемъ и ночью, во всѣ времена года, держали сначала мѣсяца по два въ сажалкахъ, загороженныхъ въ томъ же пруду — ничто не помогало. Весной рыба поднималась вверхъ, такъ что ее ловили верстъ за 15 выше, и потомъ вся безъ остатка скатывалась внизъ. И такъ оставалось одно средство: заставить рыбу выметать икру въ

Digitized by Google

той самой водѣ, гдѣ назначалось жить ея потомству, и оно иногда удавалось.

Въ проточныхъ небольшихъ родниковыхъ прудахъ, имѣющихъ всегда свѣжую и даже холодную воду, которые весной мало прибываютъ отъ полой воды и *никогда не уходятъ*, спуски которыхъ всегда загораживаются рѣшотками и верховья мелки—будетъ жить всякая рыба, хотя бы температура воды не сходствовала съ натурою рыбы, но будетъ только *жить*, а не *водиться:* даже не достигнетъ полной природной величины своей. Самый лучшій способъ, да и болѣе удающійся, къ разведенію извѣстныхъ рыбьихъ породъ въ проточныхъ и непроточныхъ прудахъ, въ которыхъ онѣ сами собой не держатся, или не заводятся, состоитъ въ слѣдующемъ: надобно ловить рыбу, которую желаешь развесть, передъ самымъ метаньемъ икры; на каждыхъ шесть икряныхъ самокъ отобрать по два самца съ молоками, посадить ихъ въ просторную сквозную огородку или сажалку, устроенную въ назначенномъ для того прудѣ; когда изъ выметанной въ свое время икры выведется рыбёшка и нѣсколько подростетъ—загородку разобрать всю и рыбу выпустить въ прудъ: старая уйдетъ, а молодая останется и разведется иногда, если температура воды не будетъ уже слишкомъ много разниться съ тою, въ которой была поймана старая рыба. Точно такимъ образомъ разводятъ и раковъ *).

Я сейчасъ говорилъ о томъ, какъ иногда бываетъ трудно разводить нѣкоторыя породы рыбъ въ такой водѣ, гдѣ прежде ихъ не было; но за то сама рыба разводится непостижимымъ образомъ даже въ такихъ мѣстахъ, куда ни ей самой, ни ея икрѣ, кажется, попасть невозможно, какъ напримѣръ: въ степныхъ озерахъ, лежащихъ на большомъ разстояніи отъ рѣкъ, слѣдственно не заливаемыхъ никогда полою водою, и въ озе-

---

*) Я имѣлъ случай убѣдиться, что раки могутъ жить въ густой тинѣ или въ рѣчномъ илѣ, глубиною болѣе аршина отъ земной поверхности. Одинъ разъ, въ исходѣ лѣта, при мнѣ чистили срубъ родниковаго колодца, глубиною слишкомъ въ два аршина, который весеннею полою водою поднимался и былъ до верху занесенъ землянымъ иломъ и тиной очень плотно; не знаю, почему онъ не былъ вычищенъ ранѣе. На полутора-аршинной глубинѣ, гдѣ пошла земля помокрѣе, начали попадаться крупные, живые раки; ихъ выкидали десятка два, и они были отлично жирны и вкусны: и такъ, раки могутъ обходиться почти безъ воздуха.

Digitized by Google

рахъ нагорныхъ. Оренбургской губерніи въ Стерлитамацкомъ уѣздѣ есть на рѣкѣ Бѣлой нѣсколько, отдѣльно другъ отъ друга стоящихъ, горъ, очень высокихъ и видныхъ съ луговой стороны верстъ за сорокъ. Когда небо покрыто тучами, онѣ живописно бѣлѣютъ на темномъ горизонтѣ *). Не знаю, что̀ теперь находится на ихъ вершинахъ: но лѣтъ 50 тому назадъ, на двухъ изъ нихъ были небольшія озера съ чистою и холодною водою, и въ одномъ озеркѣ, кажется, на горѣ Юракъ-Тау, водились караси, а можетъ быть и другая рыба. Какъ они могли попасть туда—объяснить трудно. Я зналъ также одинъ изъ такъ-называемыхъ въ Оренбургской губерніи *проваловъ* (круглыя, болѣе или менѣе глубокія ямы, имѣющія фигуру воронки), въ вершинахъ рѣки Ика; этотъ провалъ съ незапамятныхъ временъ, какъ и многіе другіе, съ весны сохранялъ долго снѣгъ, а лѣтомъ былъ совершенно сухъ, такъ что въ немъ, сверху по бокамъ, росла лѣсная малина. Вдругъ слышу, что онъ наполнился водою, а года черезъ два — что въ водѣ завелись караси: и въ томъ и въ другомъ явленіи я удостовѣрился своими глазами. Повторяю мой вопросъ: какъ могли попасть туда караси, когда озера съ карасями, самыя ближайшія, находились въ пяти верстахъ отъ провала? Надобно допустить извѣстное предположеніе, что птица (всего скорѣе чайка или ворона), проглотивъ гдѣ-нибудь рыбью оплодотворенную икру, залетаетъ потомъ въ такія мѣста, на такую воду, гдѣ прежде рыбы не водилось, выкидываетъ икру въ своемъ пометѣ и что пищеварительный сокъ птичьяго желудка, или зоба, не лишаетъ эту икру способности вывесть изъ себя маленькихъ рыбокъ. Такимъ только образомъ можно объяснить появленіе рыбы на горѣ «Юракъ-Тау» и въ «Икскомъ провалѣ», хотя я и долженъ признаться, что такое объясненіе меня не вполнѣ удовлетворяетъ.

Рыба имѣетъ тонкій слухъ и острое зрѣніе, особенно форель; но, кажется, рыба вообще больше боится стука, чѣмъ вида человѣка или животнаго: по крайней мѣрѣ, скоро къ нимъ привыкаетъ; но къ звуку она чувствительна до невѣроятности; звукомъ можно ее оглушить до безпамятства, чему

*) Я недавно съ удовольствіемъ прочелъ нѣсколько строкъ объ этихъ горахъ въ статьѣ г. Андѣева «Поѣздка на кумысъ», напечатанной въ декабрьской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1852 года.

Digitized by Google

служитъ доказательствомъ всѣмъ извѣстное *глушеніе* рыбы ударами дубинки по тонкому осеннему льду. Рыбаки знаютъ, что на рыбу сильно дѣйствуетъ самый слабый звукъ. Кому изъ нихъ не случалось смирно стоять или сидѣть близъ закинутыхъ удочекъ, ожидая крупной рыбы, и видѣть, какъ мелкая, поднявшись вверхъ, покрываетъ и рябитъ всю поверхность воды около его наплавковъ? Вдругъ рыбакъ кашлянетъ или чихнетъ — и какъ брызги во всѣ стороны разсыплются серебряныя стайки мелкихъ рыбокъ, точно мгновенный дождь спрыснулъ воду; то же дѣлается отъ всякаго внезапнаго звука, или появленія щуки, большаго окуня, жериха и другихъ хищныхъ рыбъ.

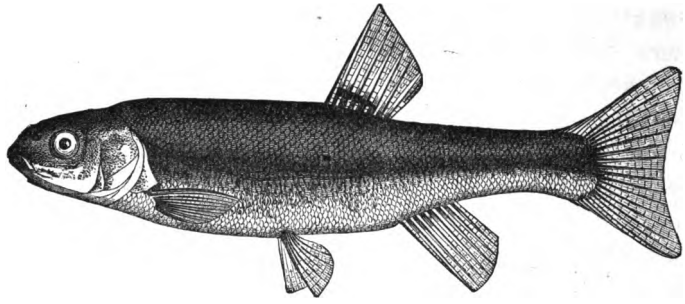
Почти всѣ молодыя рыбки, особенно нѣкоторыя изъ породъ не очень крупныхъ, такъ красивы, или, лучше сказать, такъ миловидны, рѣзвы и чисты, что народъ на югѣ Россіи употребляетъ слово *рыбка*, какъ слово ласки, нѣжности—въ похвалу красотѣ и прелести дѣвической. Оно нерѣдко встрѣчается въ народныхъ малороссійскихъ пѣсняхъ, въ которыхъ чувство любви, если не такъ глубоко, не такъ серьёзно, какъ въ старинныхъ пѣсняхъ великорусскихъ, за то важнѣе, эстетичнѣе, такъ сказать. Въ повѣсти Гоголя «Майская ночь или утопленница» молодой казакъ Левко, вызывая изъ хаты свою милую Галю разными нѣжными словами, между прочимъ говоритъ: «Сердце мое, *рыбка* моя, ожерелье! Выгляни на меня. Просунь сквозь окошечко хоть бѣлую ручку свою...» Для великорусскаго крестьянина это слишкомъ нѣжно; но и онъ очень любитъ смотрѣть на всякую рыбу въ водѣ, весело мелькающую на поверхности, сверкающую то серебряной, то золотой чешуей своей, то радужными полосами; иногда тихо, незамѣтно плавающую, иногда неподвижно стоящую въ рѣчной глубинѣ!... Ни одинъ, отъ стараго до малаго, не пройдетъ мимо рѣки или пруда, не поглядѣвъ, какъ *гуляетъ вольная рыбка*, и долго, не шевелясь, стоитъ иногда пѣшеходъ-крестьянинъ, спѣшившій куда-нибудь за нужнымъ дѣломъ, забываетъ на время свою трудовую жизнь и, наклонясь надъ синимъ омутомъ, пристально смотритъ въ темную глубь, любуясь на рѣзвыя движенья рыбъ, особенно когда она играетъ и плещется, какъ она, всплывъ наверхъ, вдругъ крутымъ поворотомъ погружается въ воду, плеснувъ хвостомъ и оставя

Digitized by Google

вертящійся кругъ на поверхности, края котораго, постепенно расширяясь, не вдругъ сольются съ спокойною гладью воды; или какъ она, однимъ только краешкомъ спиннаго пера разсѣкая поверхность воды, стрѣлою пролетитъ прямо въ одну какую-нибудь сторону, слѣдомъ за ней пробѣжитъ длинная струя, которая, раздѣляясь на двѣ, представляетъ странную фигуру расходящагося треугольника... Нужно ли говорить послѣ этого, что рыбакъ-охотникъ глядитъ на всякую рыбу еще съ большею, особенною любовью, а на крупную и почему-нибудь рѣдкую глядитъ съ восхищеніемъ, съ радостнымъ трепетомъ сердца! Не-охотникамъ, можетъ быть, покажутся смѣшны такія выраженія; я не буду тѣмъ оскорбляться—я говорю охотникамъ, и они поймутъ меня! Каждый изъ нихъ, достигнувъ старости, находитъ отраду въ воспоминаніи того живаго чувства, которое одушевляло его въ молодости, когда съ удочкой въ рукѣ, забывая и сонъ и усталость, страстно предавался онъ своей любимой охотѣ. Онъ, вѣрно, съ удовольствіемъ вспоминаетъ это золотое время... И я помню его, какъ давнишній, сладкій и не совсѣмъ ясный сонъ; помню знойные полдни, берегъ, заросшій высокими, душистыми травами и цвѣтами, тѣнь ольхи, дрожащую на водѣ, глубокій омутъ рѣки, молодаго рыбака, прильнувшаго къ наклоненному надъ водою древесному пню, съ повисшими внизъ волосами, неподвижно устремившаго очарованные глаза въ темно-синюю, но ясную глубь... И сколько рыбы кипѣло въ ней! Какіе язи, головли, окуни... И какъ замирало сердце юноши, какъ стѣснялось дыханье... Давно уже это было, очень давно! Молодые охотники и теперь испытываютъ то же, и дай Богъ имъ надолго сохранить это живое, невинное чувство страстнаго рыбака.

Приступаю къ описанію породъ рыбъ мнѣ извѣстныхъ, которыя берутъ на удочку. Начну съ мелкой рыбы, никогда не достигающей значительной величины, потомъ скажу о породахъ крупныхъ, но не хищныхъ, очень рѣдко питающихся рыбою, и наконецъ о породахъ собственно хищныхъ, для которыхъ мелкая рыбёшка составляетъ существенную и почти единственную пищу.

Digitized by Google



1.

ЛОШОКЪ *) I) +).

Самое имя этой красивой рыбки указываетъ, что оно уменьшительное отъ имени рыбы «лохъ», и оно не даромъ дано ей **): красныя, черныя и бѣлыя крапинки, которыми она испещрена, очень похожи на крапины лоха или красули, достигающей огромной величины; но рыбка, о которой я говорю — самая маленькая рыбка: лошокъ въ два вершка — рѣдкость по величинѣ. Они водятся въ маленькихъ родниковыхъ рѣчкахъ, и всегда появляются большими стаями. Иногда въ омуточкѣ прозрачнаго ручья вдругъ видишь, что свѣтлое вездѣ дно покрыто чѣмъ-то чернымъ: это лошки, которые въ нѣсколько рядовъ стоятъ другъ на другѣ, и обыкновенно крупнѣе внизу, а самые мелкіе сверху. Не трудно наловить ихъ сколько угодно *недоткой* изъ рѣдинки, частымъ сакомъ или *хребтугомъ* ***), привязаннымъ двумя узкими боками къ двумъ палкамъ; но если не случится подъ руками и этихъ нехитрыхъ рыболовныхъ снастей, а есть небольшая

---

*) Недавно я узналъ, что «лошки» называются въ Можайскомъ уѣздѣ «голопузкой», а въ Верейскомъ — «свинобойкой». Вѣроятно, они водятся и въ другихъ губерніяхъ.

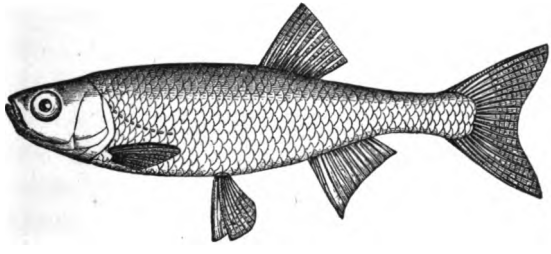
**) Это дѣйствительно молодая рыбёшка лоха. Мы ничего не могли узнать положительнаго о присутствіи этой рыбки въ Московской губ. *К. Р.*

***) Хребтугомъ называется раскрытый мѣшокъ изъ рѣдинки же, въ которомъ задаютъ лошадямъ овесъ.

†) Подъ римскими цифрами обозначены мои примѣчанія, находящіяся въ концѣ книги. *Н. В.*

Digitized by Google

удочка, то лошки станутъ безпрестанно брать на навознаго червяка (безъ хвостика вѣрнѣе) и простую муху: чѣмъ удочка меньше, тѣмъ лучше. Разумѣется, никто не станетъ удить лошковъ безъ особенной надобности; я самъ помню, что уживалъ ихъ только въ ребячествѣ; но они очень могутъ понадобиться, ибо составляютъ превосходную насадку для уженья окуней и всякой хищной рыбы средней величины. Я видѣлъ лошковъ только въ Оренбургской губерніи; тамъ водились они въ большомъ изобиліи и даже не въ маленькихъ рѣчкахъ, а въ такихъ, на которыхъ стояли мельницы постава на четыре, и я очень помню безчисленныя станицы лошковъ, лежащія на днѣ подъ мельничными водяными колесами. Но умножившееся народонаселеніе взмутило чистоту и прозрачность тамошнихъ прекрасныхъ рѣчекъ и ручьевъ, и лошковъ становится гораздо меньше. Жареные лошки на сковородѣ составляютъ вкусное блюдо: ихъ готовятъ не чищенныхъ, а выдавливаютъ руками и хорошенько промываютъ.



2.

ВЕРХОДКА. [11].

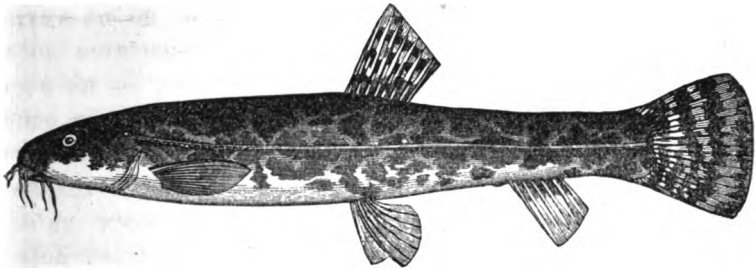
Это также самая маленькая рыба: не больше лошка, только лошокъ круглъ, а она плоска. Верховка такъ похожа на уклейку *), что многіе считаютъ ихъ за одну и ту же рыбу, только въ разныхъ возрастахъ; но это несправедливо. Я знаю

*) Мы думаемъ, что это молодая рыбёшка уклейки. Иногда ее называютъ *верховодомъ, верховодкою, верхоплавкою.* *К. Р.*

Digitized by Google

много рѣкъ въ разныхъ губерніяхъ, въ которыхъ изобильно водится уклейка, подъ именемъ *сентявки* или *бѣлоглазки*, но въ которыхъ рѣшительно нѣтъ верховки. Имя дано ей по ея свойствамъ: она любитъ плавать на поверхности воды и часто ложится на бокъ, блестя на солнцѣ нѣсколько синеватою серебряною бѣлизною, точно какъ-будто всплыла уснувшая рыбка. Гдѣ много ея, тамъ она очень надоѣдаетъ:- вертясь кругомъ удочки съ быстротою молніи, она безпрестанно трогаетъ и поталкиваетъ съ разбѣга ваши крючки, грузила, лесы и даже наплавки, особенно, если вы удите не со дна. Ее можно выудить только на самую маленькую удочку, насаженную на тоненькаго червячка, или на крошечный кусочекъ хлѣба, а всего скорѣе на муху; наплавокъ надобно пускать какъ можно мельче: она рѣдко его погружаетъ, но быстро тащитъ въ сторону... Она также пригодна только для насадки крючковъ на хищную рыбу, и только съ этой цѣлью можетъ удить ее рыбакъ. Около Москвы, во всѣхъ рѣкахъ и чистыхъ прудахъ, водится въ большомъ множествѣ, а въ Оренбургской губерніи ея нѣтъ. [III].

Digitized by Google



3.

ГОЛЕЦЪ *) IV).

Имя **) его происходитъ отъ свойства кожи: она гола; на ней нѣтъ никакой чешуи; она очень тонка и скользка, какого-то неопредѣленнаго цвѣта: сѣровато-желтоватато, или бланжеваго съ неправильными, неясными пятнами, болѣе или менѣе темными. Въ одной и той же водѣ, одни гольцы бываютъ свѣтлѣе, а другіе гораздо темнѣе. Вообще въ рѣчкахъ и ручьяхъ они темнѣе, а въ прудахъ, особенно въ сажалкахъ, — желтѣе. Голецъ не выростаетъ длиннѣе трехъ вершковъ, и то большая рѣдкость: онъ совершенно круглъ и пузастъ; самые крупные бываютъ толщиною въ большой палецъ мужской руки; маленькій ротикъ его имѣетъ усы. Мечетъ икру въ апрѣлѣ. Отличительное свойство гольца состоитъ въ томъ, что онъ водится во всѣхъ водахъ, начиная отъ копанаго, тинистаго, нечистаго, теплаго лѣтомъ пруда до холоднаго и прозрачнаго, какъ ледъ, горнаго источника. Онъ первый съ форелью (если не прежде ея) появляется въ головѣ родниковъ, лежа иногда подъ самыми тѣми камнями, изъ-подъ

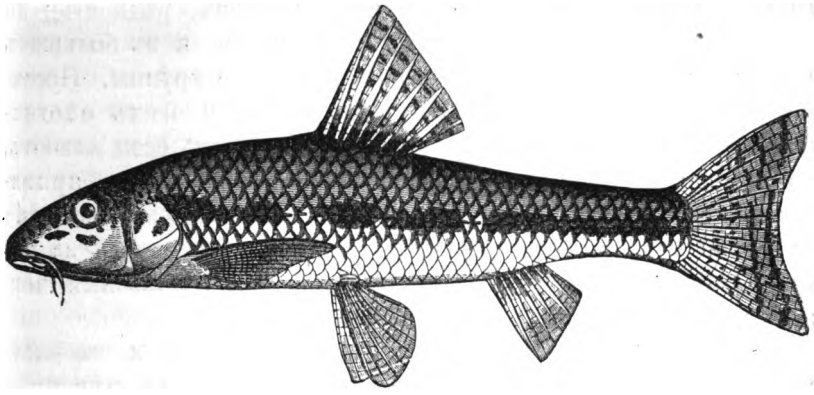
*) Cobitis taenia, L.

**) Называется въ Великороссіи: *подкаменьщикъ*, на Алданѣ и Ковыми *моржогонъ;* на Ипутѣ *кружельчикъ*, *вертельчикъ;* иногда *малевка, мулевка;* въ южной Россіи *щиповка*, *сикъ*, *сиковка*, *саковка*, *сциковка*. Мы не увѣрены, что авторъ разумѣетъ здѣсь подъ именемъ *гольца*: подъ Москвою такъ называютъ молодыхъ вьюновъ (Cobitis fossilis L) V). *К. Р.*

Digitized by Google

которыхъ бьетъ дѣвственная струя воды. Вообще гольцы такъ мелки, что рѣдко кто-нибудь занимается собственно ихъ уженьемъ, да и клюютъ они въ рѣкахъ очень мало; но въ омуточкахъ ручьевъ и прудахъ, гдѣ иногда они разводятся до невѣроятнаго множества и берутъ безпрестанно, — по-моему, очень весело ихъ удить. Они исключительно клюютъ на одного навознаго червячка. Крючки надобно употреблять меньшаго разбора изъ среднихъ, потому что на маленькіе трудно и скучно насаживать безпрестанно, по необходимости выбирая самыхъ мелкихъ червяковъ; хвостики можно пускать короче; гольцы берутъ и вовсе безъ хвоста, хотя не такъ охотно, но за то гораздо вѣрнѣе, потому что голецъ клюетъ не съ разбѣга и не вдругъ заглатываетъ, а взявъ въ ротъ конецъ червяка, тихо плыветъ въ сторону; слѣдственно надобно подсѣкать немедленно, какъ скоро наплавокъ повезетъ въ бокъ или прямо. Удить надобно со дна. Гольцы, по мягкости своей кожи, служатъ лакомою насадкой для всѣхъ хищныхъ рыбъ, но и для человѣка они составляютъ самую вкусную пищу: уха изъ однихъ гольцовъ, осторожно вычищенныхъ, то-есть, не раздавя въ пузырькахъ желчи, такъ жирна и вкусна, что едва ли уступитъ ухѣ изъ налимовъ; жареные и маринованные гольцы превосходны. Они берутъ на удочку до сильныхъ морозовъ. Я слышалъ, будто гольцы такіе жадные пожиратели чужой икры, что въ небольшихъ прудахъ переводятъ породы другихъ рыбъ, въ чемъ я, однако, сомнѣваюсь.

Digitized by Google



4.

ПЕСКАРЬ *) VI).

Имя его происходитъ явно отъ того, что онъ всегда лежитъ на песчаномъ днѣ. Хотя обыкновенно говорятъ *пискарь*, а не *пескарь*, но это единственно потому, что первое легче для произношенія. Впрочемъ многіе увѣрены, что эта рыбка должна называться *пискаремъ*, потому что, будучи сжата въ рукахъ человѣка, издаетъ звукъ, похожій на пискъ. Самый крупный пескарь не бываетъ длиннѣе $3\frac{1}{2}$ вершковъ и—толще большаго пальца руки (и этой величины достигаетъ онъ рѣдко). Онъ брусковатъ и довольно ровенъ. Спинка и бока покрыты темносиними крапинками, а брюшко очень бѣловатое, серебристаго цвѣта. Пескарь очень красивая или миловидная и самая чистая рыбка. Пескари всегда собираются стаями, которыя иногда бываютъ невѣроятно многочисленны; водятся и въ малыхъ и въ большихъ рѣкахъ, преимущественно песчаныхъ. Про пескарей говорятъ рыбаки, что они мечутъ икру по нѣскольку разъ въ годъ; но это несправедливо. Вѣроятно, эту операцію производятъ они въ зимніе мѣсяцы. Будучи посажены въ пруды, размно-

*) Cobitis barbatula, L. Называютъ иногда *столбцомъ;* въ Малороссіи *авдюшка, авдюшечка, авдотка, евдотка, евдюшка, удотка.* *К. Р.*

Digitized by Google

жаются и въ нихъ изобильно, особенно, если вода чиста (иногда живутъ и въ нечистой, что, впрочемъ, рѣдкость); но въ маленькихъ прудкахъ они бываютъ мелки, а въ большихъ проточныхъ прудахъ и рѣкахъ необыкновенно крупны. Пескарей уже удятъ собственно для нихъ, и для многихъ охотниковъ это весьма пріятное уженье, ибо пескари, если клюютъ, то клюютъ безпрестанно и очень вѣрно; ихъ удятъ, привязывая даже по два и по три крючка на разныхъ поводкахъ къ одной и той же лесѣ, и они берутъ иногда вдругъ за всѣ три. Для уженья употребляется обыкновенный навозный червякъ; среднія удочки всего удобнѣе.

Въ продолженіе моего рыбачьяго поприща, я замѣтилъ въ уженьѣ пескарей неизъяснимую странность: въ рѣкахъ и проточныхъ прудахъ, особенно около кауза и вешняка, они клюютъ на удочку необыкновенно жадно; въ большихъ непроточныхъ прудахъ уже берутъ не такъ хорошо; а въ маленькихъ прудкахъ, или копаныхъ сажалкахъ не берутъ вовсе, хотя бы и водились въ нихъ во множествѣ; еще странность: въ послѣднихъ они берутъ иногда на хлѣбъ, а въ рѣкахъ — никогда. Мнѣ много случалось удить въ копаныхъ прудахъ, гдѣ водились только караси и пескари, и я много разъ имѣлъ случай видѣть, какъ крючки съ червячками лежатъ спокойно на днѣ, или мотаются между стаями пискарей, не обращая на себя ихъ вниманіе (причемъ нерѣдко выуживалъ я пескарей, задѣвая ихъ снаружи за бока), тогда какъ крючокъ, насаженный кусочкомъ хлѣба, едва коснется дна, то сейчасъ бываетъ ими окруженъ. Пескари до тѣхъ поръ его потрогиваютъ, поталкиваютъ, треплютъ, щиплютъ и сосутъ, пока онъ свалится съ крючка; если крючокъ и кусочекъ хлѣба очень малы, то иногда случалось и выудить пескаря. Такими продѣлками они ужасно мнѣ надоѣдали: ибо сами не клевали настоящимъ образомъ, а карасямъ мѣшали. Уженье пескарей начинается не рано весной, а когда вода сдѣлается совершенно свѣтла: оно продолжается до самой зимы. Они клюютъ во всякое время дня. Обыкновенно удятъ ихъ весной и лѣтомъ въ рѣкахъ на перекатахъ, на мѣстахъ мелкихъ, песчаныхъ, хрящеватыхъ, гдѣ вода течетъ довольно быстро и гдѣ можно увидѣть ихъ стаи, лежащія на днѣ. Уженье устраивается тремя способами: 1) Можно удить съ

Digitized by Google

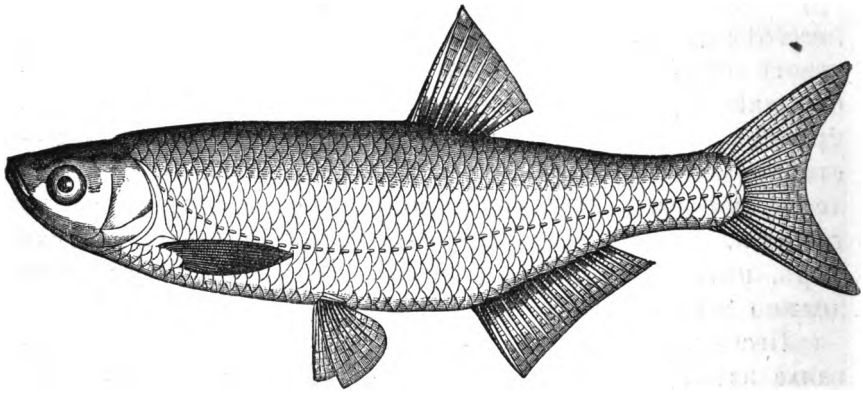
наплавкомъ и умѣренно тяжелымъ грузиломъ, пуская такъ глубоко, чтобы грузило было на вѣсу, а крючокъ тащился по дну. Это хорошо при умѣренной быстротѣ теченія. 2) Можно удить безъ наплавка съ грузиломъ очень тяжелымъ, находящимся въ разстояніи двухъ и даже трехъ четвертей отъ крючка: грузило ляжетъ на дно, а леса съ червякомъ будетъ извиваться по теченію воды. Этотъ способъ наилучшій, особенно въ сильныхъ быстринахъ. 3) Можно удить вовсе безъ грузила, съ наплавкомъ, а лучше безъ наплавка, пусть вода несетъ крючокъ съ червячкомъ по своему произволу: по быстротѣ теченія, онъ не вдругъ коснется дна; но при его приближеніи пескари проворно подымаются къ верху и хватаютъ крючокъ. Нигдѣ я не уживалъ пескарей въ такомъ множествѣ и такихъ крупныхъ, какъ въ Москвѣ-рѣкѣ. При наступленіи морозовъ, пескари сваливаются съ мелкихъ мѣстъ въ глубокія, гдѣ остаются на зиму. Тамъ они берутъ до тѣхъ поръ, пока крѣпкій ледъ покроетъ поверхность воды: удить должно *непремѣнно* со дна.

Пескарь беретъ живо и вѣрно; его подержка и утаскиванье видны по наплавку и слышны по рукѣ; надобно подсѣкать его проворно; разумѣется, должно удить на одну удочку и всегда держать удилище въ рукѣ. Онъ служитъ превосходною насадкою для хищной рыбы и самою здоровою пищею для человѣка. Уха изъ пескарей, какъ не жирная и легкая, обыкновенно предписывается докторами больнымъ; пескари, жареные въ сметанѣ, отлично вкусны.

Я уже сказалъ, что пескарей удятъ на два и даже на три крючка, привязанныхъ къ одной лесѣ, одинъ другого короче. Правда, если придется удить на мѣстѣ, гдѣ лежитъ огромная стая пескарей, — они берутъ жадно, и случается вытаскивать вдругъ по два и по три пескаря. Но я не люблю этого устройства удочекъ: онѣ ужасно путаются, и пригодны только для пескарей, которыхъ, если клёвъ хорошъ, и на одинъ крючокъ наудишь множество. Французы большіе охотники до двойныхъ и тройныхъ удочекъ. Они употребляютъ ихъ для уженья крупной рыбы: крючки навязываютъ разной величины, привязки къ лесѣ пускаютъ также очень различной глубины, такъ что одинъ крючокъ лежитъ на днѣ, а другой виситъ на аршинъ отъ дна; разумѣется, и насадку употреб-

Digitized by Google

ляютъ разную. Такой способъ уженья получаетъ уже особый смыслъ. Я пробовалъ его, но безъ успѣха; двойная или тройная удочка не ловка, уродлива, чаще задѣваетъ, и рыба беретъ на нее неохотно.



5.

УКЛЕЙКА *) VII).

Я уже сказалъ, что верховка на нее совершенно похожа, только вчетверо ея меньше: также плоска, тонка, синевато-серебристаго цвѣта и бѣлоглаза; по этимъ-то двумъ послѣднимъ качествамъ называютъ ее въ Оренбургской губерніи *сентявкой* и *бѣлоглазкой*. Я никогда не видывалъ уклейки длиннѣе четверти и шире вершка. Отъ чего около Москвы называютъ ее *уклейкой*, добраться я никакъ не умѣю. Она водится въ большомъ количествѣ во всѣхъ чистыхъ водахъ, особенно въ рѣкахъ. Когда вы стоите надъ синею

---

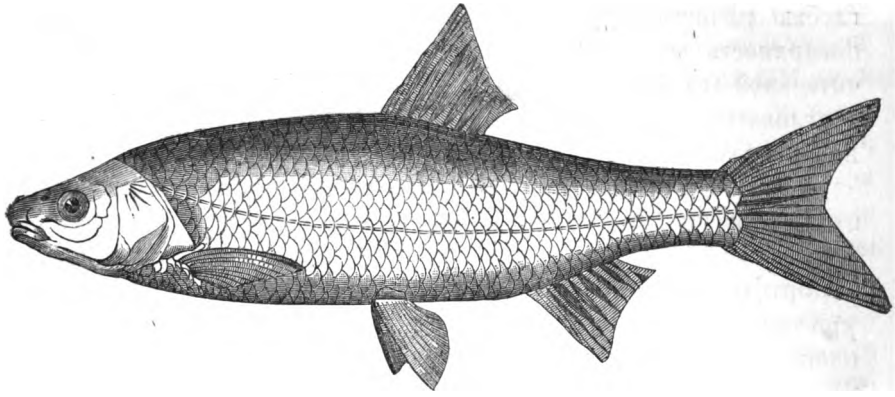
*) Aspius alburnus, L. *Уклея*. На Волгѣ—*селява*, на Окѣ—*сикла*, на Камѣ—*вандышь*, *щеклейка*, у Яицкихъ козаковъ *конюхъ*, *гармакъ*; въ Малороссіи *себель*, *себеликъ*, *сибиль*; по Бугу *швія*; по Днѣпру большія—*селедка*, небольшія—*оселедчики*.

Digitized by Google

глубью рѣчнаго омута, или озера, и солнце сзади освѣщаетъ поверхность воды, то непремѣнно увидите на довольно значительной глубинѣ сверканье синевато-серебряныхъ полосъ, кругловатыми линіями, въ разныхъ направленіяхъ, пронзающихъ воду, — это уклейки.

Рѣдко случается, чтобъ охотникъ занимался ихъ уженьемъ; но что̀ бы вы ни удили, только бы крючокъ былъ насаженъ навознымъ червякомъ, уклейка не оставитъ схватить его, испортить, или попасть на удочку, при первомъ погруженіи крючка въ воду: разумѣется, это дѣлается тамъ, гдѣ уклейки очень много. Если же червякъ дойдетъ благополучно до дна, то она уже его мало трогаетъ. Уклейка очень надоѣдаетъ тѣмъ, что портитъ насадку червя, совсѣмъ не для нея назначаемую; впрочемъ она бросается только на небольшаго червя. Если кому угодно ее удить, то надобно употреблять маленькія удочки, наплавокъ пускать очень мелко, съ крошечнымъ грузиломъ, или даже безъ грузила; всего охотнѣе и вѣрнѣе беретъ она на мушку; на червяка съ хвостикомъ также клюетъ хорошо, но не такъ вѣрно, потому что часто хватаетъ только за свѣсившуюся половину червяка; безъ хвостика же клюетъ неохотно, а на хлѣбъ еще неохотнѣе. Клёвъ ея быстръ; она налетаетъ съ разбѣга и вдругъ утаскиваетъ наплавокъ въ сторону, иногда погружая его и въ воду; а если сама попадаетъ на крючокъ, что̀ бываетъ нерѣдко, то натянетъ лесу и дернетъ даже за удилище; если вы не вдругъ подсѣчете. Для нея нѣтъ особенныхъ мѣстъ: она держится по всей рѣкѣ, но я замѣчалъ ее въ большемъ количествѣ въ мѣстахъ глубокихъ и тихихъ. Уклейка пригодна для насадки на всякую хищную рыбу, даже и на крупную, которую она можетъ приманить издали, кидаясь на крючокъ съ необыкновенною быстротою во всѣ стороны и сверкая блестящей бѣлизной своей. Уклейка никогда не бываетъ жирна, и потому не употребляется для ухи, но изжаренная въ сметанѣ и высушенная — а еще лучше прокопченая, какъ сельдь — очень хороша. Вообще вкусъ ея пріятнѣе вкуса мелкой плотицы. Уклейка клюетъ до поздней осени; но послѣ сильныхъ морозовъ—уже только въ глубокихъ омутахъ и со дна.

Digitized by Google



6.

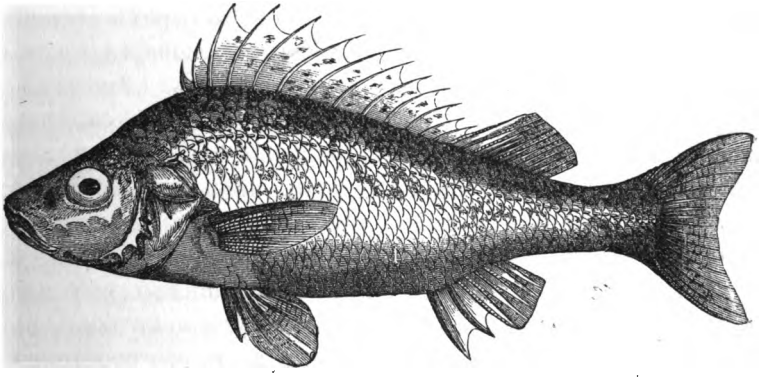
ЕЛЕЦЪ *) VIII).

Рыба, неизвѣстная въ низовыхъ губерніяхъ, можетъ быть такъ названа потому, что впервые появилась въ извѣстной рѣкѣ *Ельцѣ*, на которой стоитъ городъ Елецъ. Блестящей серебряной чешуей своей она сходна съ уклейкой, но она бѣлѣе, не плоска, а брусковата; похожа складомъ на головля. Длиною бываетъ съ небольшимъ въ четверть, а толщиною пальца въ полтора; глаза, перья и хвостъ какого-то неопредѣленнаго сѣровато-сизаго цвѣта, а спинка потемнѣе. Вообще эта рыбка очень живая и красивая. Елецъ водится довольно изобильно во всѣхъ рѣкахъ Московской губерніи, также въ проточныхъ прудахъ и озерахъ, заливаемыхъ рѣчною весеннею водою, но въ небольшихъ, копаныхъ, несвѣжихъ прудахъ жить не можетъ. Онъ такъ же, какъ и уклейка, очень проворенъ въ своихъ движеніяхъ, но шире, бѣлѣе и ярче сверкаетъ въ глубинѣ; беретъ по большой части со дна, и охотнѣе держится на мѣстахъ неглубокихъ, быстрыхъ, хрящеватыхъ и каменистыхъ. Клюетъ довольно вѣрно; если со дна, то сначала ведетъ наплавокъ, не погружая: въ это время должно подсѣкать его; если же насадка не касается дна, то беретъ живо и совсѣмъ утаскиваетъ наплавокъ. Удить его

*) Leuciscus vulgaris, Flem. Въ Орловской губ.—*кленокъ*, въ Волынской—*кленёкъ*, въ Малороссіи—*ялецъ*, *яльчикъ*. *К. Р.*

Digitized by Google

надобно на навознаго червяка, но крупные берутъ охотнѣе на землянаго небольшаго червя; говорятъ, что елецъ клюетъ и на хлѣбъ, но мнѣ никогда не случалось выудить ельца на хлѣбную насадку. Въ осень ельцы любятъ играть на солнцѣ, и въ это время надобно удить ихъ, навязывая наплавокъ очень мелко, спуская его иногда до самаго поводка; послѣ же сильныхъ морозовъ, въ октябрѣ, они берутъ только уже со дна, въ глубокихъ омутахъ. Средней величины ельцы пригодны для насадки на щукъ и большихъ налимовъ. Вкусъ ельца составляетъ нѣчто среднее между плотицей и уклейкой, слѣдовательно имѣетъ мало достоинства. Клевать начинаетъ очень рано, даже въ апрѣлѣ, когда вода въ рѣкахъ еще слишкомъ сильна и мутна.



7.

ЕРШЪ *) IX).

Имя ерша, очевидно, происходитъ отъ его наружности; вся его спина, почти отъ головы и до хвоста, вооружена острыми, крѣпкими иглами, соединенными между собой тонкою, пестрою перепонкою; щеки, покрывающія его жабры, имѣютъ также по одной острой иглѣ, и когда выта-

*) Acerina vulgaris, C. Имѣетъ одно названіе во всей Россіи. *К. Р.*

Digitized by Google

щишь его изъ воды, то онъ имѣетъ способность такъ растопырить свои жабры, такъ взъерошить свой спинной гребень и загнуть хвостъ, что названіе ерша, вѣроятно, было ему дано въ ту же минуту, какъ только въ первый разъ его увидѣлъ человѣкъ. Ершъ, въ этомъ видѣ, быстро выхваченный изъ воды не покажется даже рыбой, а чѣмъ-то круглымъ и мохнатымъ; даже на подъемѣ онъ покажется тяжелѣе, чѣмъ другія рыбки, равной съ нимъ величины. Русскій народъ любитъ ерша; его именемъ, какъ прилагательнымъ, называетъ онъ всякаго невзрачнаго, задорнаго человѣка, который сердится, топорщится, ершится. Про ерша сочинилъ онъ, вѣроятно всѣмъ извѣстную, цѣлую сказку съ лубочными картинками своенародной фантазіи и иногда съ забавными созвучіями вмѣсто римовъ. По моему, ершъ — лучшая рыбка изъ всѣхъ, не достигающихъ большаго роста. Складомъ своимъ онъ совершено сходенъ съ окунемъ, хотя никогда не питается рыбой. Въ рѣкахъ средней полосы Россіи онъ не бываетъ и четырехъ вершковъ длины, но въ Петербургѣ, въ устьѣ Невы, ловятся ерши необыкновенной величины: я самъ видалъ ихъ слишкомъ въ четверть длиною. Слыхалъ также объ огромныхъ сибирскихъ ершахъ [x]. Ершъ имѣетъ необыкновенно большіе, на выкатѣ темно-синіе глаза; отъ самой головы, какъ я уже сказалъ, идетъ у него жесткій гребень, почти въ вершокъ вишиною; онъ оканчивается, не доходя пальца на два до хвоста, но и это мѣсто занято у него другимъ небольшимъ гребешкомъ, уже мягкимъ, похожимъ на обыкновенное плавательное рыбье перо; ершъ колется, какъ окунь, если взять его неосторожно; онъ весь пестрый, кромѣ брюшка, но пестрины какого-то темноватаго, неопредѣленнаго цвѣта; онъ весь блеститъ зеленовато-золотистымъ лоскомъ, особенно щеки; кожа его покрыта густою слизью въ такомъ изобиліи, что ершъ превосходитъ въ этомъ отношеніи линя и налима; хвостъ и верхнія перья пестроваты, нижнія перья бѣловато-сѣрыя. Ерши водятся только въ чистыхъ водахъ, и въ большемъ количествѣ въ рѣкахъ песчаныхъ или глинистыхъ, также и озерахъ, заливаемыхъ полою весеннею водою. Гдѣ ершей много и они крупны, тамъ уженье ихъ необыкновенно изобильно и пріятно; клюютъ только на краснаго навознаго червяка, и хотя не такъ охотно—на земляныхъ червей; разумѣется, для этого надобно отбирать самыхъ

Digitized by Google

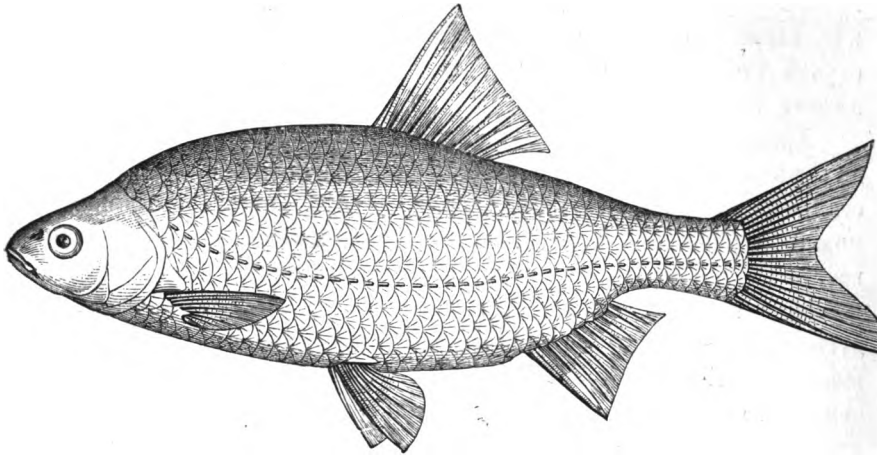
мелкихъ; удочки употребляются среднія. Ерши гораздо жаднѣе клюютъ со дна, чѣмъ на вѣсу, и потому въ такомъ только случаѣ не должно удить со дна, если оно травянисто или имѣетъ задёвы.

Ерши очень рано весною начинаютъ клевать, и перестаютъ въ концѣ самой поздней осени. Если вы нападете на станичку, можете переудить бо̀льшую ихъ часть: насаживать можно червяковъ съ хвостами и безъ хвостовъ, но первое всегда лучше. Ерши берутъ и заклевываютъ вѣрно, безъ обмана, и почти всегда погружаютъ наплавокъ въ воду, но иногда ведутъ въ сторону, тряся его: нерѣдко, вынимая просто удочку, вытаскиваете ерша, который держалъ крючокъ во рту. Впрочемъ, это бываетъ иногда со всякой рыбой. Я нигдѣ не находилъ ершей въ такомъ множествѣ, какъ въ поёмныхъ озерахъ около Москвы-рѣки: тамъ можно было ихъ выудить сколько угодно: двѣсти, триста и болѣе, за то крупные попадались рѣдко, отчего уженье теряло свою заманчивость. Ершей не употребляютъ для насадки, вѣроятно по причинѣ ихъ острыхъ вооруженій, которыя не нравятся хищнымъ рыбамъ, но для человѣка ершъ составляетъ превосходную добычу. Уха изъ ершей самая здоровая, питательная и вкусная пища, но всего лучше они, — особенно если крупны, — приготовленные на холодное подъ желе, которое бываетъ необыкновенно густо. По моему мнѣнію, ничто не можетъ сравниться съ деликатнѣйшимъ вкусомъ этого блюда.

Я всегда дорожилъ крупными ершами и отыскивалъ ихъ неутомимо. Но клёвъ ихъ въ рѣкахъ очень капризенъ: иногда на мели, иногда—только въ глуби; сегодня клюютъ хорошо, завтра не клюютъ совсѣмъ. Ерши въ исходѣ апрѣля набиты икрой до безобразія, и въ маѣ ее мечутъ, послѣ чего клюютъ жаднѣе.

Теперь я поговорю о тѣхъ рыбахъ, которыя, родясь такими же крошками, какъ и тѣ, коихъ я уже описалъ, достигаютъ большой величины.

Digitized by Google



8.

ПЛОТИЦА *).

Очевидно получила свое имя отъ того, что она плоска. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ ее называютъ *сорога*, или *сорожнякъ;* происхожденіе этого названія объяснить не умѣю. Безъ сомнѣнія, это самая плодовитая и многочисленная порода рыбы. Въ рѣкахъ большихъ и малыхъ, озерахъ, прудахъ проточныхъ и копаныхъ, если только вода довольно свѣжа, однимъ словомъ сказать, вездѣ водится плотва во множествѣ. Это такъ ее опошлило, что рыбаки совершенно ее не уважаютъ. Только тогда получаетъ она нѣкоторую значительность, когда начинаетъ вѣсить болѣе фунта. Я самъ видѣлъ плотицу въ четыре фунта, но старые рыбаки разсказывали мнѣ въ Оренбургской губерніи, что въ старину попадалась плотва въ семь фунтовъ: такую плотицу выудить уже очень пріятно. Плотица нѣсколько широка и кругловата, особенно крупная, плоска, чисто-серебристаго цвѣта, который къ спинкѣ становится темнѣе; глаза имѣетъ красные, или

*) Leuciscus rutilus, L. Въ Великороссіи — *плотва, плоть, сорожникъ;* у козаковъ—*серуха, серушка;* по Днѣпру—*библа, библица, библина, облина.* *К. Р.*

Digitized by Google

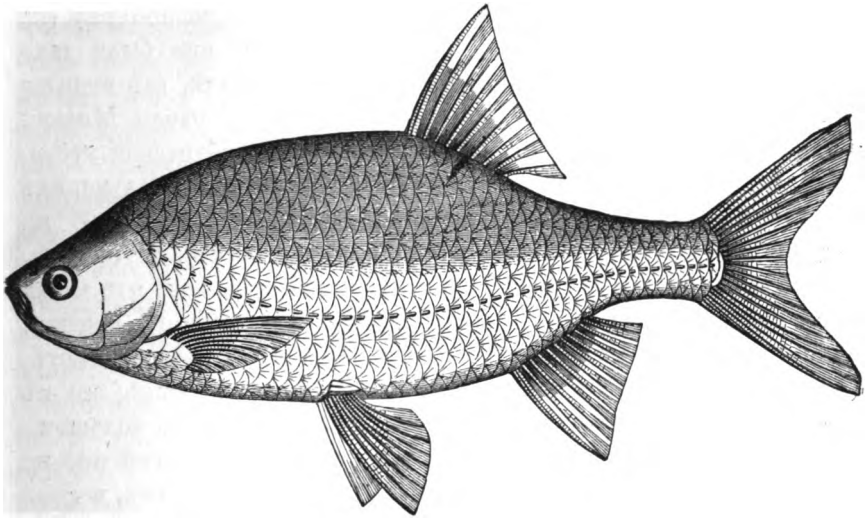
красно-коричневые и чѣмъ плотица больше, тѣмъ глаза становятся краснѣе; верхнія и нижнія перья темно-красноваты; чешуя довольно крупная. Съ увеличеніемъ роста, плотица становится шире и кругловатѣе; ротъ имѣетъ небольшой. Клёвъ ея начинается съ самой ранной весны, даже тогда, когда полая вода не совсѣмъ слила и еще довольно мутна; однимъ словомъ, плотва первая начинаетъ и почти послѣдняя оканчиваетъ рыбій клёвъ. Она жадно бросается на всякую насадку: на обыкновеннаго навознаго червяка, а крупная — даже на землянаго, на хлѣбъ, на всякія распаренныя зёрна, на раковыя шейки и на всякихъ насѣкомыхъ. Ее можно удить на всѣхъ мѣстахъ и на всякой глубинѣ; но крупная плотва клюетъ лучше и вѣрнѣе со дна, въ мѣстахъ глубокихъ и тихихъ, особенно на хлѣбъ: въ камышахъ же, полояхъ, въ мелкой водѣ, она беретъ на двѣ четверти аршина и даже менѣе отъ поверхности воды, особенно въ вѣтренное время. Въ водахъ, гдѣ водится большая рыба и гдѣ рыбакъ ее особенно имѣетъ въ виду, плотва нестерпимо надоѣдаетъ: отъ ея дерганья и тасканья нѣтъ никакой защиты; одно спасенье: огромные куски хлѣба, самый крупный земляной червь, непрорванный сальникъ и линючій ракъ, въ цѣлости насаженный на крючокъ. Я помню въ дѣтствѣ моемъ, когда Оренбургская губернія была еще гораздо менѣе населена и рѣки ея кипѣли всякой рыбой, особенно плотвой, какъ во множествѣ удили ее на кусочки кишекъ мелкихъ птичекъ, на тряпяные стебельки и на всякую дрянь. Но презирать плотву можно тамъ, гдѣ много другой лучшей рыбы. Мнѣ самому случалось жить въ такихъ мѣстахъ, гдѣ я былъ радъ и порядочной плотичкѣ, а какъ это можетъ случиться и съ другимъ охотникомъ, то и слѣдуетъ поговорить обстоятельнѣе объ ея уженьѣ. Клёвъ плотвы безконечно разнообразенъ. Всего благонадежнѣе удить ее на кусочки хлѣба и на распаренныя пшеничныя зёрна, но къ этому надобно ее пріучить, бросая прикормку, состоящую изъ того и другаго. Мнѣ попадались рѣки, въ которыхъ плотва ни на что не брала, кромѣ червяка *) и то съ хвостомъ, а это клёвъ самый не-

*) Одинъ почтенный охотникъ (С. Я. А.) сообщилъ мнѣ, что въ рѣкѣ «Немѣ», протекающей близъ г. «Верен», плотва, водящаяся во множествѣ, не беретъ совсѣмъ на удочку, такъ что въ иной годъ выудишь двѣ или одну плотицу.

Digitized by Google

вѣрный; не знаю чѣмъ объяснить такую странность, непривычкой ли къ хлѣбу и зерну, или изобиліемъ питательныхъ травъ и разныхъ водяныхъ насѣкомыхъ? Крупная плотва особенно любитъ брать рано утромъ. Надобно стараться пріучить ее клевать со дна; тутъ она утаскиваетъ и погружаетъ наплавокъ въ воду, а потому подсѣкать ее не трудно, но и только тутъ можно удить на двѣ удочки; если же вы удите на вѣсу, то надобно подсѣкать ту же минуту, какъ скоро она потащитъ наплавокъ и начнетъ его погружать. Плотва средняя, и особенно мелкая, рѣдко беретъ вѣрно: вниманіе, смѣтка, быстрота и ловкость подсѣчки тутъ необходимы. Удилище должно держать въ рукѣ. Нечего на это смотрѣть, что много будетъ промаховъ, за то много будетъ и рыбы. На мѣстахъ, гдѣ давно опущенъ мѣшокъ съ прикормкой, плотва очень привыкаетъ кушать распаренныя зёрна и беретъ на нихъ безъ обмана. Тутъ можно ее наудить сколько угодно, насаживая на маленькую удочку одно или два зерна, разбухшей въ горячей водѣ, пшеницы, и всякій разъ пробуя—свободно ли выходитъ наружу жало крючка; впрочемъ, самая крупная плотва скорѣе возьметъ на куски умятаго хлѣба, величиною въ русскій небольшой орѣхъ. Для насадки червей надобно употреблять среднія удочки, а для хлѣбныхъ крошечныхъ шариковъ и пшеничныхъ зеренъ—маленькіе крючки. Мелкая плотва можетъ служить насадкой для хищной рыбы. Уха изъ нея невкусна и часто пахнетъ травой; лучше ее жарить въ сметанѣ и сушить. Плотва некрупная клюетъ до глубокой осени, и даже зимою въ прорубяхъ; икру мечетъ въ іюнѣ.

Digitized by Google



9.

КРАСНОПЕРКА *) XI).

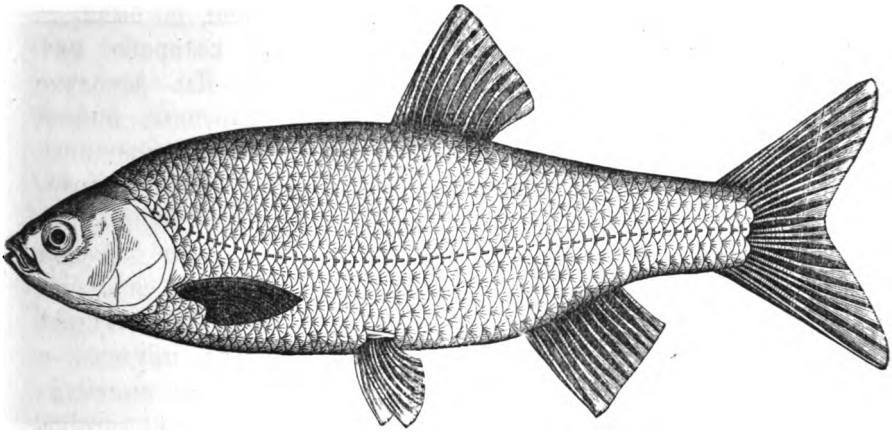
Рыбаки называютъ ее *плотица-красноперка*, и такъ, повидимому, не слѣдовало бы говорить о ней, какъ особой породѣ рыбы, но я нахожу между нею и обыкновенною плотицею существенное различіе, кромѣ различія цвѣта, которое, хотя не такъ ярко, встрѣчается и у другихъ рыбъ одной и той же породы. Красноперка гораздо шире обыкновенной плотицы; кругловатой своей фигурой и складомъ совершенно похожа на *подлещика*, покрыта чешуей желто-золотистаго блестящаго цвѣта; края этой чешуи какъ-будто оторочены золотисто-коричневой каемочкой: перья, особенно нижнія, яркаго краснаго цвѣта, отъ чего она и получила свое имя, глаза коричневые; все это вмѣстѣ дѣлаетъ ее одною изъ самыхъ красивыхъ рыбъ. Красноперка, вѣроятно,

*) Leuciscus erythrophthalmus, L. Въ Москвѣ неизвѣстна. Мѣстами—*красница*. Въ Малороссіи *черемуха, черемухà, чернухà*. *К. Р.*

Digitized by Google

можетъ достигать такой же величины и такого же возраста, какъ и простая плотица. Икру мечетъ въ одно время съ нею. Одинъ разъ, при мнѣ, выудилъ рыбакъ красноперку (на раковую шейку) въ три съ половиною фунта; она была такъ красива, что мы долго любовались ею. Не вездѣ, гдѣ водится обыкновенная плотва, водится и красноперка; около Москвы никто про нее и не слыхивалъ [XII], да и въ Оренбургской губерніи, во многихъ рѣкахъ, прудахъ и озерахъ, изобилующихъ всѣми породами рыбъ, въ томъ числѣ и плотвой, нѣтъ ни одной красноперки, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ она водится во множествѣ; клёвъ ея совершенно отличенъ отъ клёва плотицы: она не теребитъ, не рветъ, не таскаетъ крючка, схвативъ за кончикъ червяка; красноперка или вовсе не беретъ, или беретъ вѣрно. Очень рѣдко выудишь ее въ рѣкѣ; но въ концѣ лѣта и въ началѣ осени удятъ ее съ лодки въ большомъ количествѣ въ полояхъ прудовъ, между травами, и особенно на чистыхъ мѣстахъ между камышами, также и въ озерахъ, весной заливаемыхъ тою же рѣкою; тутъ беретъ она очень хорошо на краснаго навознаго червяка, и еще лучше на распаренную пшеницу (на мѣстѣ прикормленномъ); на хлѣбъ клюетъ не такъ охотно, но къ концу осени сваливается она въ прудахъ въ глубокія мѣста материка, особенно около кауза, плотины и вешняка, и держится до сильныхъ морозовъ; здѣсь она беретъ на хлѣбъ и маленькіе кусочки свѣжей рыбы: обыкновенно употребляютъ для этого тутъ же пойманную плотичку, или другую мелкую рыбку; ужъ это одно свойство совершенно отличаетъ ее отъ обыкновенной плотвы. Мелкая красноперка очень хороша для насадки на хищную рыбу, потому что живуща и не скоро утомляется, ходя на большомъ крючкѣ. Вкусомъ мало отличается отъ обыкновенной плотвы. Для уженья на зёрна, употребляются маленькія, а для червей и кусочковъ рыбы — среднія удочки. По необыкновенно-красивой наружности, потому что водится не вездѣ и клюетъ не всегда, даже появляется во множествѣ не всякій годъ—уженье красноперки несравненно выше уженья плотвы.

Digitized by Google



10.

ЯЗЬ *) XIII).

Не умѣю опредѣлить, откуда происходитъ его названіе. Язь, такъ сказать, уже капитальная рыба и занимаетъ одно изъ почетныхъ мѣстъ въ уженьѣ крупной рыбы, настоящемъ охотничьемъ уженьѣ, которое преимущественно привлекаетъ истиннаго рыбака. Тотъ уже не охотникъ, кто закидываетъ маленькую удочку на мелкую рыбу тамъ, гдѣ клюетъ крупная: лучше просидѣть или простоять нѣсколько часовъ, ничего не выудивъ, глядя на неподвижные наплавки, но ежеминутно ожидая богатой добычи, чѣмъ приняться за тасканье дрянныхъ плотичекъ и, можетъ быть, отогнать этимъ большихъ рыбъ. — Язи какъ-то рѣдко попадаются въ маломъ видѣ; по большой части они начинаютъ брать на удочку, достигнувъ порядочной величины; впрочемъ это замѣчаніе не вездѣ вѣрно **). Около Москвы, небольшихъ язей,

*) Leuciscus idus, L. Иногда *вязь;* небольшіе — *подъязики;* въ Петербургѣ большіе — *русскій карпъ.* *К. Р.*

**) Это замѣчаніе справедливо только въ отношеніи къ Оренбургской губерніи; около Москвы совсѣмъ напротивъ: мелкіе языки попадаются гораздо чаще.

Digitized by Google

фунтовъ до двухъ, называютъ *подъязиками*, но въ другихъ мѣстахъ Россіи я не слыхивалъ такого подраздѣленія. Язи около четырехъ фунтовъ попадаются всего чаще, но бываютъ и въ девять фунтовъ. Самый большой язь, котораго мнѣ удалось выудить, вѣсилъ около семи фунтовъ. Язь довольно широкъ, но уже не кругловатъ и ровнѣе плотицы; иногда достигаютъ трехъ четвертей длины и двухъ вершковъ толщины, разумѣется въ спинѣ; хвостъ и нижнія перья имѣетъ красные, а верхнія—сизыя; глаза свѣтло-коричневые, покрытъ чешуей, которая около спины крупнѣе и темнѣе, по большой части серебристаго цвѣта; но попадаются изрѣдка язи, въ одной и той же рѣкѣ, желтовато-золотистые. Они водятся только въ водахъ чистыхъ: рѣкахъ, проточныхъ прудахъ и большихъ озерахъ; икру мечутъ въ маѣ. Язи легко привыкаютъ къ прикормкѣ, особенно постоянной, и только при этомъ условіи можно выудить много крупныхъ язей въ одно утро, на одномъ и томъ же мѣстѣ; подъ словомъ *много*, я разумѣю какой-нибудь десятокъ. Съ начала весны язи охотно берутъ на куски умятаго хлѣба, величиною съ небольшой грецкій орѣхъ, потомъ на крупныхъ земляныхъ и на кучу навозныхъ червей или глистъ, также на раковыя шейки; въ началѣ и срединѣ лѣта — на линючихъ раковъ и на большаго бѣлаго червя (сальника) *); попозднѣе — на кобылокъ, а осенью язи почти не берутъ; если и возьметъ какой-нибудь шалунъ, то уже не на большую насадку и удочку маленькую, мелко пущенную и насаженную на пшеничку, муху или тому подобную мелочь. Одного изъ самыхъ крупныхъ язей я выудилъ на большаго зеленоватаго комара, особенной породы, на крошечную удочку: за то я водилъ его около часа. Настоящій клёвъ язей—со дна; для уженья употребляются крючки большіе, если велика насадка, и средніе, если она мала. По слитіи полой воды, вслѣдъ за плотицей, сейчасъ начинаютъ брать язи; самый лучшій клёвъ ихъ, по замѣчанію рыбаковъ, бываетъ въ то время, когда цвѣтетъ калина. Если вы удите безъ прикормки, *на ходу рыбы*, то надобно, выбравъ узкое мѣсто рѣки, одну удочку закинуть на середину, другую по-

*) Это личинка *майскаго* жука (Melolontha vulgaris L.). *К. Р.*

Digitized by Google

ближе, а третью у берега; если же удите на прикормленномъ и отлогомъ мѣстѣ, то выгоднѣе класть всѣ наплавки около травы, поближе къ берегу, а удилища—на траву. Безъ всякаго сомнѣнія, въ обоихъ случаяхъ, самое драгоцѣнное время для уженья язей—раннее утро. Тутъ они берутъ задолго до восхожденія солнца, такъ что, только сидя лицомъ къ зарѣ, и то наклонясь къ землѣ, можно различить наплавки. Только истинный охотникъ можетъ вполнѣ оцѣнить всю прелесть этого ранняго уженья.... При торжественной тишинѣ, бѣлѣетъ востокъ и гонитъ на юго-западъ ночную темноту, предметы выступаютъ изъ мрака, яснѣютъ; но камыши стоятъ еще неподвижны, и поверхность водъ не дымится легкимъ паромъ: еще долго до солнца.... Вдругъ начинаете вы слышать, сначала издали, бульканье подымающихся со дна пузырей: это воздухъ, выпускаемый чрезъ ноздри крупною рыбою.... Это вѣрный знакъ, что идутъ язи.... Пузыри выскакиваютъ ближе, вы уже ихъ видите.... Сейчасъ начнется клёвъ.... Язь беретъ вѣрно и прямо утаскиваетъ наплавокъ въ воду; подсѣчка должна быть скорая, рѣшительная, но не слишкомъ крѣпкая и не порывистая. Язь одна изъ сильныхъ рыбъ и на удочкѣ ходитъ очень бойко. Надобно осторожно, утомивъ напередъ, выводить его на поверхность воды и наблюдать, чтобы круги, которые онъ станетъ давать, были не слишкомъ широки: иначе ему будетъ легко, бросившись въ сторону, натянуть лесу и оборвать.

Большіе язи бываютъ очень жирны, и уха изъ нихъ довольно вкусна, но всего лучше приготовлять ихъ на холодное подъ соусомъ со сметаной и хрѣномъ; жаль только, что язь очень костливъ. Цвѣтъ его тѣла блѣдно-бланжевый.

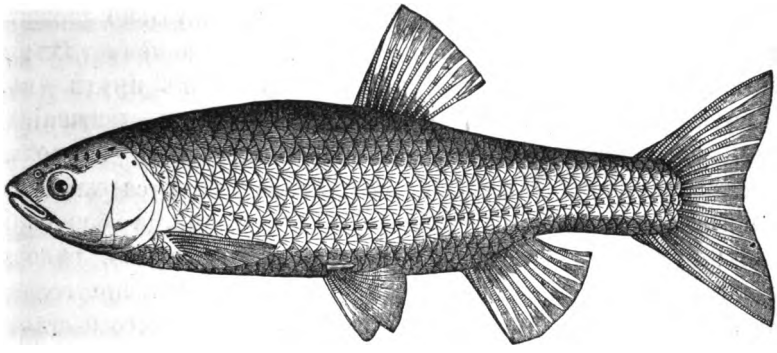
Наибольшую часть крупной рыбы, выуженной мной въ теченіи всего рыболовнаго моего поприща, составляютъ язи; рѣка Бугурусланъ, на которой я выросъ, изобиловала въ то время преимущественно язями; головли переводились, а лещи еще не заводились. И такъ большіе язи были вожделѣнной добычей рыбака. Да и какъ славно брали они тогда на хлѣбъ, безъ всякой прикормки, по всей рѣкѣ, безъ исключенія. Только, бывало, и слышишь о порванныхъ лесахъ, разогнувшихся или переломленныхъ крючкахъ и удилищахъ. Разумѣется, язей таскали черезъ голову, какъ плотичекъ,—и такъ,

Digitized by Google

мудрено ли, что выуживали четвертую часть изъ числа попадавшихся?...

Къ числу диковинныхъ случаевъ, видѣнныхъ мною на уженьѣ, можно причислить и слѣдующій: удилъ я одинъ разъ на берегу своего пруда (Оренбургской губерніи), а другой рыбакъ сидѣлъ на мосткахъ, устроенныхъ въ травѣ надъ самымъ материкомъ, по серединѣ пруда. Вдругъ вижу я, что рыбакъ всталъ на ноги и началъ водить, повидимому, большую рыбу. Эта исторія продолжалась такъ долго, что я пришелъ въ большое удивленіе. Я попробовалъ спросить, но разстояніе было велико, и мы слышали только крикъ другъ друга, а словъ разслушать не могли. Мнѣ надоѣло смотрѣть на однообразныя движенія рыбака, и я занялся собственными удочками; изрѣдка я взглядывалъ на него и видѣлъ все одно и то же. Наконецъ, по крайней мѣрѣ черезъ часъ, увидѣлъ, что рыбакъ поспѣшно плыветъ на лодкѣ прямо ко мнѣ: онъ привезъ въ сачкѣ неотцѣпленнаго огромнаго язя (слишкомъ въ 5 фунтовъ) и пригласилъ меня посмотрѣть, какимъ манеромъ онъ попался на удочку. Въ самомъ дѣлѣ, это была диковинка: шелковый поводокъ (въ двѣ шелковинки) обернулся и захлеснулся за конецъ спиннаго плавательнаго пера, а крючокъ, насаженный червякомъ, нетронутый висѣлъ у язя съ боку. Я пробовалъ держать рыбу на вѣсу (а въ воздухѣ это несравненно тяжелѣе, чѣмъ въ водѣ) — и рыба держалась крѣпко. Въ послѣдствіи съ тѣмъ же рыбакомъ случилась другая исторія въ этомъ же родѣ, еще удивительнѣе, но я разскажу ее, говоря о щукѣ. — Сообщаю новость охотникамъ: въ прошломъ 1851-мъ году, ночью на 15-е сентября, попалъ мнѣ язь въ три фунта на крючокъ, насаженный карасемъ и поставленный на налимовъ, въ ямѣ подъ вешнякомъ. И такъ, язь можетъ взять и на рыбку.

Digitized by Google



11.

ГОЛОВЛЬ *) XIV).

Хотя очевидно, что имя его происходитъ отъ большой головы, но она у него совсѣмъ не такъ велика, а если и кажется бо̀льшей величины, чѣмъ у другихъ рыбъ, то единственно отъ того, что лобъ у головля очень широкъ и какъ-то сливается съ его брусковатымъ станомъ. Головль не такъ широкъ, какъ язь, длиннѣе его и гораздо толще въ спинѣ. По увѣренію многихъ рыбаковъ, достигаетъ до аршинной длины и до четырнадцати фунтовъ вѣсу; самъ же я не видывалъ головля болѣе девяти фунтовъ. Онъ гораздо красивѣе язя: чешуя крупнѣе и серебристѣе, а каждая чешуйка по краямъ оттѣнена тонкою, блестящею, коричневою каемкой. Ротъ имѣетъ довольно большой, глаза темные; нижнія перья красноваты, а верхнія, особенно хвостъ, темно-сизаго цвѣта: такъ что, когда въ полдневный пригрѣвъ солнца рыба подымется со дна на поверхность воды, то сейчасъ отличишь головлей по темносинимъ, чернымъ почти, хвостамъ. Головль любитъ воду чистую и свѣжую, водится даже въ такой холодной водѣ, въ которой язь не можетъ держаться, такъ что въ рѣкахъ

*) Leuciscus dobula, L. Въ Москвѣ у рыбаковъ *голавль*. Въ другихъ мѣстахъ—*головень*, (Новгородс. губ.)—*голубль*. *К. Р.*

Digitized by Google

всегда появляется вслѣдъ за породами форели. Даже не знаю, живетъ ли онъ въ большихъ озерахъ, но въ проточныхъ рѣчныхъ прудахъ размножается обильно; исключительно держится на песчаныхъ и хрящеватыхъ мѣстахъ, даже каменистыхъ; въ полояхъ головль рѣдкость: рѣка, материкъ въ прудѣ—вотъ его мѣсто. Онъ необычайно быстръ въ своихъ движеніяхъ, чему способствуетъ складъ его стана, которымъ нѣсколько похожъ на щуку. Не такъ легко прикармливается хлѣбными зернами и, вообще, осторожнѣе язя, но иногда беретъ на хлѣбъ; лучше любитъ червей и особенно сальника, раковыя шейки и цѣлыхъ линючихъ раковъ; самые большіе головли берутъ на рыбку, предпочтительно ночью, для чего и ставятъ на нихъ осенью, когда сдѣлается холоднѣе, крючки насаженные пискарями, гольцами, а по неимѣнію ихъ, уклейками и плотичками. Я уже упомянулъ объ уженьѣ головлей лѣтомъ, по ночамъ, съ лодки на длинныя лесы. Крупный головль, бо́льшею частью, беретъ со дна; клёвъ его необыкновенно быстръ, и онъ почти всегда самъ себя подсѣкаетъ и потомъ стремительно выскакиваетъ наружу, мечется на удочкѣ, какъ бѣшеный, и выпрыгиваетъ иногда весь изъ воды. Рыбакъ долженъ стараться предупредить всѣ эти опасныя продѣлки и, угадавъ по быстротѣ движеній, что у него взялъ головль, не пускать его со дна наружу, пока онъ не утомится и не присмирѣетъ, иногда погружая для этого конецъ удилища въ воду. Нѣтъ рыбы его сильнѣе, бойчѣе, быстрѣе, неутомимѣе. Огромный головль на удочкѣ — великолѣпное зрѣлище! Самый опытный, искусный рыбакъ не безъ страха смотритъ на его быстрые, какъ молнія, неусмиряющіеся прыжки, и тогда только успокоится, когда подхватитъ сачкомъ. Головлей удятъ и безъ грузила и безъ наплавка, на наплавную удочку средней величины, насаживая на крючокъ кобылку, жучка, муху или навознаго червяка; это уженье производится на быстрыхъ теченіяхъ рѣки; попадаются преимущественно средніе головлики и рѣдко крупные; впрочемъ, большаго головля на такую лесу почти невозможно выудить. Хотя онъ сходенъ вкусомъ съ яземъ, но какъ-то чище, деликатнѣе. Уженье большихъ головлей я считаю первоклассным уженьемъ, какъ по осторожности, необыкновенной быстротѣ и бойкости ихъ, такъ и потому, что они берутъ рѣдко: поймать двухъ, трехъ круп-

Digitized by Google

ныхъ головлей въ одно утро — богатая, даже великолѣпная добыча. Но отъ чего такъ рѣдко берутъ большіе головли, тогда какъ, вѣроятно, каждому охотнику случалось видать ихъ гораздо болѣе, чѣмъ другой крупной рыбы—это разрѣшить я никакъ не могу. Головли всегда и вездѣ приводили меня въ отчаяніе: на рѣкахъ Оренбургской, Симбирской, Пензенской и Московской губерній. Всего обиднѣе видѣть ихъ, иногда гуляющихъ стаями въ полдень, по самой поверхности воды, иногда лежащихъ на каменистомъ или песчаномъ неглубокомъ днѣ рѣчнаго, какъ стекло прозрачнаго, переката! Подъ самый ротъ подводишь имъ всѣ любимыя насадки: раковъ, огромныхъ земляныхъ червей, жирнаго сальника, пескаря—все понапрасну! Точно и не видятъ! Иногда вдругъ одинъ подойдетъ, какъ-будто понюхаетъ (и займется духъ отъ ожиданія у охотника), толкнетъ рыломъ насадку и отойдетъ прочь! Иногда случалось, что кусокъ опустился прямо на головля, лежащаго на днѣ, и что же? отодвинется немножко въ сторону и ляжетъ опять на песокъ, пошевеливая, какъ кормовымъ весломъ, чернымъ хвостомъ своимъ. Рыбаки обыкновенно объясняютъ это тѣмъ, что головли видятъ охотника и не берутъ изъ осторожности. Но Богъ знаетъ, справедливо ли это объясненіе: сторожкая, пугливая рыба, увидѣвъ какую бы то ни было движущуюся фигуру, можетъ уплыть прочь, спрятаться—это понятно; но дальнѣйшихъ соображеній осторожности я не признаю: почему же головли берутъ рѣдко и въ глубокихъ мѣстахъ, въ водѣ непрозрачной, гдѣ рыбака рѣшительно не видно? Нѣтъ, тутъ должны быть другія причины, которыхъ мы не знаемъ.—Говоря о головлѣ, считаю не лишнимъ разсказать случай, служащій доказательствомъ, что никогда не должно брать рукою за лесу, вытаскивая большую рыбу, о чемъ я упомянулъ выше. Удилъ я одинъ разъ, послѣ обѣда, рано весною, въ верху большаго пруда (то-есть въ материкѣ), заросшаго камышами. Я стоялъ на узкой стрѣлкѣ: такъ назывался мысъ, залитый съ трехъ сторонъ водою. Крупная рыба еще не начинала брать. Три мои большія удочки лежали неподвижно; наконецъ тронуло на бѣлаго червя (сальника); два раза стаскивало, въ третій разъ я какъ-то ловко подсѣкъ и вытащилъ головлика. Видя, что крупная рыба не беретъ, я откинулъ большую удочку,

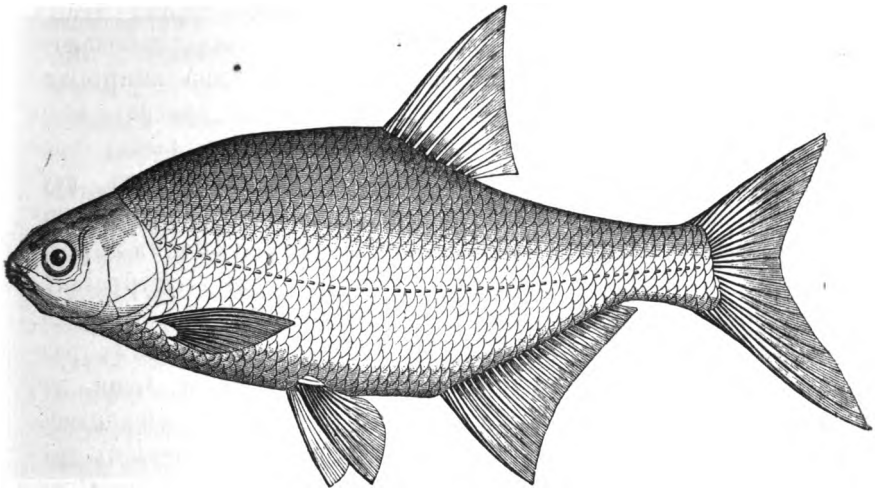
Digitized by Google

взялъ среднюю, въ 6 волосковъ, насадилъ маленькаго сальника и закинулъ. Не успѣлъ я положить удилища, какъ наплавокъ исчезъ... подсѣкаю — огромная рыба!... Гибкое удилище согнулось въ кольцо до самой руки. Сначала, по быстротѣ прямолинейныхъ движеній, я подумалъ, что это щука; но рыба не замедлила меня разувѣрить: огромный головль, какого я ни прежде, ни послѣ не видывалъ, вылетѣлъ на поверхность воды и началъ свои отчаянные прыжки... Тонкая леса моя была такъ крѣпка, удилище такъ гнутко, я водилъ такъ осторожно, что черезъ полчаса головль утомился. Я подвелъ его къ берегу, чтобъ подхватить сачкомъ, но сачокъ былъ *малъ* и *мелокъ*, рыба въ немъ не умѣщалась *). Между тѣмъ вдругъ головль сдѣлалъ отчаянный прыжокъ и выскочилъ на густую осоку, которая свѣсилась съ берега и была поднята подтопившею его водою: стоило только осторожно взять головля рукой, или накрыть его сачкомъ и вытащить на берегъ таскомъ; но я, столь благоразумный и терпѣливый, можно сказать искусный рыбакъ, соблазнился тѣмъ, что рыба лежитъ почти на берегу, что надобно протащить ее, всего какую-нибудь четверть аршина, до безопаснаго мѣста, схватилъ за лесу рукою и только натянулъ ее — головль взметнулся, какъ бѣшеный, леса порвалась, и онъ перевалился въ воду... Я потерялъ такую драгоцѣнную для охотника, особенно въ такое раннее весеннее время, добычу, что буквально былъ въ отчаяніи, да и до сихъ поръ не могу вспомнить этой потери равнодушно, хотя впослѣдствіи утѣшилъ себя тѣмъ, что написалъ идиллію: «Рыбачье горе»...

---

*) Вотъ доказательство сказаннаго мною выше, что сачокъ всегда долженъ быть глубокъ и не малъ.

Digitized by Google



12.

ЛЕЩЪ *) XV).

Опредѣлить съ точностью происхожденіе его имени довольно трудно. Легко быть можетъ, что слова: лещедь, лещедка, произошли отъ одного корня съ именемъ леща, ибо у широкой и плоской лещеди есть съ нимъ нѣкоторое подобіе; лещедкой же называется расколотый пенекъ дерева, или сучка, въ который ущемляется все то, что надобно придавить, сдѣлать плоскимъ. Круглой, плоской, широкой своей фигурой лещъ отличается отъ всѣхъ другихъ рыбъ; голова у него небольшая, особенно кажется такою по ширинѣ склада; ротъ еще меньше относительно величины всего тѣла. Лещи бываютъ огромной величины и вѣсу: достигаютъ почти аршинной длины, двухъ четвертей ширины и, въ то же время, только до двухъ вершковъ толщины въ спинѣ. Я отъ многихъ слыхалъ, что лещи попадаются въ

*) Abramis brama, L. Иногда *лящь;* въ южной Россіи также *чебакъ*.
К. Р.

Digitized by Google

восьмнадцать фунтовъ, но самъ не видалъ больше двѣнадцати фунтовъ. Они бываютъ желтовато-золотистаго и сѣровато-серебристаго цвѣта, но первые рѣдки; брюхо—бѣлое. Чешуя на нихъ крупная, хвостъ и перья сизые и очень небольшіе, глаза бѣлые съ темными зрачками. Фигура леща непріятна, она представляетъ что-то уродливое. Онъ не сноситъ воды холодной и появляется въ рѣкахъ послѣ всѣхъ рыбъ; преимущественно водится во множествѣ въ рѣкахъ тихихъ, глубокихъ, тинистыхъ, имѣющихъ много плесъ и заливовъ; особенно любитъ большіе пруды и озера; икру мечетъ въ апрѣлѣ въ самое водополье. Я помню, что въ рѣкѣ Бугурусланѣ, Оренбургской губерніи, когда она была еще мало заселена, сначала водилось много головлей и мало язей; потомъ развелось множество язей, а головлей стало мало; лещи же, сколько ихъ ни пускали въ прудъ, никакъ не разводились, хотя верстъ двадцать ниже, гдѣ наша рѣка впадаетъ въ другую, именно въ *Насягай*, лещей было довольно. Теперь же, и въ прудѣ Бугуруслана, и по всей рѣкѣ, лещей развелось множество *). Очевидно, что прозрачная и необыкновенно холодная вода рѣки, отъ многихъ мельницъ и новыхъ поселеній, постепенно дѣлалась мутнѣе, теплѣе, такъ что наконецъ стали въ ней держаться лещи. Впрочемъ, былъ употребленъ для разведенія ихъ тотъ способъ, о которомъ я говорилъ въ статьѣ «о рыбахъ вообще». — Небольшіе лещи называются *подлещиками*. Иные считаютъ ихъ особою породою рыбы; но, по-моему, это несправедливо. Весной, едва рѣки начнутъ входить въ берега и воды проясняться,—какъ начинается самый жадный клёвъ лещей, потому что они тощи, голодны послѣ изверженія икры и молокъ, какъ и всякая рыба, а корму еще мало. Они берутъ на червяка навознаго и землянаго, но всего охотнѣе на перваго. Впрочемъ ихъ можно прикормить хлѣбомъ и распаренными зёрнами; они хорошо берутъ на размоченный горохъ. Для уженья, если оно производится въ рѣкахъ, избираются мѣста тихія и глубокія, всего лучше заводи и заливы. Въ прудахъ и озерахъ можно выбирать мѣсто, какое угодно, но, разумѣется, глубокое, имѣющее гладкое покатое дно и удобный берегъ для

*) Эта перемѣна произошла черезъ сорокъ лѣтъ.

Digitized by Google

вытаскиванія добычи. Въ нѣкоторыхъ водахъ они водятся въ такомъ изобиліи и съ весны клюютъ такъ охотно и вѣрно, что ихъ можно выудить невѣроятное количество. Я разумѣю лещей среднихъ: очень крупные берутъ всегда рѣдко. Удить надобно со дна, на двѣ и на три удочки; лещъ беретъ тихо и ведетъ наплавокъ, не вдругъ его погружая: всегда успѣешь схватить удилище и подсѣчь. Удочки лучше употреблять большія, а крючки средніе, насаживая по нѣскольку червяковъ навозныхъ, или по одному, ибо лещъ беретъ безъ церемоніи на обѣ насадки. Первые его порывы на удочкѣ бываютъ очень сильны, но онъ скоро утомляется и всплываетъ наверхъ, какъ деревянный заслонъ: тутъ весьма удобно подвести его къ берегу, подхватить сачкомъ и даже просто взять рукою. Это я говорю о лещахъ средней величины, то-есть, около четырехъ фунтовъ. Но первыя движенія огромнаго леща, то-есть, фунтовъ около восьми, десяти, такъ порывисты и упорны, что надобно крѣпкую лесу, очень гнуткое удилище и много умѣнья и ловкости, чтобы выдержать ихъ благополучно. Вотъ для чего лучше употреблять удочки большаго разбора. Говорю это по разсказамъ; я самъ мало уживалъ лещей и нетяжеле пяти фунтовъ. Многіе охотники страстно любятъ весенній клёвъ лещей, который продолжается недѣли двѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, чѣмъ рыба больше, тѣмъ лестнѣе ее выудить, а потому и огромные лещи, которые берутъ не часто, представляютъ для охотника заманчивое уженье; но тасканье лещей мелкихъ, то-есть подлещиковъ, вѣсомъ фунтовъ до двухъ, которые берутъ безпрестанно, до чрезвычайности вѣрно и однообразно, сейчасъ всплываютъ на верхъ и неподвижные вытаскиваются на берегъ, какъ деревянныя щепки,—по-моему совсѣмъ не весело: я пробовалъ такое уженье, и оно мнѣ не понравилось. Для меня гораздо пріятнѣе выудить леща, между многими другими рыбами, въ продолженіи лѣта и въ началѣ осени, когда уже онъ беретъ рѣдко.

Лещи бываютъ очень жирны, если хотите вкусны, но какъ-то грубо-приторны, а большіе — и жестки; впрочемъ изрѣдка можно поѣсть съ удовольствіемъ бокъ жаренаго леща, то-есть, рёбры, начиненныя кашей: остальныя части его тѣла очень костливы.

Digitized by Google

13.

САЗАНЪ *).

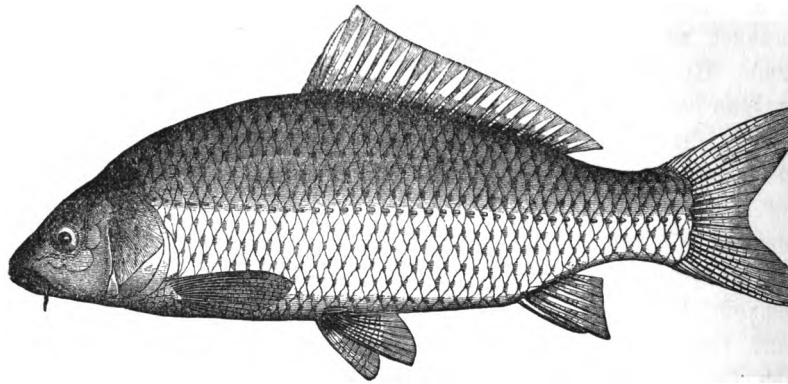
Производства его имени сдѣлать не умѣю; ужъ полно русское ли оно?—Сазанъ очень красивая рыба, достигающая пудоваго вѣса. Прежде я не слыхивалъ, чтобъ сазаны водились въ рѣкахъ средней величины. Въ Оренбургскую, Симбирскую и другія низовыя губерніи обыкновенно ихъ привозили зимою въ значительномъ количествѣ съ большихъ рѣкъ и преимущественно съ Урала, въ который набиваются они со взморья въ такомъ невѣроятномъ множествѣ, что оно можетъ показаться баснословнымъ. Но лѣтъ двадцать тому назадъ, въ рѣкѣ Свіягѣ, протекающей подъ самымъ Симбирскомъ, вдругъ появились сазаны, сначала средней величины и крупные, а впослѣдствіи уже развелось и множество мелкихъ. Не утверждаю за вѣрное, но мнѣ сказывали, что въ верховьѣ этой самой рѣки у какого-то помѣщика былъ огромный прудъ, не уходившій лѣтъ сорокъ, въ которомъ онъ развелъ сазановъ (карпій) въ изобиліи; но вдругъ этотъ прудъ прорвало, сазаны ушли и распространились по всей рѣкѣ. Конечно, всего ближе было зайдти сазанамъ изъ Волги, въ которую Свіяга впадаетъ; но почему же они не заходили прежде? Какъ бы то ни было, но появленіе сазановъ открыло новое превосходное уженье для симбирскихъ рыбаковъ-охотниковъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ уже появились сазаны и въ другихъ небольшихъ рѣкахъ Симбирской и даже Пензенской губерніи. [XVI]. Мнѣ самому удалось выудить нѣсколько сазановъ отъ трехъ до четырехъ фунтовъ. Безъ сомнѣнія, они бойчѣе на удочкѣ всякой другой рыбы. Сазанъ беретъ тихо и везетъ

*) Смотри *Карпію.* *К. Р.*

Digitized by Google

наплавокъ съ возрастающей скоростью, не вдругъ погружая его въ воду; но какъ скоро вы его подсѣчете, онъ бросается съ невѣроятною быстротою прямо отъ васъ, діагонально поднимаясь къ верху и вытягивая въ прямую линію лесу и удилище. Не ожидая сначала такого маневра, я потерялъ нѣсколько сазановъ и крючковъ; довольно толстыя лесы въ одну минуту были порваны. Для уженья крупныхъ сазановъ употребляютъ удочки самаго большаго размѣра и особеннно крѣпкія лесы. Сазанъ клюетъ только на навознаго и землянаго червяка. Самый лучшій клёвъ—весною. Сазанъ очень красивъ: онъ покрытъ необыкновенно-крупною, темно-желтозолотистою чешуей: кажется, будто по золотистому полю онъ весь усыпанъ гвоздиками, что̀ напоминаетъ красивую чешую головля. Онъ довольно широкъ, при первомъ взглядѣ имѣетъ нѣкоторое сходство съ карасемъ, но горбатѣе, у́же и длиннѣе его; около краевъ рта имѣетъ два толстые, короткіе и мягкіе уса, оканчивающіеся кругловатыми и плоскими головками. Сазана я рѣшительно признаю за одну и ту же рыбу съ карпіей по совершенному ихъ сходству во всемъ, хотя говорю о каждой особо. У большаго сазана мясо нѣсколько грубо, а мелкіе сазаны очень вкусны.

Digitized by Google



14.

КАРПЪ, или КАРПІЯ *) XVII).

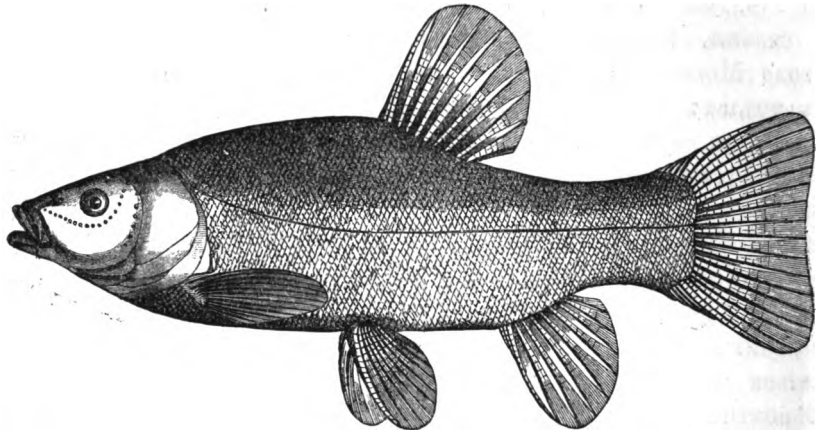
Карпъ имя иностранное, а карпія—передѣланное на русскій ладъ. Говоря о сазанѣ, я уже сказалъ, что онъ и карпія—одна и та же рыба, съ тою разницею, что карпія въ прудахъ имѣетъ цвѣтъ не яркій, а сѣровато-грязный, и не достигаетъ такой огромной величины, какъ сазаны, водящіеся въ большихъ рѣкахъ и особенно въ ихъ устьяхъ, при впаденіи въ море: въ Астрахани, напримѣръ, уловъ сазановъ бываетъ невѣроятно великъ, и замѣчателенъ, какъ по множеству, такъ и по крупнотѣ ихъ. Въ самой Москвѣ много водилось карпій въ разныхъ прудахъ, особенно въ Прѣсненскихъ, и прудахъ Дворцоваго сада, который нынѣ принадлежитъ Кадетскому корпусу. Въ окрестностяхъ Москвы рѣдко найдешь хорошій прудъ, проточный или непроточный, все равно, лишь бы довольно большой, въ которомъ бы не были разведены карпіи. Въ прудахъ долго нечищенныхъ и заглохшихъ тиной карпіи переводятся; нерѣдко дохнутъ они въ прудахъ и отъ того, что въ продолженіи долгихъ зимъ не

*) Cyprinus carpio, L. Въ южной Россіи *коропъ* и *сазанъ*. *К. Р.*

Digitized by Google

заботятся о достаточномъ количествѣ ежедневныхъ прорубей, отъ чего вода сдыхается и портится.—Карпіи охотно клюютъ на землянаго и навознаго червяка. На удочкѣ очень бойки и сильны, клюютъ больше со дна. Я не слыхивалъ, чтобъ около Москвы попадались карпіи въ рѣкахъ; пойманныя же въ прудахъ часто пахнутъ тиной, если дно въ нихъ тинисто. Впрочемъ, ихъ можно такъ же, какъ карасей, сажать въ прорѣзныя сажалки, въ проточную свѣжую воду: онѣ скоро потеряютъ запахъ тины и получатъ свой обыкновенный пріятный вкусъ. Карпіи, разводимыя въ прудахъ, легко пріучаются къ прикормкѣ въ назначенный часъ и въ назначенномъ мѣстѣ; если во время ихъ кормленія звонить постоянно въ колокольчикъ, то онѣ такъ къ нему привыкнутъ, что станутъ собираться на звонъ колокольчика, даже и не въ урочное время. Вѣроятно, и другихъ рыбъ можно пріучить къ тому же. Въ Москвѣ есть еще люди, которые помнятъ эту продѣлку въ Нескучномъ саду, когда онъ принадлежалъ князю Шаховскому. Весьма недавно въ Прѣсненскихъ прудахъ водилось множество карпій очень крупныхъ; народъ любилъ кормить ихъ калачами. Въ самомъ дѣлѣ, это было забавное зрѣлище: какъ скоро бросятъ калачъ въ воду, то нѣсколько изъ самыхъ крупныхъ карпій (а иногда и одна) схватятъ калачъ и погрузятъ его въ воду; но, не имѣя возможности его откусить, скоро выпустятъ изо рта свою добычу, которая сейчасъ всплыветъ на поверхность воды; за нею немедленно являются и карпіи, уже въ бо̀льшемъ числѣ и съ бо̀льшею жадностью и смѣлостью схватываютъ калачъ со всѣхъ сторонъ, таскаютъ, дергаютъ, ныряютъ съ нимъ, и какъ скоро онъ немного размокнетъ, то разрываютъ на куски и проглатываютъ въ одну минуту. Всѣ эти продѣлки провожалъ народъ громкими восклицаніями и хохотомъ. Мнѣ не удавалось удить много ни сазановъ, ни, такъ называемыхъ, карпій, но по разсказамъ охотниковъ должно заключить, что это уженье, особенно въ рѣкахъ или большихъ прудахъ, очень пріятно, добычливо и требуетъ въ то же время умѣнья, осторожности и сачка: ибо крупная карпія—самая бойкая, сильная и неутомимая рыба.

Digitized by Google



15.

ЛИНЬ *) XVIII).

Хотя можно имя его произвесть отъ глагола *льнуть:* потому что линь, покрытый липкою слизью, льнетъ къ рукамъ; но я рѣшительно полагаю, что названіе линя происходитъ отъ глагола *линять:* ибо пойманный линь, даже въ ведрѣ съ водою или кружкѣ, особенно если ему тѣсно — сейчасъ полиняетъ, и по всему его тѣлу пойдутъ большія, темныя пятна, да и вынутый прямо изъ воды имѣетъ цвѣтъ двуличневый, линючій. Безъ сомнѣнія, народъ замѣтилъ такую особенность линя и далъ ему характерное имя. Линь складомъ своего стана нѣсколько схожъ съ яземъ, только немного шире, толще его и какъ-то четвероугольнѣе; онъ покрытъ мельчайшею чешуей темно-зеленаго, золотистаго цвѣта, которую трудно разглядѣть простыми глазами; онъ весь какъ-будто обмазанъ густою слизью; глаза имѣетъ маленькіе, ярко-красные; хвостъ и перья толстые, мягкіе и темные; ротъ небольшой. Линь достигаетъ значительной величины; увѣряютъ, что

*) Tinca vulgaris, C. Во всей Россіи называется одинаково. *К. Р.*

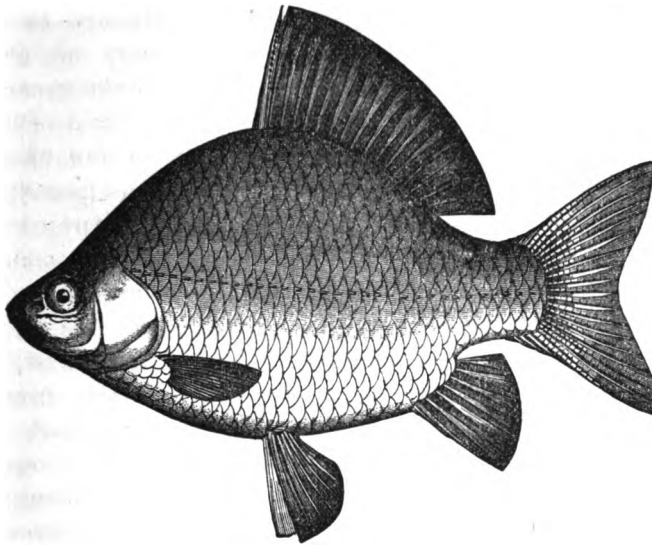
Digitized by Google

лини бываютъ въ четырнадцать фунтовъ вѣсомъ, но я не видывалъ линя болѣе восьми фунтовъ. Надобно сказать, что я не совсѣмъ вѣрю большой величинѣ и вѣсу многихъ рыбъ, о которыхъ разсказываютъ рыбаки и охотники; часто они судятъ по глазомѣру и по рукѣ, и очень ошибаются. Вотъ, напримѣръ, лини: сколько я ихъ переудилъ въ жизнь мою, сколько видѣлъ выуженныхъ другими, или пойманныхъ разными рыболовными снастями; какъ бы мнѣ не встрѣтить, хотя одного, если не въ четырнадцать, то хоть въ десять или двѣнадцать фунтовъ? — Видѣнный и взвѣшенный мною на безмѣнѣ, восьми-фунтовый линь былъ длиною въ двѣ четверти съ вершкомъ, но за то чрезвычайно толстъ. Лини клюютъ на хлѣбъ, на земляныхъ и навозныхъ червей, на раковыя шейки и на линючихъ, небольшихъ раковъ: имъ трудно заглатывать крупныхъ. Самый клёвъ линей въ рѣкахъ (правильнѣе сказать: въ заливахъ рѣкъ, и то въ самыхъ тихихъ, и то рано весною), озерахъ и прудахъ начинается сейчасъ по слитіи вешнихъ водъ; лѣтомъ они берутъ уже въ однихъ прудахъ, то есть: въ ихъ травянистыхъ полояхъ и верховьяхъ, изрѣдка даже въ материкѣ пруда; но въ рѣкѣ незапруженной, лѣтомъ, уже ни за что линя не выудишь. Въ Оренбургской губерніи я уживалъ линей, и помногу, въ сентябрѣ, даже при небольшихъ морозахъ, по глубокимъ мѣстамъ въ полояхъ пруда, обросшихъ кругомъ травою; но около Москвы этого клёва не существуетъ: какъ скоро похолодѣетъ, всѣ лини изъ заливовъ и травъ уйдутъ, а въ материкѣ не берутъ. Линь хорошо водится въ рѣкахъ тихихъ, тинистыхъ и травянистыхъ; холодной воды не любитъ, но всего больше размножается въ проточныхъ прудахъ, озерахъ и даже въ прудахъ непроточныхъ, небольшихъ. Рыбаки говорятъ, что лини мечутъ икру два раза въ годъ: въ мартѣ и августѣ. Нисколько того не утверждая, я замѣчу, однако, что лучшій клёвъ линей бываетъ въ апрѣлѣ и сентябрѣ, какъ-будто послѣ метанья икры. Заводи, заливы, полои, непремѣнно поросшіе травою,—вотъ любимое мѣстопребываніе линей; ихъ надобно удить непремѣнно со дна, если оно чисто; въ противномъ случаѣ, надобно удить на-вѣсу и на нѣсколько удочекъ; они берутъ тихо и вѣрно: по большей части, наплавокъ безъ малѣйшаго сотрясенія, непримѣтно для глазъ

Digitized by Google

плыветъ съ своего мѣста въ какую-нибудь сторону, даже нерѣдко пятится къ берегу—это линь; онъ взялъ въ ротъ крючокъ съ насадкой и тихо съ нимъ удаляется; вы хватаете удилище, подсѣкаете, и жало крючка пронзаетъ какую-нибудь часть его мягкаго, тѣснаго, какъ бы распухшаго внутри рта: линь упирается головой внизъ, поднимаетъ хвостъ къ верху, и въ такомъ положеніи двигается очень медленно по тинистому дну, и то, если вы станете тащить; въ противномъ случаѣ онъ способенъ пролежать камнемъ нѣсколько времени на одномъ и томъ же мѣстѣ. Когда вы почувствуете, что линь очень великъ, то не надобно торопиться и тащить слишкомъ сильно: можно переломить крючокъ, если онъ воткнулся въ лобковую кость его рта и пришелся на взломъ; держите лесу слегка въ натяжку и дожидайтесь, когда линь рѣшится ходить; тогда начинайте водить, и водите долго, ибо онъ очень силенъ и не скоро утомляется; берегитесь травы: онъ сейчасъ въ нее бросится, запутается и готовъ оставаться тамъ нѣсколько часовъ. Далѣе поступайте такъ, какъ слѣдуетъ обходиться съ большою рыбою. Линь очень рѣдко срывается, развѣ порвется леса или сломится крючокъ. Уженье линей на мелкихъ мѣстахъ, посреди густыхъ водяныхъ травъ, что случается очень часто, требуетъ особенной ловкости и умѣнья: запутавшись, завертѣвши лесу за траву,—линь вдругъ останавливается неподвижно; разумѣется, тащить не должно; но если рыбакъ, ожидая времени, когда линь придетъ въ движеніе, опуститъ удилище и будетъ держать лесу слишкомъ наслаби, то иногда линь съ такою быстротою бросается въ сторону, что вытянетъ лесу въ прямую линію и сейчасъ ее порветъ (разумѣется, линь большой); а потому совѣтую удить въ травахъ на лесы самыя толстыя, крѣпкія и употреблять удилища не слишкомъ гибкія. По своей мягкости и живучести, маленькіе линьки служатъ отличной насадкой на хищную рыбу. Уха изъ линей густа и питательна, имѣетъ вмѣстѣ особенный, довольно пріятный, сладимый вкусъ; но всего лучше ихъ сушить въ сметанѣ. Лини часто пахнутъ тиной, отъ чего легко ихъ избавить, посадивъ въ плетеную сажалку и поставивъ недѣли на двѣ въ проточную воду. Въ сажалкѣ надобно кормить ихъ печенымъ хлѣбомъ, отъ чего они скоро разжирѣютъ.

Digitized by Google



16.

КАРАСЬ *). XIX).

Самая плодовитая и вездѣ во множествѣ водящаяся рыба. Складомъ своимъ широкъ и кругловатъ; фигура его составляетъ средину между красноперкой и лещомъ, то-есть онъ шире красноперки и у́же леща; покрытъ чешуей серебрянаго или золотаго цвѣта. И бѣлые, и желтые караси (какъ называютъ ихъ безъ церемоніи рыбаки) живутъ иногда въ одной и той же водѣ вмѣстѣ. Въ небольшихъ копаныхъ прудахъ во множествѣ попадаются караси средняго, переходнаго отъ бѣлаго къ желтому, какъ-будто розоваго цвѣта: вѣроятно, это помѣсь. Вся разница между ними состоитъ въ томъ, что караси желтые нѣсколько круглѣе и перья имѣютъ

*) Различаютъ два вида карасей: *1) желтаго золотаго, широкаго* или *круглаго*, или *озернаго* (Carassius vulgaris, Nils.) и *2) серебрянаго, бѣлаго, продолговатаго рѣчнаго* (Carassius gibelio, Bl.). *К. Р.*

Digitized by Google

красныя, особенно нижнія; у бѣлыхъ же они сѣровато-сизыя. Вообще карась—складная и красивая рыба, преимущественно золотой. Многіе увѣряли меня, что караси бываютъ въ десять и даже двѣнадцать фунтовъ, но я долго этому не вѣрилъ. Переудивши въ жизнь мою неизсчетное множество карасей, я ни одного не выудилъ тяжеле двухъ съ половиною фунтовъ. Помню я въ дѣтствѣ моемъ, какъ тянули неводами заливныя озера по рѣкѣ Бѣлой (это было тогда, когда Оренбургская губернія называлась еще Уфимскою), какъ съ трудомъ вытаскивали на зеленый берегъ, туго-набитую рыбой, *мотню* *), какъ вытряхивали изъ нея цѣлый возъ большихъ щукъ, окуней, карасей и плотвы, которые распрыгивались во всѣ стороны; помню, что иногда удивлялись величинѣ карасей, взвѣшивали ихъ потомъ, и ни одинъ не вѣсилъ болѣе пяти фунтовъ. Но нѣсколько лѣтъ тому назадъ, прислалъ мнѣ зимой въ Москву одинъ пріятель (Ѳ. И. В.) нѣсколько мерзлыхъ карасей, пойманныхъ въ Костромской губерніи; всѣ они были необыкновенной величины, или, лучше сказать, толщины, потому что карась, достигнувъ двухъ четвертей съ небольшимъ длины, начинаетъ рости только въ толщину; одинъ изъ обывателей Чухломскихъ водъ вѣсилъ девять фунтовъ! Вотъ было бы весело поймать такого карася-исполина на удочку! И такъ, почему же не быть карасямъ и въ двѣнадцать фунтовъ? Живя въ Оренбургской губерніи, я и не слыхивалъ объ уженьѣ карасей. При изобиліи всякой крупной рѣчной рыбы, конечно, никакой охотникъ не станетъ думать о карасяхъ. Я познакомился съ ними по необходимости, проведя лѣтнее время гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ Москвы. Тутъ вездѣ есть копаные пруды, иногда очень большіе и глубокіе, поддерживаемые открывшимися на днѣ родниками и отъ того всегда имѣющіе хорошую воду; карасей разведено почти вездѣ множество, и я волею-неволею полюбилъ это уженье. Караси начинаютъ брать весною позднѣе другой рыбы; надобно, чтобъ теплота воздуха и весенніе лучи солнца прогрѣли воду и тѣмъ подняли карасей съ тинистаго дна, изъ глубокихъ ямъ, куда они забиваются на зиму. Если очень холодно, то въ на-

*) Мотнею называютъ остроконечный длинный мѣшокъ, находящійся въ срединѣ невода.

Digitized by Google

чалѣ сентября перестаютъ брать; а если тепло, то берутъ до октября. Всего охотнѣе караси клюютъ на красныхъ навозныхъ червяковъ, или глистъ, но берутъ и на земляныхъ червей и на хлѣбъ: къ послѣднему надо ихъ пріучить, бросая куски хлѣба для прикормки. Я выудилъ одинъ разъ неожиданно желтаго карася на раковую шейку, предназначенную для линя: и такъ караси могутъ брать и на рака. Ежели въ прудѣ водятся и бѣлые и желтые караси, то на хлѣбъ будутъ брать преимущественно желтые, а на червяка—бѣлые: исключенія довольно рѣдки. Если же и возьметъ на хлѣбъ бѣлый карась, то уже почти всегда не маленькій. Странность необъяснимая, потому что бѣлый карась точно такъ же ѣстъ хлѣбную прикормку, какъ и желтый. Хотя караси, по большой части, водятся въ озерахъ и копаныхъ прудахъ, и рѣдко попадаются въ заливахъ проточныхъ прудовъ, но никакъ нельзя сказать, что они не живутъ въ рѣкахъ. Я очень часто замѣчалъ, что въ рѣкѣ карасей повидимому нѣтъ, а во всѣхъ озеркахъ и заводкахъ, наливающихся припруженною водою этой же самой рѣки, вездѣ есть караси. Они разводятся въ невѣроятномъ количествѣ въ самыхъ нечистыхъ водахъ, и первые годы растутъ очень скоро, какъ и всякая рыба. Но живя въ водахъ нечистыхъ, слѣдовательно теплыхъ, караси точно также могутъ жить въ водѣ самой холодной. Вотъ какое тому доказательство видѣлъ я самъ: въ двухъ верстахъ отъ меня, въ мордовской деревушкѣ «Киватское», была прорванная мельничная плотина, брошенная болѣе десяти лѣтъ; противъ того мѣста, гдѣ былъ прежде вешнякъ, всегда стояла, полная съ краями, глубокая яма воды, студеной какъ ледъ, изъ которой вытекалъ ручеекъ: несомнѣнный признакъ, что въ ямѣ былъ родникъ. Почти всякій день проѣзжалъ я на охоту съ ружьемъ мимо этого мѣста. Одинъ разъ, возвращаясь съ охоты, въ исходѣ іюня, вижу я кучу народа около вышесказанной ямы. Я зашелъ посмотрѣть, что̀ тутъ дѣлаютъ. Каково было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что нѣсколькими бреднями ловили въ ямѣ карасей, и уже поймали болѣе воза. Караси были всѣ желтые, всѣ одинаковой средней величины. Ловившіе рыбу дрожали отъ холода, несмотря на жаркое время. Никогда никому не входило въ голову, чтобъ въ этой ямѣ могла держаться рыба, особенно

Digitized by Google

караси: мальчишки увидѣли плавающія по верху темныя тучи какой-то рыбы и разсказали о томъ въ деревнѣ.

Клёвъ карасей чрезвычайно неодинаковъ; иногда они берутъ безпрестанно и очень вѣрно: тронутый наплавокъ даетъ около себя одинъ или нѣсколько кружковъ и отправляется въ сторону, но погружается рѣдко; тутъ довольно времени схватить удилище и подсѣчь; тутъ можно удить на нѣсколько удочекъ и разложить спокойно свои удилища на чемъ случится; но иногда, въ томъ же самомъ пруду, караси начнутъ клевать до того осторожно, или лучше сказать, невѣрно, что надобно удить на одну удочку и держать удилище въ рукѣ, потому что должно уловлять, посреди трогання и поталкиванья, малѣйшую потяжку наплавка; промаховъ будетъ не мало, но иначе ничего не выудишь; въ этомъ случаѣ гораздо вѣрнѣе удить на хлѣбъ. Впрочемъ, иногда караси берутъ только на хлѣбъ, иногда только на червей. Перемѣну въ характерѣ клёва я объясняю тѣмъ, что покуда держатся около удочекъ караси средніе, ровные, то клёвъ продолжается вѣрный; когда же привалятъ стаи мелкихъ карасей (вотъ почему не годится бросать много прикормки), то начнется одно пустое трогання и поталкиванье, такъ что порядочный карась долженъ протѣсняться сквозь кучу мелкихъ и не можетъ взять тихо и спокойно, а беретъ также урывками, хватая за хвостъ червяка, слѣдственно также невѣрно. Впрочемъ, и то надобно сказать, что когда въ небольшомъ прудѣ выужено значительное количество карасей, да у числа, вдвое бо́льшаго, прорваны, оторваны *) или поранены губы, то и карась, какъ онъ ни простъ, долженъ сдѣлаться осторожнымъ.

Для хлѣбной насадки надобно употреблять удочки маленькія, а для червяка — среднія. Очень ранняго вставанья по утрамъ не нужно. Въ лѣтніе жаркіе и красные дни, какъ скоро сядетъ солнце, караси начинаютъ ходить около береговъ; въ это время и удочки надобно закидывать какъ можно ближе къ берегу. Въ полдень же они подымаются наверхъ и черными большими пятнами, какъ пролитая смола, то темнѣе, то свѣтлѣе, тихо передвигаются съ мѣста на мѣсто по

*) Отъ сильной подсѣчки нерѣдко совсѣмъ отрываются у карасей (и у всякой мелкой рыбы) губы, которыя, точно какъ колечко, держатся на кожицѣ, вытягиваясь въ нужномъ случаѣ на подобіе небольшаго хобота.

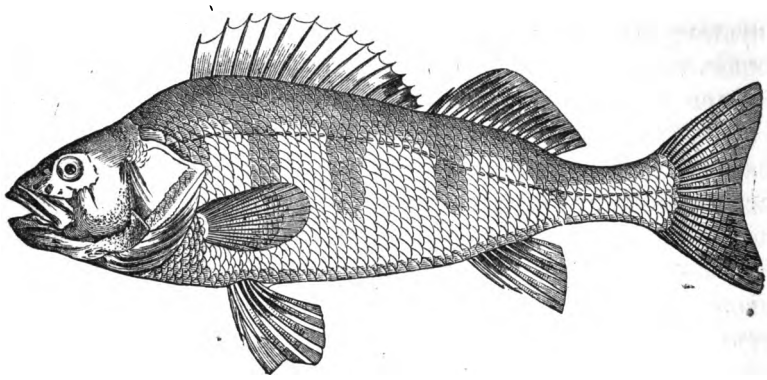
Digitized by Google

поверхности воды; тутъ надобно пускать наплавки какъ можно мельче, ибо въ это время караси берутъ очень мало со дна. Крупные караси—я разумѣю карасей около двухъ фунтовъ—попавъ на удочку, довольно бойко бросаются въ сторону, вертя и головой и всѣмъ тѣломъ и виляя хвостомъ; я предполагаю, что у самыхъ большихъ карасей этотъ маневръ можетъ быть опасенъ, и потому надобно стараться сейчасъ повернуть карася въ сторону, не давая натянуть лесы; карась скоро утомляется и всплываетъ наверхъ бокомъ, какъ лещь. Сушеные и особенно жареные въ сметанѣ караси — превосходнѣйшее блюдо; но какъ они живутъ въ прудахъ, то вкусъ ихъ зависитъ отъ качества воды, и они часто пахнутъ тиной. Впрочемъ, если такихъ карасей насажать въ плетеную сажалку и опустить въ чистую, проточную воду, то черезъ двѣ, много черезъ три недѣли, они потеряютъ непріятный вкусъ и сдѣлаются очень хороши. Карась самая живущая рыба, и потому мелкіе карасики служатъ отличною насадкой для всякой крупной, хищной рыбы.

Двѣ послѣднія породы рыбъ: линь и карась, имѣютъ особенный характеръ, имъ только свойственный. Ихъ можно назвать *тинистыми*, ибо они только тамъ разводятся въ изобиліи, гдѣ вода тиха и дно ея покрыто тиной. Тина — ихъ атмосфера; на зиму они рѣшительно въ нее забиваются и остаются живы даже тогда, когда въ жестокія безснѣжныя зимы, въ мелкихъ прудахъ и озерахъ, вся вода вымерзаетъ и только остается на днѣ мокрая, тинистая грязь.

Теперь я приступаю къ описанію хищныхъ рыбъ.

Digitized by Google



17.

ОКУНЬ *) XX).

Ужъ право и не знаю, откуда произвести его имя. Не происходитъ ли оно отъ глагола *окунать:* ибо окунь всегда окунаетъ, то-есть, погружаетъ въ воду наплавокъ, и даже не одинъ разъ, если кусокъ, имъ заглатываемый, слишкомъ великъ?... но я нисколько не стою за такое словопроизводство.

Послѣ плотвы, окунь самая многочисленная порода рыбы. Въ рѣкахъ, озерахъ, въ прудахъ проточныхъ и даже непроточныхъ, лишь бы вода была свѣжа, — онъ разводится изобильно. Окунь довольно широкъ станомъ, горбоватъ, покрытъ чешуей зеленоватаго, нѣсколько золотистаго цвѣта; на спинѣ имѣетъ гребень съ острыми иглами, и между имъ и хвостомъ плавательное перо; хвостъ и особенно нижнія перья красные, брюшко бѣловатое, глаза желтые съ черными зрачками; поперекъ всего тѣла лежатъ пять полосъ, что̀ дѣлаетъ его пестрымъ и вообще очень красивымъ. На щекахъ, покрывающихъ его жабры, онъ имѣетъ по одной иглѣ, которыми очень больно колется, если его возьмешь неосторожно; большой ротъ и широкое горло показываютъ способность глотать большіе куски,

*) Perca fluviatilis, L. Во всей Россіи называется одинаково. *К. Р.*

Digitized by Google

несоразмѣрные даже съ его ростомъ, и обличаютъ хищную его породу. Окунь достигаетъ значительной величины и особенно вѣса. По разсказамъ людей, впрочемъ достовѣрныхъ, бываютъ окуни въ двѣнадцать фунтовъ; но я видѣлъ только въ восемь фунтовъ, и то мерзлыхъ, привозимыхъ съ Урала. Самъ я выудилъ окуня въ три съ половиною фунта, и тяжеле его живыхъ не видывалъ. Въ длину окунь не выростаетъ много, что̀ я особенно замѣтилъ, сравнивая восьмифунтоваго окуня, который былъ двухъ четвертей съ половиною длины и четыре вершка ширины, съ окунемъ въ три съ половиною фунта: въ длинѣ не было такой большой разницы, какой слѣдовало бы ожидать. Но за то окунь растетъ въ толщину, которая простирается въ спинѣ до двухъ съ половиной вершковъ. Окуни начинаютъ клевать весною, какъ только прояснится вода, и продолжаютъ до тѣхъ поръ, пока вода покроется льдомъ, даже берутъ зимой въ прорубяхъ; впрочемъ, я никогда не пробовалъ зимняго уженья. Въ исходѣ апрѣля окуни полны икрой, которую мечутъ въ маѣ. Выметавъ икру, начинаютъ они брать жаднѣе. Самый богатый клёвъ окуней—въ августѣ и въ началѣ сентября, когда отъ легкихъ морозовъ вода сдѣлается чище, прозрачнѣе, и имъ будетъ не такъ удобно ловить мелкую рыбу *). Почти всѣ охотники очень любятъ уженье окуней и многіе предпочитаютъ его всѣмъ другимъ: во-первыхъ, потому, что окуни клюютъ часто, и если подойдетъ стая окуней (а осенью они собираются стаями), то ужъ немногіе изъ нихъ пойдутъ прочь, не хвативъ предлагаемой пищи; во-вторыхъ, потому, что они берутъ жадно и вѣрно, даже до того, что бо̀льшею частью совсѣмъ проглатываютъ насадку; и наконецъ, въ-третьихъ, потому, что уженье ихъ не требуетъ осторожности. Окунь не только не боится шума и движенья воды, но даже бросается на нихъ, для чего палкой или толстымъ концомъ удилища нарочно мутятъ воду по дну у берега: ибо это похоже на муть, производимую мелкой рыбёшкой. Средніе окуни чаще берутъ на-вѣсу, а крупные—со дна, если оно чисто. Съ весны надобно удить на червей, лѣтомъ — на

*) Должно замѣтить, что это не вездѣ такъ. Около Москвы, напримѣръ, во второй половинѣ августа, клёвъ значительно уменьшается. Впрочемъ, здѣшнія рѣчки, отъ безпрестанныхъ мельницъ или фабрикъ, находятся постоянно въ подпрудѣ, и характера рѣкъ, текущихъ самобытно, то-есть, массою собственной, ненакопленной воды, — не имѣютъ.

Digitized by Google

раковыя шейки и линючихъ раковъ, и особенно на большія линючія раковыя клешни, которыя окуни очень любятъ; къ осени же, до самой зимы, всего лучше удить на маленькихъ рыбокъ; если же ихъ нѣтъ, что̀ часто случается, то надобно поймать плотичку или какую-нибудь нехищную рыбку, изрѣзать ее на кусочки, крупные или мелкіе, смотря по̀ рыбѣ, какая беретъ, и по величинѣ удочки, и насаживать ими крючки. Впрочемъ, окунь неразборчивъ и клюетъ почти всегда на всѣ вышеименованныя насадки, даже на кусочки сыраго мяса; на крупныхъ же земляныхъ червей окуни берутъ очень жадно во всякое время года *). Выгоднѣйшее время для уженья, безъ сомнѣнія, утро; но въ раннемъ вставаньѣ, до солнца, нѣтъ надобности. По утрамъ должно удить на мѣстахъ чистыхъ, открытыхъ, или *около* травъ; въ полденъ, напротивъ (разумѣется въ лѣтніе жары), окунь любитъ стоять въ тѣни, въ карягахъ подъ кустами, подъ навѣсомъ травъ и лопухами; слѣдовательно, надобно удить въ *самыхъ* травахъ; вечеромъ же окунь опять ходитъ по мѣстамъ чистымъ и открытымъ. Если окуни берутъ не часто, то можно удить и на три удочки, изъ которыхъ одну, бо̀льшаго размѣра, насадивъ крупной насадкой, положить на дно, а двѣ пустить на-вѣсу. Если же окуни берутъ безпрестанно, то и съ двумя удочками трудно управиться. Тутъ уже дѣло не въ томъ, чтобы успѣть подсѣчь, а въ томъ, чтобы окуни не слишкомъ далеко заклёвывали и не утаскивали удилищъ совсѣмъ въ воду. Далекое заклёвыванье отнимаетъ много времени при доставаніи крючка, портитъ поводокъ и рыбу, отъ чего она сейчасъ умираетъ. Какъ скоро окунь повезъ наплавокъ или погрузилъ въ воду, сейчасъ надобно его вытаскивать. Окунь никогда не хватаетъ, не рветъ насадки съ разбѣга, съ размаха, какъ то дѣлаютъ многія нехищныя рыбы: клёвъ его рѣшителенъ, серьёзенъ, добросовѣстенъ, ибо никогда не обманчивъ. Я имѣлъ случай много разъ наблюдать его въ прозрачныхъ водахъ: завидя добычу, крупный окунь прямо бросается къ ней, сначала быстро, но чѣмъ ближе, тѣмъ медленнѣе; приближаясь, разѣваетъ ротъ и, почти коснувшись губами куска, вдругъ останавливается неподвижно и, не дѣлая движенія ртомъ, какъ-будто потянетъ въ себя воду:

*) Около Москвы, сколько я ни пробовалъ удить на кусочки рыбки или мяса,—окуни у меня никогда не брали.

Digitized by Google

крючокъ съ насадкой исчезаетъ, а окунь продолжаетъ плыть, какъ ни въ чемъ не бывало, увлекая за собой и лесу, и наплавокъ, и даже удилище. Ловя живую рыбу, онъ поступаетъ иначе: стремительно бросается за нею и хватаетъ ее на бѣгу. Окунь почти никогда не срывается; промахи случаются также очень рѣдко. Правда, бываетъ иногда клёвъ, который можетъ привести въ заблужденіе неопытнаго рыбака, ибо безпрестанно какая-то рыба утаскиваетъ наплавокъ, и безпрестанно промахи слѣдуютъ одинъ за другимъ; видя всякой разъ, что конецъ червяка оторванъ, охотникъ сначала считаетъ его шалостью ельцовъ или плотвы, хотя характеръ клёва чисто окуневый. Между тѣмъ, посреди множества промаховъ, иногда вытаскиваетъ онъ порядочныхъ окуней, и убѣждается, что и окуни иногда шалятъ, обманываютъ, клюютъ невѣрно. Обвиненіе несправедливое. Всѣ сіи продѣлки происходятъ отъ самыхъ маленькихъ окуней, которые грѣшатъ невольно: ибо не могутъ заглотать ни длиннаго червяка, ни толстой раковой шейки; какъ же скоро подойдетъ окунь покрупнѣе, то сейчасъ возьметъ вѣрно, и рыбакъ его вытащитъ; чтобъ убѣдиться въ этомъ, надобно взять маленькую удочку, насадить маленькаго червячка и сейчасъ будетъ выуженъ крошечный окунишка. Если охотникъ не захочетъ дожидаться подхода окуней покрупнѣе, которымъ мелкіе сейчасъ уступятъ добычу, то надобно перейдти на другое мѣсто, ибо стая окунишекъ, на которую онъ попалъ, не отстанетъ цѣлый день отъ его удочекъ.

Безспорно, что крупныхъ окуней удить весело (объ огромныхъ нечего и говорить), но я долженъ признаться, что частый клёвъ окуней среднихъ и мелкихъ такъ однообразенъ, такъ вѣренъ, вытаскиванье ихъ такъ просто, что все это вмѣстѣ иногда можетъ такъ же наскучить, какъ и тасканье подлещиковъ. Искусство удить тутъ почти исчезаетъ, а съ нимъ — и весь интересъ уженья. Я знаю, что за это возстанутъ на меня многіе охотники, ибо клёвъ окуней считаютъ лучшимъ, но я говорю откровенно свое мнѣніе. Большіе окуни очень упористы и сильны, и покуда не будутъ утомлены, ни за что наверхъ не выходятъ; для нихъ употребляются удочки большаго размѣра, и несмотря на то, надобно ихъ вытаскивать осторожно; хотя огромный окунь не кидается быстро во всѣ стороны, но за то, стараясь упираться головою въ берегъ или

Digitized by Google

дно, такъ круто поворачивается, что можетъ порвать и крѣпкую лесу.

Извѣстно, что окуни составляютъ превосходное и самое здоровое кушанье: приготовленные на холодное, а еще лучше печеные въ чешуѣ, они имѣютъ отличный вкусъ, и въ добавокъ совсѣмъ не костливы. Уха изъ нихъ также очень хороша.

Отличительное свойство окуней—жадность, въ чемъ развѣ только щука можетъ съ ними равняться; уженье *на блесну*, о которомъ я поговорю особо, служитъ тому неопровержимымъ доказательствомъ. Я разскажу два убѣдительные примѣра этой жадности, случившіеся со мной. Въ одно прекрасное, лѣтнее утро, на большомъ озерѣ, называемомъ по-татарски: Кіишки *), таскалъ я плотву и подлещиковъ; вдругъ вижу, что на отмели, у самаго берега, выпрыгиваетъ изъ воды много мелкой рыбёшки; я зналъ, что это происходитъ отъ преслѣдованія хищной рыбы; но видя, что возня не прекращается, пошелъ посмотрѣть на нее поближе. Что же я увидѣлъ? на отмели, острымъ угломъ вдавшейся въ берегъ, не глубже двухъ вершковъ, большая стая порядочныхъ окуней ловила мелкую рыбу, которая отъ неизбѣжной погибели выскакивала даже на сухой берегъ; окуни такъ жадно преслѣдовали свою добычу, что сами попадались на такую мель, съ которой уже прыжками добирались до воды поглубже: я даже поймалъ трехъ изъ нихъ руками. Несмотря на мое присутствіе, окуни не переставали гонять и ловить рыбу; я сбѣгалъ за своей удочкой и, насаживая мелкую рыбёшку, лежавшую на берегу, и закидывая въ самую середину стаи, выудилъ тридцать хорошихъ окуней. Другой случай еще поразительнѣе: въ ненастную вѣтренную погоду пришелъ я удить окуней у мельничнаго кауза **), между сваями, его окружавшими; едва только закинулъ я среднюю удочку, насаженную на раковую шейку, какъ пошелъ проливной дождь, отъ котораго я спря-

---

*) «Кіишки» по-русски значитъ длинный. Это озеро находится въ 30 верстахъ отъ губернскаго города Уфы и въ полуверстѣ отъ рѣки Бѣлой, съ которой сливается весною; разумѣется, Русскіе называютъ его и сидящую на немъ деревню: «Кишки».

**) Я уже сказалъ, что каузъ около Москвы называютъ «дворецъ». Не происходитъ ли это названье отъ слова «дверца», то есть, маленькая дверь, поднимающаяся для протока воды на колесо? Можетъ быть сначала говорили «дверецъ», а потомъ, для удобства произношенія, стали говорить «дворецъ».

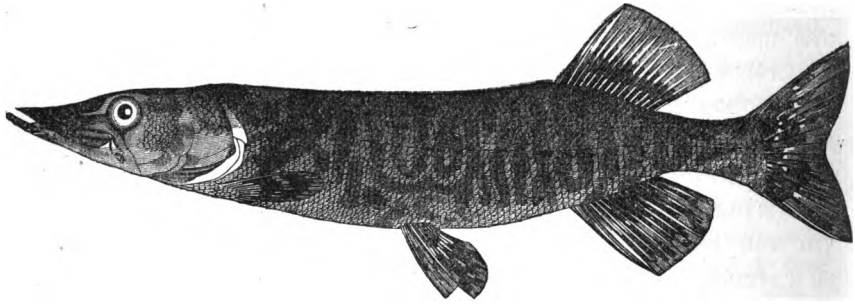
Digitized by Google

тался подъ крышею пильной; дождевая туча еще не пронеслась, какъ я услышалъ крикъ зовущаго меня мельника; я поспѣшно бросился къ нему, и вижу, что онъ возится съ моей удочкой, на которую взяла большая рыба; но я не успѣлъ прибѣжать во̀-время: мельникъ стоялъ съ однимъ удилищемъ и лесой, оборванной выше наплавка.... Какъ ни досадна была эта услужливость, отъ которой я потерялъ большую рыбу и прекрасно устроенную удочку, но дѣлать нечего; я развернулъ другую большую удочку, насадилъ кучу глистъ и раковую шейку и закинулъ: черезъ минуту наплавокъ исчезъ, и я вытащилъ славнаго окуня, фунта въ два, у котораго изъ рта висѣла и другая, сейчасъ оторванная имъ длинная леса и съ наплавкомъ. Оба случая, теперь описанные и иногда разсказанные мною не-охотникамъ, не-рыбакамъ, нерѣдко возбуждали лукавыя улыбки, въ которыхъ ясно выражалось, что мои разсказы годятся въ извѣстную книжку: «Не любо, не слушай, а лгать не мѣшай»; но иногда ничего нѣтъ невѣроятнѣе истины и мудренѣе дѣйствительности.

Вотъ и еще разсказъ, не менѣе сомнительной вѣроятности для неохотниковъ; я знаю, Симбирской губерніи въ Корсунскомъ уѣздѣ, одинъ глубокій прудъ, весь состоящій изъ запруженнаго сильнаго родника, называемаго «Бѣлый ключъ». Вода была превосходная, такъ что въ ней жили насаженные головли и даже стерляди. Въ пруду развелось такое множество окуней и пискарей, что уженье вышло отличное и *диковинное*: рыбакъ закидывалъ удочку на червяка, сію минуту проглатывалъ его пискарь и, въ непродолжительномъ времени, проглатывалъ пискаря окунь... Сначала это былъ сюрпризъ для охотника, но потомъ мы всѣ пользовались такимъ удобствомъ, то-есть, самопроизвольной насадкой пискарей, и кто хотѣлъ удить именно окуней, тотъ не снималъ только съ крючка попавшагося пискаря. — Говоря о насадкѣ живцовъ за губу (на страницѣ 38), я сказалъ о выгодахъ и невыгодахъ такой насадки. Всякой, кто поудилъ бы одинъ часъ въ прудѣ «Бѣлаго ключа», убѣдился бы вполнѣ въ справедливости сказаннаго мною о невыгодѣ такого способа: это была именно насадка за губу; окуни брали безпрестанно, но вытаскивались менѣе, чѣмъ на половину. Я тутъ же пробовалъ насаживать въ спинку, и ни одинъ окунь не срывался.

Digitized by Google

Въ прошедшемъ 1853 году, въ исходѣ іюля, у одного рыбака взялъ окунь на землянаго червя (чего онъ не замѣтилъ), а на окуня—щука, которую онъ и вытащилъ. Замѣчательно, что щука не могла проглотить окуня, хвостъ котораго торчалъ изъ ея рта.



18.

ЩУКА *) XXI).

При всемъ моемъ усердіи, не могу доискаться, откуда происходитъ имя щуки. Эта рыба по преимуществу хищная: длинный брусковатый станъ, широкія хвостовыя перья для быстрыхъ движеній, вытянутый впередъ ротъ, нисходящій отъ глазъ въ видѣ ткацкаго челнока, огромная пасть, усѣянная внизу и вверху сплошными, острыми, скрестившимися зубами **), изъ коихъ не вырвется никакая добыча, широкое горло, которымъ она проглатываетъ насадку толще себя самой,—все это вмѣстѣ даетъ ей право называться царицею хищныхъ рыбъ, обитающихъ въ прѣсныхъ водахъ обыкновенныхъ рѣкъ и озеръ. Я разумѣю здѣсь только тѣ породы рыбъ, которыя называются *бѣль*, въ противополож-

---

*) Esox lucius, L. Во всей Россіи называется одинаково. *К. Р.*

**) Щука мѣняетъ зубы ежегодно въ маѣ мѣсяцѣ. Я къ удивленію моему узналъ объ этомъ очень недавно.

Digitized by Google

ность чему всѣ другія породы, какъ-то: осетры, севрюга, бѣлорыбица и проч., называются *красная рыба*. Щука имѣетъ большіе, темные, зоркіе глаза, которыми издалека видитъ свою добычу; она покрыта чешуей, испещрена вся пятнами и крапинами темнозеленоватаго цвѣта; брюхо имѣетъ бѣлое, хвостъ и плавательныя перья зеленовато-сѣрые съ темными извилистыми каемками. Я слыхалъ, что щука можетъ жить очень долго, до ста лѣтъ (то же разсказываютъ и даже пишутъ о карпіи); въ чемъ, будто, удостовѣрились опытами, пуская небольшихъ щурятъ съ замѣтками на хвостѣ, или перьяхъ, въ чистые, проточные пруды, которые никогда не уходили, и записывая время, когда пускали ихъ; слыхалъ, что будто щуки выростаютъ до двухъ аршинъ длины и до двухъ съ половиною пудъ вѣсу; все это можетъ быть и правда, но чего не знаю, того не утверждаю *). Самая большая щука, какую мнѣ удалось видѣть, вѣсила одинъ пудъ и пятнадцать фунтовъ; длиною она была аршинъ и семь вершковъ; шириною въ спинѣ и бокахъ въ четверть аршина, но за то, почти во всю длину, была равной квадратной толщины. Щука преимущественно питается рыбой и всякой водяной гадиной; она по алчности своей глотаетъ даже лягушекъ, крысъ и утятъ, отъ чего большую щуку называютъ *утятницей*. Щука водится только въ водахъ чистыхъ и появляется въ рѣкахъ вмѣстѣ съ плотвою и окунями, и вмѣстѣ съ ними дохнетъ, если вода въ прудѣ или озерѣ отъ чего-нибудь испортится. Она мечетъ икру въ самомъ началѣ апрѣля, а иногда, если весна ранняя, въ исходѣ марта. Гдѣ много всякой мелкой рыбы, тамъ и щуки

*) Послѣ выхода моей книжки первымъ изданіемъ, случилось мнѣ прочесть въ «Охотничьей книгѣ» г-на Левшина, напечатанной въ 1812 году (часть 4-я, стран. 487-я), любопытное извѣстіе о долговѣчности щукъ; выписываю его съ совершенною точностью: «Когда вычищали пруды близь Москвы, въ Царицынѣ, чему прошло съ небольшимъ 20 лѣтъ, — то между прочаго, при пересаживаніи рыбы въ сажалки, поймана была щука около трехъ аршинъ длиною и въ полъ-аршина шириною, съ золотымъ кольцомъ, продѣтымъ въ щечную кость близь жабръ, съ надписью на ономъ: «*Посадилъ Царь Борисъ Ѳедоровичъ*». По тогдашнему исчисленію щукѣ сей оказывалось болѣе 200 лѣтъ. — Леманъ утверждаетъ, что 1497-го года, въ Хейльброкѣ поймана была въ одномъ озерѣ щука 19 футовъ (семи аршинъ слишкомъ), и по надписи на мѣдномъ кольцѣ, на ней бывшемъ, оказалось, что въ озеро сіе посажена она была Цесаремъ Фридерихомъ II, въ 1230 году; слѣдственно въ сей водѣ жила она 267 лѣтъ. Вѣсу въ ней было 8 пудъ 30 фунтовъ; она отъ старости почти вся побѣлѣла.» — Предоставляю читателямъ повѣрить, на сколько имъ угодно, справедливости такихъ разсказовъ.

Digitized by Google

разводятся и держатся во множествѣ; бо̀льшею частію ловятъ ихъ на жерлицы, о чемъ я поговорю впослѣдствіи. Щука очень охотно беретъ на удочку, крючокъ которой насаженъ какою-нибудь мелкой рыбкой, для чего поводокъ употребляется металлическій, или изъ простой басовой струны, о чемъ говорено выше, но клюетъ также на рака и даже изрѣдка на червяка; клёвъ ея иногда очень быстръ, и какъ скоро она схватитъ насадку, то наплавокъ мгновенно исчезаетъ изъ глазъ; но случается, что она схватитъ рыбку, не проглотивъ ее, тихо поведетъ наплавокъ въ сторону, нисколько не погружая его. Щука нерѣдко беретъ на простыя удочки, закинутыя совсѣмъ не для нея; разумѣется, сейчасъ, какъ ножницами, перекусываетъ самую толстую лесу, или поводокъ, что̀ иногда бываетъ очень досадно. Только въ одномъ случаѣ можно вытащить щуку на удочку съ обыкновеннымъ поводкомъ: если крючокъ зацѣпитъ за край губы, и ей нельзя будетъ достать зубами до лесы; но такіе счастливые случаи очень рѣдки. Щукъ не нужно удить со дна; напротивъ, приманка будетъ гораздо виднѣе, если насаженная на крючокъ рыбка станетъ ходить аршина на полтора глубины. Вообще уженье на рыбку рѣдко производится со дна; Съ весны щуки берутъ мало на жерлицы, лѣтомъ же попадаютъ онѣ около травъ, въ которыхъ обыкновенно стоятъ, подстерегая мелкую рыбу, но всего лучше удить ихъ осенью *): во-первыхъ, потому, что вода сдѣлается

*) Это говорится про Оренбургскую губернію: тамъ величайшая рѣдкость, если щука возьметъ даже лѣтомъ или осенью на бѣлаго червя (сальника); хотя рѣдко, но иногда беретъ она на раковую шейку; на землянаго же и навознаго червя—никогда. Около Москвы совсѣмъ напротивъ: особенно рано весной, выметавъ икру (и особенно въ рѣкѣ Ворѣ, Дмитровскаго уѣзда), щуки берутъ очень часто, не только на землянаго, но даже на маленькаго навознаго червяка. Это было бы не трудно объяснить тѣмъ, что подмосковныя рѣчки слишкомъ сильно вылавливаются и что въ нихъ мало мелкой рыбы, отчего щуки голодны; но я долженъ сказать, что здѣсь гораздо чаще берутъ онѣ на червяка, чѣмъ на жерлицы или удочки, насаженныя рыбками, преимущественно весной: слѣдовательно, этого вопроса иначе нельзя разрѣшить, какъ предположеніемъ, что здѣшнія щуки имѣютъ особенный вкусъ къ червямъ. Въ прошедшемъ 1853-мъ году уженье началось очень рано, и мнѣ удалось поймать нѣсколько небольшихъ щукъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ: всѣхъ на маленькія удочки и всѣхъ на червяка. Одну изъ нихъ выудилъ я на поводокъ изъ *одной шелковинки!* Берегъ былъ крутой, я удилъ безъ товарища, и принужденнымъ нашелся выкинуть щуку (въ $1^1/_2$ фунта) на довольно высокой берегъ. Крошечный крючокъ она проглотила, но шелковинка въ самомъ зѣвѣ захлеснулась за костяную оконечность верхней губы, отъ чего не попала на зубы; рыба вытаскивалась бокомъ и казалась вдвое тяжеле. Рыбаки понимаютъ, что это очень рѣдкій и счастливый случай.

Digitized by Google

свѣтлѣе, и щуки издалека видятъ приманку, и во-вторыхъ, потому, что водяныя травы отъ морозовъ опадутъ, щукамъ сдѣлается не такъ удобно прятаться и не такъ ловко ловить мелкую рыбешку: въ это время онѣ голодны и жадны. Рыбаки разсказываютъ слѣдующую хитрость щуки: она становится на мели, головою внизъ по теченію воды, и хвостомъ мутитъ илъ на днѣ, такъ что муть совсѣмъ закрываетъ ее отъ мимо плывущихъ рыбокъ, на которыхъ она бросается, какъ стрѣла, лишь только онѣ подплывутъ близко: самъ я такихъ штукъ не видѣлъ. Уженье щукъ очень веселое, потому что, какъ скоро вы закинете удочку, и по близости есть щука, то она не замедлитъ явиться; равно и потому, что нерѣдко берутъ щуки очень большія. Хотя на удочкѣ онѣ очень бойки и въ движеніяхъ быстры, но какъ-то не упористы, а ходки, и на поворотахъ повадливы: вѣроятно брусковатая, челнообразная фигура ихъ тому причиной; небольшія щуки, фунтовъ до трехъ, довольно легко выкидываются на берегъ, даже безъ сачка; разумѣется, леса должна быть толстая и поводокъ здоровый; равнаго съ ней вѣсу окунь покажется гораздо тяжеле. Присутствіе щукъ легко можно угадать по внезапному прекращенію клёва плотвы и другой некрупной рыбы, и еще вѣрнѣе по выпрыгиванью изъ воды мелкой рыбешки, которая, какъ дождь, брызжетъ во всѣ стороны, когда щука съ быстротою стрѣлы пролетитъ подъ водою. Выудивши щуку, много двѣ, на одномъ мѣстѣ, надобно перейдти на другое, на третье мѣсто, и такъ далѣе; то же должно сдѣлать, ежели пройдетъ съ полчаса, и щуки не берутъ: это вѣрный знакъ, что ихъ нѣтъ по близости. Нѣкоторые охотники страстно любятъ уженье щукъ и предпочитаютъ его всѣмъ другимъ уженьямъ; не раздѣляя этого мнѣнія, я понимаю его причину. Для кого не скучно переходить съ мѣста на мѣсто, а напротивъ скучно сидѣть на одномъ и томъ же мѣстѣ, напрасно ожидая клёва порядочной рыбы; кто любитъ скорое рѣшеніе: будетъ или не будетъ брать; кто любитъ повозиться съ рыбой проворной, живой, быстрой въ своихъ движеніяхъ, которая выкидываетъ иногда необыкновенные, неожиданные скачки — тому уженье щукъ и вообще хищныхъ рыбъ должно преимущественно нравиться.

За щуками, особенно небольшими, водится странная про-

Digitized by Google

дѣлка: по недостатку мѣста, гдѣ бы можно было спрятаться, щука становится возлѣ берега, плотины, древеснаго пня, торчащаго въ водѣ, сваи или жерди, воткнутой во дно, и стоитъ иногда очень близко къ поверхности воды, цѣлые часы неподвижно, точно спящая, или мертвая, такъ что не вдругъ ее примѣтишь; даже мелкая рыба, безъ опасенія, около нея плаваетъ; цѣль очевидна, но инстинктивную эту хитрость она простираетъ до неразумнаго излишества. Стоящихъ въ такомъ очарованномъ положеніи щукъ и щурятъ не только стрѣляютъ изъ ружей *), но даже бьютъ, или, правильнѣе сказать, глушатъ дубинами, какъ глушатъ всякую рыбу по тонкому льду **); даже наводятъ на нихъ волосяной силокъ, навязанный на длинной лутошкѣ, и выкидываютъ на берегъ. Я имѣлъ случай убить изъ ружья, стоящую въ такомъ положеніи, щуку въ девять фунтовъ. Мало этого, при моихъ глазахъ, мой товарищъ-рыбакъ, сидѣвшій и удившій со мною въ одной лодкѣ, крѣпко привязанной къ кольямъ, примѣтивъ щуку, стоящую подъ кормою лодки, схватилъ ее рукою.... она вѣсила слишкомъ два фунта. Алчность щукъ не имѣетъ предѣловъ; онѣ нерѣдко кидаются на такихъ рыбъ, или утятъ, которыхъ никакъ заглотать не могутъ, изъ чего выходятъ презабавныя явленія: добыча, будучи сильнѣе вцѣпившагося въ нее врага, таскаетъ его по водѣ за собою. Я самъ видѣлъ, какъ оперившійся совсѣмъ утенокъ, или, лучше сказать, молодая утка, съ ужаснымъ крикомъ отъ испуга и боли, хлопая по водѣ крыльями, и даже нѣсколько приподымаясь съ воды, долго билась со щукой, которая впилась въ заднюю часть ея тѣла; видѣлъ также, какъ большой язь таскалъ за собой небольшую щуку, схватившую его за хвостъ. Но я разскажу два случая, еще болѣе доказывающіе непомѣрную жадность щуки: рыбакъ, стоявшій возлѣ меня на плотинѣ огромнаго пруда, вытаскивая

---

*) Всякую рыбу, стоящую неглубоко въ водѣ, можно застрѣлить изъ ружья. Надобно только взять въ соображеніе уголъ паденія дроби, и мѣтить не въ самую рыбу, а дальше или ближе. Уголъ отраженія дроби (всегда равный углу паденія) будетъ зависѣть отъ того, какъ высокъ берегъ, на которомъ стоитъ охотникъ.

**) Какъ только вода въ прудѣ или озерѣ покроется первымъ тонкимъ и прозрачнымъ льдомъ, способнымъ поднять человѣка, ходятъ съ дубинками, по мѣстамъ не очень глубокимъ. Замѣтя близко ко льду высоко стоящую рыбу, сильно ударяютъ дубинкою надъ ея головою—рыба оглушится (впадетъ въ обморокъ) и взвернется вверхъ брюхомъ: проворно разбиваютъ тонкій ледъ и берутъ рыбу руками, покуда она не очнулась.

Digitized by Google

небольшую рыбу, вдругъ почувствовалъ на удочкѣ такую тяжесть и упорство, что едва не выронилъ изъ рукъ удилища, но принявъ это за неожиданное движеніе какой-нибудь средней рыбы, сталъ тащить съ бо̀льшею силою и выволокъ на плотину порядочную щуку. Каково было наше удивленіе, когда мы увидѣли, что за крючокъ взяла обыкновенная плотичка, а за нее уцѣпилась щука, не касаясь крючка, и такъ крѣпко вонзила свои зубы, что надобно было палкой разжать ей ротъ! Другой случай былъ со мной недавно, а именно въ половинѣ сентября 1845 года: пришелъ я удить окуней, часу въ восьмомъ утра, на свою мельницу; около плотины росла длинная трава; я закинулъ удочку черезъ нее въ глубокой материкъ, насадивъ на крючокъ землянаго червя; только-что я положилъ удилище на траву и сталъ развивать другую удочку, какъ наплавокъ исчезъ, и я едва успѣлъ схватить удилище; вынимаю — поводокъ перегрызенъ; я зналъ, что это щука, и сейчасъ закинулъ другую удочку; черезъ нѣсколько минутъ повторилась та же исторія, но я успѣлъ подсѣчь и началъ уже водить какую-то большую рыбу, какъ вдругъ леса со свистомъ взвилась къ верху: поводокъ опять оказался перегрызенъ; явно, что и это была щука, и уже большая, ибо я почти ее видѣлъ. Не имѣя съ собой поводка для щукъ, что̀ было очень досадно, я закинулъ третью удочку, насаженную также на землянаго червя, но уже держалъ удилище въ рукѣ, въ готовности подсѣчь щуку при первомъ движеніи наплавка; такъ и случилось: едва наплавокъ сталъ наклоняться, я проворно подсѣкъ и свободно вытащилъ небольшую щуку, которая также откусила у меня поводокъ, но уже на плотинѣ. Дома, когда стали эту щуку чистить, чтобы сварить къ столу, нашли у ней въ глоткѣ, кромѣ послѣдняго, и первый мой крючокъ съ отгрызеннымъ поводкомъ. И такъ это была щука, взявшая у меня въ первый и третій разъ, ибо вторая, съ которою я довольно возился, была вдвое больше выуженной щуки; но какова же жадность, что ни боль отъ крючка въ горлѣ, ни шумъ отъ возни со второю щукою, не могли отогнать первую! Я очень хорошо знаю, что подробное описаніе такихъ случаевъ можетъ быть интересно только для настоящихъ и страстныхъ охотниковъ, но именно для нихъ я и пишу. Для нихъ также долженъ я сказать, что въ томъ же году я выудилъ

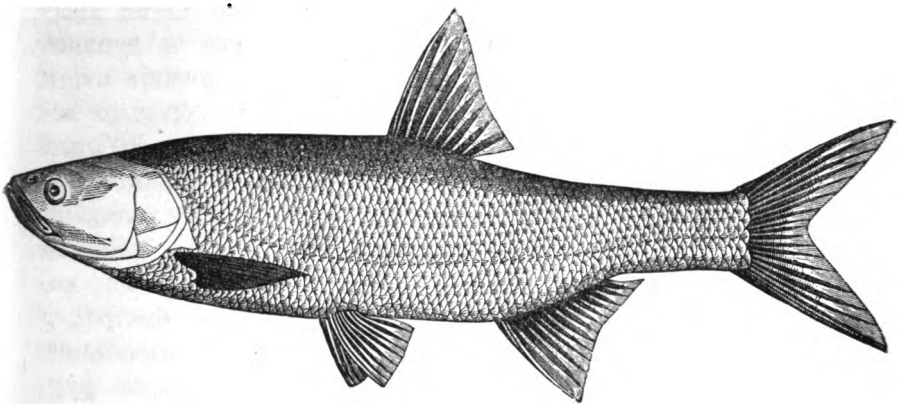
Digitized by Google

щуку въ три съ половиною фунта на одинъ волосъ изъ индѣйскаго растенія или сырца. Со мной не было сачка, потому что я удилъ мелкую рыбу, и я долженъ былъ посылать за нимъ домой, и такъ, около получаса, щука, проглотившая далеко крючокъ, билась и металась на одномъ волоскѣ и не могла перегрызть его. Хотя я не охотникъ до этого выписнаго волоса, но долженъ признать превосходное его качество въ этомъ отношеніи. Щука средней величины, пойманная весною (тогда называютъ ее *щукою съ голубымъ перомъ*), и даже лѣтомъ, и сваренная на холодное прямо изъ воды, а не снулая, составляетъ не дурное блюдо.

Щука беретъ иногда очень поздно осенью, по ночамъ со дна, на крючки, поставленные на налимовъ и, разумѣется, насаженные рыбкой.

Говоря объ язяхъ, я разсказалъ, какъ пятифунтовый язь былъ выуженъ за спинное перо; но тотъ же охотникъ выудилъ щуку въ 18 фунтовъ за перо хвостовое, проколотое крючкомъ. Хотя леса была толстая и крѣпкая, но рыбакъ, видя, что рыба попала огромная, что поворотить ее невозможно и что леса вытягивается въ прямую линію,—бросилъ удилище. Щука гуляла съ нимъ по широкому пруду, погружая даже удилище совсѣмъ въ воду; рыбакъ плавалъ за нею въ лодкѣ; какъ скоро рыба останавливалась, онъ бралъ удилище въ руки и начиналъ водить; какъ скоро натягивалась леса прямо — бросалъ удилище. Такимъ образомъ, утомляя рыбу *нѣсколько часовъ* сряду, рыбакъ вывелъ ее на поверхность, какъ сонную или одурѣлую, и подхватилъ сачкомъ. Онъ долго не зналъ, съ какой рыбой возится, и увидѣлъ, что это щука, только тогда, когда она въ первый разъ всплыла наверхъ. Честь и слава искусству и долготерпѣнію охотника!

Digitized by Google



19.

ЖЕРИХЪ, ШЕРЕСПЕРЪ *) XXII).

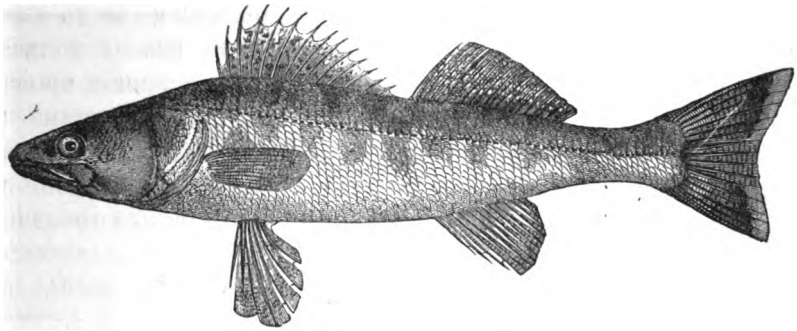
Эта хищная рыба во всѣхъ низовыхъ губерніяхъ называется *жерихъ*, а около Москвы *шересперъ*. Первое имя, вѣроятно, происходитъ отъ глагола *жировать*, то-есть играть, прыгать, что весьма соотвѣтствуетъ свойствамъ этой рыбы: ибо она очень любитъ выпрыгивать изъ воды и плескаться на ея поверхности изъ одного удовольствія, а не для преслѣдованія добычи; второе же имя должно происходить отъ того, что жерихъ, выскакивая изъ воды, расширяетъ свои плавательныя и безъ того весьма широкія перья и гребень. Я слышалъ также и даже читалъ, что эту рыбу называютъ *конь:* названье тоже приличное по ея скачкамъ. Я буду употреблять первое имя для удобства произношенія и потому, что употребленіе его гораздо обширнѣе. Жерихъ длиненъ, похожъ на язя своимъ станомъ, но ỳже его, и цвѣтомъ крупной чешуи гораздо бѣлѣе, серебристѣе, кромѣ спины, которая темнѣе язевой; онъ имѣетъ ту особенность, что нижняя губа его рга длиннѣе верхней; верхняя какъ-будто имѣетъ выемку, а ниж-

*) Aspius rapax, Ag. *Шерехъ*, въ Южной Россіи *бѣлизна, бѣлезна, белестъ*.
К. Р.

Digitized by Google

няя похожа своимъ образованіемъ на загнутый къ верху птичій носъ и входитъ въ выемку верхней части рта. Такимъ образомъ, ротъ жериха представляетъ нѣсколько клевъ хищной птицы въ обратномъ положеніи. Хвостъ его и верхнее перо очень тверды и широки, цвѣтомъ сѣрые, а нижнія перья красноватыя; глаза сѣрые, зрачки темные; ротъ довольно великъ, но не огроменъ. Нижняя часть тѣла бѣлая. Жерихъ не водится въ маленькихъ рѣчкахъ, но любитъ рѣки большія, или по крайней мѣрѣ многоводныя, глубокія и быстрыя, живетъ также и въ большихъ, чистыхъ озерахъ, питается всякими водяными насѣкомыми, мелкою рыбою, и на нее только беретъ на удочку; клёвъ его чрезвычайно быстръ, и на удочкѣ ходитъ онъ необыкновенно бойко; онъ выростаетъ длиною въ аршинъ, и вѣсомъ бываетъ въ восемнадцать фунтовъ. Говорятъ рыбаки, что жерихи бываютъ въ тридцать фунтовъ; но я этого не утверждаю. Икру мечутъ въ исходѣ апрѣля и въ началѣ мая. Безъ сомнѣнія, уженье жериховъ одно изъ лучшихъ, интереснѣйшихъ для охотника; но, къ сожалѣнію, я очень мало знакомъ съ нимъ, и не могу сообщить дальнѣйшихъ подробностей объ этой замѣчательной рыбѣ. Я видалъ, что рыбаки удятъ ихъ на рыбку, на быстринахъ, на вѣсу, аршина въ полтора глубины. Любимое мѣсто жериховъ — глубокія водоемины подъ вешняками или спусками, гдѣ вода кипитъ и клубится безпрестанно, когда два или три запора подняты, что̀ на сильныхъ рѣкахъ дѣлается постоянно. Въ пѣнѣ, шумѣ и брызгахъ прядаютъ вверхъ и шлепаются эти *водяные кони*, и туда рыбакъ бросаетъ свою прочноустроенную удочку съ тяжелымъ грузиломъ. Жерихъ, приготовленный прямо изъ воды на холодное, составляетъ прекрасное блюдо.

Digitized by Google



20.

СУДАКЪ *) XXIII).

Съ этою превосходною рыбою для стола я еще менѣе знакомъ, какъ рыбакъ; но знаю, что она беретъ на удочку. — Судаки выростаютъ до огромной величины; вѣсъ ихъ простирается до полупуда и болѣе. Живутъ въ большихъ рѣкахъ, проточныхъ озерахъ и прудахъ, но предпочтительно любятъ быструю и свѣжую воду рѣки. Судакъ имѣетъ ротъ вытянутый, длинный; рѣдкіе, но толстые и крѣпкіе зубы и довольно большой языкъ, что̀ даетъ ему нѣкоторое право, по моему мнѣнію, причисляться къ роду форелей. Станомъ онъ брусковатъ и похожъ на щуку, но немного шире ея; нижняя половина его тѣла и брюха — серебристо-бѣлаго цвѣта, а спина и верхнія стороны боковъ — сѣроваты; поперекъ всего тѣла лежатъ двѣнадцать неясныхъ полосъ темно-синяго, не яркаго цвѣта; глаза имѣетъ довольно большіе, желтоватые, зрачки темные. Въ рѣкахъ, гдѣ водится много судаковъ, они берутъ охотно на удочку, насаженную рыбкой. Судакъ, очевидно, хищная рыба; онъ попадаетъ на жерлицы и крючки, такъ же, какъ щука, но преимущественно ночью съ весны до половины лѣта. Живые, не истомленные долгимъ

*) Lucioperca sandra, C. Въ Малороссіи иногда *сула*. *К. Р.*

Digitized by Google

сидѣньемъ въ прорѣзяхъ, судаки составляютъ лакомое и здоровое блюдо; это необходимая принадлежность хорошаго стола, вслѣдствіе чего иногда бываютъ очень дороги; но за то мерзлыхъ судаковъ въ Москву и ея окрестности навозятъ такое множество, что они къ концу зимы дѣлаются иногда чрезвычайно дешевы, то-есть, рублей по шести ассигнаціями за пудъ. Для постниковъ это драгоцѣнная рыба: вкусна, даже перемерзлая, здорова, не костлива, на все пригодна, не пріѣдается и дешева. Однимъ словомъ—это постная говядина.

21.

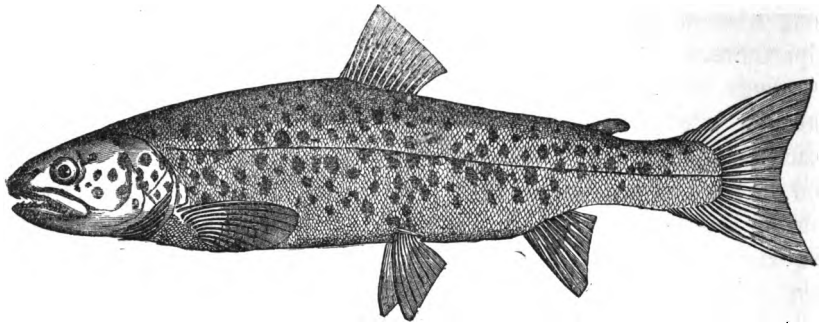
ЛОХЪ, КРАСУЛЯ. XXIV).

Эта превосходная порода рыбы во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаетъ второе имя, которымъ зовутъ его въ Оренбургской губерніи. Иногда употребляютъ и названіе «красной рыбы», вѣроятно, по желтовато-розовому цвѣту ея тѣла и, можетъ быть, по краснымъ крапинамъ, которыми она испещрена; но не должно смѣшивать красулю съ собственно такъ называемою *красною рыбой*, или семгой: послѣдняя отличается отъ первой болѣе широкимъ станомъ, сѣровато-бѣлымъ цвѣтомъ чешуи и бо̀льшею краснотою тѣла; она живетъ преимущественно въ большихъ рѣкахъ. Красуля принадлежитъ къ породѣ форели и вмѣстѣ съ нею водится только въ чистыхъ, холодныхъ и быстрыхъ рѣкахъ, даже въ небольшихъ рѣчкахъ или ручьяхъ, и въ новыхъ, незагаженныхъ новозомъ, прудахъ, на нихъ же устроенныхъ, но только въ глубокихъ и чистыхъ; станъ ея длиненъ, брусковатъ, но шире щучьяго; она очень красива; вся, какъ и форель, испещрена крупными и мелкими, черными, красными и бѣлыми крапинами; хвостъ и перья имѣетъ сизые; нижнюю часть тѣла — бѣловато-розоваго цвѣта; ротъ довольно большой; питается мелкою рыбой, червяками и разными насѣкомыми, падающими въ воду снаружи и въ ней живущими. Красуля достигаетъ огромной ве-

Digitized by Google

личины; мнѣ принесли однажды красулю, пойманную въ маленькой рѣчкѣ, куда она зашла по мутной, весенней водѣ: она вѣсила двадцать-семь фунтовъ и была уже нѣсколько брюхаста. — При уженьѣ форели, обыкновенно на краснаго червяка, попадаются иногда и красули, но это бываетъ рѣдко, потому что онѣ берутъ преимущественно на рыбку; большею частью ловятъ ихъ разными рыболовными снастями, бьютъ по ночамъ острогою и даже стрѣляютъ изъ ружей, подкарауливая, когда красули, по мелкимъ каменистымъ перекатамъ, въ красные лѣтніе дни, всегда около полденъ, перебираются изъ одного омута въ другой. Эта послѣдняя необыкновенная охота особенно въ употребленіи у Оренбургскихъ Татаръ, живущихъ по берегамъ Большаго и Малаго Зая, протекающихъ и сходящихся въ одну рѣку въ Бугульминскомъ уѣздѣ. Проѣзжая изъ Бугульмы въ Казань, на одной станціи, знакомый мнѣ ямщикъ, татаринъ, попросилъ у меня на нѣсколько зарядовъ пороху и крупной дроби; я охотно далъ ему и того и другаго, но спросилъ: какую птицу онъ стрѣляетъ. Татаринъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ стрѣляетъ рыбу, именно лоховъ. Разумѣется, я разспросилъ обо всѣхъ подробностяхъ этой необыкновенной охоты и даже самъ сходилъ посмотрѣть мѣста по Малому Заю, на которыхъ онъ стрѣлялъ красуль, водящихся въ этой рѣкѣ въ большомъ изобиліи: берега были высоки и удобны для того, чтобъ за ними притаиться, а перекаты такъ мелки, что и небольшую рыбку не трудно было застрѣлить.—Во всю мою жизнь я выудилъ только одну красулю на маленькаго, навознаго червяка, фунта въ три вѣсомъ, но и та чрезвычайно бойко ходила на удочкѣ; можно предположить, что очень трудно возиться съ большою красулей. Вкусъ ея превосходенъ. Она имѣетъ довольно большой языкъ, какъ и всѣ три породы форелей.

Digitized by Google



22.

ФОРЕЛЬ, ПЕСТРУШКА *) XXV).

Въ Оренбургской губерніи водилась она въ чрезвычайномъ изобиліи во всѣхъ ручьяхъ и рѣчкахъ, ибо всѣ они были студены лѣтомъ, какъ ледъ, и прозрачны, какъ горный хрусталь. Но набѣжавшее отвсюду разнородное и разноплеменное народонаселеніе, впрочемъ далеко еще не заселившее этого чудеснаго края, поизмяло его роскошные луга и помутило свѣтлыя воды. Теперь форели водится гораздо менѣе, но все еще много. Въ нѣкоторыхъ рѣчкахъ, мнѣ извѣстныхъ, она осталась въ ихъ верховьяхъ, до первой мельницы. Простой народъ и не знаетъ слова *форель*; онъ называетъ эту прелестную рыбу: *пестрякъ*, а въ собирательномъ: *пеструшка*, — имя самое приличное, ибо она вся испещрена черными, красными и бѣлыми крапинами. Станомъ, складомъ, пестротою кожи, однимъ словомъ: всѣмъ, она такъ похожа на красулю, что можно почесть ихъ за одну и ту же рыбу; но пеструшка кажется шире и площе красули и го-

*) Salmo fario, L. *К. Р.*

Digitized by Google

раздо пестрѣе; разсказываютъ, что она бываетъ огромной величины, до пятнадцати фунтовъ вѣса; но я плохо этому вѣрю, и думаю, что смѣшиваютъ съ нею красуль, которыхъ мелкими я никогда не встрѣчалъ; признаюсь, я не чуждъ сомнѣнія, что пестрякъ и красуля одна и та же рыба, только въ разныхъ возрастахъ. Я самъ видѣлъ пестряка въ семь фунтовъ, убитаго острогою. Это избіеніе всѣхъ родовъ форели, противное истинному охотнику до уженья, какъ и всякая ловля рыбы разными снастями, производится слѣдующимъ образомъ: въ темную, осеннюю ночь отправляются двое охотниковъ, одинъ съ пукомъ зажженной лучины, таща запасъ ея за плечами, а другой съ острогою; они идутъ вдоль по рѣчкѣ и тщательно осматриваютъ каждый омутокъ, или глубокое мѣсто, освѣщая его пылающей лучиной; рыба обыкновенно стоитъ плотно у берега, прислонясь къ нему или къ древеснымъ корнямъ; примѣтивъ красулю, пестряка, кутему или налима, охотникъ съ острогой заходитъ съ противоположной стороны, а товарищъ ему свѣтитъ; ибо стоя на берегу, подъ которымъ притаилась спящая рыба, ударить ее неловко, да и не видно. Рыбакъ съ острогою, осторожно, соблюдая возможную тишину, погружаетъ понемногу въ воду свой нептуновскій трезубецъ и, доведя его на четверть разстоянія до спины рыбы, проворно вонзаетъ въ нее зазубренныя иглы остроги. Точно такимъ образомъ бьютъ и всякую другую рыбу въ прудахъ, озерахъ и рѣчныхъ заливахъ, разъѣзжая на лодкѣ, съ тою разницею, что огонь разводится на желѣзной рѣшеткѣ, прикрѣпляемой къ носу лодки желѣзною же рукояткой; тутъ иногда добываютъ такой величины щукъ, какихъ нельзя поймать и удержать ни какою другою рыболовною снастью. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ я охотно допускаю острогу.

Я говорилъ выше объ уженьѣ форели по рѣчкамъ; повторяю, что никогда не былъ до него большимъ охотникомъ; но я много удилъ пеструшки и кутемы, и съ большимъ наслажденіемъ, въ верховьяхъ чистыхъ прудовъ, гдѣ вода, не зотопляя береговъ, стоитъ наравнѣ съ ними, образуя иногда очень глубокій, слѣдовательно и не совсѣмъ прозрачный материкъ. Тутъ можно удить со дна на двѣ удочки и класть удилища на берегъ, не наблюдая особенной осторожности и тишины; тутъ

Digitized by Google

клёвъ пеструшки уже не имѣетъ необыкновенной своей быстроты, и можно успѣть схватить удилище, когда наплавокъ начнетъ шевелиться и погружаться. Это уженье самое веселое и заманчивое, особенно, если есть надежда на крупную форель и кутему. Самые большіе пестряки, мною выуженные, вѣсили около трехъ фунтовъ, но и тѣ очень бойко ходили на удочкѣ, и сачокъ былъ очень нуженъ. Я особенно люблю это уженье; тутъ нѣтъ надобности перемѣнять часто мѣста, и можно просидѣть цѣлое утро спокойно, со всѣми удобствами, трубкой, съ сигаркой, на одномъ мѣстѣ. Въ жаркое лѣтнее время надобно удить рано, а въ холодное — цѣлый день. Я всегда удилъ на среднія удочки, на обыкновеннаго навознаго или землянаго червяка, по большой части со дна, но многіе охотники удятъ мелко и на рыбку; можетъ быть, послѣдняя насадка лучше, ибо въ желудкѣ пеструшки часто находятъ мелкую рыбёшку. Къ сожалѣнію, мнѣ не случалось этого попробовать. — Пеструшка такъ нѣжна, что лѣтомъ и пяти минутъ не проживетъ въ ведрѣ съ холодною водою; покуда удишь, можно сохранить ее живою въ *кружкѣ*, но домой всегда приносишь или привозишь ее снулою, хотя бы мѣсто уженья было въ самомъ близкомъ разстояніи: отъ того она много теряетъ своего деликатнаго, единственно ей только свойственнаго вкуса. Обыкновенно готовятъ пеструшку снулую и не нахвалятся ея вкусомъ; но гастрономъ, желающій вполнѣ оцѣнить достоинство форели, долженъ отвѣдать ухи, сваренной изъ форели, только-что пойманной на берегу рѣки, или изъ привезенной въ бочкѣ съ льдомъ *). Пеструшка превосходна также приготовленная на холодное, равно жареная и сушеная въ сметанѣ.

Пеструшка идетъ позднею осенью очень хорошо въ морды. Она беретъ и зимой на удочку въ прорубяхъ; даже ночью удятъ ее съ фонаремъ, наводя лучь огня прямо въ прорубь. — Я самъ видѣлъ, какъ крестьянскіе мальчики ловили некрупную пеструшку, протыкая дубинками тонкій осенній ледъ и опу-

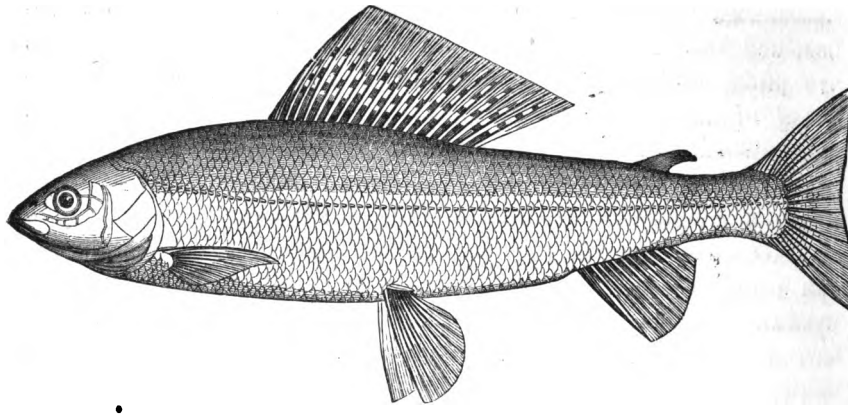
*) Если нельзя довезть пеструшку живую до кухни, то лучшее средство къ сохраненію ея вкуса — заколоть ее, завернуть въ траву и поливать въ тѣни холодною водою (обложить льдомъ — еще лучше). Всякая рыба теряетъ вкусъ, когда заснетъ, потому что истомится, умирая въ ведрѣ, и, вѣроятно, выпуститъ нѣсколько желчи.

Digitized by Google

ская въ пробитое отверстіе нитку съ крючкомъ, насаженнымъ навознымъ червякомъ; нитка привязывалась посрединѣ къ небольшой палочкѣ, которая клалась поперекъ отверстія, такъ что рыба, попавъ на крючокъ, никакъ не могла утащить палочку въ воду. Наставивъ много такихъ удочекъ по рѣчнымъ омуточкамъ, мальчики ходили взадъ и впередъ по рѣчкѣ и осматривали свои рыболовныя снасти: попавшуюся рыбку снимали, а сдернутый червякъ замѣняли новымъ.

Несмотря на то, что пеструшка самая пугливая, сторожкая рыба и самая быстрая въ своихъ движеніяхъ — ее ловятъ руками (также кутему и налимовъ): ибо она любитъ втискиваться между карягами и корнями деревъ, залѣзать подъ камни и даже въ норы. Я уже говорилъ о ловлѣ всякой рыбы руками, которая въ большомъ употребленіи около Москвы.

Digitized by Google



23.

КУТЕМА. XXVI).

Я нигдѣ не видывалъ этой рыбы, кромѣ Оренбургской губерніи. Хотя имя ея звучитъ по-русски, но это слово, какъ я слышалъ, чувашское и значитъ: *свѣтлая, блестящая.* Я рѣшительно причисляю ее къ роду форелей. Во-первыхъ потому, что гдѣ водится пеструшка, тамъ непремѣнно живетъ кутема, и гораздо въ большемъ количествѣ; во-вторыхъ потому, что она имѣетъ языкъ, и въ-третьихъ потому, что она совершенно сходна съ форелью устройствомъ своихъ костей, всѣми своими нравами и превосходнымъ вкусомъ. Складомъ своего стана она нѣсколько пошире пеструшки, хотя, относительно, довольно толста въ спинѣ; цвѣтомъ вся сизо-серебряная, плавательныя перья и хвостъ имѣетъ также сизые съ легкимъ отливомъ розово-лиловаго цвѣта; оттѣнокъ этотъ примѣтенъ, если посмотрѣть къ свѣту на ея перья и спину, которая нѣсколько темнѣе нижней части тѣла, совершенно бѣлой. Кутема, по единогласному мнѣнію туземцевъ и по собственному моему наблюденію, не выростаетъ длиннѣе двухъ четвертей и не вѣситъ болѣе двухъ съ половиною, много трехъ фунтовъ; хотя она также любитъ чистую и холодную воду, но нѣсколько менѣе

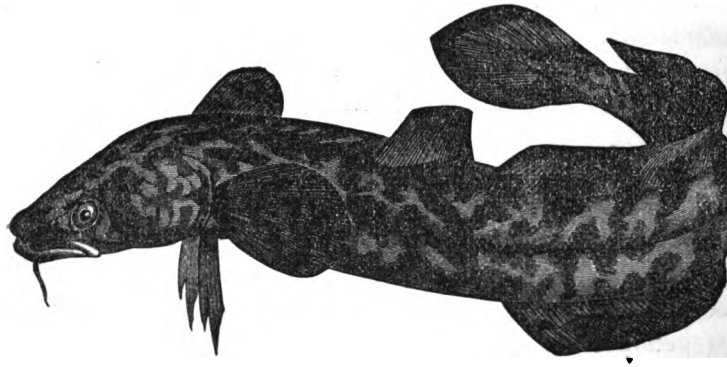
Digitized by Google

взыскательна на этотъ счетъ, чѣмъ пеструшка. Когда на дикой, чистой, вольной рѣчкѣ, или ручьѣ, сдѣлаютъ первую мельницу и запрудятъ воду плотиной изъ свѣжаго хвороста и земли, пригнетя сверху нѣсколькими пластами толстаго дерна, взодраннаго плугомъ, то въ первые годы въ этомъ пруду, чистомъ и прозрачномъ какъ стекло, живутъ пеструшка, красуля и кутема. Такой прудъ бываетъ чудно хорошъ! особенно въ тихое время, по зарямъ утреннимъ и вечернимъ, когда сверкающее зеркало воды, подобно огромному куску льда, неподвижно лежитъ въ зеленыхъ, потемнѣвшихъ берегахъ. Наклонясь къ зарѣ, увидишь выпрыгивающихъ на гладкую поверхность воды кутему и пеструшку, какъ-будто розово-серебряныхъ отъ блеска зари: онѣ ловятъ разныхъ мошекъ и другихъ крылатыхъ насѣкомыхъ, толкущихся надъ тихою водою и нерѣдко падающихъ въ нее. Въ такомъ прудѣ, отдаленномъ отъ селенія, куда навозъ возить далеко, и плотина котораго поддерживается дерномъ и землею—могутъ долго водиться всѣ эти три превосходныя породы форели. Въ послѣдствіи времени, когда хворостъ перегніетъ, плотина осядетъ, на мельничномъ дворѣ накопится навозъ, а дѣвать его некуда, потому что тамъ пашни не уважаживаютъ, тогда этимъ навозомъ (и даже деревенскимъ, если прудъ не слишкомъ отдаленъ) начнутъ усыпать плотину; онъ сообщитъ водѣ свой запахъ, и пеструшка не станетъ жить въ прудѣ, а удалится въ верхъ рѣки; кутема же остается въ немъ нѣсколько времени. Когда же вода еще болѣе испортится, то и кутема пропадетъ. Она беретъ на удочку охотнѣе пеструшки, такъ что ее всегда выудишь вдвое больше. Что касается до уженья этой рыбы, то оно совершенно одинаково съ уженьемъ пеструшки, и потому я не стану говорить о немъ особенно.

Вотъ всѣ породы рыбъ, которыя берутъ на удочку и водятся въ водахъ тѣхъ губерній, въ которыхъ мнѣ случалось жить, слѣдственно и удить. Это небольшой клочокъ въ отношеніи къ безконечному пространству нашей Руси, и много есть породъ рыбъ, неизвѣстныхъ мнѣ даже по имени, и способовъ уженья, незнакомыхъ мнѣ по опыту, отъ чего записки мои очень неполны. Предоставляю другимъ вознаградить этотъ недостатокъ. Я считаю однако не лишнимъ поговорить

Digitized by Google

о двухъ породахъ рыбъ, которыя, хотя не берутъ на удочку во время обыкновеннаго дневнаго уженья, но попадаютъ на крючки или обыкновенныя удочки, если ихъ ставить на ночь.—Нельзя также пройдти молчаніемъ раковъ; раки вполнѣ заслуживаютъ вниманія рыбака: они играютъ важную роль въ уженьѣ; охотнику необходимо знать, когда, гдѣ и какъ можно доставать ихъ. Надобно также сказать кое-что и о тѣхъ способахъ рыбной ловли, которыхъ хотя нельзя назвать уженьемъ, но которые ближе къ нему, чѣмъ къ ловлѣ другими снастями: я разумѣю блесну, крючки и жерлицы. Рыбы, о которыхъ я хочу поговорить, называются *налимъ* и *сомъ*.



НАЛИМЪ *) XXVII).

Налимъ водится и въ маленькихъ родниковыхъ рѣчкахъ и во всѣхъ большихъ рѣкахъ, проточныхъ прудахъ и озерахъ, имѣющихъ хорошую, свѣжую воду. Онъ принадлежитъ также къ породѣ хищныхъ рыбъ, ибо преимущественно питается мелкою рыбёшкою; фигура его совсѣмъ особенная и не

*) Lota vulgaris, C. Въ Малороссіи *мень*, *менёкъ*, *мантусъ* (Орлов. губ.), *ментусъ* (на Волыни), *калека* (по Ипути). *К. Р.*

Digitized by Google

совсѣмъ пріятная: отъ головы, съ довольно большимъ и широкимъ ртомъ и однимъ усомъ, торчащимъ изъ-подъ нижней губы, сейчасъ начинается бѣлесоватое брюхо, которое у большихъ налимовъ бываетъ кругло и велико; отъ брюха станъ его сплющивается и оканчивается длиннымъ, плоскимъ, извилистымъ плесомъ, опушеннымъ, до небольшаго кругловатаго хвоста, сплошнымъ, мягкимъ, плавательнымъ перомъ. Налимъ не имѣетъ чешуи, а покрытъ слизью, такъ что его трудно удержать въ рукахъ; онъ весь мраморный: по темно-зеленому желтоватому полю испещренъ черными пятнами; глаза имѣетъ темные; нѣкоторые налимы бываютъ очень темны, а другіе очень желты. Я не видалъ налима болѣе пятнадцати фунтовъ, но говорятъ, что онъ достигаетъ тридцати фунтовъ. Хотя я только отъ одного рыбака слышалъ, что онъ выудилъ налима, но судя по тому, что позднею осенью и въ началѣ зимы налимъ беретъ со дна на обыкновенныя удочки, насаженныя рыбкою или кускомъ рыбы, и поставленныя около береговъ на ночь,—его очень можно выудить, если удить ночью; но въ это время года никто не станетъ удить по ночамъ *). Уха изъ однихъ налимовъ (даже безъ бульона изъ ершей), живыхъ непремѣнно, особенно если положить побольше печенокъ и молокъ, до того хороша, что, по моему мнѣнію, можетъ соперничать съ знаменитой стерляжьей ухой. Изъ уваженія къ такому высокому качеству и по невозможности удить налимовъ, я допускаю и даже люблю ловлю ихъ *мордами*, по-заволжски, или *неротами*, по-московски. Она производится слѣдующимъ образомъ:

На перекатахъ рѣки, въ которой водятся налимы, загораживаются *язы*, то-есть: вся ширина рѣки или только та сторона, которая поглубже, перебивается нетолстыми сплошными кольями, четверти на двѣ торчащими выше водяной поверхности, сквозь которые можетъ свободно течь вода, но не можетъ пройдти порядочная рыба; въ этой перегородкѣ оставляются ворота, или пустое мѣсто, въ которое вставляется морда **) (или неротъ), крѣпко привязанная по срединѣ къ

*) Недавно я убѣдился, что налимъ можетъ взять на удочку и въ день: при мнѣ одинъ рыбакъ выудилъ налима въ два фунта на землянаго червя, весною, въ спущенномъ прудѣ. Налимы берутъ также весною на крючки, сейчасъ по слитіи полой воды.

**) *Мордою* называется, сплетенный изъ ивовыхъ прутьевъ, круглый мѣшокъ;

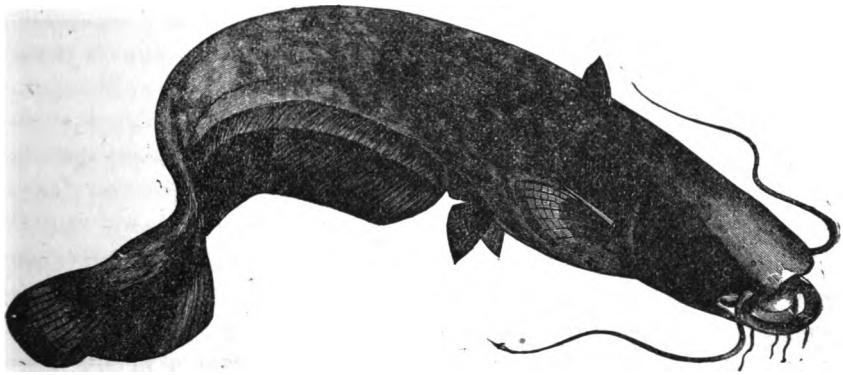
Digitized by Google

длинной палкѣ: если отверзтая ея сторона четыре-угольная, то ее можно вставить между кольями очень плотно; если же круглая (что, по-моему, очень дурно), то дыры надобно заткнуть вѣтками сосны или ели, а за неимѣніемъ ихъ, какими-нибудь прутьями. Всего необходимѣе, чтобъ морда лежала плотно на днѣ. Зимой, особенно въ сильные морозы, преимущественно около святокъ, выходятъ налимы изъ глубокихъ омутовъ, въ которыхъ держатся цѣлый годъ, и идутъ вверхъ по рѣкѣ по самому дну, пріискивая жесткое, хрящеватое или даже каменистое дно, о которое они трутся для выкидыванія изъ себя икры и молокъ; такимъ образомъ, встрѣтивъ перегородку, сквозь которую пролѣзть не могутъ, и отыскивая отверзтіе для свободнаго прохода, они неминуемо попадутъ въ горло морды. Иногда вваливаются такіе огромные налимы, что даже непонятно, какъ они могли пролѣзть въ узкое отверзтіе, будучи почти вдвое его объемистѣе. Это объясняется тѣмъ, что вся толщина налима состоитъ въ брюхѣ, которое, по мягкости своей, удобно сжимается, и тѣмъ, что налимъ покрытъ необыкновенною слизью. Всего выгоднѣе загораживать язы на устьяхъ рѣчекъ, впадающихъ въ главную рѣку. Налимы идутъ всегда по ночамъ, и днемъ никогда въ морды не попадаются. Въ наши долгія жестокія зимы очень пріятно, послѣ снѣжной вьюги, свирѣпствовавшей иногда нѣсколько дней, особенно иногда послѣ оренбургскаго бурана, когда утихнетъ мятель и взрытыя ею снѣжныя равнины представятъ видъ моря, внезапно оцѣпенѣвшаго посреди волненія,— очень весело, при блескѣ яркаго солнца, пробраться по занесеннымъ также язамъ, которые иногда не вдругъ найдешь подъ сугробами снѣга, разгресть ихъ лопатами, разрубить ледъ пешнями и топорами, выкидать его плоскимъ сакомъ или лопатой и вытащить морду, иногда до половины набитую налимами. Изрѣдка, особенно къ великому посту, попадаются окуни, плотва и раки. — Налимы берутъ осенью на крючки, привязанные на толстую лесу, или шнурокъ, безъ наплавка, насаженные цѣлою рыбкою или кускомъ свѣжей рыбы. Такіе

задній конецъ его завязывается наглухо, а въ переднемъ, имѣющемъ видъ раскрытаго кошелька, устроивается горло на подобіе воронки, такъ что рыбѣ войдти можно свободно, а выйдти нельзя.

Digitized by Google

крючки ставятъ на ночь, насадку опускаютъ на дно у самаго берега, иногда же по срединѣ рѣки, и шнурокъ привязываютъ къ колышку или къ древесному сучку; но объ этомъ я скажу въ своемъ мѣстѣ подробнѣе. Попадаютъ такіе налимы, что отрываютъ толстые шнурки; очевидно, что лучше привязывать ихъ къ кусту или сучку дерева (только не ольховому: ибо онъ сейчасъ переломится или оторвется отъ ствола), которое имѣетъ гибь. Ўха изъ налимовъ, пирогъ съ налимьими печенками... такія блюда, превосходный вкусъ которыхъ извѣстенъ всѣмъ.



СОМЪ *) XXVIII).

Сомъ фигурой своей очень похожъ на налима, но ротъ его, или, правильнѣе сказать, пасть, шире, безобразнѣе; голова еще болѣе сливается съ туловищемъ, то-есть, брюхомъ; онъ гораздо отвратительнѣе налима и какъ-то похожъ на огромнаго головастика. Я слыхалъ, что сомы бываютъ чудовищной, баснословной величины, что проглатываютъ не только дѣтей, но и взрослыхъ. Они водятся только въ большихъ рѣкахъ, преимущественно въ тихихъ, тинистыхъ и глубокихъ.

---

*) Silurus glaris, L. *К. Р.*

Digitized by Google

Вкусъ сомовій грубъ и непріятенъ, но его плесо, или хвостъ, весь состоящій изъ позвоночной кости и жира, имѣетъ превосходный вкусъ: кулебяка съ какою-нибудь красною свѣжепросольною рыбой и доброй начинкой, проложенная внутри ломтиками свѣжаго сомовьяго жира, который весь въ печи растаетъ и напитаетъ собою и начинку и корку—объяденье! Сомовъ ловятъ на огромные крючки, или крючья,—величина которыхъ иногда бываетъ не менѣе пожарнаго багра, съ соразмѣрною зазубриною,—привязывая ихъ на крѣпкія веревки и насаживая большихъ рыбъ, огромные куски мяса, ощипанныхъ вполовину куръ, утокъ и даже маленькихъ поросятъ; насаживаютъ также говяжью и баранью требуху; но на чистую мясную насадку сомъ беретъ охотнѣе. Я слыхалъ также, что гдѣ водится сомовъ много, тамъ удятъ ихъ на огромныя удочки, насаживая и большихъ лягушекъ.

РАКИ. XXIX).

Хотя ракъ ни рыба, ни мясо, но лучше и того и другаго. Пословица: *на безрыбьѣ и ракъ рыба* на этотъ разъ несправедлива. Но кромѣ своего высокаго гастрономическаго достоинства, раки, какъ я уже сказалъ, играютъ очень важную роль въ уженьѣ: ибо служатъ самою лучшею насадкою для всѣхъ рыбныхъ породъ, особенно линючіе, которыхъ въ это время года ничто замѣнить не можетъ. Раки водятся почти во всѣхъ рѣкахъ, проточныхъ прудахъ и даже иногда въ озерахъ; но слишкомъ холодной воды и теплой, особенно несвѣжей и нечистой, сносить не могутъ. Въ рѣкахъ большихъ и песчаныхъ раки бываютъ очень крупны, но не вкусны и водятся въ маломъ количествѣ; но въ небольшихъ рѣчкахъ, особенно въ губерніяхъ черноземныхъ, водятся въ невѣроятномъ множествѣ, такъ что даже мѣшаютъ удить, — особенно послѣ линянья, когда они бываютъ худы и голодны: на что́ бы вы ни насадили ваши крючки, хотя бы на раковыя шейки, едва они коснутся дна, какъ раки бросятся со всѣхъ сторонъ, схватятъ клешнями и ртами свою добычу и поползутъ съ нею въ нору.

Digitized by Google

Сначала будешь ошибаться, что это беретъ большая рыба, станешь давать имъ волю заклёвывать, отъ чего иногда очень не скоро освободишь крючокъ изъ норы; потомъ скоро примѣнишься къ ихъ клёву и не станешь давать имъ затаскивать крючки. Какъ скоро ракъ повезетъ наплавокъ, то надобно сейчасъ потихоньку вынимать удочку: иногда вытащишь и рака; но какое же тутъ уженье хорошей рыбы, если надобно вынимать безпрестанно удочки? Когда крючки ходятъ на-вѣсу и не близко къ берегу, то раки будутъ брать менѣе; всего жаднѣе бросаются они на рыбку, навозныхъ и земляныхъ червей и хлѣбъ. Одно вѣрное спасеніе отъ раковъ: полои и разливы прудовъ, гдѣ ихъ мало и гдѣ они не трогаютъ никакой насадки, вѣроятно отъ того, что не ползаютъ по тинѣ. Впрочемъ, не вездѣ они нападаютъ на удочки. Мнѣ случалось удить во многихъ рѣкахъ, въ которыхъ водились раки, и никогда ни одинъ изъ нихъ не трогалъ моихъ удочекъ.—Ихъ ловятъ кругами и рачнями. Первое есть ничто иное, какъ обручь деревянный или желѣзный, подшитый сѣтью; на серединѣ его прикрѣпляется камень для тяжести и кусокъ мяса, рыбы или хлѣба: первыя—чѣмъ вонючѣе, тѣмъ лучше. Такой кружокъ привязывается, въ равномъ другъ отъ друга разстояніи, тремя равной длины веревочками, которыя всѣ три опять привязываются къ довольно толстой веревкѣ (кружокъ имѣетъ видъ привѣшенной къ потолку люстры); длина этой веревки зависитъ отъ глубины воды; она въ свою очередь опять прикрѣпляется къ длинной палкѣ. Нѣсколько такихъ раколовныхъ снастей закидываются по мѣстамъ глубокимъ, тихимъ и крутоберегимъ, поближе къ берегу, гдѣ всегда бываетъ множество рачьихъ норъ; черезъ полчаса на каждомъ кружкѣ будутъ сидѣть и кушать по нѣскольку раковъ; остается легонько вынимать кружки и собирать добычу. Устройство, такъ-называемой въ Оренбургской губерніи, *рачни* точно такое же, какъ и кружка, съ тою разницею, что вмѣсто обруча и сѣтки употребляются старые лапти (осметки): это простѣе и удобнѣе. Такихъ раченъ легко надѣлать десятка три. Внутри каждаго лаптя (съ привязаннымъ къ нему камнемъ или набитаго глиной для скорѣйшаго погруженія) должно прикрѣпить лычкомъ кусокъ какого-нибудь мяса, рыбы, если случится, а если нѣтъ ни того, ни другаго, то корку хлѣба; рачни рас-

Digitized by Google

кидать по рѣкѣ, саженяхъ въ пяти одна отъ другой. Когда раколовъ закинетъ послѣднюю рачню, то возвращается къ первой, и черезъ полчаса начинаетъ вынимать рачни по порядку; на каждой будетъ сидѣть по два и по три рака; вынимать надобно осторожно и тихо до поверхности воды, и потомъ проворно выкинуть на берегъ. Въ рѣкахъ, изобильныхъ раками, въ нѣсколько часовъ можно такимъ образомъ поймать не одну сотню раковъ.

Въ рѣкахъ очень быстрыхъ, или мелкихъ, такой способъ неудобенъ и потому ловятъ раковъ руками, отыскивая ихъ въ норахъ, подъ корягами и камнями.

Въ тинистыхъ прудахъ и озерахъ раки живутъ не въ норахъ (потому что для устройства норъ требуется жесткій грунтъ), а въ тинѣ; на круги и рачни они нейдутъ, и потому ловить ихъ нѣтъ другихъ средствъ, какъ частымъ бредешкомъ или недоткой, вытаскивая на берегъ какъ можно болѣе тины, а вмѣстѣ съ ней—и раковъ.

Ночью раки ползаютъ по отмелямъ около самыхъ береговъ, влѣзаютъ и на берегъ (вѣроятно, отыскивая корму). Ходя по такимъ мѣстамъ съ горящей лучиной, ловятъ раковъ руками.

Наконецъ естъ еще способъ, и довольно забавный, доставать раковъ; но для этого необходимо, чтобъ вода была очень прозрачна. Надобно взять довольно длинную, не сухую палку, разщепить ее съ одного конца и вставить въ разщепъ клинушекъ, чтобъ края палки не сходились вершка на полтора. Запасшись такимъ орудіемъ, надобно выбрать мѣсто умѣренно-глубокое, гдѣ водится болѣе раковъ, и у самаго берега бросить на дно какого-нибудь мяса, кишки, требуху или хоть умятаго хлѣба; раки сейчасъ поползутъ къ корму со всѣхъ сторонъ; тогда разщепленную палку бережно погрузить въ воду, и наводя тихонько на рака, какъ можно къ нему ближе, вдругъ воткнуть развилки въ дно: ракъ попадетъ между ними и увязнетъ вверху разщепа. Кажется, штука простая, а надобно очень примѣниться, и сначала промаховъ будетъ множество. Если раковъ въ рѣкѣ много, то и этимъ способомъ можно наловить ихъ довольно.

Въ іюнѣ и въ іюлѣ раки линяютъ и сидятъ больные въ норахъ, а рачихи также въ норахъ высиживаютъ икру: и тѣхъ

Digitized by Google

и другихъ необходимо доставать руками. Рачихи линяютъ позднѣе раковъ. Желая поймать линючаго рака, некрупные налимы забиваются въ ихъ норы, и деревенскіе мальчики, доставая раковъ, нерѣдко ловятъ налимовъ руками.

КРЮЧКИ И ЖЕРЛИЦЫ.

Ставленье крючковъ и жерлицъ, о которомъ я упоминалъ не одинъ разъ, дѣлается слѣдующимъ образомъ. Большаго сорта *крючки*, и даже средніе, на толстыхъ лесахъ, или крѣпкихъ шнуркахъ съ грузиломъ, если вода быстра,—насаживаются рыбкою, опускаются на дно рѣки, пруда или озера, предпочтительно возлѣ берега, около корней и карягъ, и привязываются къ воткнутому въ берегъ колу, удилищу или кусту. Рыба на крючки попадается ночью; ихъ начинаютъ ставить осенью, когда сдѣлается холодно и пойдутъ морозы; эту ловлю продолжаютъ во всю зиму на такихъ рѣкахъ, которыя не мерзнутъ, или покрываются тонкимъ льдомъ *). Попадаются налимы, головли, судаки и щуки. Для предосторожности не худо употреблять крючки съ поводками изъ проволоки или струны, безъ чего щука непремѣнно перегрызетъ и самый толстый шнурокъ: ибо она, хотя рѣдко, беретъ и на крючокъ, со дна.—Жерлицы ставятся для однѣхъ только щукъ. Это тотъ же крючокъ, только рыбку надобно насаживать живую въ спинку (наилучшій способъ насадки: животку пришивать бокомъ къ крючку) и пускать ее не глубже, какъ на одинъ аршинъ, для чего длинная бичевка, или шнурокъ, всегда съ металлическимъ поводкомъ, наматывается на рогульку и ущемляется въ нарочно сдѣланный расколъ одного изъ ея рожковъ; сама же рогулька коротко и крѣпко привязывается къ длинному рычагу, который другимъ заостреннымъ концомъ своимъ втыкается въ на-

---

*) Про зимнюю ловлю на крючки я только слыхалъ; но мои попытки были всегда неудачны. Самый лучшій ловъ около 1-го октября, если есть морозы, а если нѣтъ, то позднѣе.

Digitized by Google

клоненномъ положеніи въ берегъ или неглубокое дно; на крупныхъ щукъ обыкновенно насаживаютъ окуней, и не маленькихъ. Щука, проглотивъ насадку, размотаетъ шнурокъ съ рогульки во всю его длину, и, если хорошо забрала, будетъ ходить цѣлый день и ни за что не сорвется. Жерлицы ставятся преимущественно въ прудахъ и озерахъ, въ мелкихъ мѣстахъ около травъ и камышей. Для ставленья и выниманья жерлицъ нужна лодка, потому что всего лучше ставить ихъ въ разливахъ прудовъ. Щуки попадаютъ и днемъ, но чаще ночью. Для большихъ щукъ обыкновенные крупные крючки не годятся, потому что слишкомъ тонки и малы. Огромная щука такъ сильна и станетъ такъ кидаться и метаться, что крючокъ, хотя бы задѣлъ за ея желудокъ, называемый рыбаками *кутырь*, непремѣнно прорветъ его и выскочитъ вонъ. Для этой ловли приготовляются особенные толстые крючки, и они-то называются жерлицами. Мнѣ не одинъ разъ случалось вынимать щукъ съ вывороченнымъ, какъ чулокъ, кутыремъ, то-есть, желудкомъ, а щуки были еще живы и бойко ходили. На такія жерлицы попадаются и огромные окуни, даже изрѣдка налимы (разумѣется, въ глубокую осень), если шнурокъ размотается съ рогульки и насадка опустится на дно или прислонится въ водѣ къ берегу: ибо налимъ на вѣсу ни подъ какимъ видомъ не беретъ. Лучшее время для ловли щукъ на жерлицы — конецъ лѣта и первая половина осени: весною и въ позднюю осень онѣ берутъ мало. Двойныя жерлицы, то есть съ двумя крючками, по моимъ опытамъ, всегда оказывались неудобными.

Я небольшой охотникъ до жерлицъ: стоитъ ли заниматься однѣми щуками, когда и безъ нихъ всякая рыба беретъ на удочку? Но ставленье крючковъ осенью на налимовъ — очень любилъ и теперь люблю, и потому поговорю подробнѣе объ этой ловлѣ. Кромѣ того, что налимъ драгоцѣнная по вкусу рыба, и что ее въ это время года ничѣмъ другимъ не достанешь, ставленье крючковъ потому пріятно, что начинается тогда, когда прекращается уженье; замѣняя его нѣкоторымъ образомъ, оно можетъ служить единственной отрадой страстному рыбаку, огорченному лишеньемъ любимой забавы на цѣлое полгода! Крючки имѣютъ значительную выгоду въ томъ, что ихъ можно ставить скрытно, такъ что никто, кромѣ хо-

Digitized by Google

зяина, не увидитъ и не найдетъ ихъ; а это обстоятельство очень важно, если ловля производится на бойкихъ мѣстахъ, гдѣ много шатается народа: рѣдко кто не полюбопытствуетъ посмотрѣть поставленную снасть, если ее увидитъ; а много найдется и такихъ людей, которые будутъ нарочно приходить и вынимать вашу добычу. Да и посмотрѣвшій изъ одного любопытства, ужъ непремѣнно закинетъ крючокъ дурно: не туда и не такъ, какъ надобно; если же насаженная рыбка подбилась, какъ-нибудь, подъ берегъ, зашла за пенекъ, или задѣла за карягу, то, вынимая ее безъ всякой осторожности, незваный гость навѣрное задѣнетъ, стащитъ насадку на бокъ или оторветъ совсѣмъ. Для избѣжанья такихъ помѣхъ, можно привязывать шнурокъ къ колышку (который втыкается плотно въ дно рѣки у берега и покрытъ водою на четверть и болѣе), даже къ карягѣ или къ таловому пруту: тальникъ часто растетъ надъ водою и очень крѣпокъ. Это можно такъ хитро устроить, что воръ, знающій навѣрное, гдѣ поставлены крючки—не найдетъ ихъ. Въ мѣстахъ, безопасныхъ отъ посѣтителей, можно ставить крючки на удилищахъ и съ наплавками; послѣднее пріятно потому, что, подходя, рыбакъ издали уже видитъ: взяла на крючокъ рыба или нѣтъ, и куда затащило наплавокъ, а также и потому, что на удилищѣ веселѣе поводить и вытащить рыбу. Ставить надобно не на глубокихъ, а около глубокихъ мѣстъ; также около карягъ, корней и крутыхъ береговъ, на крѣпяхъ, какъ говорятъ рыбаки. Впрочемъ, иногда налимы берутъ на серединѣ рѣки, на чистомъ и гладкомъ днѣ, а потому надобно ставить разными манерами. Для насадки можно употреблять всякую мелкую рыбу, кромѣ ершей, окуней и щурятъ: живую или снулую—для налима это все равно; я даже считаю, что снулая лучше: живая можетъ спрятаться подъ траву и забиться подъ каряги, такъ что налимъ ее не увидитъ. Я предпочитаю плотичку, за ея бѣлизну, всѣмъ другимъ насадкамъ; но рыбаки считаютъ, что всего лучше небольшіе карасики, увѣряя, что они мягче и слаще другой рыбы и *живущи*; послѣднее совершенно справедливо, но по моему замѣчанію, налимы и другія хищныя рыбы берутъ на нихъ не такъ охотно. Можно насаживать на крючки куски мяса, облупленныхъ до половины раковъ и небольшихъ лягушекъ: гдѣ много налимовъ,

Digitized by Google

тамъ берутъ они на все. Всякимъ насадкамъ всего вреднѣе живые раки; гдѣ ловятся они во множествѣ, тамъ очень мѣшаютъ этой ловлѣ: объѣдаютъ насадку и затаскиваютъ въ нору крючокъ, откуда его не скоро вытащишь. Раки нападаютъ на свою добычу болѣе днемъ, и потому на день крючки надо вынимать очень рано поутру и ставить какъ можно позднѣе вечеромъ. Крючки нужны не столько большіе, сколько толстые: ибо гдѣ водятся огромные налимы, тамъ можетъ ввалиться иной въ полпуда; онъ замотаетъ *бичевку* или шнурокъ, разумѣется крѣпкій, за карягу и такъ сильно рвется, что иногда выворачиваетъ кутырь такъ же, какъ щука, и потому тонкій крючокъ можетъ прорвать желудокъ.

БЛЕСНА.

Ближе всѣхъ подходитъ къ обыкновенному уженью *блесна*. Если хотите—это настоящее уженье, съ тою разницею, что рука охотника, въ которой онъ держитъ лесу блесны, служитъ вмѣсто удилища; впрочемъ, я не знаю, почему не употреблять коротенькаго удилища? Имъ также ловко будетъ подергивать и потряхивать насадку. Это происходитъ слѣдующимъ образомъ: на обыкновенную лесу прикрѣпляется металлическая, блестящая рыбка, у которой съ боку припаянъ крючокъ (иногда по крючку съ обѣихъ сторонъ); иногда крючокъ торчитъ изъ рта искусственной рыбки; рыбакъ садится въ лодку и, пуская ее вдоль по теченію рѣки, бросаетъ одну или двѣ блесны, на которыхъ искусственныя рыбки кажутся плавающими; жадные окуни, а иногда и щуки, хватаютъ съ розмаху, плывущихъ за лодкою, искусственныхъ рыбокъ и попадаются на крючки. Эта ловля производится осенью, когда вода дѣлается чиста. Я никогда не уживалъ на блесну; но видалъ, какъ удятъ другіе. Я встрѣчалъ страстныхъ охотниковъ до этой ловли, но мнѣ она никогда не нравилась; можетъ быть потому, что я не охотникъ до уженья

Digitized by Google

съ лодки, плывущей по глубокимъ мѣстамъ.... надо признаться: я люблю твердую землю, берегъ, а жидкаго пути—боюсь.

Впрочемъ, можно ловить блесной или *блеснить*, какъ говорятъ охотники, зимой въ прорубяхъ, а осенью съ берега на мѣстахъ глубокихъ, у самаго берега, причемъ необходимо надобно часто потряхивать и подергивать за лесу, чтобъ искусственная рыбка сколько можно казалась похожею на настоящую. Блеснить съ берега и въ проруби не такъ удобно; что же касается до уженья зимой, то въ зимнюю стужу у меня пропадаетъ охота удить.

Digitized by Google

ПОЛАЯ ВОДА

и

ЛОВЛЯ РЫБЫ ВЪ ВОДОПОЛЬЕ.

Одно изъ любимыхъ удовольствій русскаго народа—смотрѣть на разливъ полой воды. «Рѣка тронулась»... передается изъ устъ въ уста, и все село, отъ мала до велика, выхлынетъ на берегъ, какова бы ни была погода,—и долго, долго стоятъ пестрыя, кое-какъ одѣтыя толпы, смотрятъ, любуются, сопровождая каждое движеніе льда своими предположеніями или веселыми возгласами. Даже въ городахъ, напримѣръ въ Москвѣ, когда тронется мелководная Москва-рѣка, всѣ ея берега и мосты бываютъ усыпаны народомъ; одни смѣняются другими, и цѣлый день толпы зрителей, перевѣсившись черезъ перилы мостовъ, черезъ рѣшотки набережной, гладятъ—не наглядятся на свою пополнѣвшую Москву-рѣку, которая въ водополь дѣйствительно похожа на порядочную рѣку. Въ самомъ дѣлѣ, видъ большой тронувшейся рѣки представляетъ въ это время года не только величественное, но странное и поразительное зрѣлище. Около полугода рѣка какъ-будто не существовала: она была продолже-

Digitized by Google

ніемъ снѣжныхъ сугробовъ и дорогъ, проложенныхъ по ихъ поверхности. По рѣкѣ ходили, ѣздили и скакали, какъ по сухому мѣсту, и почти забыли про ея существованье, и вдругъ — широкая полоса этого твердаго, неподвижнаго, снѣжнаго пространства — пошевелилась, откололась и пошла... пошла со всѣмъ, что̀ на ней находилось въ то время, съ обледенѣвшими прорубями, навозными кучами, вехами и почернѣвшими дорогами, со скотомъ, который случайно бродилъ по ней, а иногда и съ людьми! Спокойно и стройно, сначала сопровождаясь глухимъ, но грознымъ и зловѣщимъ шумомъ и скрыпомъ, плыветъ снѣжная, ледяная, безконечная, громадная змѣя. Скоро начинаетъ она трескаться и ломаться, и выпираемыя синія ледяныя глыбы встаютъ на-дыбы, какъ-будто сражаясь одна съ другою, треща и сокрушаясь и предолжая плыть. Потомъ льдины становятся мельче, рѣже, исчезаютъ совсѣмъ: рѣка прошла!... Освобожденная изъ полугодоваго плѣна, мутная вода, постепенно прибывая, переходитъ края береговъ и разливается по лугамъ. Такое зрѣлище представляетъ рѣка большая; но мелкія рѣки, очищаясь отъ льда исподволь, *проходятъ* незамѣтно; только въ полномъ своемъ разливѣ, обогащенныя водою сосѣднихъ овраговъ и лѣсовъ, затопивъ низменныя окрестности, образовавъ острова и протоки тамъ, гдѣ ихъ никогда не бывало, — веселятъ онѣ нѣсколько времени взоры деревенскихъ жителей. За то мельничные проточные пруды и спускъ полой воды въ вешняки, представляя искусственные водопады, вознаграждаютъ быстротой, шумомъ и пѣной падающихъ водъ скудность ихъ объема.

Вскрытіе рѣки, разливъ воды, спускъ пруда, заимка — это событія въ деревенской жизни, о которыхъ не имѣютъ понятія городскіе жители. Въ столицахъ, гдѣ ледъ на улицахъ еще въ мартѣ сколотъ и свезенъ, мостовые высохли и облака пыли, при нѣсколькихъ градусахъ мороза, отвратительно носятся сѣвернымъ вѣтромъ, — многіе узнаютъ загородную весну только потому, что въ клубахъ появятся за обѣдомъ сморчки, которыхъ еще не умудрились выращивать въ теплицахъ... но это статья особая, и до насъ не касается.

Въ продолженіе водополья, рыболовство, по небольшимъ рѣкамъ, производится особеннымъ образомъ, о которомъ я и

Digitized by Google

намѣренъ говорить. Какъ скоро рѣка прошла, но еще не выступала изъ береговъ, сейчасъ начинается *первая* ловля рыбы «наметкой», которая есть ничто иное, какъ всѣмъ извѣстный, глубокій сакъ съ мотней, то-есть мѣшокъ, похожій на вытянутый колпакъ изъ частой сѣтки, но не круглый, и пришитый къ деревянной, трехъугольной рамѣ, крѣпко утвержденной на длинномъ шестѣ. Извѣстно, что во время прибывающей полой воды рыба идетъ въ верхъ. Покуда рѣка не разлилась—она держится около береговъ, а когда вода разольется по поймамъ — рыба также разбредется по пояломъ. И такъ, береговой ловъ наметкою продолжается весною только до тѣхъ поръ, покуда рѣка не вышла изъ береговъ, и повторяется тогда, когда начнетъ вода вбираться въ берега. Этотъ ловъ повторяется всякой разъ, когда рѣка отъ проливныхъ дождей прибудетъ и сравняется съ берегами; чѣмъ мутнѣе, грязнѣе вода, тѣмъ лучше. Наметки бываютъ *одиночныя* (поменьше) и *двойныя* (побольше); съ одиночною можетъ управляться одинъ сильный человѣкъ, а съ двойною—непремѣнно двое. Быстрое теченіе затрудняетъ ходъ рыбы, сноситъ ее внизъ, а потому она жмется предпочтительно къ тѣмъ мѣстамъ берега, гдѣ вода идетъ тише: на этомъ основанъ ловъ наметкой. Рыбакъ, стоя на берегу, закидываетъ наметку (сѣтка которой сейчасъ надувается водою) какъ можно дальше, опускаетъ бережно на дно, легонько подводитъ къ берегу и, прижимая къ нему плотно, но не задѣвая за неровности, вытаскиваетъ наметку отвѣсно, противъ себя, перехватывая шестъ обѣими руками чѣмъ ближе къ сѣткѣ, тѣмъ проворнѣе. Очевидно, что тутъ, кромѣ ловкости, надо много силы: быстрое теченіе сноситъ наметку внизъ, для чего иногда нужно конецъ шеста положить на плечо, чтобъ на упорѣ легче было прямо погрузить наметку въ воду: ибо наметка должна идти прямо поперекъ рѣки и разомъ всѣми тремя сторонами рамы прикоснуться къ стѣнамъ берега, чтобъ захватить стоящую возлѣ него рыбу. Если какъ-нибудь теченіе воды наметку заворотитъ и она бокомъ или краемъ ударится въ берегъ—рыба отъ берега бросится въ противную сторону, испугаетъ и увлечетъ за собою всю другую рыбу, около стоявшую, хотя бы она и не видала, отчего происходитъ тревога, и, въ такомъ случаѣ,

Digitized by Google

здѣсь поймать уже нельзя ничего. Мутность воды мѣшаетъ рыбѣ видѣть приближеніе рыболовной снасти, и наметка загребаетъ, такъ-сказать, въ свой кошель всякую рыбу, которая стояла у берега на этомъ мѣстѣ. Обыкновенно попадаются: щучки, окуни, ерши, плотва, по бо́льшей части мелкая; но иногда захватываются другія породы рыбъ довольно крупныя. Въ рѣкахъ и рѣчкахъ, изобильныхъ рыбою, крутоберегихъ, узкихъ, особенно въ верховьяхъ большихъ прудовъ, въ эту пору года можно и наметкой наловить множество рыбы. Весело вытряхивать на снѣгъ или на оттаявшій берегъ тяжелую наметку, нагруженную въ мотнѣ рыбою, разнообразіе которой особенно пріятно. Тутъ и щука—голубое перо, и полосатый окунь, и пестрый ершъ, до того уродливо полный икрою, что точно брюшко и бока его набиты угловатыми камешками. Тутъ и многіе другіе золотистые, серебристые, проворные, красивые, давно невиданные охотникомъ, жители водянаго царства!

Но вотъ лѣтняя теплая туча засинѣла на югозападномъ краѣ горизонта, брызнули дождевыя капли... громъ... и полился дождь... Пора обмыть землю, выходящую изъ-подъ снѣга, опутанную тенетниками или паутинами, пора растопить и согнать послѣдніе, снѣжные, обледенѣлые сугробы! Тронулись большіе овраги, подошла лѣсная вода, бѣгутъ потоки, журчатъ ручьи со всѣхъ сторонъ въ рѣку, и—рѣка выходитъ изъ береговъ, затопляетъ низменныя мѣста, и рыба, оставляя безполезные берега, бросается въ полои. Наметка уже не годится: пришла пора употреблять другія рыболовныя снасти. Эти снасти: *морды*, или верши, вятели *), хвостуши. Морда (не́ротъ или наротъ—по-московски, или верша—по-тульски) есть ничто иное, какъ плетеный изъ ивовыхъ прутьевъ, круглый продолговатый мѣшокъ, или боченокъ, похожій фигурою на растопыренный колпакъ; задняя часть его кругловата и крѣпко связана, къ самому хвосту прикрѣпленъ камень, а передняя раскрыта широко, четвероугольною квадратною рамою, въ аршинъ и даже въ аршинъ съ четвертью въ квадратѣ **). Внутри этой отверзтой стороны выплетено, изъ прутьевъ же, горло въ видѣ

*) Или вентели, которые въ Можайскомъ уѣздѣ называются «жохами».

**) Около Москвы плетутъ нѐрота круглые, но это неудобно: они не плотно ложатся на дно и вставляются въ язы, и дыры надо затыкать *лапникомъ*, то-есть вѣтвями ели.

Digitized by Google

воронки, для того чтобы рыбѣ войти было удобно, а назадъ выйти нельзя.

Для ставленья мордъ въ полую воду приготовляются мѣста заранѣе, въ *межёнь*, какъ говорится. Извѣстно, по какимъ низменностямъ будетъ разливаться вода, а потому на ложбинахъ, небольшихъ долочкахъ и въ неглубокихъ овражкахъ, всегда на ходу рыбы, набиваются колья и заплетаются плетнемъ, шириною отъ одной сажени до двухъ и болѣе, смотря по мѣстности, поверхъ котораго и сквозь который вода проходитъ, но рыба, кромѣ малявки, то-есть самой мелкой, сквозь пройти не можетъ. Въ серединѣ этого плетня оставляются одни, иногда двое, воротъ или дверей (въ аршинъ или аршинъ съ четвертью шириною), въ которыя вставляются морды, прикрѣпленныя къ шестамъ; два хода, или отверстія, оставляются иногда для того, чтобы можно было ставить одну морду по теченію, а другую противъ теченія воды: рыба идетъ сначала вверхъ, а потомъ, дойдя до края разлива, возвращается назадъ и будетъ попадать въ морды въ обоихъ случаяхъ. Когда же вода пойдетъ на убыль, то всѣ морды и другія снасти въ этомъ родѣ ставятся противъ ската воды, то-есть противъ теченія. Мѣста въ полояхъ между кустами, устья ручейковъ, суходоловъ и вообще всякое углубленіе земли, сравнительно съ прочею мѣстностью, считаются самыми выгодными мѣстами. Въ такія морды съ загородками попадаетъ всякая рыба безъ исключенія, не только крупная, но и мелкая, потому-что сквозь плетеный нѐротъ не можетъ пролѣзть и плотичка. Морды или нѐроты ставятъ и безъ плетней, даже безъ шестовъ, на однѣхъ веревкахъ; но это уже не весенній ловъ.

Вятиль, вентель или крылена, какъ зовутъ его въ низовыхъ губерніяхъ, фигурою—совершенно длинная морда, только вмѣсто прутьевъ, на основаніи деревянныхъ обручей, обтянута частой сѣткой, и сверхъ того, по обоимъ бокамъ раскрытой передней части, имѣетъ крылья или стѣнки изъ такой же сѣтки, пришитыя концами къ кольямъ; задняя часть или хвостъ вятиля также привязанъ къ колу, и на этихъ-то трехъ главныхъ кольяхъ, втыкаемыхъ плотно въ землю, крылена растягивается во всю свою ширину и длину. Ее ставятъ по залитымъ водою мѣстамъ, предпочтительно тихимъ, имѣющимъ

Digitized by Google

ровное дно. Названіе крылена очень выразительно, потому-что боковыя ея стѣнки изъ сѣти, замѣняющія плетень около морды, имѣютъ видъ растянутыхъ крыльевъ: общая фигура снасти представляетъ разогнутую широко подкову. Крылены имѣютъ ту выгоду, что для нихъ не нужно приготовлять мѣстъ заранѣе, набивать колья и заплетать плетни, что ихъ можно ставить вездѣ и переносить съ мѣста на мѣсто всякій день: ибо если рыба въ продолженіе сутокъ не попадаетъ, то это значитъ, что тутъ нѣтъ ей хода; но за то на мѣстахъ, гдѣ вода течетъ глубоко и быстро, вятиль или крылену нельзя ставить, потому-что ее можетъ снести сильнымъ теченіемъ и можетъ прорвать, если по водѣ плывутъ какія-нибудь коряги, большіе сучья, или вымытые изъ берега корни деревъ. Морду можно поставить на узкомъ и на довольно глубокомъ мѣстѣ (заранѣе приготовленномъ), потому-что рыба идетъ по дну; но крылена становится не глубже полутора аршина, а иногда и гораздо мельче, притомъ на мѣстахъ пологихъ и широкихъ, гдѣ бы могли растянуться ея крылья. И морду и крылену можно ставить съ лодки, хотя это и не такъ ловко; но русскіе люди не боятся простуды (за что нерѣдко дорого расплачиваются) и обыкновенно бродя во водѣ, иногда по горло, становятъ свои рыболовныя снасти. Морда утверждена, то-есть: крѣпко привязана въ двухъ мѣстахъ снаружи къ шесту, который проходитъ по серединѣ отверстой стороны, и, будучи длиннѣе, вершка на три, нижняго края морды, плотно втыкаются въ дно. Крылена привязана къ тремъ главнымъ кольямъ и еще къ двумъ, такъ-сказать вспомогательнымъ, находящимся по срединѣ крыльевъ, имѣющихъ въ длину каждое до двухъ и болѣе аршинъ; два вспомогательные колышка, поменьше главныхъ, служатъ крыльямъ для лучшаго растягиванья и сопротивленья теченію воды. Всѣ пять кольевъ крѣпко втыкаются въ мягкое дно. — Въ крылены попадается, также какъ въ морды, всякая рыба, иногда въ такомъ количествѣ и такая крупная, что сѣтка разрывается или даже выскакиваютъ колья, на которыхъ утверждена крылена. — Въ водополь очень ловко перебивать нѣсколькими вятелями какой-нибудь значительный заливъ воды въ узкомъ его мѣстѣ. Крылены ставятъ одну возлѣ другой плотно, крыло съ крыломъ, наблюдая, чтобъ одна крылена стояла по теченію или ходу

Digitized by Google

воды, а другая напротивъ, очевидно съ тою цѣлью, чтобы рыба—впередъ ли, назадъ ли идетъ она—попадала въ разставленныя снасти.

Хвостуша уже названіемъ своимъ показываетъ, что должна имѣть длинный хвостъ. Это родъ морды; она также сплетена изъ прутьевъ, только не похожа фигурой своей на боченокъ, имѣющій въ серединѣ болѣе ширины, на который похожа морда. Хвостуша отъ самаго передняго отверстія, которое дѣлается и круглымъ, и овальнымъ, и четвероугольнымъ,—все идетъ къ хвосту уже и связывается внизу тамъ, гдѣ оканчиваются прутья, кончики которыхъ не обрубаютъ; бока хвостуши въ трехъ или четырехъ мѣстахъ, смотря по ея длинѣ, переплетаются вокругъ поперечными поясами изъ такихъ же гибкихъ прутьевъ, для того, чтобъ вдоль лежащіе прутья связать плотнѣе и чтобъ рыба не могла раздвинуть ихъ и уйти. Хвостуша всегда бываетъ длиннѣе морды, и прутья для нея употребляемые — потолще; къ хвосту ея, и также къ двумъ концамъ нижней стороны, привязываются довольно тяжелые камни, для погруженія и плотнаго лежанья хвостуши на днѣ, ибо она ничѣмъ другимъ на немъ не утверждается; къ тому же ставится всегда на самомъ быстромъ теченіи, или, лучше сказать, паденіи воды, потому-что только оно можетъ захлестать, забить рыбу въ узкую часть, въ хвостъ этой простой снасти, гдѣ, по тѣснотѣ, рыбѣ нельзя поворотиться и выплыть назадъ, да и быстрина воды мѣшаетъ ей сдѣлать поворотъ. Мнѣ случалось видѣть хвостушки, до того полныя рыбами, что заднія или послѣднія къ выходу не умѣщались и до половины были наружи. Самое выгодное мѣсто для ставленья хвостушъ—крутой скатъ воды, и самое выгодное время — спускъ мельничныхъ прудовъ, когда они переполнятся вешнею водою, особенно если русло, по которому стремится спертый потокъ, покато. Я живо помню эту ловлю въ моемъ дѣтствѣ: рыбы въ рѣкѣ, на которой я жилъ, было такое множество, что теперь оно кажется даже самому мнѣ невѣроятнымъ; вешняка съ затворами не было еще устроено, въ которомъ можно поднимать одинъ запоръ за другимъ и такимъ образомъ спускать постепенно накопляющуюся воду. Вешнякъ запружали на-глухо, когда сливала полая вода; а весной, когда прудъ наливался какъ полная чаша

Digitized by Google

и грозилъ затопить плотину и прорвать, раскапывали заваленный вешнякъ. Вода устремлялась съ яростью и размывала прошлогоднюю запрудку до самаго дна, до материка. Сильная покатость мѣстоположенія умножала водную быстрину, и я видалъ тутъ такую ловлю рыбы хвостушами, какой никогда и нигдѣ не видывалъ послѣ. Во всю ширину теченія, въ разныхъ мѣстахъ, вколачивали заранѣе крѣпкіе колья; къ каждому, на довольно длинной веревкѣ, привязывалась хвостуша, такъ, чтобы ее можно было вытаскивать на берегъ не отвязывая. Впрочемъ, иногда веревка оканчивалась глухой петлей и надѣвалась на колъ. Рыба, которая шла сначала вверхъ, доходя до крутаго паденія воды, отбивалась стремленіемъ ея назадъ, а равно и та, которая скатывалась изъ пруда внизъ по теченію (что̀ всегда бываетъ по большой части ночью), попадала въ хвостуши, которыя, хотя не сплошнымъ рядомъ, но почти перегораживали весь потокъ. Рыбы вваливалось невѣроятное множество и такъ скоро, что люди, закинувъ снасти, не уходили прочь, а стояли на берегу, и отъ времени до времени, черезъ полчаса, или много черезъ часъ, входили по поясъ въ воду, вытаскивали до половины набитыя хвостуши разной рыбой, вытряхивали ее на берегъ и вновь закидывали свои простыя снасти. На берегу была настоящая ярмарка: крикъ, шумъ, разговоры, бѣготня; куча бабъ, стариковъ и мальчишекъ таскали домой лукошками, мѣшками и подолами всякую рыбу; разумѣется, не мало было и простыхъ зрителей, которые совѣтовали, помогали и шумѣли гораздо болѣе настоящихъ рыбаковъ. Все это довершалось ревомъ падающей воды, съ шумомъ, пѣной и брызгами разбивающейся о крѣпкое дно и колья съ привязанными хвостушами. Много попадалось очень крупныхъ головлей, язей, окуней, линей (фунтовъ по семи) и особенно большихъ щукъ. Я самъ видѣлъ, какъ крестьянинъ, съ помощію товарища, вытащилъ хвостушу, изъ которой торчалъ хвостъ щуки: вѣсу въ ней было одинъ пудъ пять фунтовъ. Не могу понять, какъ такая огромная и сильная рыба не выкинулась назадъ? Должно предположить, что стремленіе воды забило ея голову въ узкой конецъ хвостуши, гдѣ она ущемилась между связанными прутьями и гдѣ ее захлестало водой; сверхъ того, натискавшаяся по бокамъ щуки другая рыба лишала ее возможности

Digitized by Google

поворотиться. Хвостуши, оставляемыя на ночь, то-есть часовъ на шесть, набивались рыбою только на четверть, не вровень съ краями; но сверху обыкновенно была мелкая плотва: вѣроятно крупная рыба выскакивала.

Во время самаго разлива полой воды, щуки мечутъ икру и выпускаютъ молоки; въ продолженіе этой операціи онѣ ходятъ по верху одна за другою, иногда по нѣскольку штукъ. Замѣтивъ мѣста, около которыхъ онѣ трутся—всегда въ травѣ или кустахъ по полоямъ,—охотникъ входитъ тихо въ воду и стоитъ неподвижно съ боку рыбьяго хода, съ готовою острогою, и когда щуки подплывутъ къ нему близко,—бьетъ ихъ своимъ нептуновскимъ трезубцомъ, который имѣетъ, однако, не три, а пять и болѣе зубцовъ или иглъ съ зазубринами. Въ это же время стрѣляютъ щукъ изъ ружей крупною дробью, потому-что щуки ходятъ высоко, и не только спинное перо, но и часть спины видна на поверхности. И острогой, и ружьемъ добываютъ иногда такихъ огромныхъ щукъ, какія рѣдко попадаются рыбакамъ въ обыкновенныя рыболовныя снасти, и если попадаются, то снасти не выдерживаютъ.

ОХОТА СЪ ОСТРОГОЮ.

Охота съ острогою можетъ доставить много удовольствія, особенно потому, что производится въ позднюю осень, когда рыба уже перестала клевать: слѣдственно первой, лучшей изъ рыболовныхъ охотъ—уже не существуетъ; да и другими способами, въ это время года, ловить рыбу неудобно. Не меньшее преимущество этой охоты состоитъ въ томъ, что острогою бьется крупная рыба, какъ-то: щуки, сомы, жерихи, судаки и проч., достигающіе иногда такой величины, что обыкновенныя рыболовныя снасти ихъ не удержатъ: я разумѣю бредни, небольшіе невода, сѣти и вятили. Надобно еще прибавить, что эта охота бываетъ ночью, и весь короткой, осенній день остается свободнымъ для охотника и онъ можетъ заниматься всякими другими охотами, существующими въ позднее, осеннее время года. Охота съ острогою имѣетъ въ себѣ

Digitized by Google

даже много поэтическаго, и хотя люди, занимающіеся ею, повидимому не способны принимать поэтическихъ впечатлѣній, но тѣмъ не менѣе они чувствуютъ, понимаютъ ихъ безсознательно, говоря только, что «ѣздить съ острогою весело!»

Охота острогою требуетъ трехъ условій: темной ночи, свѣтлой воды и совершенно тихой погоды: первымъ двумъ условіямъ всегда удовлетворяетъ осень, то-есть: ночи дѣлаются длинны и темны, а вода отъ морозовъ становится совершенно прозрачною; третьяго условія—тишины, надо выжидать. Охота производится на лодкѣ небольшой, но и не маленькой: лодка должна быть легка, ходка, но не качка и не вертлява и довольно глубока. Къ кормѣ ея, на прочной, желѣзной рукояткѣ, придѣлывается желѣзная же четвероугольная рѣшотка, около аршина въ квадратѣ, на которой долженъ горѣть постоянный огонь, яркой, но спокойный, для чего нужно имѣть въ лодкѣ порядочный запасъ мелко наколотыхъ, сухихъ, березовыхъ дровъ. Рѣшотка, посредствомъ изогнутой къ верху рукоятки, должна быть выше кормы, чтобы хорошо освѣщать воду, до дна. Бой рыбы острогою можетъ производиться только въ водахъ тихихъ или стоячихъ: на прудахъ, озерахъ и на большихъ затонахъ, или заливахъ рѣкъ порядочной величины, но не быстро текущихъ. Въ темную осеннюю ночь (чѣмъ темнѣе, тѣмъ лучше), но тихую и не дождливую, садятся двое охотниковъ въ лодку: одинъ на кормѣ съ весломъ, а другой съ острогою почти посрединѣ, немного поближе къ носу; двѣ запасныя остроги кладутся въ лодку: одна обыкновенной величины или нѣсколько поболѣе, а другая очень большая для самой крупной рыбы, съ длинною, тонкою, но крѣпкою бичевкою, привязанною за желѣзное кольцо къ верхнему концу остроги. Вѣроятно всѣмъ извѣстно, что острога имѣетъ фигуру столовой вилки, только съ короткими зубьями, которыхъ числомъ бываетъ отъ пяти до семи; каждый зубъ или игла бываетъ не короче четырехъ вершковъ и оканчивается зазубриной, точно такою, какая дѣлается на концѣ рыболовнаго крючка, для того, чтобы проколотая острогою рыба не могла сорваться; желѣзная острога прикрѣпляется очень прочно къ деревянному шесту, крѣпкому, гладкому, сухому и легкому, длиною въ сажень и даже въ полторы, но никакъ не длиннѣе, потому-что рыбу приходится бить не болѣе какъ на

Digitized by Google

трехъ-аршинной глубинѣ, а по большой части на двухъ-аршинной и менѣе. Трехъ-аршинную глубину воды огонь озаряетъ неясно, да и дѣйствовать острогою, чѣмъ глубже вода, тѣмъ тяжеле и труднѣе: и глазъ и рука становятся невѣрны. Попасть въ рыбу острогою, кажется, дѣло не хитрое; но не всякій къ нему способенъ: кромѣ вѣрнаго глаза и вѣрной сильной руки, надобно имѣть много сметки и ловкости. Даже человѣкъ, имѣющій всѣ эти качества и получившій подробныя наставленія отъ опытнаго бойца, сначала будетъ ошибаться, и, не попадая въ настоящее мѣсто, станетъ попадать близко къ хвосту или въ конецъ рыбьей головы, или будетъ совершенно промахиваться. Самое главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобы отгадать мѣру разстоянія: пунктъ, съ котораго тихое, медленное опущеніе остроги — должно мгновенно перейти въ быстрый ударъ. Эту мѣру можно приблизительно положить отъ полуторы до двухъ четвертей отъ рыбы. Острога опускается въ воду не прямо надъ рыбою, не отвѣсно, потому-что въ этомъ положеніи шестъ остроги и рука человѣческая закрыли бы рыбу, и умѣтить въ нее было бы невозможно. И такъ, острога опускается сначала мимо рыбы и, когда подойдетъ къ ней такъ близко, что надобно уже ударить, — осторожно переносится на цѣль и направляется противъ рыбьей спины. Самымъ лучшимъ ударомъ считается тотъ, который угодитъ въ спину, не далѣе, какъ пальца на три отъ головы. Такой ударъ лишаетъ возможности крупную рыбу сильно биться и возиться на острогѣ, что непремѣнно случится, если острога попадетъ близко къ хвосту или къ концу рыла; въ обоихъ этихъ случаяхъ большая рыба легко можетъ сорваться и, несмотря на жестокія раны, отъ которыхъ впослѣдствіи уснетъ,— можетъ уйти и лишить охотника богатой добычи. Даже ударъ въ самый лобъ, случающійся очень рѣдко, если не убьетъ рыбу на-повалъ, даетъ ей возможность и возиться, и сойти съ остроги. Правящій весломъ долженъ быть также мастеръ своего дѣла, потому-что управленіе лодкою во время плаванья за рыбою съ острогою совсѣмъ не то, что плаванье на лодкѣ въ обыкновенное время; даже весло нужно другое: нѣсколько пошире, похожее на деревянную лопатку, но въ то же время—самое легкое и сподручное. Лодка должна подвигаться впередъ ровно, тихо и безъ всякаго волненія во-

Digitized by Google

дяной поверхности; весло никогда не вынимается изъ воды и всѣ повороты, всѣ движенія производятся подъ водою, подобно тому, какъ производитъ ихъ, своими веслообразными лапами, гусь, лебедь и вся водоплавающая птица. Чтобы дать болѣе ясное и болѣе полное понятіе объ этой охотѣ, я опишу со всѣми подробностями одну изъ моихъ самыхъ замѣчательныхъ добычливыхъ поѣздокъ съ острогою, въ которой я, по молодости моихъ лѣтъ, былъ только зрителемъ, а не дѣйствующимъ лицемъ.

Длинны, темны становились осеннія ночи; морозы прохватили, остудили воду, осадили на дно водяныя травы: шмару, плесень и всякую плавающую на поверхности дрянь; отстоялась и свѣтла стала вода въ полояхъ и заливахъ нашего широкаго пруда. Уже нѣсколько времени поговаривали охотники, что «пора ѣздить съ острогою», собирались и наконецъ собрались; взяли и меня съ собою. Время стояло самое благопріятное, то-есть: было темно, слегка морозно и совершенно тихо. Развели огонь на рѣшоткѣ, уложили въ лодку все нужное, усѣлись безъ шума, оттолкнулись отъ берега и поплыли по полоямъ. Огонь ярко освѣщалъ только небольшое, кругловатое пространство около рѣшотки; даже носъ лодки освѣщался уже слабо; кругъ свѣта скоро поглощался мракомъ, и еще темнѣе, чернѣе казалась ночь, охватившая насъ со всѣхъ сторонъ. Казалось, безграничное пространство воды окружало насъ; въ густомъ мракѣ не видно было ни камышей, ни плотины, ни береговъ; одна лодка плыла въ свѣтломъ кругѣ. Я сидѣлъ спиной къ огню; лицо и весь образъ рыбака съ острогою, молодаго и крѣпкаго человѣка, сидящаго противъ меня, были ярко освѣщены. Когда же я оглядывался на стараго рыбака съ весломъ, освѣщаемаго и даже подогрѣваемаго сзади, то онъ представлялся черною фигурою, образомъ безъ лица, рисовавшимся на огненномъ кругѣ; при всякомъ поворотѣ лодки или движеніи гребца, свѣтъ обливалъ его то слѣва, то справа и, казалось, заглядывалъ ему въ лицо. Видъ съ берега на плавающую съ огнемъ лодку по водѣ—также очень живописенъ. Какъ очарованная, до половины ярко освѣщенная, какъ-будто предводимая пламенемъ, двигалась лодка безъ шума и повидимому безъ движенія, безъ участія сидящихъ въ ней какихъ-то призраковъ.

Digitized by Google

Скоро стала попадаться намъ спящая мелкая рыба, стоявшая или, лучше сказать, лежавшая на днѣ, по маленькимъ ямкамъ и впадинамъ; охотники не обращали на нее вниманія; меня же очень занимало разсматриваніе тинистаго прудоваго дна, освѣщеннаго огнемъ. Вдругъ снималась пелена съ другаго неизвѣстнаго міра съ его разными почвами, неровностями, растеніями и спящими обитателями!... Мнѣ заранѣе приказано было сидѣть смирно и громко не говорить, и я только шопотомъ или пальцемъ указывалъ на рыбу, мимо которой мы проѣзжали и которая казалась мнѣ довольно большою и стоющею удара остроги. Я ошибался, потому что рыба въ водѣ, особенно ночью, при огненномъ освѣщеніи, кажется гораздо крупнѣе, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ. Молодой рыбакъ, державшій въ рукѣ острогу, положа ее поперекъ лодки, не слушалъ меня и только трясеніемъ головы или отрывистымъ шопотомъ: «это все дрянь, сидите смирно»—отвѣчалъ на мои знаки и слова. Наконецъ поплыли мы по протоку: такъ называлось извилистое, длинное протяженіе, пересѣкавшее діагонально почти весь прудъ, никогда не зароставшее травою; вѣроятно это былъ когда-нибудь материкъ рѣки, старица, какъ его называютъ, если онъ не затопленъ водою; можетъ быть также, что это былъ овражекъ, по которому нѣкогда бѣжалъ ручей. Глубина протока иногда достигала сажени, но большею частію простиралась отъ полутора до двухъ аршинъ, и, несмотря на то, была вдвое глубже окружавшихъ его полоевъ. Протокъ имѣлъ подъ водою свои собственные берега, обросшіе густыми, водяными травами въ лѣтнее время, разстилавшимися по водяной поверхности; теперь, побитыя сверху морозами, они опустились и лежали по дну грядами, наклонясь въ одну сторону. Въ этомъ-то протокѣ начала попадаться намъ крупная рыба: «придержи» — шепнулъ главный рыбакъ; лодка пріостановилась, острога скользнула въ воду, шла сначала медленно, потомъ быстро вонзилась, и черезъ нѣсколько секундъ былъ осторожно вытащенъ огромный язь по крайней мѣрѣ фунтовъ въ шесть, увязшій въ зубьяхъ остроги; зазубрины такъ въѣлись въ тѣло язя, что даже руками не вдругъ его сняли. Вторая добыча попалась—окунь такой величины, какого въ нашемъ пруду ни прежде, ни послѣ не лавливали. Къ сожалѣнію, тогда не взвѣшивали рыбу,

Digitized by Google

и я не могу положительно сказать, сколько вѣсилъ этотъ окунь; но, конечно, въ немъ было болѣе пяти фунтовъ. Потомъ стали попадаться средніе язи и окуни, которыхъ набили десятка полтора. Вытащили также нѣсколько очень крупныхъ плотицъ. Изрѣдка наѣзжали на щукъ, отъ трехъ до семи и до десяти фунтовъ (говоря примѣрно), которыхъ также убили штукъ пять, не считая мелкихъ: щукамъ не давали пощады и били всякаго щуренка, котораго только могли зацѣпить зубья остроги. Такое озлобленіе на щукъ происходило отъ того, что онѣ слишкомъ развелись и безъ сомнѣнія поѣдали множество мелкой рыбы. Щуки стали попадаться намъ чаще по заливамъ, около камышей и предпочтительно въ озеркахъ, кругомъ обросшихъ камышами, и также въ отлогихъ впадинахъ, которыя оканчивались материкомъ рѣки. Не должно думать, что рыбакъ убивалъ всякую рыбу, которая намъ попадалась; напротивъ, нѣкоторыя были такъ чутки, что уходили при одномъ приближеніи лодки, а другія уходили по большой части въ то время, когда направлялась въ нихъ острога. Надобно также замѣтить, что при вытаскиваніи порядочной рыбы нельзя было обойтись безъ нѣкотораго шума и движенія воды, и потому много уходило рыбъ, которыя стояли и спали по близости. Наконецъ выплыли мы на материкъ и, поднявшись довольно далеко въ верхъ, поворотили узкимъ, но глубокимъ заливомъ опять въ камышъ, и только стали входить въ круглое широкое озеро, какъ рыбакъ подòзрилъ щуку огромной величины, стоявшую между двумя затопленными кочками, невдалекѣ отъ сплошной гряды камыша. Сердце у меня замерло, когда онъ, положа свою острогу, взялъ изъ лодки самую большую. Я понялъ, чтò это значитъ. Шопотомъ и знаками указалъ онъ своему товарищу мѣсто, на которое должна была направиться лодка. Тихо наплыли мы на спящую рыбу, которая показалась мнѣ толстою и длинною деревянною плахою, или вершиной бревна, лежащаго на днѣ. Съ удвоенною осторожностью направилъ рыбакъ свой трезубецъ или, правильнѣе сказать, семизубецъ, долго наводилъ и мѣтилъ и наконецъ ударилъ изо-всѣхъ силъ, проворно приподнялся на ноги, придавилъ, что есть мочи, острогу, и оттолкнулъ отъ себя... вода точно закипѣла подъ нами, лодка зашаталась отъ толчка и волненія, и я очень испугался, хотя

Digitized by Google

глубина была не больше двухъ аршинъ и хотя тогда я боялся воды менѣе, чѣмъ впослѣдствіи. Повернувшись и сильно взволновавъ воду, щука бросилась сначала какъ стрѣла, но потомъ пошла тише; шестъ въ наклоненномъ положеніи до половины торчалъ изъ воды: собственная тяжесть и крѣпкая бичевка, привязанная къ верхнему концу, склоняли его на бокъ. Щука шла прямо изъ озера въ материкъ рѣки. Держа въ рукахъ конецъ бичевки, молодой рыбакъ уже громкимъ и веселымъ голосомъ сказалъ: «попалась, утятница! давно я до тебя добирался!» но другой рыбакъ отвѣчалъ почти сердито: «ну, ну, погоди радоваться. Веревку-то не выпусти изъ рукъ.» Въ самомъ дѣлѣ, веревка стала натягиваться, рыбакъ замоталъ ее за руку, и мы поплыли вслѣдъ за щукою, увлекаемые ею. Сойдя въ материкъ, она сначала не одинъ разъ погружала въ воду весь, слишкомъ четырехъ-аршинный шестъ, но потомъ начала утомляться: металась, всплывала наверхъ, пыталась бросаться въ камышъ, чтобы вырвать изъ себя острогу, но напрасно: рыба видимо изнемогала. Рыбакъ черезъ нѣсколько времени, не менѣе какъ черезъ полчаса, подтащилъ къ себѣ за бичевку верхній конецъ шеста, взялъ его въ обѣ руки, всталъ на ноги и опять притиснулъ; но щука уже не бросилась такъ быстро, какъ въ первый разъ, а сдѣлала небольшое движеніе саженъ на шесть впередъ, побилась, остановилась и совершенно затихла. Протащивъ щуку саженъ пять на бичевкѣ, рыбаки рѣшились поднять ее и положить въ лодку. Мы вошли въ извѣстный уже читателямъ протокъ, устье котораго было отъ насъ въ нѣсколькихъ саженяхъ. Оба рыбака, не безъ труда, общими силами вытащили страшно огромную рыбу и ввалили ее въ лодку, не вынимая остроги; она была еще жива, разѣвала ротъ, но не шевелилась. Шестъ положили ко мнѣ на плечо; я придерживалъ его обѣими руками, чтобы онъ не свалился въ воду и не мѣшалъ плыть. Молодой рыбакъ также взялъ весло, сѣлъ на носъ лодки, и мы полетѣли какъ стрѣла къ мельничному каузу. Тамъ мы позвали мельника и, съ помощію его и засыпки, выгрузились на плотину. Между тѣмъ набѣжали помольщики изъ мельничнаго амбара, разглядѣли, при свѣтѣ зажженной лучины, славную добычу, и раздались громкія восклицанія удовольствія и удивленія. Между помольцами случился одинъ

Digitized by Google

очень малаго роста, и сейчасъ посыпались на него шутки: «Ну, Гришка, говорилъ одинъ, очень высокій ростомъ; хорошо, что щука-то тебя не видала. Ты лѣтось вѣдь купался здѣсь: зглонула бы она тебя, какъ утенка, и поминай какъ звали— пропалъ бы ты безъ вѣсти!» — «Нѣтъ, нѣтъ, подавилась бы, возразилъ другой, все ноги бы остались видны! Что ты на него больно нападаешь, онъ все покрупнѣе утенка....» И громкій хохотъ заглушалъ на время шумъ падающей воды и мельничныхъ колесъ. Между тѣмъ вытащили острогу изъ уснувшей щуки и мы съ торжествомъ понесли всю рыбу домой. Мнѣ сказывалъ на другой день мельникъ, что помольщики долго не спали, дивились, смѣялись и толковали о диковинной щукѣ, которая, при свѣтѣ горящей лучины, показалась имъ просто чудовищемъ. Что касается до меня, то съ самой той минуты, какъ началась возня со щукой, я былъ въ какомъ-то забытьи, смѣшанномъ (должно признаться) съ нѣкоторымъ страхомъ. Только дома, когда внесли щуку въ комнату, положили на рогожу и окружили свѣчами, чтобы лучше разглядѣть,—я опомнился и вполнѣ предался шумной радости молодаго рыбака. Настоящіе виновники побѣды были неразговорчивы, хотя выпили по доброму стакану вина; но за то я за нихъ разсказывалъ долго и громко всѣ малѣйшія подробности только-что совершившагося событія, ссылаясь на нихъ и заставляя подтвержать слова мои. Плохо спалось мнѣ эту ночь! Впечатлѣнія были такъ живы и противоположны, что произвели сильное волненіе въ моей крови. Щука, со всею обстановкою ея убіенія, грезилась мнѣ безпрестанно, да и въ самомъ дѣлѣ — было отъ чего взволноваться! Если бъ это случилось со мной въ порѣ зрѣлаго возраста, когда охота къ рыбной ловлѣ была уже развита во мнѣ вполнѣ, если бъ это случилось даже теперь со мною — кажется, впечатлѣніе было бы еще сильнѣй. По молодости, я не могъ тогда достаточно оцѣнить важность столь замѣчательнаго происшествія въ исторіи рыболовства, особенно если взять въ соображеніе, что щука, достигающая такихъ размѣровъ многими десятками лѣтъ, а можетъ быть и сотнею годовъ, чрезвычайно рѣдко попадается въ столь незначительныхъ водахъ, какъ нашъ прудъ и рѣка, — и еще рѣже становится добычей рыбаковъ. У насъ это былъ единственный случай, который до сихъ поръ еще

Digitized by Google

не повторился. Надобно только представить себѣ, каковы были первыя движенія и порывы этой страшной рыбы! Покуда она не вышла въ материкъ, гдѣ могла погрузиться глубоко, она производила такое волненіе, что, если бъ мы не находились отъ нея въ нѣсколькихъ саженяхъ, то лодка могла бы опрокинуться. Охотники знаютъ по опыту, что въ ночное время, даже стоя на берегу, невольно вздрогнешь, когда поворотится или плеспется вблизи обыкновенная крупная рыба, которая не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ описываемою мною щукою. Но на небольшой лодкѣ, довольно тяжело нагруженной, на порядочной глубинѣ, на кажущемся безграничномъ пространствѣ воды, въ непроницаемой темнотѣ, кромѣ небольшаго освѣщеннаго круга, безпрестанно ожидая отчаянныхъ порывовъ водянаго чудища, которое возило и поворачивало нашу ладью во всѣ стороны.... признаюсь, сердце замираетъ отъ одного воспоминанья, и въ старости можно отказаться отъ вторичнаго участія въ такой поэтически рыбачьей сценѣ!...

Щуку разсмотрѣлъ я подробно на другой день. Мѣрою она была слишкомъ полтора аршина безъ хвостоваго пера и очень толста. Всѣхъ удивляла необыкновенная ширина ея лба, на которомъ были расположены какіе-то узоры сѣраго цвѣта, казавшіеся выпуклыми и сѣдыми. Рыбаки говорили, что она очень стара и что у ней лобъ *поросъ мохомъ;* когда разѣвали ей пасть, то по истинѣ страшно было смотрѣть на ея двойные, острые зубы, крупные и мелкіе; горло у ней было такъ широко, что она безъ всякаго затрудненія могла проглотить старую утку. Ужъ много лѣтъ замѣчали ея присутствіе въ нашемъ пруду и, конечно, много утятъ, и дикихъ и домашнихъ, переглотала она на своемъ вѣку. Къ сожалѣнію, эта рѣдкая щука не была взвѣшена, и я не могу сказать опредѣлительно объ ея тяжести; но судя по сравненію со щукой въ одинъ пудъ и пятнадцать фунтовъ, которую я видѣлъ нѣсколько лѣтъ послѣ *), щука, убитая острогою, должна была вѣсить около двухъ пудовъ.

Въ послѣдствіи мнѣ случалось не одинъ разъ ѣздить съ острогою и самому бить рыбу; но никакой замѣчательной до-

---

*) Я упомянулъ объ этомъ въ моихъ «Запискахъ объ уженьѣ рыбы», стр. 111. Эта щука попала въ хвостушу весною, въ полую воду.

Digitized by Google

бычи намъ не попадалось, да и надо признаться, что я этого дѣла былъ не мастеръ. Одинъ только разъ, тотъ же самый охотникъ привезъ съ нижняго соколовскато пруда (на томъ же Бугурусланѣ, восемью верстами ниже) огромнаго налима, котораго убилъ также острогою, въ материкѣ подъ карягами, стоявшаго такъ глубоко, что онъ едва могъ достать его самою большою острогою. Въ немъ было вѣсу около тридцати фунтовъ, и печенки его не укладывались на обыкновенной тарелкѣ. Это случилось въ самую позднюю осень, когда мелкіе полои уже покрыты были льдомъ.

Острогой бьютъ щукъ и другую крупную рыбу въ то время, когда она мечетъ, *бьетъ* икру, выражаясь по-рыбачьи. Въ эту пору особеннаго своего состоянія рыба ходитъ стаями и нерѣдко поднимается такъ высоко, что верхнія перья бываютъ видны на поверхности воды: рыбакъ, стоя неподвижно въ камышѣ, по колѣни и даже по поясъ въ водѣ, или на берегу, притаясь у какого-нибудь куста, сторожитъ свою добычу и вонзаетъ острогу въ подплывающую близко рыбу. Въ глубокихъ ямахъ, подъ вешняками, крупная рыба любитъ идти противъ падающей воды, всплываетъ иногда довольно высоко и упорно держится въ неподвижномъ положеніи, уткнувъ голову въ хворостъ и всякій лѣсъ, которымъ обыкновенно бываетъ устлано дно спуска, подъ деревяннымъ его поломъ или помостомъ. Рыбакъ по бо̀льшей части мельникъ, потому-что это ему сподручно, подкарауливъ или замѣтивъ высоко стоящую рыбу, подкрадывается съ острогою и выхватываетъ иногда славнаго язя, головля, окуня или жериха. Все это бываетъ очень пріятною, случайною добычею; но не можетъ назваться настоящею *охотою съ острогою.*

Digitized by Google

СТРАННЫЙ СЛУЧАЙ.

Я уже говорилъ въ своихъ «Запискахъ объ уженьѣ рыбы» о необыкновенной жадности щукъ и разсказалъ нѣсколько истинныхъ происшествій, подтверждающихъ мое мнѣніе. Вотъ еще два случая въ томъ же родѣ. Первый изъ нихъ такъ невѣроятенъ и похожъ на выдумку, что нельзя не улыбнуться, слушая его описаніе. Я даже не рѣшился бы разсказать его печатно, если бы не имѣлъ свидѣтеля, И. С. Тургенева, вовсе не охотника до рыбной ловли, который на ту пору былъ у меня въ деревнѣ. Въ исходѣ мая 1854 года, были поставлены на ночь обыкновенныя удочки съ крѣпкими лесами и крючками, насаженными рыбкою и земляными червями: ибо днемъ окуни брали мало, а по ночамъ попадались довольно крупные. На одну изъ такихъ удочекъ съ червякомъ взялъ небольшой окунь и проглотилъ крючокъ въ кутырь; на окунь взяла и заглотала также небольшая щучка или щуренокъ, а его схватила поперекъ большая щука, слишкомъ въ пять фунтовъ, и такъ увязила зубы въ своей добычѣ, что рыбакъ безъ всякой осторожности вытащилъ её изъ воды, никакъ не подозрѣвая, чтобы крючокъ не вонзился въ ея жабры; но когда онъ разглядѣлъ эту диковинную штуку, то поспѣшилъ принесть щуку къ намъ. Она, вися на воздухѣ, не разжала зубовъ своихъ дорогой (разстояніе было съ полверсты), и мы съ Тургеневымъ сами отворили ей ротъ и потомъ произвели слѣдствіе надъ окунемъ и щуренкомъ, который, взявъ на окуня, какъ на насадку, самъ сдѣлался въ свою очередь насадкою. Поводокъ былъ обыкновенный, то-есть шолковый, и щуренокъ легко бы его перегрызъ; но должно предположить, что окунь, который былъ для него нѣсколько великъ, такъ расперъ ему пасть или горло, что онъ не могъ сжать рта, и что именно въ этомъ положеніи схватила его поперекъ большая щука, отъ чего ротъ щуренка разинулся больше. Когда намъ принесли эту тройную добычу — щуренокъ оказался давно уснув-

Digitized by Google

шимъ и даже остомѣвшимъ; большая щука была совершенно здорова и даже не оцараплена.

Послѣ этого событія, уже почти не стоитъ разсказывать, что въ томъ же году щука схватила пескаря, посаженнаго, вмѣстѣ съ другимъ рыбками, въ кружокъ, *) шагахъ въ десяти отъ меня, крѣпко вцѣпилась зубами въ сѣтку и подняла такой плескъ, что, услыхавъ его, мальчикъ, бывшій со мною на уженьѣ, подошелъ къ кружку и, увидѣвъ эту продѣлку, вытащилъ кружокъ и щуку на берегъ. Мы также принуждены были разжать ей палкой ротъ, чтобъ она выпустила сѣтку: въ щукѣ вѣсило около трехъ фунтовъ и сѣтка оказалась перегрызенною.

Перегрызенная щукою сѣтка кружка объяснила мнѣ происшествіе, которое случилось со мной года два тому назадъ (тогда неясно понятое мною), и которое кстати разсказать теперь рыбакамъ-охотникамъ, для предупрежденья ихъ отъ подобныхъ невзгодъ. Не помню хорошенько мѣсяца, но вѣроятно въ началѣ августа, потому-что погода стояла еще жаркая, поѣхалъ я удить въ верховье Репеховскаго пруда на рѣчкѣ Ворѣ. Неизмѣнный мой товарищъ-рыбакъ всталъ ранѣе меня и былъ давно уже на мѣстѣ. Когда я пріѣхалъ, онъ показалъ мнѣ пять славныхъ окуней и только-что выуженнаго имъ щурёнка, которые ходили въ кружкѣ. Черезъ полчаса кружокъ понадобился, чтобы посадить въ него выуженнаго мной окуня; но каково было наше удивленіе и досада, когда, вытащивъ кружокъ, мы увидѣли, что въ немъ остался только одинъ снулый окунь, какъ нарочно небольшой, а четырехъ большихъ и щурёнка въ кружкѣ не оказалось. Разсмотрѣвъ его хорошенько, мы нашли дыру, въ которую ушла вся живая рыба. Кружокъ былъ новый и мы не знали, какъ объяснить это происшествіе: думали, что попались гнилыя нитки, или что щурёнокъ перегрызъ сѣтку. Клёвъ былъ противъ обыкновенія очень удаченъ, окуни брали крупные, и мы вознаградили свою потерю. Тѣмъ не менѣе, товарищу моему очень было жаль своихъ крупныхъ окуней. Теперь же, послѣ нападенія щуки на кружокъ, сейчасъ описаннаго мною, по-

*) Мѣшокъ изъ сѣтки особеннаго устройства, о которомъ я говорилъ въ моихъ «Запискахъ объ уженьѣ рыбы».

Digitized by Google

нятно, что не щурёнокъ перегрызъ сѣтку, а вѣроятно большая щука схватила снаружи котораго-нибудь изъ окуней, прорвала нѣсколько петель и, не задѣвъ за нихъ зубами, ушла, испугавшись шумнаго и сильнаго плеска остальной рыбы (который мы слышали, но кружка не посмотрѣли), и что нѣсколько окуней и щурёнокъ воспользовались прорѣхою и отправились опять гулять въ Ворю. Нравоученіе этого разсказа состоитъ въ томъ, что щукъ лучше не сажать въ кружокъ, хотя прежде я дѣлывалъ это часто безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій, и что кружокъ, опущенный въ воду съ пойманною рыбою, надобно внимательно осматривать при каждомъ сильномъ плескѣ рыбы.

Digitized by Google

НОВЫЯ ОХОТНИЧЬИ ЗАМѢТКИ.

Весною 1855 года, послѣ выхода этой книжки, случилось мнѣ собственными глазами увидѣть то, о чемъ я прежде даже и не слыхивалъ, и что рыбакамъ по ремеслу должно быть непремѣнно извѣстно. Я узналъ, что щуки ежегодно, въ маѣ мѣсяцѣ, перемѣняютъ зубы. Охотникъ, занимавшійся исключительно ловлею щукъ на жерлицы и сообщившій мнѣ это извѣстіе, показалъ мнѣ нѣсколько пойманныхъ имъ щукъ, у которыхъ старые зубы, ослабѣвъ въ своихъ корняхъ, потеряли всякую упругость, сдѣлались мягки, повисли и лѣзли какъ волосы, когда я слегка потиралъ внутренность щучьяго рта моими пальцами въ обыкновенной перчаткѣ. Изъ-подъ старыхъ, еще не выпавшихъ зубовъ, торчали уже новые, тонкіе и острые, но еще мягкіе. Вотъ въ это-то время щуки, ловя рыбу, нерѣдко только портятъ ее, а удержать по слабости зубовъ не могутъ, и вотъ отчего, именно въ это-то время года, часто случается рыбакамъ видѣть рыбъ, хватанныхъ щуками. Разумѣется, дѣло идетъ о рыбѣ нѣсколько покрупнѣе; мелкую же щуки могутъ глотать и вовсе безъ помощи зубовъ. Насадка на жерлицахъ, также въ эту пору, часто бываетъ измята и даже не прокушена до крови.

Хотя я зналъ, что кошки ѣдятъ рыбу, но никогда не слыхалъ и не видалъ, какъ онѣ производятъ эту охоту. Третьяго мая, 1855 года, сидѣлъ я очень тихо на берегу небольшаго проточнаго пруда, гдѣ брали окуни и лини. Около противоположнаго берега, уже обросшаго травою, била икру плотва и для того выбрасывалась въ траву у самаго берега. Вдругъ я вижу, что большая пестрая кошка осторожно подкрадывается, ползетъ и прячется, растянувшись въ самой береговой

Digitized by Google

травѣ. Такъ всегда поступаютъ кошки, выжидая своей добычи. Я сталъ смотрѣть пристально. Плотва продолжала метать икру и выкидываться на траву — кошка бросилась, схватила одну плотичку и унесла ее во рту. Я указалъ на эту продѣлку садовнику, который не далеко отъ меня копался въ своихъ грядахъ; онъ нисколько не удивился, а напротивъ разсказалъ мнѣ, что рано по утрамъ, когда еще нѣтъ народу, всякой день выходитъ на этотъ промыселъ кошекъ шесть и болѣе, располагаются по удобнымъ мѣстамъ вдоль берега, и ловятъ рыбу.

Недавно я узналъ отъ одной достовѣрной особы, что въ Калужской губерніи, на рѣкѣ Окѣ, производится съ большимъ успѣхомъ слѣдующее уженье. Въ іюнѣ мѣсяцѣ появляется, всего на недѣлю, по берегамъ Оки, великое множество бѣленькихъ бабочекъ (названіе ихъ я позабылъ). [xxx]) Рыбаки устроиваютъ на пескахъ гладкіе *точки* и зажигаютъ на нихъ небольшіе костры съ соломой; бабочки бросаются на огонь, обжигаются и падаютъ; ихъ сметаютъ въ кучки и собираютъ цѣлыми четвериками. Обгорѣлыхъ бабочекъ крѣпко сминаютъ съ хлѣбомъ или тѣстомъ, и шариками этой смѣси насаживаютъ крючки. Рыба беретъ на такую насадку съ необыкновенной жадностью, и очень крупная: язи, головли, лещи и даже окуни и судаки. Такимъ образомъ, въ самое пустое время, выходитъ славное и добычливое уженье. Должно замѣтить, что окуни и судаки на хлѣбъ никогда не берутъ — слѣдовательно вся приманка заключается въ бабочкахъ.

Digitized by Google

ПРИБАВЛЕНІЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

ХОДЪ РЫБЫ
ПРОТИВЪ ТЕЧЕНІЯ ВОДЫ.

Статья К. Ф. Рулье. *)

Или нѣтъ инстинкта, или въ немъ есть смыслъ.

Авторъ «*Записокъ объ уженьѣ рыбы*», говоря вообще о рыбахъ, на стр. 56, рисуетъ прекрасную картину одного изъ замѣчательнѣйшихъ явленій въ образѣ жизни рыбъ — ихъ хода въ опредѣленное время противъ те-

*) Считаемъ обязанностію указать на тѣ источники, которыми мы пользовались въ замѣткахъ нашихъ, приложенныхъ къ частному описанію рыбъ настоящаго сочиненія: это не только обязанность и благодарность, но вмѣстѣ съ тѣмъ послужитъ читателю порукою того, какую степень довѣрія онъ можетъ имѣть къ этимъ примѣчаніямъ. Они касаются научнаго систематическаго опредѣленія и народныхъ названій, подъ которыми одна и та же рыба извѣстна въ разныхъ губерніяхъ. И то и другое заимствовано у спеціалистовъ своего дѣла, разумѣется, во-первыхъ, у вѣчно новаго и доселѣ еще мало оцѣненнаго Палласа (его Zoographia Rosso-Asiatica vol. III). Потомъ у профессора Черная (Фауна Харьковскаго Учебнаго Округа), у проф. Кесслера (Естественная Исторія Кіевскаго Учебнаго Округа, выпускъ 6, 1836), у Д. С. Тарачкова, преподавателя въ Орловскомъ Бахтинскомъ Кадетскомъ Корпусѣ (въ собственноручныхъ запискахъ).

Digitized by Google

ченія воды. Стремленіе это даже у рыбъ нашей полосы бываетъ такъ сильно, что превышаетъ всякое вѣроятіе: преодолѣвая возможныя препятствія весьма часто съ опасностью жизни, рыба съ устья рѣки идетъ въ верхніе ключи ея, любящая глубь уходитъ на поля, гдѣ въ другое время коситъ косарь; нѣтъ силъ остановить, нѣтъ и видимой причины, вызывающей явленіе: рѣка въ половодье повсюду одинаково холодна и мутна, и казалось бы всѣ мѣста на этой рѣкѣ равно привольны, и конечно всего менѣе именно тѣ, куда заходитъ рыба противъ обыкновенія, гдѣ становится не только легкою добычею хищника и человѣка, но весьма часто и безъ того умираетъ сама по себѣ.

Въ какой связи находится это явленіе съ организаціею и жизнію рыбы? Что вызываетъ его, какое приволье доставляетъ оно самой рыбѣ? На эти вопросы желаемъ обратить вниманіе человѣка, отыскивающаго смыслъ въ видимыхъ явленіяхъ.

По счастію, въ этомъ вопросѣ мы имѣемъ капитальный трудъ глубоко уважаемаго академика Бера; *) собрано также нѣсколько фактовъ при опытахъ искусственнаго рыбоводства. **)

Начнемъ съ замѣчанія, что упоминаемое явленіе не есть исключительная принадлежность одной какой либо полосы или только прѣсноводныхъ рыбъ; напротивъ, оно общее явленіе, и съ особенною силою отражается на морскихъ рыбахъ, идущихъ въ опредѣленное время въ прѣсныя воды. Всѣмъ извѣстенъ ходъ красной рыбы изъ Каспія, величайшаго материковаго озера, въ изливающіяся въ него съ сѣвера рѣки; съ нимъ тѣсно связанъ бытъ Уральскихъ казаковъ и чрезъ нихъ общее продовольствіе красною рыбою въ Россіи; но въ сѣверныхъ странахъ и рѣкахъ Россіи — вотъ гдѣ останавливались въ изумленіи передъ этимъ явленіемъ. Всѣ путешественники упоминаютъ о томъ, что для метанія икры рыба идетъ изъ Сѣвернаго, Камчатскаго и Охотскаго морей въ рѣки въ такой массѣ, что буквально не только

---

*) О чемъ смотри довольно пространную статью С. А. Усова, съ многими политипажами (*въ Вѣстникѣ Естеств. Наукъ*, 1856).

**) Bull. d. l'Acad. d. sc. d. S. Pétersb. 1853, № 17, 18.

Digitized by Google

наполняетъ собою рѣку, но, не умѣщаясь въ ней, ложится пластами на берега, и не только служитъ достаточнымъ продовольствіемъ притекающимъ сюда инородцамъ на полгода ихъ жизни, но, упитавъ и летящаго и бѣгущаго хищника, нерѣдко еще гніеніемъ своимъ заражаетъ воздухъ на дальнія пространства; наступаетъ зима, прикроетъ снѣжнымъ саваномъ животныхъ, пластами лежащихъ на землѣ, и долженствующихъ плавать въ водѣ; сниметъ весеннее солнце зимній покровъ и вновь обнажатся рыбы, не ушедшія въ море — новая пища для хищника, новая пища для испареній. Таковы между прочимъ картины, упоминаемыя Палласомъ, Врангелемъ, Стеллеромъ, Крашенинниковымъ, Эрманомъ и другими.

Очевидно съ этимъ ходомъ тѣсно связана жизнь особи плывущей, но столь же тѣсно связано съ нимъ и размноженіе ея — ея *нерестъ*. *)

Вообще замѣчено, что рыба мечетъ икру въ мѣстахъ менѣе глубокихъ, нежели тѣ, въ которыхъ обыкновенно держалась: ни одна рыба для того не уходитъ изъ мелкихъ мѣстъ въ глубь. Извѣстно также и другое общее правило, — что рыба кладетъ яица въ мѣстахъ, гдѣ теченіе воды гораздо сильнѣе, нежели въ мѣстахъ ея обыкновеннаго пребыванія. Оба эти явленія получили только недавно смыслъ, когда обратили вниманіе на то, что яица рыбъ вообще чрезвычайно медленно развиваются (въ 6 недѣль родится щенокъ на свѣтъ, а это время иногда едва достаточно для того, чтобы выклюнулся зародышъ изъ яйца рыбъ), и на зависимость быстроты развитія яйца отъ температуры, такъ что, смотря по ея различію, одно и то же яйцо можетъ развиться нѣсколькими недѣлями раньше и позже! **) Много также объяснили и

---

*) Авторъ «Записокъ» употребляетъ другіе термины, которые извѣстны и въ Москвѣ. Обращаемъ вниманіе на выраженіе нерестъ—и глаголъ нереститься. Въ первый разъ мы его встрѣтили у пр. Кесслера, какъ терминъ, употребляемый въ Малороссіи, потомъ у г. Малышева (Запис. Вольн. Эк. Общ. 1856, № 29), какъ выраженіе на Уралѣ извѣстное; въ Областномъ Академическомъ Словарѣ указаны слѣдующія выраженія: *нàрость* (течка животныхъ, Псков. губ.), *наростоваться* (о рыбахъ метать икру, Тверской губ.); въ Москвѣ *наростаться* и *роститься* (о курахъ); *растъ* въ Оренб. г. (Зап. Оренб. руж. охот.) о ягодахъ.

**) См. опыты Катрефажа и наблюденія, приводимыя въ книгѣ «Die künstliche Fischerzeugung nach den Erfahrungen der Fischzuchtanstalt des Central-Comité. Von D. Fraas. München. 1854».

Digitized by Google

наблюденія надъ весьма сильнымъ дыханіемъ яицъ рыбы. Извѣстно, что всѣ животныя дышатъ, что, извергая нѣкоторые газы, они потребляютъ изъ воздуха кислородъ; дышатъ и животныя и ихъ яица (если куриное яйцо покрыть непроходимымъ для воздуха лакомъ, оно не развивается), но дышатъ они въ различной степени — клеёкъ лягушекъ нуждается въ немъ мало, яйцо рыбъ чрезвычайно сильно. Потому-то чѣмъ болѣе или слизи, или постороннихъ веществъ лежитъ на этихъ яицахъ, тѣмъ болѣе дыханіе затруднено. У бо́льшей части рыбъ зрѣлыя яица или лежатъ совершенно раздѣльно, или весьма малыми комочками; изъ рѣчныхъ рыбъ у одного окуня 3 — 4 яичка лежатъ тесьмою и, сплачиваясь со многими другими, образуютъ родъ ткани, которая, новисая на прибрежныхъ травушкахъ, омывается протекающею водою, постоянно приносящею новый, свѣжій воздухъ и слѣдовательно новую пищу *) для дыханія. То же происходитъ и съ яицами, которыя посредствомъ слизи комочками или чаще раздѣльно пристаютъ къ подводнымъ прибрежнымъ тѣламъ, къ песчаному грунту и проч. Вотъ значеніе слизи, покрывающей раздѣльное яйцо, приставанія его къ тѣламъ подводнымъ, протекающей стремительно волны воды и песчанаго ложа—всѣ они вмѣстѣ способствуютъ дыханію яйца: въ тинистыхъ водахъ мечетъ только та рыба, которая живетъ въ ней, и которая извѣстна своею живучестію, медленнымъ дыханіемъ своимъ, какъ напр. карпія, линь, особенно карась. Искусственное рыбоводство показало, что главнѣйшее условіе при развитіи искусственно оплодотворенныхъ яицъ есть извѣстная степень быстроты омывающей воды; нѣтъ примѣра, чтобы излишняя быстрота вредила развитію, что постоянно дѣлаетъ недостатокъ ея; рыбы тинистыя требуютъ для развитія своего извѣстнаго теченія и не умираютъ отъ слишкомъ сильнаго: карась, какъ говоритъ авторъ «*Записокъ*», живетъ и въ стоячей водѣ и текучей, даже родниковой (стр. 101), а карпія въ сильной и быстрой рѣкѣ становится сазаномъ, т. е. изъ рыбы въ нѣсколько вершковъ становится рыбою гораздо большею (стр. 94).

---

*) Извѣстно, что рыба дышетъ тѣмъ кислородомъ, который, какъ часть атмосфернаго воздуха, примѣшанъ механически къ водѣ, а не тѣмъ, который входитъ въ химическій составъ ея.

Digitized by Google

Есть и другая существенная потребность омыванія яицъ водою — то смываніе съ нихъ всего посторонняго къ нимъ пристающаго, на нихъ развивающагося и ихъ окончательно истощающаго, т. е. плесени, гриба *) и низшихъ клѣтчатыхъ растеній, дрожалокъ; **) эти микроскопическія растенія развиваются и размножаются посредствомъ мельчайшихъ клѣточекъ только въ совершенно покойной водѣ, и какъ внѣшніе паразиты, или тунеядцы, какъ грибы на деревѣ, какъ мюскардинъ на шелковичномъ червѣ, окончательно истрачиваютъ организмъ въ нѣсколько разъ ихъ большій.

Итакъ, и для того, чтобы рыба могла жить, и для того, чтобы она могла отложить яйцо, и для того, чтобы то яйцо могло развиться и молодая рыбёшка, выклюнувшись, пользоваться солнечнымъ пригрѣвомъ на мелководномъ мѣстѣ, — для всего того нужно, чтобы рыба въ извѣстное время шла противъ теченія воды, туда, гдѣ ей самой, можетъ, придется сложить кости свои, но гдѣ потомству пріютъ. Прожила рыба, потѣшилась временнымъ привольемъ и можетъ поплатиться за него, если нужно, жизнію; назначеніе особи выполнено, потомство обезпечено, колесо пущено въ ходъ и будетъ катиться, пока рыба будетъ идти противъ теченія въ опредѣленное время.

И пойдетъ она; ея ходомъ управляетъ не прихоть или произволъ, и не безсмысленный инстинктъ, а то, чему нѣтъ исключеній, чему нѣтъ случая, что всѣмъ управляетъ въ животномъ царствѣ — повиновеніе законамъ текущей необходимости.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ можетъ управляться такое непреодолимое стремленіе хода помимо видимыхъ опасностей? Разсчетомъ на свое приволье и на приволье потомства? — пришлось бы допустить въ рыбахъ разсчета больше, нежели въ существахъ, съ которыми мы и не смѣемъ даже ихъ сравнивать. Повиновеніемъ слѣпому инстинкту? — пришлось бы употреблять слова безъ смысла, или отыскивать его тамъ, гдѣ его не содержится. Что нибудь одно: или нѣтъ инстинкта,

---

*) Septomitus clavatus.
**) Synedra angustata, S. palea, S. acicularis, S. parvula, S. Vaucheriae Meredion circulare.

Digitized by Google

или есть смыслъ въ немъ. *) Ежели есть, такъ поищемъ: не найдемъ ли указаній на него.

Конечно, отыскивать причины этого существеннаго явленія должно или въ той средѣ, въ которой живетъ рыба, или въ самой рыбѣ, или въ той и другой вмѣстѣ. Эти условія должны непремѣнно вліять на тѣ отношенія, на тѣ явленія взаимнаго общенія, въ которыхъ находится среда къ рыбѣ и обратно. Главнѣйшее явленіе ихъ взаимнаго общенія есть, конечно, дыханіе. Итакъ, во время хода рыбы противъ теченія нѣтъ ли въ водѣ и рыбѣ временныхъ измѣненій, а потому временныхъ потребностей для послѣдней, которыя могли бы вызвать ходъ рыбы?

«Весною, при наступленіи водополья, какъ скоро вода сдѣлается мутна, рѣки начнутъ прибывать и подниматься, рыба также поднимается кверху и идетъ противъ воды,» говоритъ авторъ «Запис. объ ужен.» стр. 55. *Мутность воды*—вотъ временное измѣненіе въ половодье. Эта мутность, мѣшая необходимо удобному проницанію воздуха изъ воды въ жабры рыбы, наполняя тончайшія листочки ихъ посторонними тѣлами, необходимо затрудняетъ и дыханіе, которое совершается только при свободномъ движеніи жаберъ и тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ вода чище и чѣмъ она омываетъ чаще жабры новою волной. Мутная вода тяжелѣ чистой и слѣдовательно тяжестію своею подавляетъ движеніе жаберъ. Затруднено дыханіе, и, чтобы не задохнуться, рыба чувствуетъ настоятельную необходимость идти противъ теченія, потому что тогда смѣняется чаще волною волна, и чего нѣтъ въ одной волнѣ относительно воздуха, то пополнится слѣдующею. Съ другой стороны, такъ какъ жаберные листы прикрѣплены къ дужкамъ переднимъ, а не заднимъ концомъ, то опять-таки рыба обращается къ сильно текучей, тяжелой жидкости не заднимъ, а переднимъ концомъ жаберъ, т. е. ртомъ, которымъ она и кромѣ того можетъ удобнѣе избѣгать крупныхъ постороннихъ тѣлъ, несомыхъ рѣкою. Пойди рыба по теченію, т. е. обратись она противъ теченія жаберною щелью, свободный задній конецъ жаберъ легко можетъ пода-

*) См. нашу статью: *Мыльный пузырь*, въ Вѣстникѣ Естеств. Наукъ, годъ 1856, № 1.

Digitized by Google

виться и отворотиться къ пасти сильнотекучею, тяжелою водою. Есть, кажется, и второстепенныя причины, какова напр. та, что въ сильнотекучей тяжелой водѣ всѣ движенія рыбы, идущей по теченію воды, были бы парализованы: легче тѣлу свободно плавающему удержаться, идя противъ теченія, нежели по теченію—по крайней мѣрѣ опытно извѣстно, что на перелетахъ своихъ птицы, быстро летающія, летятъ противъ вѣтра (только тяжело летающія иногда по вѣтру), и рѣчной пароходъ, эта могучая и быстрая рыба, всего охотнѣе идетъ наперерѣзъ теченію, подъ угломъ къ нему, а ежели захочетъ остановиться въ опредѣленномъ мѣстѣ, то непремѣнно спустится ниже его и пойдетъ противъ теченія. То же каждому изъ насъ случалось видѣть при переправѣ въ лодкѣ черезъ рѣку.

Вотъ причины со стороны воды; есть также причины въ самой рыбѣ, вызывающія потребность хода противъ теченія. Онѣ необходимо одного характера съ предъидущими, т. е. такія, которыя въ рыбѣ временно затрудняютъ дыханіе ея; таково именно время образованія, накопленія и окончательнаго выростанія икры въ самкѣ и молокъ въ самцахъ. Будучи въ обыкновенное время, не въ *ярину* *) мало замѣтны, молоки и особенно икра до того разростаются, что занимаютъ бо́льшую долю брюшной полости, подступая переднимъ концомъ подъ самое горло: рыба дѣйствительно дѣлается *чреватою*, и, давя временною тяжестію на брюшные сосуды и воздушный пузырь, она тѣмъ вдвойнѣ и сильно затрудняетъ свое дыханіе; одно затрудненіе должно окупиться выгодою съ другой стороны — и вотъ чреватая рыба идетъ противъ воды, и, конечно, всего стремительнѣе самка, и только за нею ярующій самецъ. Можетъ быть, и вещества, отлагаемыя изъ крови для образованія икры и молокъ, требуютъ усиленнаго окисленія тѣлесныхъ соковъ: это было бы новое химическое условіе потребности хода противъ теченія.

Какъ со стороны воды, такъ и со стороны рыбы есть второстепенныя условія, — это, кажется, облегченіе изверже-

*) Позволяемъ себѣ употребить этотъ терминъ и о рыбахъ, хотя онъ употребляется въ народѣ только о пчелахъ: это время *течки* для однихъ животныхъ, *токованья* для другихъ, *нереста, метанья икры* и *боя* для рыбы.

Digitized by Google

нія икры и молокъ при усиленномъ дыханіи и давленія воды на внутренности, лежащія въ передней части груди: извѣстно по крайней мѣрѣ, что животныя и человѣкъ для облегченія и для совершенія усиленнаго механическаго труда стараются сильнѣе вдохнуть и удержать въ себѣ на время воздухъ. Можетъ быть также треніе брюшкомъ по хрящеватому дну, по твердому берегу, облегчаетъ выметку икры и молокъ: въ искусственномъ оплодотвореніи икры, такое постепенное поглаживаніе отъ горла къ хвосту по животику рукою употребляется съ полнымъ успѣхомъ. Какъ бы то ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что есть рыбы, которыя и во время нереста идутъ противъ теченія только въ моменты самаго метанія икры; таковъ между прочимъ налимъ, о которомъ авторъ говоритъ (стр. 128 и слѣд.), что онъ мечетъ икру зимою, около Святокъ, особенно въ сильные морозы, выходитъ изъ глубокихъ омутовъ, въ которыхъ держался цѣлый годъ, и идетъ *вверхъ по рѣкѣ* по самому дну, пріискивая жесткое, хрящеватое и даже каменистое дно, о которое трется для выкидыванія икры и молокъ. Въ это время легко ловить налимовъ въ морды, въ которыя вваливаются иногда рыбы такой огромной величины, что даже трудно понять, какъ онѣ могли пролѣзть въ узкое отверстіе (главная толщина налима въ брюхѣ и онъ покрытъ необыкновенною слизью). Тотъ, кто хочетъ ловить налимовъ, да помнитъ главное правило, что морды должно ставить отверстіемъ по теченію. Налимы всегда идутъ по ночамъ и днемъ никогда въ морды не попадаются.

Итакъ вотъ двѣ существенныя причины хода рыбы противъ теченія въ опредѣленное время; кто вспомнитъ, какъ животному мучительны опасенія задохнуться, кто вспомнитъ, на что отваживается утопающій человѣкъ и какъ не особенно сильнымъ арканомъ можно мгновенно усмирить необузданно ярящагося звѣря, тотъ пойметъ, съ какимъ стремленіемъ должна мчаться рыба въ данное время противъ теченія. На то достаточно и одной причины, со стороны ли воды или рыбы; тамъ же, гдѣ соединятся двѣ причины, онѣ естественно дѣйствуютъ сильнѣе одной: вотъ почему щука, нерестящаяся въ половодье, обнаруживаетъ обыкновенно, въ нашей полосѣ по крайней мѣрѣ, самое сильное покушеніе течь къ верховью и закраинамъ водополья.

Digitized by Google

Остается одно—почему не всѣ рыбы одинаково стремительно, не въ одно время и не во всѣхъ мѣстностяхъ равно настойчиво идутъ противъ теченія. На все это отвѣты подготовлены предъидущимъ. Естественно, что рыба, живущая въ холодной водѣ (поглощающей кислорода относительно больше, нежели теплая), а потому нуждающаяся въ болѣе сильномъ дыханіи, и по вынутіи изъ воды почти мгновенно засыпающая (отчего и такъ быстро измѣняется вкусъ), каковы форель, кутема и вообще виды форелей (семги, Salmones вообще), обнаруживаетъ явленія описаннаго хода во всей красѣ, *) и почему вообще всѣ сѣверныя рыбы, между которыми на первомъ планѣ стоятъ различные виды семги, собратья по роду форели, были особенно наблюдаемы вышеупомянутыми лицами: Палласомъ, Беромъ и пр. Понятно также, что явленія хода тѣмъ будутъ рѣзче, чѣмъ весна, лѣто и т. д. развиваются дружнѣе, и, слѣдовательно, вызываютъ таковое же развитіе икры и молокъ въ рыбахъ. Вотъ, наконецъ, почему крайне развитыя явленія хода противъ теченія суть существенная печать полярныхъ странъ: клеймо ихъ — дружное развитіе временъ года и ростъ органическихъ тѣлъ, какъ сказочныхъ богатырей не по днямъ, а по часамъ.

---

*) У нѣкоторыхъ къ этому времени шире разщепляется ротъ и отворачиваются кнаружи челюсти, очевидно отъ усилій шире раскрывать ротъ.

Digitized by Google

II.

КРАТКОЕ ОПИСАНІЕ ВИДОВЪ РЫБЪ, УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ «ЗАПИСКАХЪ ОБЪ УЖЕНЬѢ РЫБЫ» С. Т. АКСАКОВА.

Статья Н. Варпаховскаго.

Многіе любители рыбной ловли умѣютъ такъ же хорошо узнавать рыбъ, отличать одни виды рыбъ отъ другихъ, какъ и С. Т. Аксаковъ, который, изучивъ жизнь почти всѣхъ рыбъ, наиболѣе часто служащихъ добычей рыболововъ - удильщиковъ, описываетъ ее такъ картинно и вмѣстѣ съ тѣмъ очень вѣрно. Многіе рыболовы знаютъ отлично рыбъ, водящихся въ ихъ мѣстности, знаютъ хорошо и образъ ихъ жизни, но знанія ихъ остаются, такъ сказать, мертвыми знаніями, которыми они не дѣлятся съ другими любителями.

Нѣкоторые рыболовы предполагаютъ, что наблюденія ихъ неинтересны... Но это невѣрно!

Не только жизнь и привычки рыбъ далеко еще неизвѣстны, но мы не знаемъ пока съ достаточною полнотой, гдѣ какія рыбы водятся. При такой скудости нашихъ знаній имѣетъ большое значеніе и представляетъ интересъ всякое вѣрно сдѣланное наблюденіе, всякое вѣрное указаніе о рыбахъ.

Digitized by Google

Но можно ли ручаться за вѣрность наблюденія, когда не знаешь вѣрно, надъ чѣмъ производишь наблюденія? Какъ дѣлать указанія, не зная рыбъ и ихъ названій? Но, скажутъ, вѣдь, названія рыбъ извѣстны каждому рыболову! Да, мѣстныя названія рыбъ извѣстны многимъ, но онѣ понятны далеко не для всѣхъ; да притомъ одна и та же рыба имѣетъ нѣсколько мѣстныхъ названій, часто очень разнообразныхъ. А развѣ не случается, что различныхъ въ сущности рыбъ называютъ однимъ и тѣмъ же именемъ?

Между тѣмъ для каждаго вида рыбы есть свое названіе, принятое въ зоологіи—наукѣ, изучающей животныхъ. *) Такія названія латинскія, а для многихъ видовъ есть соотвѣтствующія имъ установившіяся русскія названія. Но какъ опредѣлять названія рыбъ? Какъ и чѣмъ отличаются одни виды рыбъ отъ другихъ? Вотъ объ этомъ-то я и хочу сказать нѣсколько словъ, примѣняясь только къ видамъ, упоминаемымъ въ этой книгѣ; хочу указать на то, какъ принято различать одни виды рыбъ отъ другихъ, какіе признаки имѣютъ значеніе при опредѣленіи рыбъ. При этомъ я не могу вдаваться въ подробности и умолчу объ анатомическихъ признакахъ, но остановлюсь на признакахъ наружныхъ, наиболѣе доступныхъ.

Позволяю себѣ надѣяться, что дополненія мои не нарушатъ впечатлѣнія отъ чтенія «Зиписокъ объ уженьи рыбы» и, можетъ быть, принесутъ хотя и небольшую пользу.

Большая часть рыбъ покрыта чешуйками очень разнообразной величины и формы, лежащими черепицеобразно одна на другой въ опредѣленномъ порядкѣ. Почти у всѣхъ рыбъ на каждой сторонѣ тѣла находится узенькая, ясно замѣтная полоска, носящая названіе *боковой линіи* (бок. лин.), которая образуется изъ ряда чешуекъ, имѣющихъ каждая отверстіе или трубочку. Боковая линія начинается отъ задняго конца головы, обыкновенно отъ верхняго края жабернаго отверстія, и идетъ по бокамъ тѣла къ срединѣ хвостоваго плавника въ различномъ направленіи. Эта боковая линія служитъ навѣрно органомъ осязанія кожи. Число чешуекъ, образующихъ боковую линію, для различныхъ видовъ рыбъ различно, но для особей одного и того же вида болѣе или менѣе постоянно и колеблется въ извѣстныхъ предѣлахъ. Точно также опредѣленное число рядовъ чешуй бываетъ расположено между боковой линіей и основаніемъ спиннаго плавника и между боковой линіей и основаніемъ брюшныхъ плавниковъ. Чѣмъ больше отдѣльныя чешуйки у какого либо вида, тѣмъ меньше, конечно, ихъ будетъ въ боковой ли-

*) Отдѣлъ зоологіи, занимающійся изученіемъ рыбъ, носитъ названіе *ихтіологіи*.

Digitized by Google

ніи, тѣмъ меньше рядовъ чешуй будетъ подъ и надъ боковой линіей. Это важное для опредѣленія рыбъ число чешуй пишется (для плотвы, напримѣръ), такъ: $41\frac{VIII}{III-IV}44$, что обозначаетъ, что въ боковой линіи, въ данномъ случаѣ у плотвы (Leuciscus rutilus, Linn.), бываетъ у различныхъ особей отъ 41 до 44 чешуекъ, а рядовъ чешуй надъ бок. лин. 8 и подъ бок. лин. отъ 3 до 4.

У нѣкоторыхъ рыбъ бок. линія бываетъ не полная, т. е. не доходитъ до основанія хвостоваго плавника, а оканчивается гдѣ-нибудь по бокамъ туловища. У верховки (Leucaspius delineatus, Heck.), напр., она проходитъ не болѣе какъ по 12 чешуйкамъ. У многихъ рыбъ на головѣ не бываетъ чешуекъ, а у нѣкоторыхъ она покрыта ими.

У всѣхъ описываемыхъ далѣе рыбъ есть плавники, служащіе для плаванія, одни изъ которыхъ парные, а другіе непарные, одиночные. Парные плавники—*грудные* (гр.), находящіеся по бокамъ тѣла, вблизи головы и *брюшные* (бр.), помѣщающіеся непосредственно за грудными (у окуня, напр.), или передъ ними (у налима), или находятся почти по срединѣ туловища на брюхѣ (у всѣхъ карповыхъ).

Непарные плавники—*спинной* (сп.) на спинѣ, *подхвостовой* или *заднепроходный* (пдхв.), находящійся за заднепроходнымъ отверстіемъ между брюшными плавниками и одиночнымъ *хвостовымъ*. Спинной и подхвостовой плавники бываютъ то одиночные, цѣльные, то раздѣлены на двѣ и даже на три части, а хвостовой то раздѣленъ выемкой на 2 части, то закругленъ.

Всѣ плавники состоятъ изъ двоякаго рода лучей, соединенныхъ между собой перепонкой. Одни изъ лучей членистые, мягкіе, вѣтвистые, а другіе костистые, жесткіе, колючіе, называющіеся простыми. Мягкій или вѣтвистый лучъ состоитъ изъ одной цилиндрической косточки при основаніи, къ которой сверху примыкаетъ двѣ, изъ которыхъ каждая поддерживаетъ двѣ меньшія и т. д. Число лучей въ плавникахъ важно при опредѣленіи рыбъ, почему ихъ необходимо считать. Для каждаго плавника пишется отдѣльно число простыхъ и вѣтвистыхъ лучей такимъ образомъ, что впереди обозначается число простыхъ лучей, затѣмъ проводится вертикальная линія, за которой обозначается число мягкихъ лучей. У плотвы, напримѣръ, (Leuciscus rutilus, Linn.), въ спинномъ плавникѣ 3/10 лучей, т. е. 3 луча простыхъ (изъ нихъ передній очень малъ, второй едва больше $^1/_2$ третьяго) и 10 вѣтвистыхъ. Въ подхвостовомъ же плавникѣ у ней 3/10—11 лучей, т. е. вѣтвистыхъ лучей у нѣкоторыхъ особей бываетъ 10, а у другихъ 11. Написанное

Digitized by Google

число лучей и чешуй носитъ названіе формулы и выражается (для плотвы, напр.), слѣдующимъ образомъ.

Сп. 3/10. Пдхв. 3/10—11. Гр. 1/14—16. Бр. 2/8.

Бок. лин. 41 $\frac{\text{VIII}}{\text{IV}}$ 44

У однѣхъ рыбъ челюсти, а иногда и всѣ кости, принимающія участіе въ образованіи рта, бываютъ усажены зубиками, у другихъ же (карповыя) зубы находятся на нижнеглоточной кости. Число и форма глоточныхъ зубовъ у карповыхъ рыбъ служатъ для опредѣленія рода рыбы. Открывши немного жаберную крышку, мы увидимъ жабры; за послѣдней жаброй находятся глоточные зубы, прикрытые мышцами, очистивъ которые, надо вынимать глоточные зубы щипчиками осторожно, чтобы не сломать. Зубы у рыбъ смѣняются новыми черезъ неопредѣленные промежутки времени и только у карповыхъ рыбъ наблюдается періодическая ежегодная смѣна ихъ.

Взаимныя отношенія частей тѣла очень важны при опредѣленіи рыбъ. Длина рыбы измѣряется отъ конца рыла до конца хвостоваго плавника; наибольшая высота тѣла измѣряется отъ спины до брюха и приходится у большинства рыбъ передъ началомъ спиннаго плавника; длина головы измѣряется отъ конца рыла до конца жаберной крышки.

Послѣ этихъ указаній, перехожу къ описанію рыбъ.

Рыбы изъ семейства карповыхъ (Cyprinidae), представителемъ котораго можетъ служить карпъ (Cyprinus carpio, Linn., рис. стр. 94), отличаются по своему виду тѣмъ, что тѣло ихъ болѣе или менѣе сжато съ боковъ и покрыто гладкой чешуей, чаще всего крупной, а рѣдко мелкой. Голова никогда не бываетъ покрыта чешуей. Спинной плавникъ одинъ. Ротъ небольшой и совершенно беззубый. Есть глоточные зубы, находящіеся за жабрами на нижнеглоточныхъ костяхъ. Брюшные плавники далеко отодвинуты отъ грудныхъ. Прежде краткаго описанія отдѣльныхъ видовъ этого семейства, прилагаю табличку для опредѣленія вида рыбъ этого семейства. Опредѣливши видъ по этой табличкѣ, необходимо однако провѣрить опредѣленіе по прилагаемому краткому описанію.

А. Ротъ съ усиками.

I. Съ 2 усиками { чешуя мелкая (до 100); тѣло толстое . . . 1. Tinca vulgaris, Cuv.
чешуя крупная (до 45); тѣло почти цилиндрическое 2. Gobio fluviatilis, Rond.

II. Съ 4 усиками . . . . . 3. Cyprinus carpio, Linn.

Digitized by Google

B. Ротъ безъ усиковъ.

I. Спинной плавникъ съ длиннымъ основаніемъ и неменѣе какъ съ 20 лучами . . . . . .

4. Carassius vulgaris, Nilss.

II. Спинной и подхвостовой плавники съ короткимъ основаніемъ; въ первомъ неболѣе 12, а въ послѣднемъ не болѣе 14 лучей.

a) чешуя очень мелкая; на брюхѣ отсутствуетъ . . . . . .

5. Phoxinus laevis, Agass.

b) чешуя крупная; наибольшая высота тѣла составляетъ около $^1/_5$ длины всего тѣла:

α) поперечникъ глаза содержится въ ширинѣ лба отъ $2^1/_2$—3 разъ.

6. Squalius cephalus, Linn.

β) поперечникъ глаза содержится въ ширинѣ лба $1^1/_2$ раза .

7. Squalius leuciscus, Heck.

c) Наибольшая высота тѣла составляетъ $^1/_4$—$^2/_7$ длины всего тѣла:

α) длина головы составляетъ около $^1/_5$ длины всего тѣла . .

8. Scardinius erytrophthalmus, Linn.

β) длина головы составляетъ около $^1/_6$ длины всего тѣла:
- чешуй въ бок. лин. отъ 55—60. 9. Idus melanotus, Heck.
- чешуй въ бок. лин. отъ 40—45. 10. Leuciscus rutilus, Linn.

III. Спинной плавникъ съ короткимъ основаніемъ, а подхвостовой съ длиннымъ и не менѣе какъ съ 16 лучами:

a) Боковая линія полная и немного вогнута къ брюху:

α) чешуй въ боковой линіи болѣе 60 . . . . . .
- въ подхв. плавн. лучей 3/14—18. 11. Aspius rapax, Lesk.
- въ подхв. плавн. лучей 3/37—41. 12. Abramis ballerus, Linn.

β) чешуй въ боковой линіи менѣе 60 . . . . . .
- въ подхв. плавн. лучей 3/24—26. 13. Abramis sopa, Pall.
- въ подхв. плавн. лучей 3/40—37. 14. Abramis brama, Linn.
- въ подхв. плавн. лучей 3/16—20. 15. Alburnus lucidus, Heck.

b) Боковая линія ломаная и идетъ близко къ брюху . . . .

16. Pelecus cultratus, Linn.

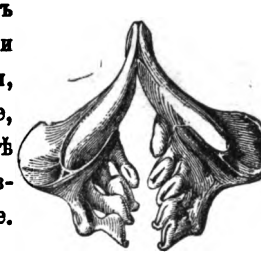
Digitized by Google

c) Боковая линія не полная (идетъ не далѣе 12 чешуи) . . .
17. Leucaspius delineatus, Heck.

1. Линь. *Tinca vulgaris,* Cuv. (Рис. стр. 96).

Сп. 4/8—9; Пдхв. 3—4/6—7; Гр. 1/15—17; Бр. 2/8—9.

$$\text{Бок. лин. } 95 \frac{\text{XXX} - \text{XXXII}}{\text{XX} - \text{XXII}} 100.$$



Тѣло линя толстое; высота его составляетъ около $^1/_4$ длины всего тѣла; длина головы почти равна высотѣ тѣла. Ротъ снабженъ 2 усиками, находящимися въ углахъ его. Глаза маленькіе, такъ что поперечникъ ихъ содержится въ длинѣ головы до 6 разъ. Спинной и подхвостовой плавники закруглены и имѣютъ короткое основаніе. Чешуя очень мелкая.

Глоточныхъ зубовъ, расположенныхъ въ одинъ рядъ, съ лѣвой стороны 4, а съ правой 5, т. е. (4/5).

2. Пескарь. *Gobio fluviatilis,* Rond. (Рис. стр. 67).

Сп. 3/7; Пдхв. 3/6; Гр. 1/13—16; Бр. 2/6—8.

$$\text{Бок. лин. } 40 \frac{\text{V} - \text{VI}}{\text{IV} - \text{V}} 44.$$

Тѣло пескаря круглое, почти цилиндрическое; высота его содержится въ длинѣ всего тѣла отъ $5^1/_2$ до 6 разъ. Длина головы составляетъ около $^2/_9$ длины всего тѣла; поперечникъ глаза въ длинѣ головы содержится отъ 4 — 5 разъ. Въ углахъ рта находится 2 усика, которые достигаютъ не далѣе половины глаза. Спинной и подхвостовой плавникъ съ короткимъ основаніемъ. Чешуя крупная. Надъ боковой линіей находятся довольно крупныя то черноватыя, то синеватыя пятна, которыя иногда сливаются между собой. Спинной и хвостовой плавники испещрены темнобурыми пятнышками.

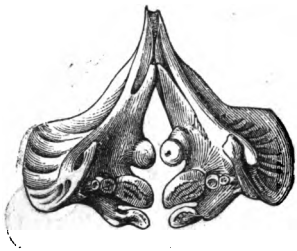
Глоточныхъ зубовъ съ каждой стороны то 7, то 8; они расположены въ два ряда; во внутреннемъ всегда 5, т. е. (3—5/5—3) или (2—5/5—2).

Digitized by Google

3. Карпъ. *Cyprinus carpio,* Linn. (Рис. стр. 94).

Сп. 3—4/17—22; Пдхв. 3/5; Бр. 2/8—9; Гр. 1/14—16.

Бок. лин. 35 $\frac{\text{V}-\text{VI}}{\text{V}-\text{VI}}$ 39.



Тѣло болѣе или менѣе сжато съ боковъ и высота его нѣсколько меньше $^1/_3$ длины всего тѣла. Длина головы равняется почти $^1/_5$ длины всего тѣла. Поперечникъ глаза составляетъ около $^1/_6$ длины головы. Ротъ большой съ 4 длинными усиками, изъ которыхъ 2 находятся на верхней губѣ, а 2 по угламъ пасти. Спинной плавникъ имѣетъ длинное основаніе, а подхвостовой короткое; передній лучъ въ томъ и другомъ плавникѣ костяной и толстый, зазубренный на задней сторонѣ. Чешуя крупная.

Глоточныхъ зубовъ съ каждой стороны по 5, изъ которыхъ 3 въ одномъ продольномъ ряду, а 2 другихъ въ одиночку, т. е. (1—1—3/3—1—1).

Карпъ представляетъ много разностей, какъ по складу тѣла, такъ и по цвѣту.

4. Карась. *Carassius vulgaris,* Nilss. (Рис. стр. 99).

Сп. 3—4/16—18; Пдх. 3/6—7; Бр. 2/7—8; Гр. 1/12—15.

Бок. лин. 32 $\frac{\text{VI}-\text{VIII}}{\text{VI}-\text{VIII}}$ 34.

Тѣло сжато съ боковъ; высота его составляетъ $^2/_5$ длины всего тѣла. Длина головы равняется приблизительно $^1/_2$ высоты тѣла. Поперечникъ глаза составляетъ около $^1/_5$ длины головы. Ротъ безъ усиковъ. Спинной плавникъ съ длиннымъ основаніемъ, подхвостовой съ короткимъ; оба имѣютъ передній лучъ костяной, зазубренный. Чешуя крупная.

Глоточныхъ зубовъ съ каждой стороны 4, расположенныхъ въ одинъ рядъ, т. е. (4/4).

Представляетъ много разностей, какъ напр., извѣстны продолговатый карась, серебряный и т. д.

Digitized by Google

5. Гольянъ. *Phoxinus laevis,* Agass. (Рис. стр. 62).

Сп. 3/7; Пдхв. 3/7; Гр. 1/15; Бр. 2/8.

Бок. лин. 80 $\frac{XVIII}{XIV}$ 90.

Тѣло толстое, почти цилиндрическое. Высота его составляетъ около $^1/_5$ длины всего тѣла. Длина головы почти равна высотѣ тѣла. Поперечникъ глаза содержится въ длинѣ головы около 4 разъ. Спинной и подхвостовой плавники съ короткимъ основаніемъ. Чешуя очень мелкая. На брюхѣ ее не бываетъ. Боковая линія рѣдко бываетъ полной; обыкновенно продолжается только до средины тѣла.

Глоточныхъ зубовъ съ каждой стороны 6 или 7; они расположены въ 2 ряда; во внѣшнемъ 2, а во внутреннемъ то 4, то 5, т. е. (2—4/4—2) или (2—5/4—2).

Отличается пестротой цвѣтовъ: бока туловища зеленовато-желтые съ металлическимъ золотистымъ блескомъ, брюхо красноватое, плавники желтоватые, а брюшные и подхвостовой имѣютъ красное основаніе. Цвѣта бываютъ особенно яркими во время нереста.

6. Головль. *Squalius cephalus,* Linn. (Рис. стр. 85).

Сп. 3/8; Пдхв. 3/8—9; Бр. 2/8; Гр. 1/16—17.

Бок. лин. 43 $\frac{VII}{III-IV}$ 46.

Наибольшая высота тѣла, почти равная длинѣ головы, составляетъ около $^1/_5$ длины всего тѣла. Голова толстая, пасть широкая, нижняя челюсть косо направлена кверху; лобъ широкій. Поперечникъ глаза содержится въ длинѣ головы отъ 5—$6^1/_2$ разъ, а въ ширинѣ лба отъ $2^1/_2$—$2^4/_5$. Спинной плавникъ имѣетъ короткое основаніе. Чешуя крупная.

Глоточныхъ зубовъ съ каждой стороны по 7; они расположены въ 2 ряда — во внутреннемъ 5 и 2 во внѣшнемъ, т. е. (2—5/5—2).

Digitized by Google

7. Елецъ. *Squalius leuciscus,* Heck. (Рис. стр. 72).

Сп. 3/7; Подхв. 3/8 — 9; Гр. 1/16 — 17; Бр. 2/8.

Бок. лин. 48 $\frac{\text{VIII}}{\text{IV}}$ 52.

Наибольшая высота немного сжатаго съ боковъ тѣла равняется около $^1/_5$ длины всего тѣла. Длина головы составляетъ $^1/_6$ длины всего тѣла. Ротъ небольшой.

Поперечникъ глаза немного меньше $^1/_4$ длины головы содержится въ ширинѣ лба $1^1/_2$ раза.

Глоточные зубы какъ у головля.

8. Красноперка. *Scardinnius erytrophthalmus,* Linn. (Рис. стр. 79).

Сп. 3/8; Пдхв. 3/10 — 11; Гр. 1/14 — 15; Бр. 2/8.

Бок. лин. 40 $\frac{\text{VII — VIII}}{\text{IV}}$ 42.

Тѣло сжато съ боковъ, такъ что наибольшая его высота составляетъ $^1/_3$ — $^1/_4$ длины всего тѣла. Длина головы немного менѣе $^1/_5$ длины всего тѣла. Поперечникъ глаза составляетъ $^2/_9$ — $^2/_7$ длины головы. Нижняя челюсть довольно круто заворочена кверху. Брюхо между основаніемъ брюшныхъ плавниковъ и подхвостовымъ образуетъ выдающееся ребро. Расположенныхъ въ 2 ряда глоточныхъ зубовъ 8; во внутреннемъ 5 и во внѣшнемъ 3, т. е. (3 — 5/5 — 3).

9. Язь. *Idus melanotus,* Heck. (Рис. стр. 81).

Сп. 3/8; Пдхв. 3/9 — 10; Гр. 1/16 — 17; 2/8.

Бок. лин. 56 $\frac{\text{IX — X}}{\text{IV — V}}$ 60.

Тѣло толстое и сжатое съ боковъ; наибольшая высота его составляетъ около $^1/_4$ длины всего тѣла. Длина головы содержится въ длинѣ всего тѣла до 6 разъ. Ротъ небольшой, нѣсколько обращенный кверху. Поперечникъ глаза заключается въ длинѣ головы отъ $4^1/_2$ до 6 разъ. Лобъ широкій.

Спинной и подхвостовой плавники имѣютъ основаніе короткое и у обоихъ почти равное. Чешуя мелкая.

Digitized by Google

Восемь глоточныхъ зубовъ расположены въ два ряда — во внутреннемъ 5, а во внѣшнемъ 3, т. е. (3 — 5/5 — 3).

10. Плотва. *Leuciscus rutilus,* Linn. (Рис. стр. 76).

Сп. 3/10; Подхв. 3/10 — 11; Гр. 1/14 — 16; Бр. 2/8.

Бок. лин. 41 $\frac{\text{VIII}}{\text{IV}}$ 44.

Тѣло значительно сжато съ боковъ и наибольшая высота его содержится въ длинѣ всего тѣла отъ $3^1/_2$ до 4 разъ. Длина головы составляетъ около $^1/_6$ длины всего тѣла. Поперечникъ глаза содержится въ длинѣ головы 4 — $4^1/_2$ раза, а въ ширинѣ лба отъ $1^1/_2$ до $1^2/_3$ раза.

Длина основанія подхвостоваго плавника равняется наибольшей его высотѣ.

Глоточныхъ зубовъ, расположенныхъ въ одинъ рядъ, съ лѣвой стороны 6, рѣдко 5, съ правой 5, рѣдко 6, т. е. (6/5) или (5/6).

11. Шересперъ. *Aspius rapax,* Leske. (Рис. стр. 117).

Сп. 3/8; Пдхв. 3/18 — 14; Гр. 1/16 — 18; Бр. 2/8.

Бок. лин. 65 $\frac{\text{XI} - \text{XII}}{\text{IV} - \text{V}}$ 71.

Наибольшая высота тѣла содержится въ длинѣ тѣла около 5 разъ. Голова большая, кпереди заостренная. Длина ея равняется наибольшей высотѣ тѣла, т. е. составляетъ около $^1/_5$ всей длины тѣла. Ротъ направленъ кверху. Пасть широкая; глаза небольшіе и поперечникъ ихъ составляетъ $^1/_6$ — $^1/_8$ длины головы.

Спинной остроусѣченный плавникъ короткій, подхвостовой удлиненный. Брюхо между брюшными плавниками и заднепроходнымъ образуетъ тупое выдающееся ребро. Чешуя мелкая.

Съ каждой стороны восемь глоточныхъ зубовъ, расположенныхъ въ 2 ряда—во внутреннемъ 5, а во внѣшнемъ 3, т. е. (3 — 5/5 — 3).

Digitized by Google

Изъ лещей наиболѣе распространены слѣдующіе три вида:

12. Лещъ-синецъ. *Abramis ballerus,* Linn.

Сп. 3/8; Пдх. 3/37 — 41; Гр. 1/16 — 17; Бр. 2/8.

Бок. лин. 69 $\frac{\text{XIV} - \text{XV}}{\text{IX} - \text{X}}$ 71.

Тѣло сильно сжато, такъ что наибольшая высота его составляетъ нѣсколько болѣе $^1/_4$ длины всего тѣла; длина головы содержится въ длинѣ всего тѣла немного болѣе 5 разъ, а поперечникъ глаза составляетъ $^1/_4$ — $^1/_3$ длины гол. Ротъ обращенъ немного кверху; рыло заострено. Длина основанія подхвостоваго плавника составляетъ $^2/_5$ длины тѣла. Чешуя очень мелкая.

13. Лещъ-клепецъ. *Abramis sopa,* Pall.

Сп. 3/8; Пдх. 3/37 — 40; Гр. 1/16 — 18; Бр. 1/8.

Бок. лин. 51 $\frac{\text{X} - \text{XI}}{\text{VII} - \text{VIII}}$ 53.

Наибольшая высота сильно сжатаго тѣла составляетъ около $^2/_7$, а длина головы около $^1/_6$ длины всего тѣла. Поперечникъ глаза составляетъ не менѣе $^1/_3$ длины головы. Рыло толстое и закругленное; ротъ полуобращенъ книзу. Чешуя крупная.

14. Лещъ. *Abramis brama,* Linn. (Рис. стр. 89).

Сп. 3/9; Пдх. 3/24 — 26; Гр. 1/15 — 17; Бр. 2/8.

Бок. лин. 50 $\frac{\text{XII} - \text{XIV}}{\text{VII} - \text{VIII}}$ 55.

Тѣло леща сильно сжато, такъ что высота его составляетъ около $^1/_3$ части всей длины. Длина головы содержится въ длинѣ тѣла около 6 разъ, а поперечникъ глаза составляетъ отъ $^1/_6$ до $^2/_9$ длины головы. Ротъ полуобращенъ книзу. Спинной плавникъ высокій, косвенно усѣченный, съ короткимъ основаніемъ, которое въ $2^1/_2$ раза менѣе высоты перваго луча. Подхвостовой плавникъ имѣетъ очень длинное основаніе. Верхняя лопасть хвоста замѣтно короче ниж-

Digitized by Google

ней. Между брюшными плавниками и заднепроходнымъ брюхо образуетъ острое ребро.

Глоточныхъ зубовъ, расположенныхъ въ одинъ рядъ, съ каждой стороны по 5, т. е. (5/5).

Лещи часто смѣшиваются съ густерой (*Blicca bjorkna,* Art.), которая характеризуется слѣдующими признаками.

Сп. 3/8; Пдхв. 3/20 — 24; Гр. 1/14 — 16; Бр. 2/8.

$$\text{Бок. лин. } 45 \frac{\text{IX} - \text{X}}{\text{VI}} 49.$$

Тѣло сильно сжато съ боковъ, такъ что наибольшая высота его составляетъ $^1/_3$ длины его. Длина головы составляетъ около $^1/_6$ длины тѣла. Глаза большіе и поперечникъ ихъ содержится въ длинѣ головы около 3 разъ и немного только меньше ширины лба.

Въ отличіе отъ лещей у густеры находится съ каждой стороны 7 глоточныхъ зубовъ, расположенныхъ въ два ряда, во внѣшнемъ ряду 2 и во внутреннемъ 5, т. е. (2 — 5/5 — 2).

15. Уклейка. *Alburnus lucidus,* Heck. (Рис. стр. 70).

Сп. 2/8 — 9; Пдхв. 3/16 — 20; Гр. 1/14 — 16; Бр. 2/8.

$$\text{Бок. лин. } 46 \frac{\text{VIII} - \text{IX}}{\text{IV}} 50.$$

Удлиненное тѣло сильно сжато съ боковъ; наибольшая высота его равняется приблизительно $^1/_5$ длины всего тѣла. Длина головы, нѣсколько меньшая высоты тѣла, содержится въ длинѣ всего тѣла отъ 5 до $5^2/_3$ раза. Поперечникъ глаза составляетъ около $^2/_7$ длины головы. Нижняя челюсть длиннѣе верхней и сильно заворочена кверху.

Спинной плавникъ короткій, а подхвостовой длинный и длина его основанія почти равна длинѣ головы. Брюхо между брюшными и подхвостовымъ плавникомъ образуетъ острое ребро.

Чешуя нѣжная съ сильнымъ металлическимъ блескомъ.

Глоточныхъ зубовъ, расположенныхъ въ два ряда, по 7 съ каждой стороны; во внутреннемъ ряду 5, во внѣшнемъ 2, т. е. (2 — 5/5 — 2). Иногда впрочемъ бываетъ (2 — 4/4 — 2) и (2 — 5/4 — 2).

Digitized by Google

16. Чехонь. *Peleeus cultratus,* Linn.

Сп. 3/7; Пдхв. 3/27 — 29; Гр. 1/15 — 16; Бр. 2/7.

Бок. лин. 108 $\frac{\text{XIV} - \text{XV}}{\text{IV} - \text{V}}$ 115.

Тѣло длинное и сплющенное, спина прямая, а брюхо выпуклое и на всемъ своемъ протяженіи образуетъ острое ребро. Наибольшая высота тѣла, почти равная длинѣ головы, содержится въ длинѣ всего тѣла нѣсколько больше 6 разъ. Поперечникъ глаза составляетъ около $^2/_7$ длины головы. Нижняя челюсть длиннѣе верхней. Длина серповидныхъ грудныхъ плавниковъ составляетъ $^1/_4$ часть длины всего тѣла. Боковая линія извилистая.

Глоточныхъ зубовъ съ каждой стороны по 7 и они расположены въ два ряда (2 — 5/5 — 2).

17. Верховка. *Leucaspius delineatus,* Heck. (Рис. стр. 63).

Сп. 3/8; Пдхв. 3/10 — 13; Гр. 1/14 — 15; Бр. 1/8.

Бок. лин. 45 $\frac{\text{VI}}{\text{IV}}$ 50.

Наибольшая высота тѣла составляетъ $^1/_5$ длины всего тѣла. Длина головы почти равняется наибольшей высотѣ тѣла. Нижняя челюсть сильне заворочена кверху. Брюхо между брюшными плавниками и подхвостовымъ острое. Поперечникъ глаза заключается въ длинѣ головы отъ $3^1/_3$ — $3^1/_2$ раза.

Число глоточныхъ зубовъ бываетъ непостоянно. Обыкновенно они расположены въ два ряда — на лѣвой сторонѣ во внутреннемъ 4, а во внѣшнемъ 1, на правой же во внутреннемъ ряду 5, а во внѣшнемъ 2, т. е. (1—4/5—2); но число зубовъ бываетъ и (1—4/5) или (4/5—1) или даже только (4/5).

Окунь можетъ служить представителемъ семейства окуневыхъ (Percidae). Рыбы этого семейства характеризуются продолговатымъ, болѣе или менѣе сжатымъ съ боковъ тѣломъ, покрытымъ чешуйками, которыя на заднемъ краю зазубрены. Челюсти, а также нерѣдко и другія кости во рту усажены мелкими зубами, среди которыхъ иногда находятся и болѣе крупные. Нѣкоторыя изъ костей, образующихъ жаберныя крышки, на заднемъ краѣ бываютъ то съ большими, то съ мелкими зубчиками. Брюшные плавники, состоящіе изъ 1 жесткаго и 5 суставчатыхъ лучей,

Digitized by Google

находятся подъ грудными плавниками. Спинныхъ плавниковъ то два, то одинъ, но въ обоихъ случаяхъ съ значительнымъ числомъ колючихъ лучей.

А. Спинныхъ плавниковъ два:

1) Щеки не покрыты чешуей и зубы на челюстяхъ не одинаковой длины . . . . . 1. Lucioperca sandra, Cuv.

2) Щеки покрыты чешуей и всѣ челюстные зубы одинаковой длины . 2. Perca fluviatilis, Linn.

В. Спинный плавникъ одинъ; въ боковой линіи 37—40 чешуй . . 3. Acerina cernua, Linn.

1. Судакъ. *Lucioperca sandra,* Cuv. (Рис. стр. 119).

Перв. спин. 1/14. Втор. спин. 1/20—22. Подхв. 2/11; Бр. 1/5; Гр. 15.

$$\text{Бок. лин. } 80\ \frac{\text{XII}-\text{XIV}}{\text{XVI}-\text{XX}}\ 90.$$

Наибольшая высота тѣла содержится въ длинѣ всего тѣла, отъ 5—6 разъ, а длина головы нѣсколько больше 4 разъ. Поперечникъ глаза составляетъ около $^1/_6$ длины головы и почти равняется ширинѣ лба. Рыло удлиненное и довольно острое. Между мелкими зубами на челюстяхъ есть и довольно большіе. Щеки не покрыты чешуей. Спинныхъ плавниковъ два и они, то отдѣлены другъ отъ друга небольшимъ промежуткомъ, то бываютъ соединены перепонкою. На бокахъ туловища находятся сѣровато-бурыя пятна, которыя образуютъ отъ 8 до 10 поперечныхъ полосокъ.

Съ судакомъ часто смѣшиваютъ берша (*Lucioperа volgensis,* Pall.), водящагося только въ рѣкахъ Каспійскаго и Чернаго морей, который характеризуется слѣдующими признаками:

Перв. сп. 13; Втор. сп. 2/22. Подхв. 2/9. Гр. 15. Бр. 1/5.

$$\text{Бок. лин. } 80\ \frac{\text{X}}{\text{XVII}-\text{XVIII}}\ 90.$$

Наибольшая высота тѣла берша, почти равная длинѣ головы, содержится въ длинѣ всего тѣла $4^1/_4$—$4^1/_3$ разъ. Поперечникъ глаза составляетъ около $^1/_5$ длины головы.

Digitized by Google

Рыло у берша короче и шире, чѣмъ у судака. Всѣ зубы почти одинаковой длины. Щеки покрыты чешуями.

2. Окунь. *Perca fluviatilis,* Linn. (Рис. стр. 104).

Перв. спин. 13—16. Втор. сп. 1/13—14. Подхв. 2/8—9. Гр. 14. Бр. 1/5.

Бок. лин. 60 $\frac{\text{XII}-\text{IX}}{\text{XII}-\text{XV}}$ 68.

Тѣло сжато съ боковъ, такъ что наибольшая высота его, нѣсколько только превышающая длину головы, составляетъ $^1/_3$ — $^1/_4$ всей длины тѣла. Поперечникъ глаза содержится въ длинѣ головы около 5 разъ. На челюстяхъ мелкіе зубы. Щеки почти сполна покрыты чешуей. Спинныхъ плавниковъ два. На бокахъ тѣла отъ 5 до 9 черныхъ поперечныхъ полосокъ, а на концѣ перваго спиннаго плавника большое черноватое пятно.

3. Ершъ. *Acerina cernua,* Linn. (Рис. стр. 73).

Сп. 12 — 14/11 — 14; Подхв. 2/5 — 6; Гр. 13; Бр. 1/5.

Бок. лин. 37 $\frac{\text{VI}-\text{VII}}{\text{X}-\text{XII}}$ 40.

Тѣло продолговатое и высота его, равная длинѣ головы, составляетъ около $^2/_9$ длины всего тѣла. Поперечникъ глаза составляетъ $^1/_4$ часть длины головы и равняется ширинѣ лба. Рыло тупое, короткое. Мелкіе челюстные зубы почти одинаковой длины. Бока тѣла сѣрозеленаго цвѣта съ черноватыми пятнышками. Спинной плавникъ одинъ, но состоитъ изъ двухъ частей—въ передней части 12—14 колючихъ, а въ задней 11—14 мягкихъ лучей.

Рыбы лососевыя (Salmones) отличаются своимъ болѣе или менѣе сжатымъ съ боковъ тѣломъ. Чешуя сравнительно мелкая и на головѣ ея никогда не бываетъ. Какъ челюсти, такъ языкъ и нѣкоторыя другія кости во рту бываютъ усажены зубами. Между настоящимъ спиннымъ плавникомъ и хвостомъ, ближе къ послѣднему, находится еще небольшой жировой плавникъ безъ лучей.

Digitized by Google

1. Форель. *Trutta fario,* Linn. (Рис. стр. 122).

Сп. 3—5/9—11; Пдхв. 2—4/7—9; Гр. 1/12—13; Бр. 1/8.

Бок. лин. $115 \frac{\text{XXIV} - \text{XXX}}{\text{XXIII} - \text{XXX}} 130$.

Наибольшая высота тѣла содержится въ длинѣ всего тѣла отъ $4^1/_2$—$4^3/_4$ разъ, а длина головы отъ $4^1/_2$ до 5 разъ. Глаза большіе и поперечникъ ихъ содержится въ длинѣ головы отъ $4^1/_2$ — $4^2/_3$ раза. Задніе углы пасти приходятся почти противъ задняго края глазъ. Спинной плавникъ съ короткимъ основаніемъ. Бока туловища бываютъ желтоватые и буровато-зеленые; на нихъ бываютъ разсѣяны кругловатыя то черныя, то красныя пятнышки, имѣющія часто голубую каемку.

2. Харіусъ. *Thymallus vulgaris,* Nilss. (Рис. стр. 126).

Сп. 5—8/14—17; Подхв. 4/9—11. Гр. 1/14—15; Бр. 1/10.

Бок. лин. $84 \frac{\text{VII}}{\text{VII}} 86$.

Наибольшая высота тѣла содержится въ длинѣ всего тѣла около 5 разъ, длина же головы $5^1/_2$ — $5^2/_3$. Ротъ небольшой и съ боковъ едва простирается до передняго края глаза. Спинной плавникъ съ длиннымъ основаніемъ, которое въ 2 раза длиннѣе основанія подхвостоваго плавника.

Цвѣтъ очень пестрый; бока туловища свѣтлосѣрые съ продольными буроватыми полосками; брюхо серебристобѣлое. Парные плавники бываютъ красные или желтые; непарные фіолетовые съ темными полосками или пятнышками; особенно пестрымъ и красивымъ представляется спинной плавникъ.

Рыбы семейства вьюновыхъ (Cobitidae) имѣютъ удлиненное, то цилиндрическое, то сжатое съ боковъ, тѣло, покрытое мелкими, едва замѣтными чешуйками. Ротъ беззубый. Мягкія губы съ усиками, которыхъ бываетъ отъ 6—10. Жаберныя отверстія очень малы. Хвостовой плавникъ закругленъ.

A. Ротъ окруженъ 10 усиками . . . 1. Misgurnus fossilis, Linn.

B. Ротъ окруженъ 6 усиками:

1) Тѣло почти цилиндрическое, такъ что высота его едва только больше толщины . . . . 2. Nemachilus barbatulus, Linn.

Digitized by Google

2) Тѣло сжато съ боковъ, такъ что высота его въ 2 раза больше толщины . . . . . 3. Cobitis taenia, Linn.

1. Вьюнъ. *Misgurnus fossilis,* Linn.

Сп. 3/5—6; Подхвост. 3/5; Гр. 1/9—10. Бр. 2/5.

Высота тѣла на переднемъ концѣ почти цилиндрическаго, а на заднемъ сжатаго съ боковъ, равна длинѣ головы и содержится въ длинѣ всего тѣла отъ 7—8$^1/_2$ разъ.

Поперечникъ глаза составляетъ не болѣе $^1/_7$ длины головы и равняется $^1/_2$ ширины лба. На верхней губѣ находится 6 усиковъ, а на нижней 4. Чешуя, особенно на спинѣ и брюхѣ, очень мелкая.

2. Голецъ. *Nemachilus barbatulus,* Linn. (Рис. стр. 65).

Сп. 3/7; Подхв. 3/5; Гр. 1/10—12; Бр. 1/6—7.

Высота довольно короткаго и почти цилиндрическаго тѣла немного только больше толщины тѣла и содержится въ длинѣ всего тѣла отъ 6 — 7 разъ Длина головы составляетъ около $^1/_5$ длины всего тѣла. Поперечникъ глаза, содержащійся въ ширинѣ лба 1$^1/_2$—2 раза, составляетъ $^1/_6$ — $^1/_7$ длины головы. Только на верхней губѣ 6 усиковъ, изъ которыхъ 4 сближены между собой, а 2 крайніе находятся въ углахъ насти.

Чешуей покрыты только бока туловища, тогда какъ спина и брюхо голыя.

3. Щиповка. *Cobitis taenia,* Linn.

Сп. 3/7; Подхв. 3/5; Гр. 1/6 — 8; Бр. 1/5.

Высота удлиненнаго и сильно сжатаго съ боковъ тѣла въ 2 раза больше толщины его и составляетъ $^1/_7$—$^1/_8$ длины всего тѣла. Длина же головы содержится въ длинѣ всего тѣла немного менѣе 6 разъ. Поперечникъ глаза, едва меньшій ширины лба, равняется $^1/_6$ — $^1/_7$ длины головы. Усиковъ 6 и они коротки.

Остается еще три вида — щука, налимъ и сомъ, — изъ которыхъ каждый относится къ особому семейству—щука къ сем. щуковыхъ (Esocidae), налимъ къ сем. тресковыхъ (Gadidae) и сомъ къ сем. сомовыхъ (Siluridae). Я не прилагаю описанія этихъ видовъ, такъ какъ въ прѣсныхъ водахъ

Digitized by Google

Россіи водятся изъ каждаго семейства только по одному означенному виду, очень хорошо извѣстному всѣмъ рыболовамъ.

Можетъ быть кто нибудь надумаетъ собирать и сохранять рыбъ, составлять изъ нихъ коллекціи, почему мнѣ кажется не лишнимъ будетъ упомянуть о способѣ сохраненія рыбъ, который очень простъ. Пойманную рыбу кладутъ на день или на два, въ слабый спиртъ (даже въ обыкновенную водку), а затѣмъ перекладываютъ ее въ крѣпкій спиртъ градусовъ въ 75, въ которомъ она уже и сохраняется. Для того, чтобы спиртъ не испарялся, необходимо банки покрѣпче закупоривать.

Оканчивая мои описанія, я укажу, что въ нихъ не упоминается объ очень многихъ русскихъ рыбахъ. Но цѣль моя заключалась въ томъ, чтобы на этихъ немногихъ описаніяхъ указать способы опредѣленія рыбъ, что, можетъ быть, возбудитъ въ комъ нибудь желаніе подробнѣе ознакомиться съ рыбами, и я былъ бы радъ, еслибы настоящая моя статья могла быть, такъ сказать, преддверіемъ къ такому ознакомленію. Но при опредѣленіи рыбъ могутъ встрѣтиться затрудненія. Какъ разрѣшить ихъ?

Въ С.-Петербургѣ есть Зоологическій музей Императорской Академіи Наукъ, директоръ котораго академикъ А. А. Штраухъ съ большой энергіей собираетъ животныхъ русской фауны. Вотъ въ этотъ-то музей можно смѣло посылать рыбъ для опредѣленія. [1]) Указавъ на то, что намъ не вполнѣ еще извѣстны русскія рыбы и что распространеніе многихъ изъ нихъ далеко еще не выяснено, я имѣлъ въ виду указать на Зоологическій музей Академіи, куда можно посылать сохраненныхъ въ спирту рыбъ (обозначивъ ихъ мѣстонахожденіе), которыя, съ одной стороны, будутъ приняты съ благодарностію, а съ другой, послужатъ пополненіемъ матеріала для описанія русскихъ рыбъ.

Если хоть одинъ только любитель-рыболовъ пришлетъ въ музей изъ своей мѣстности рыбъ — въ даръ ли музею, или для опредѣленія — я сочту себя вполнѣ вознагражденнымъ за трудъ, потраченный при составленіи настоящей статьи.

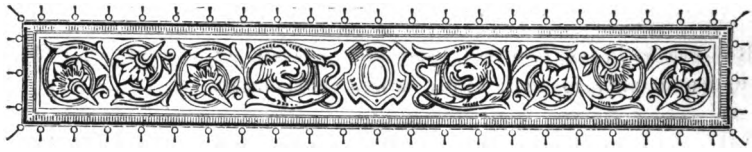
А можетъ быть такихъ любителей найдется и не одинъ!...

С.-Петербургъ.
Апрѣль, 1886 г.

---

[1]) Это тѣмъ болѣе удобно, что посылки (до одного пуда вѣсомъ), адресованныя на имя Академіи Наукъ, принимаются во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ безплатно.

Digitized by Google



III.

ПРИМѢЧАНІЯ
КЪ «ЗАПИСКАМЪ ОБЪ УЖЕНЬѢ РЫБЫ».

Н. Варпаховскаго.

I) Лошокъ не «молодая рыбешка лоха», о которомъ пишетъ авторъ далѣе (№ 21, стр. 120), а самостоятельный видъ, названіе котораго *гольянъ* (*Phoxinus laevis*, Agass). Гольянъ водится почти во всей Россіи и въ большей части Сибири.

Называютъ его въ разныхъ мѣстахъ различно: *гольянъ, золотавка, песочникъ, синецъ, красавка* (въ Московской губ.), *казачекъ, скоморохъ, камергерчикъ, голопузка, пестрякъ.*

Нерестуетъ (мечетъ икру) въ первой половинѣ мая.

II) С. Т. Аксаковъ совершенно правильно считаетъ верховку и уклейку за различныхъ рыбъ. Верховка (*Leucaspius delineatus*, Heck.) мѣстами называется—*овсянка, малявка, синявка.*

III) Восточнѣе Казанской губерніи верховка и до сихъ поръ еще не найдена. Въ значительномъ количествѣ водится на югѣ Россіи, а на сѣверѣ ея совершенно нѣтъ.

IV) Голецъ (*Nemachilus barbatulus*, Linn.) называется еще въ Малороссіи *вьюнокъ, авдюшка, авдотка, удотка.* С. Т. Аксаковъ пишетъ про гольца, а не про щиповку (*Cobitis taenia*, Linn.). К. Ф. Рулье указываетъ въ примѣчаніи на названія, относящіяся къ щиповкѣ, а не къ гольцу.

Гольцы распространены по всей Россіи.

V) Вьюна (*Misgurnus fossilis*, Linn.) можно отличить отъ гольца между прочимъ потому, что у вьюна ротъ окруженъ 10 усиками, а у гольца только 6.

VI) Пескарь— *Gobio fluviatilis*, Rond. Носитъ еще названія: *пескозобъ, столбецъ, песчаникъ, писканъ* (на Уралѣ). Примѣчаніе К. Ф. Рулье за исключеніемъ словъ—«называютъ иногда столбцомъ» — относится къ гольцу (*Nemachilus barbatulus*, Linn.). Пескарь распространенъ во всей Россіи.

Digitized by Google

Нерестуетъ въ маѣ и выпускаетъ икру не сразу, а черезъ нѣкоторые промежутки времени, такъ что весь нерестъ продолжается иногда все лѣто.

VII) *Alburnus lucidus,* Heck. Кромѣ приведенныхъ названій употребляются еще—*башклея, шеклея, дергунецъ, баклея.* Распространена по всей Россіи, но въ Сибири ея нѣтъ.

Нерестуетъ въ маѣ и даже іюнѣ.

VIII) Елецъ (*Squalius leuciscus,* Heck.) водится во всей Россіи и въ Западной Сибири, при чемъ въ южныхъ губерніяхъ Россіи онъ встрѣчается рѣже, чѣмъ въ сѣверныхъ и среднихъ, гдѣ онъ очень многочисленъ.

Нерестуетъ въ средней Россіи въ срединѣ апрѣля, вообще одной изъ первыхъ рыбъ, нерестующихъ весной.

IX) Ершъ (*Acerina cernua,* Linn.) называется еще мѣстами — *кострикъ, ногтикъ* (по Днѣпру), *бирючекъ* (Ростовъ), *ершъ озерный* (Калачъ). Водится во всей Россіи и въ большей части Сибири.

Нерестуетъ въ сѣверной и средней Россіи въ маѣ.

X) Ерши изъ озеръ Сибири и Приуралья достигаютъ длины до 14 дюймовъ и вѣсятъ до $1^1/_2$ фунта.

XI) *Scardinius erytrophthalmus,* Linn. — *красноперка, плотва красноперая, красноглазка, краснокрылка.* Распространена во всей Россіи. Впрочемъ, повидимому, обыкновеннѣе въ юго-западной и южной Россіи, чѣмъ въ среднихъ губерніяхъ. Сѣверная граница ея распространенія въ Россіи съ точностію не опредѣлена — она не доходитъ до Онежскаго озера и до сихъ поръ еще неизвѣстно, водится ли она въ рѣкахъ, впадающихъ въ Бѣлое и Ледовитое море.

Нерестуетъ въ маѣ и въ началѣ іюня.

XII) Въ Московской губерніи красноперка водится въ значительномъ количествѣ, но авторъ совершенно вѣрно указываетъ на странное распространеніе этой рыбы, такъ какъ относительно всей Россіи можно сказать, что красноперка въ ней распространена «мѣстами»—въ одномъ мѣстѣ она очень обыкновенна и многочисленна, въ другомъ же или совершенно отсутствуетъ, или составляетъ большую рѣдкость.

XIII) Язь (*Idus melanotus,* Heck.) водится во всей Россіи и Западной Сибири. Въ большемъ количествѣ, повидимому, встрѣчается въ среднихъ и восточныхъ губерніяхъ, чѣмъ въ южныхъ.

Нерестуетъ на югѣ въ концѣ марта и началѣ апрѣля, въ среднихъ губерніяхъ въ срединѣ и концѣ апрѣля.

XIV) *Squalius cephalus,* Linn. Кромѣ приведенныхъ именъ онъ носитъ еще названія — *головель, головачъ, головня, голо́въ, оголовъ, клень* (по Днѣстру). Рыба эта наиболѣе обыкновенна въ средней Россіи. Какъ распространена она на сѣверѣ съ точностію не опредѣлено и неизвѣстно, водится ли она въ рѣкахъ, впадающихъ въ Бѣлое и Ледовитое море. По Кесслеру, ее нѣтъ даже въ Онежскомъ озерѣ.

Нерестуетъ въ среднихъ губерніяхъ въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая, а на югѣ въ первой половинѣ апрѣля.

XV) Распространеніе благороднаго леща (*Abramis brama,* Linn.).

Digitized by Google

очень обширно; онъ встрѣчается въ Россіи повсемѣстно, хотя на сѣверѣ болѣе рѣдокъ, чѣмъ на югѣ, а въ Сибири и совершенно отсутствуетъ.

Нерестуетъ въ средней и сѣверной Россіи въ началѣ мая, а на югѣ во второй половинѣ апрѣля.

XVI) Въ настоящее время въ Сурѣ карпы водятся въ Пензенской губерніи; въ юговосточной части Симбирской они уже очень рѣдки, а въ остальномъ теченіи и совершенно отсутствуютъ. Въ Свіягѣ въ предѣлахъ Казанской губерніи карпа нѣтъ и навѣрно онъ живетъ только въ верховьяхъ этой рѣки, въ Симбирской губерніи.

XVII) Названіе *карпъ*, *карпія* (*Cyprinus carpio*, Linn.) употребительно чаще въ среднихъ губерніяхъ Россіи; на Волгѣ же и на Уралѣ извѣстенъ подъ киргизскимъ названіемъ — сазана. Хотя карпъ распространенъ во всей Россіи, но въ средней и западной онъ рѣдокъ и навѣрно разведенъ искусственно. Нѣтъ карпа въ рѣкахъ, впадающихъ въ Бѣлое и Балтійское моря и въ Ледовитый океанъ. Въ Каспійскомъ, Аральскомъ, Азовскомъ и въ малосоленыхъ участкахъ Чернаго моря водится во множествѣ и входитъ во время нерестованія въ рѣки, впадающія въ нихъ, но поднимается вверхъ по разнымъ рѣкамъ на различную высоту. Во многихъ притокахъ этихъ рѣкъ находится на постоянномъ жительствѣ.

XVIII) Линь (*Tinca vulgaris*, Cuv.) населяетъ стоячія воды, преимущественно тинистыя озера и пруды главнымъ образомъ средней и южной Россіи. Живетъ ли онъ въ бассейнахъ рѣкъ, впадающихъ въ Бѣлое море и Ледовитый океанъ, съ достовѣрностію пока неизвѣстно.

Нерестуетъ во второй половинѣ мая и первой іюня.

XIX) Въ настоящее время признаютъ только одинъ европейскій видъ карасей (*Carassius vulgaris*, Nilss.) со значительнымъ числомъ разностей или разновидностей. Распространенъ во всей Россіи.

Нерестуетъ на югѣ въ началѣ мая, на сѣверѣ въ концѣ мая и началѣ іюня, а въ средней Россіи въ срединѣ мая.

XX) Окунь (*Perca fluviatilis*, Linn.). Распространенъ во всей Россіи и Сибири. Хотя обыкновененъ повсемѣстно, но на сѣверѣ встрѣчается рѣже. На сѣверѣ нерестуетъ въ срединѣ мая, въ средней полосѣ Россіи въ началѣ мая и концѣ апрѣля, а на югѣ въ мартѣ.

XXI) Щука (*Esox lucius*, Linn.), живущая какъ въ рѣкахъ, такъ и озерахъ, распространеная по всей Россіи, нерестуетъ съ разливомъ рѣкъ.

XXII) Жерехъ (*Aspius rapax*, Linn.) носитъ еще названія — *конь*, *коняга*, *гонецъ*, *хаюзъ* (въ низовьяхъ Камы), *хватъ*, *фатъ*, а мѣстами даже *бѣлорыбицы*, за которую и продается неопытнымъ. Водится во всѣхъ рѣкахъ, впадающихъ въ Каспійское, Азовское, Черное, Нѣмецкое и Балтійское моря, а въ рѣкахъ, изливающихся въ Бѣлое и Ледовитое моря, его нѣтъ.

Нерестуетъ на югѣ въ концѣ марта, а въ среднихъ губерніяхъ въ апрѣлѣ.

XXIII) Судакъ или судокъ (*Lucioperca sandra*, Cuv.) населяетъ большія рѣки и озера, принадлежащія къ бассейнамъ Чернаго, Каспій-

Digitized by Google

скаго, Аральскаго и Азовскаго морей. На сѣверѣ Россіи не водится, и только въ небольшомъ количествѣ встрѣчается въ рѣкахъ Балтійскаго моря.

Нерестуетъ обыкновенно въ маѣ.

XXIV) Подъ названіемъ *лоха* и *красули* на нѣкоторыхъ притокахъ Камы извѣстна форель (*Salmo fario*, Linn.). Навѣрно и авторъ пишетъ тоже про обыкновенную форель, но утверждать этого нельзя въ виду отсутствія изслѣдованій.

XXV) Форель (*Salmo fario*, Linn.) живетъ въ небольшихъ, быстрыхъ рѣчкахъ сѣверо-восточной и сѣверо-западной Россіи, на Кавказѣ и въ Крыму. Въ среднихъ губерніяхъ Россіи она распространена не повсемѣстно.

Нерестуетъ во второй половинѣ сентября и въ октябрѣ.

XXVI) *Thymallus vulgaris*, Nilss. На сѣверѣ Россіи носитъ названіе *харіусъ*, а на востокѣ употребляется башкирское названіе *кутема*. Водится харіусъ во многихъ холодныхъ и быстро текущихъ рѣчкахъ главнымъ образомъ сѣверной и сѣверо-восточной Россіи.

Нерестуетъ въ маѣ.

XXVII) Налимъ (*Lota vulgaris*, Cuv.). Распространенъ во всей Россіи, но въ рѣкахъ, впадающихъ въ Бѣлое и Балтійское моря, онъ водится въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ рѣкахъ Каспійскаго и Чернаго моря. Въ низовьяхъ же всѣхъ большихъ рѣкъ вообще рѣдокъ. Нерестуетъ во второй половинѣ декабря и въ первой января.

XXVIII) Сомъ (*Silurus glanis*, Linn.) не встрѣчается въ нашихъ сѣверныхъ рѣкахъ, рѣдокъ въ рѣкахъ Балтійскаго моря и водится въ значительномъ количествѣ въ рѣкахъ, впадающихъ въ Каспійское и Черное моря. Нерестуетъ въ концѣ апрѣля и началѣ мая.

XXIX) Изъ всѣхъ рѣчныхъ раковъ, встрѣчающихся въ Россіи, долгоногій ракъ (*Astacus leptodactylus*, Eschh.) имѣетъ самое обширное распространеніе.

XXX) Эти „бѣленькія бабочки“ навѣрно *поденки* (Ephemera). Мнѣ самому приходилось наблюдать ловлю этихъ насѣкомыхъ для уженья на р. Сурѣ. Слухъ, что „идетъ *метла*“ (мѣстное названіе поденки), собиралъ очень много рыболововъ на берега рѣки и тамъ и сямъ зажигались небольшіе костры, къ которымъ въ несмѣтномъ количествѣ, на собственную гибель, слетались поденки...

Digitized by Google

Digitized by Google

РАЗСКАЗЫ И ВОСПОМИНАНІЯ

ОХОТНИКА

О РАЗНЫХЪ ОХОТАХЪ.

Digitized by Google

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ:

Мои «Записки объ уженьѣ рыбы» и особенно «Заниски ружейнаго охотника Оренбургской губерніи» были такъ благосклонно приняты читающей публикой, что я рѣшился написать и напечатать все, что̀ знаю о другихъ охотахъ, которыми я нѣкогда съ горячностью занимался. Кромѣ удовлетворенія собственной потребности—есть что-то невыразимо-утѣшительное и обольстительное въ мысли, что передавая свои впечатлѣнія, возбуждаешь сочувствіе къ нимъ въ читателяхъ, преимущественно охотникахъ до какихъ-нибудь охотъ. Вотъ причина, заставляющая меня писать: я признаюсь въ ней откровенно, а равно и въ желаніи, чтобы книжка моя имѣла такой же успѣхъ, какъ и прежнія мои охотничьи записки.

С. А.

Digitized by Google

ВСТУПЛЕНІЕ.

Охота, охотникъ!... что̀ такое слышно въ звукахъ этихъ словъ? что̀ таится обаятельнаго въ ихъ смыслѣ, принятомъ, уважаемомъ въ цѣломъ народѣ, въ цѣломъ мірѣ, даже не охотниками?... «Ну, это ужъ его охота, ужъ онъ охотникъ», говорятъ, желая оправдать или объяснить — почему такъ неблагоразумно или такъ странно поступаетъ такой-то человѣкъ, въ такомъ-то случаѣ... и объясненіе всѣмъ понятно, всѣхъ удовлетворяетъ! Какъ зарождается въ человѣкѣ любовь къ какой-нибудь охотѣ, по какимъ причинамъ, на какомъ основаніи?... Ничего положительнаго сказать невозможно. Конечно, нельзя оспорить, что охота передается воспитаніемъ, возбуждается примѣромъ окружающихъ; но мы часто видимъ, что сыновья, выросшіе въ домѣ отца-охотника, не имѣютъ никакихъ охотничьихъ склонностей, и что напротивъ дѣти людей ученыхъ, дѣловыхъ ex professo, никогда не слыхавшіе разговоровъ объ охотѣ,—дѣлаются съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ страстными охотниками. И такъ, расположеніе къ охотѣ нѣкоторыхъ людей, часто подавляемое обстоятельствами, есть ничто иное, какъ врожденная наклонность, безсознательное увлеченіе. Такая мысль всего убѣдительнѣе подтверждается, по моему мнѣнію, наблюденіями надъ деревенскими мальчиками. Сколько разъ случалось мнѣ замѣчать, что многіе изъ нихъ не пройдутъ мимо кошки или собаки, не толкнувъ ее ногой, не лукнувъ въ нее камнемъ или палкой, тогда-какъ другіе, напро-

Digitized by Google

тивъ, защищаютъ бѣдное животное отъ обидъ товарищей, чувствуютъ безотчетную радость, лаская его, раздѣляя съ нимъ скудный обѣдъ или ужинъ: изъ этихъ мальчиковъ непремѣнно выйдутъ охотники до какой-нибудь охоты. Одинъ, заслышавъ охотничій рогъ или лай гончихъ, вздрагиваетъ, измѣняется въ лицѣ, весь превращается въ слухъ, тогда-какъ другіе остаются равнодушны,—это будущій псовый охотникъ. Одинъ, услыхавъ близкій ружейный выстрѣлъ, бросается на него, какъ горячая легавая собака, оставляя и бабки, и свайку, и своихъ товарищей,—это будущій стрѣлокъ. Одинъ кладетъ приваду изъ мякины, ставитъ волосяные силья или настораживаетъ корыто и караулитъ воробьевъ, лежа гдѣ-нибудь за угломъ, босой, въ одной рубашенкѣ, дрожа отъ дождя и холода,—это будущій птицеловъ и звѣроловъ. Другихъ мальчиковъ не заставишь и за пряники это дѣлать. Чѣмъ объяснить такія противоположныя явленія, какъ не врожденнымъ влеченіемъ къ охотѣ? — Обративъ вниманіе на зрѣлый возрастъ крестьянъ, мы увидимъ то же. Положимъ, что между людьми, живущими въ праздности и довольствѣ, ребячьи фантазіи и склонности, часто порождаемыя желаніемъ подражать большимъ людямъ, могутъ впослѣдствіи развиться, могутъ обратиться въ страсть къ охотѣ, въ года зрѣлаго возраста; но мы найдемъ между крестьянами, и всего чаще между небогатыми, которымъ некогда фантазировать, некому подражать, — страстныхъ, безумныхъ охотниковъ: я знавалъ ихъ много на своемъ вѣку. Кто заставляетъ, въ осенніе дождь и слякоть, таскаться съ ружьемъ (иногда очень не молодаго человѣка) по лѣснымъ чащамъ и оврагамъ, чтобъ застрѣлить какого-нибудь побѣлѣвшаго зайца? Охота. Кто поднимаетъ съ теплаго ночлега этого хвораго старика и заставляетъ его на утренней зарѣ, въ туманѣ и сырости, сидѣть на мокромъ берегу рѣки, чтобъ поймать какого-нибудь язя или головля? Охота. Кто заставляетъ этого молодаго человѣка, отлагая только на время неизбѣжную работу, или пользуясь полдневнымъ отдыхомъ, въ палящій жаръ, искусаннаго въ кровь лѣтнимъ оводомъ, таскающаго на себѣ застрѣленныхъ утокъ и всѣ охотничьи припасы, бродить по топкому болоту, уставая до обморока? Охота, безъ сомнѣнія, одна охота. Вы произносите это волшебное слово — и все становится понятно.

Digitized by Google

Оттѣнки охотниковъ весьма разнообразны, какъ и сама природа человѣческая. Нѣкоторые охотники, будучи страстно привязаны предпочтительно къ одной охотѣ, любятъ однако, хотя не такъ горячо, и прочіе роды охотъ. Другіе охотники, переходя съ дѣтскихъ лѣтъ постепенно отъ одной охоты къ другой, предпочитаютъ всегда послѣднюю всѣмъ предъидущимъ; но совершенно оставляя прежнія охоты, они сохраняютъ теплое и благодарное воспоминаніе о нихъ, въ свое время доставлявшихъ имъ много наслажденій. Есть, напротивъ, третій разрядъ охотниковъ *исключительныхъ:* они съ дѣтства до конца дней, постоянно и страстно, любятъ какую-нибудь *одну* охоту, и не только равнодушны къ другимъ, но даже питаютъ къ нимъ отвращеніе и какую-то ненависть. Наконецъ, есть охотники четвертаго разбора: охотники до всѣхъ охотъ безъ исключенія, готовые заниматься всѣми ими вдругъ, въ одинъ и тотъ же день и часъ. Такіе охотники въ настоящемъ, строгомъ смыслѣ слова — ни до чего не охотники; ни мастерами, ни знатоками дѣла они не бываютъ. По большой части они дѣлаются добрыми товарищами другихъ охотниковъ.

Не разбирая преимуществъ одного рода охотниковъ передъ другими, я скажу только, что принадлежу ко второму разряду охотниковъ. Въ ребячествѣ началъ я съ ловли воробьевъ и голубей на ихъ ночевкахъ. Несмотря на всю ничтожность такой дѣтской забавы, воспоминаніе о ней такъ живо въ моей памяти, что, признаюсь, и на шестдесятъ-четвертомъ году моей жизни не могу равнодушно слышать особеннаго, торопливаго чиликанья воробья, когда онъ, при захожденіи солнца, скачетъ взадъ и впередъ, перепархиваетъ около мѣста своего ночлега, какъ-будто прощаясь съ Божьимъ днемъ и свѣтомъ, какъ-будто перекликаясь съ товарищами,—и вдругъ нырнетъ подъ застреху или жолобъ, въ щель соломенной крыши или въ дупло стараго дерева.—Отъ ловли воробьевъ на ночевкахъ перешелъ я къ ловлѣ другихъ мелкихъ птичекъ волосяными сильями, натыканными въ лубокъ; къ ловлѣ конопляными необмолоченными снопами, опутанными веревочкой съ сильями, и наконецъ къ ловлѣ разными *лучками* изъ сѣтки. Потомъ пристрастился я къ травлѣ перепелокъ ястребами и къ ловлѣ перепеловъ сѣтью на дудки. Все это, на нѣкоторое время, замѣнила удочка; но въ свою очередь и она была совершенно замѣнена

Digitized by Google

ружьемъ. Единовластное владычество ружья продолжалось половину моего вѣка, тридцать лѣтъ; потомъ снова появилась на сценѣ удочка, — и наконецъ старость, а болѣе слабость зрѣнія, хворость и лѣность окончательно сдѣлали изъ меня исключительнаго рыбака. Но я сохраняю живое, благодарное воспоминаніе обо всѣхъ прежнихъ моихъ охотахъ, и мои статьи о нихъ служатъ тому доказательствомъ.

Всѣ охоты, о которыхъ я упоминалъ: съ ружьемъ, съ борзыми собаками, съ ястребами и соколами, съ тенетами и капканами за звѣрями, съ сѣтьми, острогою и удочкой за рыбою, и даже съ *поставушками*, за мелкими звѣрками — имѣютъ своимъ основаніемъ ловлю, добычу; но есть охоты, такъ-сказать, безкорыстныя, которыя вознаграждаются только удовольствіемъ: слушать и видѣть, кормить и разводить извѣстныя породы птицъ и даже животныхъ; такова, напримѣръ, охота до пѣвчихъ птицъ и до голубей. Первыя, по крайней мѣрѣ, веселятъ слухъ охотниковъ пѣніемъ; но вторыя и этого удовольствія доставить не могутъ: иногда только услышишь ихъ голосъ, то-есть глухое воркованье. Но я знавалъ страстныхъ охотниковъ до голубей всѣхъ возможныхъ породъ: бормотуновъ, двухохлыхъ, турмановъ, мохноногихъ горлицъ и египетскихъ голубей. Эти охотники проводили цѣлые дни на голубятнѣ, особенно любуясь на голубей мохноногихъ, у которыхъ мохры, то-есть перья, выросшія изъ ногъ, до трехъ вершковъ длиною, торчали со всѣхъ сторонъ и даже мѣшали имъ ходить. Теперь рѣдко встрѣтишь охотниковъ до этихъ сортовъ голубей; но въ городахъ и столицахъ еще водятся охотники до голубей *чистыхъ* или *гонныхъ*, особенно до турмановъ, гоньба которыхъ имѣетъ свою красоту. Быстро носясь кругами въ высотѣ, стая гонныхъ или чистыхъ голубей то блеститъ на солнцѣ яркой бѣлизной, то мелькаетъ темными пятнами, когда залетитъ за облако, застѣняющее стаю отъ солнечныхъ лучей. Турманы имѣютъ особенное свойство: посреди быстраго полета вдругъ свертывать свои крылья и падать внизъ, перевертываясь безпрестанно, какъ птица, застрѣленная высоко на-лету; кувыркаясь такимъ образомъ, можетъ быть саженъ десять, турманъ мгновенно расправляетъ свои легкія крылья и быстро поднимается на ту же высоту, на которой кружится вся стая. Такія продѣлки очень живописны. Всякой

Digitized by Google

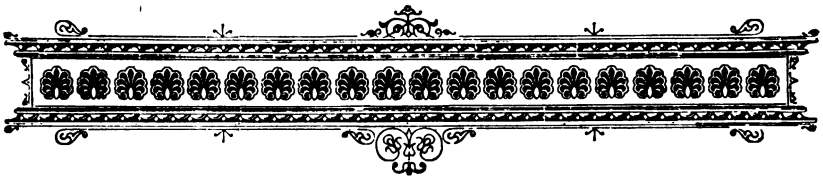
посмотритъ нѣсколько минутъ съ удовольствіемъ на эту живую картину; но охотники съ увлеченьемъ смотрятъ на нее по нѣскольку часовъ сряду, не давая садиться усталымъ голубямъ на родимую крышу ихъ голубятни.

Содержаніе не-пѣвчихъ птицъ и даже нѣкоторыхъ изъ породъ дичи въ большихъ клѣткахъ или садкахъ имѣетъ уже особаго роду прелесть, которая можетъ быть понятна только людямъ, имѣющимъ склонность къ наблюденіямъ надъ живыми твореніями природы: это уже любознательность.

Несмотря на увлеченіе, съ которымъ я всегда предавался разнаго рода охотамъ, склонность къ наблюденію нравовъ птицъ, звѣрей и рыбъ никогда меня не оставляла и даже принуждала иногда, для удовлетворенія любопытства, — жертвовать добычею, что̀ для горячаго охотника не шутка.

Воспоминаніе обо всемъ этомъ доставляетъ мнѣ теперь живѣйшее наслажденіе, и подѣлиться моими воспоминаніями съ охотниками всѣхъ родовъ—сдѣлалось моимъ постояннымъ желаніемъ. Можетъ быть, мой примѣръ возбудитъ и въ другихъ такое же желаніе. Сколько есть опытныхъ охотниковъ на Руси, кругъ дѣйствія которыхъ былъ несравненно обширнѣе моего! Сколько любопытныхъ свѣдѣній и наблюденій могли бы сообщать они! Кромѣ того, что изданіе такихъ свѣдѣній и наблюденій составило бы утѣшительное, отрадное чтеніе для охотниковъ, оно было бы полезно для естественныхъ наукъ. Только изъ спеціальныхъ знаній людей, практически-изучившихъ свое дѣло, могутъ быть заимствованы живыя подробности, недоступныя для кабинетнаго ученаго.

Digitized by Google



ОХОТА СЪ ЯСТРЕБОМЪ

ЗА ПЕРЕПЕЛКАМИ.

«Будите охочи, забавляйтеся, утѣшайтеся сею «доброю потѣхою, зѣло потѣшно и угодно и весело, «да не одолѣютъ васъ кручины и печали всякія. «Избирайте дни, ѣздите часто, напускайте, добы«вайте, не лѣниво и безскучно, да не забудутъ птицы «премудрую и красную свою добычу.»

«О славные мои совѣтники и достовѣрные и пре«мудрые охотники! Радуйтеся и веселитеся, утѣшай«теся и наслаждайтеся сердцами своими, добрымъ «и веселымъ симъ утѣшеніемъ въ предъидущія лѣта!»

(Древ. Росс. Вивліоѳика, ч. III, книга Урядникъ Сокольничья Пути).

Хотя содержаніе сей статьи положительно объясняется ея названіемъ, но я хочу предварительно сказать нѣсколько словъ о ястребахъ вообще. Всѣ хищныя птицы, высшаго, средняго и даже низшаго разряда, могутъ быть раздѣлены на двѣ породы: соколиную и ястребиную. Принадлежащія къ первой, ловятъ свою добычу, устремляясь, *падая* на нее съ высоты, для чего имъ необходимо подняться на извѣстную мѣру вверхъ. Принадлежащія же къ породѣ ястребиной, напротивъ, ловятъ свою добычу *въ угонъ*, то-есть находясь съ ней въ одинаковомъ горизонтальномъ положеніи, гонятся за ней, и, по рѣзвости своего полета, догоняютъ. У насъ рѣчь идетъ о послѣднихъ. — Ястреба раздѣляются, по ихъ величинѣ, на три

Digitized by Google

рода. Самые большіе, достигающіе величины крупной индѣйки, называются *гусятниками*, потому-что *берутъ*, то-есть ловятъ дикихъ гусей. Такими ястребами, попадающимися довольно рѣдко, можно травить зайцевъ и даже лисицъ. Я имѣлъ одного такого ястреба уже двухъ осеней, котораго, какъ диковинку, привезъ моему отцу одинъ башкирецъ. Онъ разсказывалъ, что затравилъ имъ двухъ лисъ, чему очень можно было повѣрить, судя по силѣ и жадности птицы. Я прошу позволенія у читателей разсказать судьбу этого ястреба: онъ былъ чисторябый, то-есть свѣтлосѣрый, и такъ тяжелъ, что и сильный человѣкъ не могъ его долго носить на рукѣ. Башкирцы охотятся съ такими ястребами, а чаще съ беркутами, всегда верхомъ, и возятъ ихъ на палкѣ, которая придѣлывается къ сѣдельной лукѣ. По несчастію, этотъ рѣдкій ястребъ жилъ у насъ очень недолго. Мы затравили имъ только двухъ бѣляковъ, которыхъ сошли по первой октябрской порошѣ, и для опыта затравили русскаго гуся, привыкшаго хорошо летать. Вотъ какъ было это сдѣлано: стая дворовыхъ гусей повадилась ежедневно ходить пѣшкомъ на господское гумно, стоявшее на довольно высокой горѣ; накушавшись досыта и находя неудобнымъ и затруднительнымъ сходить внизъ съ крутой горы съ полными зобами, которые и на ровномъ мѣстѣ перетягиваютъ ихъ впередъ,— гуси обыкновенно слетали съ горы и опускались прямо на житный дворъ. Въ урочное время, я поставилъ охотника съ ястребомъ за хлѣбною кладью, у самаго того мѣста, гдѣ гуси должны были слетать съ горы, а самъ зашелъ сзади и погналъ гусей, которые, ковыляя и падая, дошли до спуска съ горы и поднялись; ястребъ бросился, свалился съ однимъ гусемъ и, къ общему нашему удовольствію, сладилъ съ нимъ безъ всякаго труда. Мы не дали ястреба въ обиду другимъ гусямъ (безъ чего они бы забили его крыльями и защипали бы своими носами) и накормили на добычѣ до отвалу. Несмотря на то, что эта славная хищная птица жила у насъ только двѣ недѣли, съ ней случилось диковинное приключеніе: была у насъ лѣтняя кухня на острову, въ которой давно уже перестали готовить; въ эту кухню, на толстой колодкѣ, стоявшей по срединѣ кирпичнаго пола, сажали на ночь этого большаго ястреба. Охотникъ, которому былъ онъ отданъ на руки, приходитъ однажды поутру и видитъ, что ястребъ, привязанный дол-

Digitized by Google

жникомъ къ колодкѣ, стащилъ ее съ мѣста, сидитъ распустивъ крылья въ углу и держитъ въ когтяхъ огромную сову, еще живую. Испугавшись, не испортила ли она ястреба, охотникъ прибѣжалъ сказать объ этомъ мнѣ; мы съ отцомъ пришли немедленно и нашли ястреба въ томъ же положеніи. Съ большимъ трудомъ вынули изъ его когтей очень большую, почти бѣлую сову, которая тутъ же издохла; на ястребѣ никакихъ знаковъ поврежденія не оказалось. Еслибъ я не самъ видѣлъ этотъ диковинный случай — я бы не вдругъ ему повѣрилъ: кухня была заперта; кромѣ трубы, которая оказалась не закрытою, другаго отверстія въ кухнѣ не было; должно предположить, что сова попала въ кухню черезъ трубу для дневки, и что она залетѣла недавно, на самомъ разсвѣтѣ; но какъ поймалъ ее ястребъ, привязанный на двухъ-аршинномъ должникѣ—придумать трудно; во всякомъ случаѣ, жадность, злобность и сила ястреба удивительны. Я даже былъ увѣренъ, что никакой ястребъ не кинется и не возьметъ совы, особенно большой, потому-что она сама вооружена длинными острыми когтями. Охотники наши думали, что сова сама напала на ястреба, но такое предположеніе невѣроятно. Черезъ нѣсколько дней послѣ приключенія съ совой, наступила оттепель, снѣгъ совершенно сошелъ, сдѣлался отличный узеркъ, и я послалъ охотника съ ястребомъ верхомъ поискать въ наѣздку русаковъ, которые тогда совершенно выцвѣли; а самъ поѣхалъ стрѣлять тетеревовъ. Охотникъ, поѣздивъ нѣсколько времени по горамъ и полямъ, и не найдя нигдѣ зайцевъ, сдѣлалъ соображеніе, что они всѣ лежатъ въ лѣсу; а какъ на бѣду онъ взялъ съ собой ружье, то, подъѣхавъ къ лѣсу, привязалъ въ опушкѣ лошадь къ дереву, посадилъ ястреба на толстый сучокъ, должникъ привязалъ къ сѣдлу, а самъ отправился стрѣлять въ лѣсъ зайцевъ. Очевидно, что все это было сдѣлано крайне глупо, и вотъ какія вышли послѣдствія: лошадь вѣроятно чего-нибудь испугалась, оторвала поводъ, стащила ястреба съ сучка и ускакала; только къ вечеру воротилась она домой. Несчастный ястребъ былъ еще живъ, но съ вытянутыми и вывихнутыми ногами; черезъ сутки онъ издохъ... Такъ жалостно и совершенно даромъ погибла эта рѣдкая хищная птица. Я видѣлъ потомъ еще двухъ ястребовъ-гусятниковъ: оба были меньше моего и гораздо темнѣе перомъ.

Digitized by Google

Втораго рода ястреба (вдвое менѣе первыхъ) называются *утятниками*, потому-что ими обыкновенно травятъ утокъ. Надобно сказать правду, что охота съ большими ястребами, гусятниками и утятниками,—охота пустая и мало добычливая, особенно съ послѣдними. Для травли ястребами необходимо условіе, чтобы птица поднималась близко, иначе они не могутъ ее догнать; утки же всегда сидятъ на водѣ или на берегу воды, въ которую сейчасъ могутъ броситься, а ястреба никакой плавающей птицы на водѣ не берутъ и брать не могутъ. И такъ, травля утокъ производится по маленькимъ рѣчкамъ или ручьямъ и озеркамъ, находящимся на высокихъ берегахъ, для того, чтобъ охотникъ могъ подойти очень близко къ уткѣ, не будучи ею примѣченъ, и для того, чтобъ летъ ея продолжался не надъ водою; если же ястребъ схватитъ утку и она упадетъ съ нимъ въ воду, то рѣдко можно найти такого жаднаго ястреба, который не бросилъ бы своей добычи: ибо всѣ хищныя птицы не любятъ и боятся мочить свои перья, особенно въ крыльяхъ, и вымочивши какъ-нибудь нечаянно, сейчасъ распускаютъ ихъ какъ полузонтикъ и сидятъ въ укромномъ мѣстѣ, пока не высушатъ совершенно. Очевидно, что травля утокъ, безъ особенной, удобной мѣстности, невозможна. Иногда травятъ утятниками молодыхъ тетеревовъ, но для того необходимо, чтобы выводка находилась въ чистомъ полѣ; травить же въ рѣдколѣсьѣ неудобно, потому-что ястребъ можетъ убиться объ дерево, что онъ самъ по инстинкту такъ боится, что бросившись за тетеревенкомъ и увидя передъ собой даже рѣдкія деревца, сейчасъ возьметъ къ верху или возьметъ въ сторону. Притомъ *помѣшавшійся* молодой тетеревъ летитъ очень проворно, и ястребъ догонитъ его только въ такомъ случаѣ, если онъ поднимется очень близко. Изъ всего сказаннаго мною слѣдуетъ, что травля утокъ и тетеревовъ не можетъ быть добычлива. Совсѣмъ другое представляетъ охота за перепелками съ мелкими ястребами третьяго разряда, которые и называются *перепелятниками*; объ нихъ и объ охотѣ съ ними поговорю я подробно.

Я уже сказалъ, что ястреба-гусятники большая рѣдкость, такъ что немногимъ охотникамъ удавалось видѣть ихъ на волѣ; утятники попадаются чаще, а перепелятниковъ деревенскіе жители видятъ по нѣскольку разъ въ день, или по

Digitized by Google

крайней мѣрѣ замѣчаютъ эфектъ, производимый появленіемъ или присутствіемъ ястреба-перепелятника, котораго часто глазами и не увидишь. Эфектъ состоитъ въ томъ, что вся дворовая и около дворовъ живущая птица закричитъ всполошнымъ крикомъ и бросится или прятаться, или преслѣдовать воздушнаго пирата: куры поднимутъ кудахтанье, цыплята съ жалобнымъ пискомъ побѣгутъ скрыться подъ распущенныя крылья матерей-насѣдокъ, воробьи зачирикаютъ особеннымъ образомъ и какъ безумные попрячутся куда ни попало, — и я часто видѣлъ, какъ дерево, задрожавъ и зашумѣвъ листьями, будто отъ внезапнаго крупнаго дождя, мгновенно прятало въ свои вѣтви цѣлую стаю воробьевъ; съ тревожнымъ, пронзительнымъ крикомъ, а не щебетаньемъ, начнутъ черкать ласточки по-соколиному, налетая на какое-нибудь одно мѣсто; защекочутъ сороки, закаркаютъ вороны и потянутся въ ту же сторону — однимъ словомъ: поднимется общая тревога; и это навѣрное значитъ, что пробѣжалъ ястребъ и спрятался гдѣ-нибудь подъ повѣтью, въ овинѣ, или сѣлъ въ чащу зеленыхъ вѣтвей ближайшаго дерева. Иногда такъ и не увидишь ястреба. Онъ переждетъ тревогу, весьма ему невыгодную, потому-что она предупреждаетъ о немъ тѣхъ птицъ, которыя могли бы сдѣлаться его добычей, да вѣроятно надоѣдаетъ и пугаетъ его весь этотъ пискъ, крикъ, шумъ и преслѣдованье, — переждетъ и улетитъ! Но я всегда любилъ такія явленія общей суматохи, всегда стерегъ вылетъ ястреба изъ его убѣжища, и часто видалъ, какъ онъ, то быстро махая крыльями, то тихо плывя, промелькнетъ и скроется въ кустахъ уремы или въ ближайшемъ лѣсу.

Все, что̀ я стану говорить о наружномъ видѣ ястребовъ-перепелятниковъ, объ ихъ выкармливаньѣ, вынашиваньѣ и проч., совершенно прилагается и къ двумъ первымъ родамъ. Перепелятники, перомъ свѣтлосѣрые, называются *чисторябыми;* они бываютъ посвѣтлѣе и потемнѣе. Оренбургскіе охотники приписываютъ это различіе въ перѣ (то-есть въ цвѣтѣ ястребиной *крыши*) вліянію деревъ, на которыхъ они вывелись, и потому свѣтлыхъ называютъ *березовиками*, а темныхъ — *дубовиками*. Ястреба коричнево-пестрые называются краснорябыми; ихъ гнѣзда всегда находятся на ольхахъ, а потому ихъ зовутъ *ольшняками*. Надобно замѣтить, что они мельче дру-

Digitized by Google

гихъ ястребиныхъ породъ. Хотя странно приписывать цвѣтъ перьевъ птицы тому дереву, на которомъ она вывелась, и хотя я всегда плохо этому вѣрилъ, но я долженъ сознаться, что нѣсколько опытовъ, сдѣланныхъ мною самимъ, подтверждаютъ мнѣніе охотниковъ. — Самка перепелятника (какъ у всѣхъ хищныхъ птицъ) гораздо больше и сильнѣе *чеглика*, то-есть самца, который для травли не употребляется, по своей малосильности и стомчивости. Я пробовалъ воспитывать и вынашивать перепелятниковъ-чегликовъ: они въ выноскѣ гораздо понятнѣе и повадливѣе самокъ. Я травилъ ими воробьевъ и всякихъ мелкихъ птичекъ, даже перепелокъ; но чегликъ-перепелятникъ такъ слабосиленъ, что легкую перепелку не *уронитъ*, а съ сытой старой едва сладитъ и нерѣдко выпускаетъ ее изъ когтей. Поршковъ перепелиныхъ онъ ловитъ хорошо и то не помногу. Поймавъ штукъ пять-шесть, онъ уже и ихъ не догоняетъ, и даже не летитъ съ руки, на которую присядетъ, если очень усталъ. Чегликовъ-утятниковъ употребляютъ иногда для травли перепелокъ; но это имѣетъ свои неудобства: для перепелки онъ слишкомъ силенъ, и поймавъ ее, не вдругъ опускается на землю. Въ книгѣ: «Урядникъ Сокольничья Пути» Царя Алексѣя Михайловича, которую всякой охотникъ долженъ читать съ умиленіемъ, между прочимъ, сказано: «Добровидна же и копцова добыча и летъ. По сихъ доброутѣшна и привѣтлива правленныхъ (то-есть выношенныхъ) ястребовъ и челиговъ (то-есть, чегликовъ; иногда называются они тамъ же «чеглоками») ястребьихъ ловля; къ водамъ рыщеніе, ко птицамъ же доступаніе». Изъ сихъ немногихъ строкъ слѣдуетъ заключить: 1) что копцовъ вынашивали, и что ими травили, чего я и другіе мнѣ извѣстные охотники никакъ добиться не могли, и признали ихъ къ ловлѣ неспособными. 2) Что *ястребьи челиги*, то-есть ястребиные чеглики, употреблялись для охоты точно также, какъ и самки; но должно думать, что это были ястреба большіе, а не перепелятники. Послѣднее доказывается словами: «*къ водамъ рыщеніе*», а равно и тѣмъ, что перепелокъ никогда около Москвы, въ достаточномъ числѣ для охоты, не бывало, да и быть не могло. Слѣдственно рѣчь идетъ о травлѣ утокъ, вѣроятно, мелкихъ чирковъ, къ чему чеглики-утятники могутъ быть пригодны.

Digitized by Google

Ястреба вьютъ или кладутъ свои гнѣзда въ лѣсу изъ мелкихъ прутиковъ, на толстыхъ деревьяхъ, всегда на одномъ изъ главныхъ сучковъ и близъ самаго древеснаго ствола; самки кладутъ по четыре, а чаще по три яйца; во всякой выводкѣ есть одинъ чегликъ. Охотники заранѣе осматриваютъ лѣса, особенно тѣ мѣста, гдѣ выводились прежде ястреба, и по разнымъ признакамъ знаютъ навѣрное, гдѣ именно находится гнѣздо; но близко къ нему, до вывода молодыхъ, не подходятъ, потому что самка броситъ яйца. Время выемки ястребовъ изъ гнѣздъ зависитъ отъ охотника: кто изъ нихъ не скучаетъ уходомъ за маленькими ястребятами, для корма которыхъ нужно мясо мелко рубить, тотъ вынимаетъ молодыхъ въ пушку; такіе ястребята ручнѣе, и вынашивать ихъ легче; но многіе охотники утверждаютъ, что они бываютъ тупѣе, то-есть не такъ жадны, рѣзвы и сильны, какъ ястребята оперившіеся, которыхъ ловить уже приходится силомъ на длинной лутошкѣ, потому-что когда человѣкъ взлѣзетъ на дерево — они распрыгаются по сучьямъ. Хотя я выкармливалъ ястребятъ разныхъ возрастовъ, но какъ это случалось въ разные годы, то я какъ-то не замѣчалъ разницы въ ихъ качествахъ; но что̀ касается до *слетковъ*, то-есть до молодыхъ ястребовъ, слетѣвшихъ съ гнѣздъ, заловившихъ на волѣ и пойманныхъ потомъ въ *кутню*, *) то я утвердительно могу сказать, что они гораздо лучше гнѣздарей, но за то и вынашивать ихъ гораздо труднѣе. Вынутыхъ ястребятъ сажаютъ въ просторную клѣтку изъ прутиковъ или изъ сѣтки, а если они очень малы, то сначала кладутъ въ круглое лукошко, въ которомъ они, какъ въ гнѣздѣ, станутъ сидѣть смирно, плотно прижавшись другъ къ другу; даже кормятъ ихъ изъ рукъ рубленымъ свѣжимъ мясомъ какихъ-нибудь птицъ: голуби и воробьи считаются самою здоровою пищею, которою можно скоро поправить слишкомъ исхудавшихъ ястребовъ, *натѣлить*, говоря по-охотничьи. Впрочемъ, можно давать баранину, говядину, те-

*) Кутнею называется длинная клѣтка изъ сѣтки, разгороженная на 3 отдѣленія или клѣтки же: въ средней сидятъ живые воробьи для приманки, а двѣ боковыя имѣютъ спускныя дверцы также изъ сѣтки, которыя поднимаются и настораживаются какъ въ чепкахъ. Молодой ястребъ (слетокъ), увидѣвъ воробьевъ, бросается къ нимъ черезъ которую-нибудь боковую клѣтку, тронетъ сторожекъ, дверца опустится—и ястребъ пойманъ. Иногда попадаются и старые ястреба, но очень рѣдко.

Digitized by Google

лятину и зайчатину, если она случится. Когда ястреба подростутъ, то дается каждому, чтобы они не дрались между собою, по особому куску мяса, всегда одинъ разъ въ сутки, и, если это мясо будетъ птичье, то непремѣнно съ перьями и костями. Изобильный кормъ, особенно парнымъ мясомъ только-что убитой птицы, — самое вѣрное средство выростить хорошихъ ястребовъ: они будутъ *родны* (велики), сильны, выведутъ перья ровно, отъ чего летаютъ рѣзвѣе и поспѣваютъ ранѣе къ охотѣ. Я знавалъ такихъ охотниковъ, у которыхъ ястреба не только получали кормъ неточно, несвоевременно, но дня по два иногда постились. У такихъ ястребовъ всегда бываютъ на стволахъ хвостовыхъ перьевъ пережабины бѣловатаго цвѣта, и самыя перья какъ-будто помяты, надломлены и взъерошены: эти знаки называются *заморами*. Если ихъ много — ястребъ тупъ на лету. Въ клѣткѣ надобно сдѣлать нашестки или поставить колодки для ночевки и отдѣльнаго сидѣнья ястребятъ послѣ корма: послѣднее нужно для того, чтобы они какъ-нибудь не подрались между собою и не помяли полныхъ пищею зобовъ, что̀ бываетъ для нихъ иногда даже смертельно. Зобъ просиживается часовъ въ восемь, то-есть, пища разлагается и спускается изъ зоба въ кишки, послѣ чего складывается ястребами такъ-называемая *погадка*, которая есть ничто иное, какъ перышки, косточки и жилки, все неудобосваримое изъ проглоченнаго мяса, свернувшееся въ продолговатый, овальный сверточекъ, извергаемый ежедневно хищными птицами ртомъ. Когда ястребъ *скинулъ погадку*, можно идти съ нимъ въ поле на охоту: до совершенія же этой операціи, даже вольныя хищныя птицы, какъ утверждаютъ охотники, ничего не ловятъ и не ѣдятъ. Нужно также, чтобы въ клѣткѣ постоянно стояло корытцо съ водой, ежедневно перемѣняемой; въ жары ястреба часто пьютъ и купаются, что̀ способствуетъ ихъ здоровью, чистотѣ и скорой переборкѣ перьевъ. Хотя въ гнѣздѣ и на сучьяхъ выводнаго дерева нѐчего имъ пить и нѐгдѣ купаться, но слетѣвшіе съ гнѣздъ и старые ястреба любятъ и то и другое во время лѣтняго зноя.

Наконецъ пришло время, обыкновенно въ половинѣ или исходѣ іюля, *поднимать* и *вынашивать* ястребовъ. Вечеромъ, когда довольно смеркнется, охотникъ осторожно влѣзаетъ въ клѣтку и бережно беретъ, вдругъ обѣими руками, спящаго

Digitized by Google

ястреба, который спитъ всегда, поджавъ одну ногу со сжатыми въ кулачекъ пальцами, а голову завернувъ подъ крыло. При поимкѣ неспящаго ястреба днемъ, непремѣнно были бы помяты его перья и самъ бы онъ напугался. Охотникъ вытягиваетъ ему ноги, складываетъ ровно крылья, выправляетъ хвостовыя перья, и, оставя на свободѣ одну голову, спеленываетъ его въ платокъ, нарочно для того сшитый вдвое, съ отверстіемъ для головы, плотно обвиваетъ краями платка и завязываетъ слегка снуркомъ или тесемкой; въ такомъ положеніи носитъ онъ на ладони спелененнаго гнѣздаря, по крайней мѣрѣ часа два, и непремѣнно тамъ, гдѣ много толпится народа; потомъ, развязавъ сзади пеленку, надѣваетъ ему на ноги *нагавки* съ *опутинками,* которыя привязываются обыкновенною петлею къ *должнику* *), наглухо прикрѣпленному къ кожаной рукавицѣ или перчаткѣ съ правой руки, на которой всегда будетъ сидѣть выученный ястребъ. Въ это же время прикрѣпляютъ къ ястребу бубенчикъ, въ чемъ хотя

---

*) *Нагавками* или *обносцами* называются суконныя или кожаныя, по подшитыя тоненькимъ суконцемъ, онучки, шириною въ большой палецъ, которыми обертываютъ просторно, въ одну-рядь, ноги ястреба; на онучкахъ, то-есть, нагавкахъ, нашиты *опутинки,* плетеныя тесемочки, волосъ въ тридцать, длиною четверти въ полторы; каждая опутинка нижнимъ концомъ своимъ продѣвается въ петельку, пришитую къ нагавкѣ, затягивается и держится крѣпко и свободно на ногѣ. *Должникъ*—тонкій ремень или, пожалуй, снурокъ, аршина въ полтора длиною, наглухо пришитый къ охотничей рукавицѣ. Должникъ устроенъ довольно затѣйливымъ образомъ: другой конецъ его прикрѣпляется къ желѣзному прутику, вершка въ $2^1/_2$ длиною; прутикъ просовывается весьма свободно въ круглое отверстіе костяной дощечки, просверленной на срединѣ (длиною вершка въ два, а шириною въ палецъ), и держится въ дощечкѣ на широкой шляпкѣ, какая бываетъ у большаго гвоздя; къ обоимъ концамъ косточки прикрѣпленъ своими концами ремешекъ (въ четверть длиною), вытянутый по срединѣ кверху; онъ составляетъ острый трехугольникъ, которому основаніемъ служитъ дощечка; къ верхнему острому углу ременнаго трехугольника привязываются простою петлею обѣ опутинки: стоитъ дернуть за ихъ концы—петля развяжется и ястребъ можетъ летѣть. — Само собою разумѣется, что охотничьи названія всѣхъ *уборовъ* хищныхъ птицъ могутъ называться различно въ разныхъ мѣстахъ Россіи, и что уборы эти бываютъ роскошны и бѣдны. Драгоцѣнная книга Царя Алексѣя Михайловича, глаголемая «Урядникъ: новое уложеніе и устроеніе чина сокольничья пути», показываетъ, какъ великолѣпно убирали соколовъ и кречетовъ: «и мало поноровя, подсокольничій молвитъ: *начальные, время наряду и часъ красотѣ.* И начальные емлютъ со стола нарядъ: первый, Парфентій, возметъ клобучекъ, по бархату червчатому шитъ серебромъ съ совкою нарядною; вторый, Михей, возметъ колокольцы серебряны позолочены; третій, Леонтій, возметъ обнасцы и должикъ (должникъ) тканые съ золотомъ волоченымъ. И уготовавъ весь нарядъ на рукахъ, подошедъ къ подсокольничему, начальные сокольники наряжаютъ кречета». Очевидно, что колокольцы (бубенчики) всякой разъ, когда нужно, привязывались къ ногамъ ловчимъ птицъ.

Digitized by Google

нѣтъ необходимости, но что на охотѣ бываетъ очень полезно. Дутый мѣдный бубенчикъ, величиною съ крупный русскій орѣхъ или нѣсколько побольше, но круглый, звонкій и легкій, пришпиливается въ хвостѣ, для чего надобно взять ястреба въ обѣ руки, а другому охотнику разобрать бережно хвостъ на двѣ равныя половинки, и, отступя на вершокъ отъ рѣпицы, проколоть одно изъ среднихъ хвостовыхъ перьевъ по срединѣ обыкновенной мѣдной булавкой; на нее надѣть за ушко бубенчикъ, острый конецъ воткнуть въ другое среднее сосѣднее перо и вогнать булавку до самой головки; она будетъ такъ крѣпко держаться, что точно вростетъ въ перо; иногда ушко бубенчика отломится, а булавка останется навсегда. Прежде охотники привязывали бубенчикъ къ ногѣ; но этотъ способъ несравненно хуже: бубенчикъ будетъ безпрестанно за что-нибудь задѣвать и какъ разъ сломается; когда же ястребъ съ перепелкой сядетъ въ траву или въ хлѣбъ, то звука никакого не будетъ; а бубенчикъ въ хвостѣ, какъ скоро ястребъ начнетъ щипать птицу, при всякомъ наклоненіи головы и тѣла станетъ звенѣть и даетъ о себѣ знать охотнику, въ чемъ и заключается вся цѣль. — Потомъ охотникъ идетъ въ самое темное мѣсто, въ какой-нибудь сарай или хлѣвъ, бережно снимаетъ всю пеленку и старается посадить ястреба на свою правую руку, защищенную отъ его когтей рукавичкой. Эта минута самая трудная; иногда долго нельзя усадить ястреба, и требуется много ловкости и снаровки, чтобы онъ, бившись и вися на опутинкахъ, не тронулъ, то-есть не вытянулъ ногъ, отъ чего ястреба навсегда остаются слабыми. Иногда гнѣздарь, смирный и привычный къ человѣку, наскучившій принужденнымъ положеніемъ въ пеленкѣ и боящійся въ темнотѣ летать (къ чему онъ и не привыкъ въ клѣткѣ) — съ разу садится на руку; разумѣется, не то бываетъ съ слеткомъ, какъ сказано будетъ ниже. Какъ скоро ястребъ усядется на рукѣ, то надобно стоять смирно и оставаться съ полчаса въ томъ же томномъ мѣстѣ; потомъ растворить двери, отъ чего сдѣлается свѣтлѣе и ястребъ непремѣнно станетъ слетать съ руки; когда же онъ успокоится, охотникъ потихоньку выходитъ на вольный воздухъ и ходитъ съ своимъ ученикомъ по мѣстамъ уединеннымъ и открытымъ. Передъ солнечнымъ восходомъ сонъ начнетъ одолѣвать ястреба,

Digitized by Google

и онъ сдѣлается смирнѣе; тутъ можно поступать смѣлѣе: поглаживать его, поправлять крылья, которыя онъ цѣлыя сутки держитъ въ распущенномъ положеніи (не подбираетъ), и потягивать полегоньку за хвостъ, чтобы онъ крѣпче держался когтями за руку охотника и не дремалъ. Часовъ въ 7 утра можно посадить ястреба на колодку въ безопасномъ мѣстѣ и дать ему отдохнуть часа два, а чтобы онъ не скоро заснулъ и не крѣпко спалъ, то надобно его раза три вспрыснуть водою: ястребъ не заснетъ до тѣхъ поръ, пока не провянутъ перья, которыя онъ безпрестанно будетъ прочищать и перебирать своимъ носомъ. Охотникъ также можетъ соснуть въ это время. Послѣ короткаго отдыха, котораго слеткамъ никогда въ первый день не даютъ, потому-что они гораздо упрямѣе и крѣпче, надобно взять ястреба на руку и носить до вечера, выбирая мѣста, гдѣ меньше толкается народу: внезапное и быстрое появленіе новаго человѣка всегда пугаетъ и заставляетъ слетать съ руки молодыхъ ястребовъ; особенно не любятъ они, если кто-нибудь подойдетъ сзади. Вынашивая гнѣздаря, смирнаго и привычнаго къ человѣку, не нужно его слишкомъ вымаривать, а потому можно передъ вечеромъ дать ему соснуть еще часика полтора. Во вторую ночь продолжается та же исторія, какъ и въ первую; на другой день, если ястребъ уже привыкаетъ хорошо сидѣть на рукѣ и если онъ не очень сытъ (то-есть не жиренъ), то можно къ вечеру предложить ему мясо. Хотя рѣдко, но случается, что на другой день вечеромъ ястребъ-гнѣздарь, который не ѣлъ уже полторы сутки, да и въ предъидущій день былъ кормленъ очень мало,—станетъ ѣсть, сидя на рукѣ у охотника: въ такомъ случаѣ можно его *подкормить*, то-есть, покормить немного, дать третью часть противъ обыкновеннаго. На третій день ястребъ сдѣлается гораздо смирнѣе: безсонница и голодъ отнимутъ у него ту врожденную энергію дикости, которую еще не совсѣмъ истребила клѣтка. Вечеромъ надобно его начать *вабить* и заставить *перейти* на руку. Это дѣлается слѣдующимъ образомъ: ястреба надобно на что-нибудь посадить, не отвязывая должника, потомъ взять кусокъ свѣжаго мяса, показать сначала издали и потомъ поднести ему подъ носъ, и когда онъ захочетъ схватить его клевомъ, то руку отдернуть хотя на четверть аршина, и кускомъ мяса

Digitized by Google

(вабиломъ) *) поматывать, а самому почмокивать и посвистывать (что̀ называется *вабить*, то-есть звать, манить). Ястребъ сначала будетъ вытягивать шею то на одну, то на другую сторону и наклоняться, чтобъ достать кормъ, но видя, что это невозможно, рѣшится перелетѣть или хотя перескочить съ своего мѣста на манящее его вабило въ рукѣ охотника; этотъ маневръ надобно повторить до трехъ разъ, и всякой разъ вабить дальше, такъ чтобы въ третій — ястребъ перелетѣлъ на сажень; тутъ надо покормить его побольше, потомъ посадить часа на два въ уединенное мѣсто, и вообще накормленнаго ястреба носить очень бережно, наблюдая, чтобы онъ, слетѣвъ съ руки, не ударился о что-нибудь и не помялъ зоба. На четвертый день ястребъ, начавъ съ сажени, перейдетъ на руку разстояніе въ десять и двадцать саженъ: въ такомъ случаѣ слѣдуетъ покормить еще побольше, въ-полсыта. Охотникъ продолжаетъ на слѣдующіе дни прежнюю выноску, и наконецъ въ семь или восемь дней птица сдѣлается такъ смирна и ручна, что охотникъ, вабившій съ каждымъ днемъ все дальше и дальше,—въ положенный часъ кормленія, посадивъ ястреба на заборъ или на крышу, самъ уйдетъ изъ виду вонъ, и только свистнетъ особливымъ позывомъ, котораго звукъ трудно передать буквами, похожимъ нѣсколько на слогъ *пфу*, — какъ ястребъ сейчасъ прилетитъ и явится на рукѣ охотника. Впрочемъ, иногда даже и гнѣздарь, нѣсколько упрямый, не вдругъ привыкаетъ *сейчасъ* летѣть на свистъ и голосъ охотника, а сначала начнетъ оглядываться направо и налѣво, какъ-будто прислушиваясь, потомъ начнетъ кивать головой, вытягивать шею и присѣдать, что̀ почти всегда дѣлаетъ птица, когда сбирается съ чего-нибудь слетѣть: вотъ, кажется, сію секунду полетитъ, совсѣмъ ужъ перевѣсился впередъ... и вдругъ опять принимаетъ спокойное положеніе и даже начинаетъ носомъ перебирать и чистить свои правильныя перушки. Но бываетъ иногда, что посреди такихъ занятій, вовсе безъ приготовленій, ястребъ внезапно слетаетъ съ мѣста, замахавъ сначала проворно крыльями; потомъ, уви-

*) Обыкновенно для вабила употребляется крыло какой-нибудь птицы (всего лучше голубиное), оторванное съ мясомъ: охотнику ловко держать въ рукѣ папоротку крыла, которое не должно быть ощипано.

Digitized by Google

дѣвъ охотника, онъ быстро опускается и бѣжитъ низомъ, то-есть плавно плыветъ, стелется, какъ ласточка надъ землей... воробьи зачиликаютъ и попрячутся, сороки защекочутъ, куры закудахчутъ, а ястребъ, подбѣжавъ вплоть къ охотнику, вдругъ взмоетъ кверху и вцѣпится въ вабило, которое охотникъ успѣлъ уже укоротить, такъ что только маленькій кусочикъ мяса остался наружѣ. — Срокъ и строгость выноски зависятъ отъ понятливости и покорности ястреба и также отъ крѣпости или слабости его силъ. Иногда попадается и гнѣздарь, особенно поднятый поздно, столь упрямый, что и въ десять дней не добьешься отъ него полнаго повиновенія, тогда какъ другаго на шестой день можно притравить, а на седьмой идти съ нимъ въ поле. Въ выноскѣ ястреба нужна строгая точность, неослабное вниманіе, а главное—нескучливость. Напримѣръ: ястребъ упрямится, не идетъ на руку иногда два часа съ ряду, тогда какъ наканунѣ черезъ такое же разстояніе перешелъ скоро, и сегодня долженъ былъ перейти еще скорѣе и дальше; скучливому охотнику надоѣстъ стоять на одномъ мѣстѣ, махать рукой и понапрасну звать ястреба, онъ самъ подойдетъ поближе и—испортитъ все дѣло: на завтрашній день ястребъ захочетъ еще бо́льшаго сокращенія разстоянія, и переломить его упрямство еще труднѣе; онъ очень памятливъ, и впослѣдствіи, когда выносится совсѣмъ и станетъ ходить на руку отлично хорошо, вдругъ вспомнитъ, что его когда-то побаловали, заупрямится безъ причины и совершенно неожиданно. Выноска должна происходить безъ всякой уступки: не идетъ на руку — не давать ѣсть, не давать спать; если ястребъ худъ и слабъ, то лучше просто покормить на рукѣ или въ садкѣ, но никакъ не уменьшать разстоянія въ переходѣ на руку. Вообще выноска—дѣло довольно трудное, и лѣнивому человѣку будетъ не по вкусу. Спать приходится весьма немного. Хорошо, когда есть другой благонадежный охотникъ, которому можно поручить и довѣрить ястреба на время, а самому часокъ, другой уснуть; но надо быть осторожному въ выборѣ помощника; мнѣ нерѣдко случалось видѣть, какъ спитъ охотникъ, присѣвъ къ забору, и спитъ ястребъ, сидя у него на рукѣ, тогда какъ ястребу не слѣдовало въ это время даже и дремать. Можно утвердительно сказать, что едва ли третья часть ястребовъ

Digitized by Google

вынашивается хорошо. Единовременный кормъ самымъ свѣжимъ мясомъ и сбереженіе сытой птицы—также дѣло хлопотливое, и также утвердительно можно сказать, что всѣ ястреба погибаютъ рановременно отъ неосторожности и недосмотра охотниковъ.

Слетка вынашивать всегда гораздо труднѣе, а если попадется прошлогодній ястребъ, и охотникъ захочетъ, за неимѣніемъ другихъ, его непремѣнно выносить, то это требуетъ много времени, хлопотъ и безпокойствъ, да и неблагонадежно. Такой ястребъ не можетъ ловить отлично хорошо уже потому, что его всегда надо держать въ черномъ тѣлѣ, слѣдовательно нѣсколько слабымъ, а *изъ тѣла* (то-есть сытый, жирный) онъ ловить не станетъ и при первомъ удобномъ случаѣ улетитъ и пропадетъ.

Слетокъ вынашивается точно такъ же, какъ и гнѣздарь, только строже, точнѣе и долѣе. Обращаю вниманіе господъ охотниковъ на послѣднее обстоятельство: чѣмъ долѣе вынашивается ястребъ до начала травли, тѣмъ лучше, тѣмъ благонадежнѣе въ будущемъ. Чтобъ выносить скоро, надобно усмирить ястреба безсонницей и голодомъ, выморить его, а это иногда такъ ослабляетъ силы всего организма, что послѣ ничѣмъ нельзя возстановить его: тогда какъ продолжительная нòска даетъ возможность выучить ястреба сытаго, полнаго силъ, вкоренить въ него ученье одной привычкой, которая гораздо вѣрнѣе насильственной покорности отъ голода и безсонницы; даже въ продолженіе травли, все свободное отъ охоты время, кромѣ пятичасоваго сна, надобно носить ястреба на рукѣ постоянно, особенно слетка. Удивительно, какая разница между слетками и гнѣздарями! Я пробовалъ кормить послѣднихъ такимъ отличнымъ кормомъ, всегда парнымъ, какого лучше, особенно въ такомъ изобильѣ, не могла доставать мать своимъ ястребятамъ; пойманный слетокъ далеко не бывалъ такъ сытъ, какъ поднимаемый на руку гнѣздарь, но между тѣмъ всегда слетокъ оказывался какъ-то глаже, чище перомъ, складнѣе, рѣзвѣе и жаднѣе гнѣздаря. У послѣдняго глаза бываютъ бѣлесовато-мутнаго цвѣта, безъ всякаго выраженія, а у слетка глаза живые, ярко-желтые, *наигранные*, по выраженію охотниковъ, то-есть зоркіе и блестящіе. Правда, впослѣдствіи и гнѣздарь наиграетъ глаза: они пожелтѣютъ и получатъ нѣкоторый блескъ, но ни-

Digitized by Google

когда не сравняются съ глазами вольнаго ястреба.—Возвращаюсь къ дѣлу. И такъ ястребъ, какой бы онъ ни былъ, выношенъ совершенно, то-есть ходитъ на руку отлично, даже безъ вабила, на одинъ свистъ; надобно его притравить: дать ему поймать птицу и накормить до отвалу, на первой пойманной имъ добычѣ. Слегка не нужно притравливать, развѣ для того, чтобъ онъ бралъ птицу покрупнѣе; для гнѣздаря же это самое важное дѣло; если въ клѣткѣ онъ не поваженъ щипать птицу въ перьяхъ, то иногда, будучи уже выношенъ хорошо, не вдругъ бросится на живую птицу, даже не посмотритъ на нее: такого ястреба съ перваго разу не притравишь; но если въ садкѣ ему давали иногда птицъ въ перьяхъ и живыхъ воробьевъ или другихъ птичекъ, то притравить его легко. Охотники увѣряютъ, что притравливать надобно всегда на крупную птицу, и что такой ястребъ-перепелятникъ будетъ жаднѣе и станетъ брать вольныхъ крупныхъ птицъ, какъ-то: утокъ-чирятъ, не крупныхъ тетеревятъ, дуппельшнеповъ, галокъ, сорокъ и голубей. Я въ этомъ сомнѣваюсь, и хотя самъ всегда притравливалъ ястребовъ голубями, и нѣкоторые мои ястреба точно брали поименованныхъ мною птицъ; но, кажется, это происходило отъ врождебной злобности и отъ крѣпости въ ногахъ и пальцахъ, а не отъ первоначальной притравы, потому-что не всѣ, а только рѣдкіе бывали такъ жадны и сильны; притомъ другіе охотники притравливаютъ обыкновенно перепелками, а ястреба выходятъ отличные и даже иные берутъ дичь и птицу покрупнѣе.

Выношеннаго ястреба, пріученнаго видѣть около себя легавую собаку, притравливаютъ слѣдующимъ образомъ: охотникъ выходитъ съ нимъ на открытое мѣсто, всего лучше за околицу деревни, въ поле; другой охотникъ идетъ рядомъ съ нимъ (впрочемъ можно обойтись и безъ товарища); незамѣтно для ястреба вынимаетъ онъ изъ кармана или изъ *вачика* *) голубя, предпочтительно молодаго, привязаннаго за ногу тоненькимъ снуркомъ, другой конецъ котораго привязанъ къ рукѣ охотника: это дѣлается для того, чтобъ задержать по-

*) Вачикъ — холщевая или кожаная двойная сумка; въ маленькой сумкѣ лежитъ вабило, безъ котораго никакъ не должно ходить въ поле, а въ большую кладутъ затравленныхъ перепелокъ.

Digitized by Google

летъ голубя и чтобъ, въ случаѣ неудачи, онъ не улетѣлъ совсѣмъ; голубь вспархиваетъ, какъ-будто нечаянно, изъ-подъ самыхъ ногъ охотника; ястребъ, опутинки котораго заблаговременно отвязаны отъ должника, бросается, догоняетъ птицу, схватываетъ и падаетъ съ добычею на землю; охотникъ подбѣгаетъ и осторожно помогаетъ ястребу удержать голубя, потому-что послѣдній очень силенъ, и гнѣздарю одному съ нимъ не справиться; нужно придержать голубиныя крылья, и потомъ, не вынимая изъ когтей, отвернуть голубю голову. Тутъ надобно дать полную свободу ястребу: пусть онъ возится и управляется съ добычей, какъ ему угодно, лишь бы мѣсто было гладко; онъ ощиплетъ самъ перья съ голубя и, проглотивъ сначала голову и шею, изорванныя въ кусочки охотникомъ, наѣстся до отвала, такъ-что перестанетъ рвать мясо. Тогда охотникъ, взявъ осторожно ястреба на руку, относитъ его домой, сажаетъ на колодку и не трогаетъ до утра, чтобы онъ могъ выспаться хорошенько. Если притравленіе или притрава совершилась удачно, то повторять ее не нужно; если же, напримѣръ, ястребъ бросился, но не схватилъ голубя, или схватилъ, но не удержалъ, то надобно повторить притраву и добиться, чтобъ ястребъ взялъ птицу хорошо. Въ случаѣ притравы успѣшной, на другой день послѣ обѣда, когда жаръ посвалитъ, охотникъ идетъ съ ястребомъ въ поле въ сопровожденіи собаки, непремѣнно хорошо дрессированной, то-есть, имѣющей крѣпкую стойку и не гоняющейся за взлетѣвшею птицею; послѣднее качество собаки необходимо, особенно для гнѣздаря, который еще не вловился: если собака кинется на него, когда онъ схватитъ перепелку и свалится съ ней въ траву, то ястребъ испугается, броситъ свою добычу, и трудно будетъ поправить первое впечатлѣніе. И такъ охотникъ выходитъ въ поле, имѣя въ вачикѣ *непремѣнно* вабило; собака пріискиваетъ перепелку, останавливается надъ ней, охотникъ подходитъ какъ можно ближе, поднимаетъ ястреба на рукѣ какъ можно выше, кричитъ *пиль*, собака кидается къ перепелкѣ, она взлетаетъ, ястребъ бросается, догоняетъ, схватываетъ на воздухѣ и опускается съ ней на землю. Повторяется вчерашняя исторія, то-есть, ястребъ накармливается до-сыта. На третій день начинается настоящая травля, но въ самомъ умѣренномъ числѣ: болѣе осьми и много десяти перепелокъ

Digitized by Google

травить не слѣдуетъ. Притомъ и возни съ ястребомъ будетъ много; въ каждую перепелку онъ такъ вкогтится, что не вдругъ отнимешь, потому что надобно это дѣлать бережно, отоптавъ кругомъ траву, чтобъ не помять перья у ястреба, и вотъ какимъ образомъ: лѣвою рукою должно закрыть пойманную перепелку отъ глазъ ястреба, вмѣстѣ съ его ногами, а правою рукою—отгибать когти, для чего нужно сначала разогнуть пріемный передній коготь, и потомъ задній, тогда разогнутся остальные сами собою. Иной ястребъ такъ сердитъ, что когда разогнутъ когти на обѣихъ его ногахъ и отнимутъ добычу, то онъ сожметъ пальцы въ кулачекъ, такъ-что они замрутъ и долго иногда остаются въ этомъ судорожномъ состояніи. Отнявъ перепелку, охотникъ, за спиною у себя, отрываетъ ей голову, кладетъ къ себѣ въ вачикъ, и шейку съ головкой показываетъ ястребу, который и вскакиваетъ съ земли на руку охотника, который, давъ ему клюнуть раза два теплаго перепелинаго мозжечка, остальное прячетъ въ вачикъ и отдаетъ ястребу послѣ окончанія охоты. Охотникъ даетъ время ястребу опомниться, оправляетъ его, растопыренныя отъ злости, крылья, и когда онъ перестанетъ когтить руку и совсѣмъ успокоится, заставляетъ собаку пріискать новую перепелку: гдѣ ихъ много, особенно около просянищъ, тамъ попадаются онѣ на всякомъ шагу. Если собака пріищетъ выводку поршковъ (перепелятъ), то ихъ травить не надо; во-первыхъ, они подростутъ и къ осени можно ихъ затравить *въ порѣ*, и во-вторыхъ, такая легкая добыча балуетъ молодаго ястреба. Одного перваго поршка непремѣнно затравишь, потому-что не знаешь, надъ какой перепелкой стоитъ собака; но потомъ надобно ее отозвать отъ перепелиной выводки и отвесть въ сторону: затравленный поршокъ пойдетъ на кормъ ястреба.—Съ каждымъ днемъ увеличивается число затравленныхъ перепелокъ, и наконецъ травля продолжается отъ выхода охотника въ поле вплоть до ночи. Мнѣ разсказывали, что въ старые годы охотники затравливали по сту перепелокъ, но самъ я болѣе пятидесяти не принашивалъ; впрочемъ другіе, неутомимые охотники, травили и въ мое время до семидесяти штукъ въ одно поле, въ числѣ которыхъ находилось иногда до десяти коростелей, особенно къ осени, когда они изъ болотъ всѣ выбѣгаютъ въ поля и опушки. Коростеля беретъ не всякой молодой

Digitized by Google

ястребъ, потому-что коростель кричитъ, когда его догоняютъ; крикъ его похожъ на óгрызанье хорька или на щекотанье сороки. Если гнѣздарь не возьметъ его съ перваго раза, то уже не будетъ брать никогда. Слетокъ же крику дергуна не боится.

Бывало, въ иной вечеръ охотники съ четырьмя ястребами приносили болѣе двухъ-сотъ перепелокъ. Это цѣлый ворохъ. За позднимъ временемъ, некогда и темно было чистить и щипать птицу, потому всѣхъ перепелокъ раскладывали на большомъ лубкѣ, заранѣе прилаженномъ на льду въ погребѣ. Это дѣлалось сколько для того, чтобы невыпотрошенная дичь не испортилась, столько же и для того, чтобы она хорошенько охолодѣла. Теплую, жирную перепелку щипать невозможно, потому-что съ выдернутыми перышками будетъ отставать и прорываться кожа, растянутая жиромъ до необыкновенной тонины. На другой день, рано поутру, въ прохладной западной тѣни погреба начиналась шумная работа: повара потрошили, а всѣ дворовыя и горничныя дѣвушки и дѣвочки, пополамъ со смѣхомъ, шутками и бранью, щипали перепелокъ; доставалось тутъ охотникамъ, которыхъ въ шутку называли «побродяжками», за ихъ многочисленную добычу, безъ шутокъ надоѣдавшую всѣмъ, потому-что эту пустую работу надобно было производить осторожно и медленно, не прорывая кожи, за чѣмъ строго смотрѣла ключница. Перепелокъ сушили, коптили, а всего болѣе солили. Сначала употребляли въ пищу свѣжихъ, въ пастетахъ, соусахъ и жареныхъ на сковородѣ въ сметанѣ; но скоро онѣ, по своей приторности, такъ надоѣдали, что никто не могъ смотрѣть на нихъ безъ отвращенія.—Число затравленныхъ перепелокъ зависѣло не отъ числа пріисканныхъ собакою, а отъ силы ястреба и, главное, отъ того, что поймавъ перепелку, онъ иногда слишкомъ злобится, когтитъ, не даетъ отнять своей добычи, и время уходитъ даромъ; впрочемъ, у молодаго ястреба это добрый знакъ. Травля тогда бываетъ вполнѣ успѣшна, когда ястребъ немедленно выпускаетъ изъ когтей перепелку, какъ скоро охотникъ наложитъ на нее руку. Это послѣднее дѣлаетъ только ястребъ старый, пересидѣвшій зиму въ садкѣ; впрочемъ, и молодой гнѣздарь къ концу осени уже перестаетъ сердиться или, лучше сказлть, упрямиться, и легко уступаетъ свою добычу охотнику.

Digitized by Google

Живо воображая себѣ эту охоту теперь, съ удовольствіемъ и вмѣстѣ съ удивленіемъ вспоминаю, какъ я увлекался ею въ ребячествѣ, и какіе страстные охотники были до нея мои товарищи, люди пожилые и даже старики! Въ другихъ губерніяхъ, напримѣръ въ Курской, травля перепелокъ составляетъ промыселъ однодворцевъ; но въ Оренбургской губерніи, кажется, и до сихъ поръ никто не охотится за ними для выгодъ денежныхъ. Тогда у насъ было три охотника, я четвертый; соревнованіе кипѣло горячее: чей ястребъ лучше и кто затравитъ перепелокъ больше! Бывало, не знаешь, что̀ дѣлать отъ нетерпѣнія, отъ ожиданія, когда жаръ посвалитъ и можно будетъ ѣхать въ поле. Охотники не позволяютъ травить въ жаркіе дни часовъ до пяти по-полудни, утверждая, что ястребъ залѣнится и заиграетъ. Это точно иногда бываетъ. Въ такомъ случаѣ, если ястребъ какъ-нибудь улетитъ совсѣмъ и черезъ нѣсколько дней будетъ пойманъ, надобно продержать его нѣкоторое время въ садкѣ, чтобы онъ забылъ свой побѣгъ, и потомъ вынашивать вновь, хотя не такъ уже строго. Впрочемъ, и собакѣ искать, и охотнику ходить, конечно, въ жаръ тяжело; но въ дни сѣренькіе, или къ осени, уже прохладные, какъ скоро ястребъ скинетъ погадку, можно хоть съ утра идти съ нимъ въ поле. Травишь, бывало, до ночи, и всякой разъ ропщешь, что скоро садится солнышко и рано наступаютъ сумерки! По захожденіи солнца перепелки сидятъ уже не такъ крѣпко, летятъ шибче, поднимаются отъ земли выше и перемѣщаются дальше; ястребъ же утомился, ловитъ не жадно, и нерѣдко случается, что онъ не догоняетъ перепелокъ легкихъ, то-есть не такъ разжирѣвшихъ, *чекушъ*, какъ ихъ называютъ охотники, потому-что онѣ на лету кричатъ похоже на слоги: *чекъ, чекъ, чекъ,*—не догонитъ, повернетъ назадъ и прямо сядетъ на руку охотника или на его картузъ, если онъ не подставитъ руки. Это называется: «ястребъ ходитъ на руку съ оборотомъ».—Нечего дѣлать, надо возвращаться домой; сядешь на охотничьи дрожки и ѣдешь шагомъ, кормя дорогой ястреба и пересчитывая въ умѣ затравленныхъ перепелокъ. Замѣчательно, что этотъ счетъ никогда не бываетъ вѣренъ: какъ не считаешь аккуратно—всегда ошибаешься, хоть одной штукой, а иногда двумя и тремя.—Безъ сомнѣнія, главное удовольствіе въ охотѣ доставляетъ рѣзвость, ловчивость ястреба и доброе

Digitized by Google

чутье и вѣжливость легавой собаки. Они такъ свыкаются между собою, что это удивительно: ястребъ такъ умѣетъ различать поискъ собаки, что по ея движеніямъ и по маханью хвостомъ знаетъ, когда она близко добирается до перепелки, особенно понимаетъ стойку собаки: онъ уже не спускаетъ съ нея глазъ, блестящихъ какой-то пронзительною ясностію, весь подберется, присядетъ, наклонится впередъ и готовъ броситься каждое мгновеніе. Ястребъ уже совершенно не боится приближенія собаки, не слетаетъ съ нашеста или колодки, когда она подходитъ, и часто подъ самымъ ея рыломъ щиплетъ пойманную добычу. Если ястребъ безъ бубенчика, и свалится съ перепелкой въ высокую траву или нежатый хлѣбъ, то для скорѣйшаго отысканія его обыкновенно употребляютъ собаку, и она, найдя ястреба, который притаится и приляжетъ въ травѣ, сдѣлаетъ стойку и начнетъ махать хвостомъ отъ удовольствія; если же охотникъ далеко, и ее не видитъ въ густомъ хлѣбѣ, то начинаетъ лаять. Если ястребъ такъ свыкается съ собакой, то еще болѣе привыкаетъ къ своему хозяину: у другаго охотника онъ долго не будетъ такъ ловить и особенно ходить на руку, какъ у того, кто его выносилъ и охотился съ нимъ сначала. Когда перепелки жирны, а ястребъ рѣзовъ и силенъ, то можно не подходить очень близко къ найденной перепелкѣ, а велѣть собакѣ издали испугать ее; тогда на дальнемъ разстояніи можно дольше любоваться рѣзвостью ловчей птицы. Иные горячіе охотники крикомъ поощряютъ въ это время своего ястреба, какъ псовые охотники собакъ: «Эхъ, милый! ну,—ну,—ну, подцѣпи; не промахнись!» и пр. и пр. Про лихаго ястреба говорятъ, что онъ какъ пуля догоняетъ перепелку.

Самая богатая, добычливая травля перепелокъ бываетъ во второй половинѣ августа, и, смотря по погодѣ, иногда въ началѣ сентября, перепелки превратятся въ жиръ, отяжелѣютъ, и пролетѣвъ нѣсколько шаговъ, падаютъ на землю; даже не видя ястреба, поднимаются неохотно, а завидя его, лежатъ такъ плотно, что мнѣ случалось брать ихъ руками; невѣжливая и поваженная къ тому собака переловитъ много такихъ перепелокъ. Съ особенною жадностью охотишься, бывало, въ началѣ сентября, потому-что каждый день ожидаешь перемѣны въ погодѣ и начала *пропаданья* перепелокъ: никакъ

Digitized by Google

нельзя сказать, что онѣ отлетаютъ,—они именно пропадаютъ съ каждымъ днемъ. Это всегда случается при наступленіи холоднаго ненастья, особенно съ сѣвернымъ вѣтромъ или морозомъ. Первое уменьшеніе гораздо значительнѣе и замѣтнѣе, а потомъ съ каждымъ днемъ травишь менѣе и спустишься штукъ на шесть, на пять. Тутъ всѣ охотники обыкновенно бросаютъ травлю; но я продолжалъ ее упорно; ѣздилъ и ходилъ цѣлые дни по всѣмъ любимымъ мѣстамъ исчезающихъ перепелокъ, какъ-то: по широкимъ межамъ, которыя въ Оренбургской губерніи бываютъ въ сажень ширины, поросшимъ густою травою и мелкимъ кустарникомъ чилизника, бобовника и вишенника, по залежамъ, начинающимъ лужать и заростающимъ круговинами необыкновенно мягкою и густою шелковистою травкою; также по жнивью, зазеленѣвшему по мѣстамъ длинными полосами казульки, жабры и череды, а всего лучше около нежатаго просянища, брошеннаго за малостью урожая. Не одинъ десятокъ верстъ проѣдешь и исходишь, бывало, чтобы затравить одну перепелку.... наконецъ нѣтъ ни одной, на другой день то же — надобно посадить ястреба на зимнюю квартиру.

Пороки ястребовъ бываютъ слѣдующіе: часто случается, что молодой ястребъ *охватывается* и проносится мимо перепелки, или даже садится за ней на траву, а перепелка, особенно легкая, пробѣжавъ немного, быстро поднимается и возьметъ большой передъ; ястребъ же, оправившись, если и погонится за ней, то уже не догонитъ; иногда даже схватитъ повидимому перепелку на-лету и вмѣстѣ съ нею упадетъ на землю: охотникъ подбѣгаетъ и находитъ, что ястребъ держитъ въ когтяхъ траву или какой-нибудь прутикъ, а перепелки и слѣдъ простылъ. Это показываетъ или горячность, которую охотники выражаютъ словомъ *обзарился*, или — слабость въ ногахъ; первое пройдетъ отъ опытности, а второе, если не происходитъ отъ худобы случайной, бываетъ неисправимо. Худобу же поправить легко: стоитъ дня два поменьше травить, побольше кормить парнымъ мясомъ и побольше давать спать, однимъ словомъ—понатѣлить ястреба. Иногда бываетъ совсѣмъ противное: ястребъ плохо ловитъ отъ лѣни, отъ того, что жиренъ; такого, разумѣется, слѣдуетъ повыморить: поменьше кормить, побольше носить и не давать много спать. У сильныхъ

Digitized by Google

ястребовъ, даже у несытыхъ, встрѣчается иногда особенный недостатокъ: они *носятъ*—говоря по-охотничьи, то-есть, поймавъ перепелку, не сейчасъ опускаются на землю, а летятъ съ нею саженъ пятьдесятъ, а иногда сто, и потомъ опускаются; это очень скучно и утомительно. Для избѣжанья такого невзгодья, подлѣпляютъ у ястреба воскомъ, въ самыхъ корняхъ, пріемные когти, чтобъ они сдѣлались короче, и чтобъ ястребъ, опасаясь, что перепелка вырвется, сейчасъ опускался съ нею въ траву. Наконецъ попадаются ястреба просто глупые, тупые, не рѣзво летающіе, лѣнтяи и ротозѣи; они по большей части слабосильны, и такихъ надо выпускать на волю. Хорошаго ловца можно узнать съ перваго взгляда: на рукѣ онъ сидитъ бодро и весело, перо лежитъ у него гладко, головка маленькая, спина широкая, станъ круглый, посадка стойкой, ноги здоровыя и крѣпкія, но не длинныя, емь большая, пальцы твердые, когти острые, умѣренно-круглые (не хорошо, когда они пологи; еще хуже, если слишкомъ круто загнуты), глаза живые и пронзительные. Вѣрной примѣтой считается, что ястребъ хорошъ, — если у него на хвостѣ находится семь «черней», то-есть семь поперечныхъ темныхъ полосъ. Всѣ противоположные признаки изобличаютъ ястреба посредственнаго или плохаго.

Травля ястребами-перепелятниками другой дичи, кромѣ перепелокъ и коростелей, весьма незначительна, и обыкновенные охотники ею не занимаются, развѣ представится очень благопріятный случай самъ собою. Но я любилъ эти опыты и пробовалъ травить жадными перепелятниками тетеревятъ, которыхъ они берутъ очень хорошо, если выводка захвачена въ чистомъ полѣ и если тетеревята малы, а какъ скоро зайдутъ за полтетерева, то такихъ уже догнать не могутъ, да и не удержатъ; дупелей также берутъ хорошо, если они очень жирны и поднимаются изъ-подъ самаго рыла собаки; но если чуть подальше, то не догоняютъ. Я затравилъ въ продолженіе моей охоты съ ястребами одного жирнаго осенняго валдшнепа совершенно нечаянно, думая, что собака ищетъ по коростелю въ лѣсной опушкѣ; затравилъ двухъ чирковъ и одного болотнаго молодаго кулика; голубей русскихъ перетравилъ множество, а также галокъ и сорокъ; но только два ястреба изъ нѣсколькихъ десятковъ ловили у меня отлично послѣднихъ трехъ птицъ.

Digitized by Google

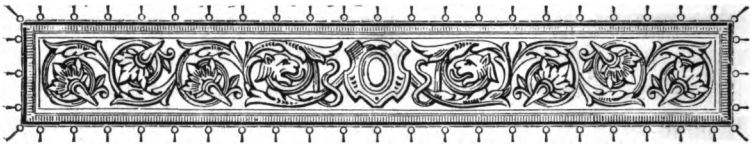
По мнѣнію охотниковъ, ихъ потому беретъ не всякій ястребъ, что голубь очень силенъ, галка черна, а сорока щекочетъ и больно дерется клювомъ и ногами. Первая и послѣдняя — причины справедливыя и весьма уважительныя: но точно ли не нравится черный цвѣтъ ястребу—утверждать не могу. Вся хитрость состоитъ въ томъ, что ястребу надобно нечаянно, изъ-за чего нибудь, близко налетѣть на этихъ птицъ; въ противномъ случаѣ онъ ихъ не догонитъ. Одинъ охотникъ при мнѣ травилъ сорокъ, даже зимой, старымъ ястребомъ, но вотъ какимъ образомъ: онъ выбрасывалъ кости и всякой соръ подъ самымъ окошкомъ своей избы, сороки налетали, а онъ поднималъ тихонько оконницу, подносилъ ястреба, который, возрясь въ сорокъ, бросался и захватывалъ которую-нибудь почти на мѣстѣ. Этотъ охотникъ, въ продолженіе всей зимы, почти ежедневно травилъ такимъ образомъ сорокъ и кормилъ ими ястреба, который оставался совершенно здоровъ, начиналъ линять очень рано, въ началѣ мая, и совершенно поспѣвалъ къ травлѣ еще въ концѣ іюня мѣсяца: очевидно, что мясо сорокъ хищнымъ птицамъ здорово. Во время линянья надобно ястреба посадить въ садокъ, хорошо кормить и не трогать. Ястреба могутъ жить у добраго и попечительнаго охотника по нѣскольку лѣтъ; годъ отъ года становятся они перомъ свѣтлѣе, бѣлесовѣе и наконецъ сдѣлаются какъ-будто сѣдые. У меня не жили ястреба болѣе двухъ зимъ и всегда погибали отъ какого-нибудь недосмотра; одинъ изъ нихъ улетѣлъ во вторую зиму и не воротился: я полагаю, что онъ какъ-нибудь погибъ, потому-что былъ очень рученъ и большой пискунъ. Надобно замѣтить, что нѣкоторые гнѣздари пищатъ, когда проголодаются, а другіе—никогда.

Я помню у одного охотника ястреба шести осеней; это была чудная птица: бралъ все, что̀ ни попало, даже грачей; въ разное время поймалъ болѣе десяти валдшнеповъ; одинъ разъ вцѣпился въ сѣрую дикую утку (полукрякву) и долго плавалъ съ ней по пруду, несмотря на то, что утка ныряла и погружала его въ воду; наконецъ она бросилась въ камышъ, и ястребъ отцѣпился; утокъ-чирятъ ловилъ при всякомъ удобномъ случаѣ; въ шестое лѣто онъ сталъ не такъ рѣзовъ, и умеръ на седьмую зиму внезапно, отъ какой-то болѣзни; онъ былъ такъ уменъ, что идя въ поле, охотникъ не бралъ его на руку, а только отворялъ чуланъ, въ которомъ онъ си-

Digitized by Google

дѣлъ,—ястребъ вылеталъ и садился на какую-нибудь крышу; охотникъ не обращалъ на него вниманія и отправлялся куда-ему надобно; черезъ нѣсколько времени, ястребъ догонялъ его и садился ему на голову или на плечо, если хозяинъ не подставлялъ руки; иногда случалось, что онъ долго не являлся къ охотнику, но подходя къ знакомымъ березамъ, мимо которыхъ надо было проходить (если идти въ эту сторону), охотникъ всегда находилъ, что ястребъ сидитъ на деревѣ и дожидается его; одинъ разъ прямо съ дерева поймалъ онъ перепелку, которую собака спугнула нечаянно, потому-что тутъ прежде никогда не бывало перепелокъ. У этого ястреба можно было взять изъ когтей птицу совершенно живую и неповрежденную и посадить въ садокъ на зиму, что̀ часто и дѣлали; только охотникъ накладывалъ руку на пойманную имъ перепелку, какъ ястребъ выпускалъ ее изъ когтей и отпрыгивалъ въ сторону. Повидимому въ немъ уже не было собственной жадности, и онъ ловилъ такъ, по привычкѣ, или какъ бы для удовольствія своего хозяина. Можно себѣ представить, что съ такой умной птицей удовольствіе травли несказанно увеличивалось. Вѣроятно на слѣдующій годъ ястребъ сталъ бы ловить еще тупѣе, но любопытно было бы наблюдать его старость и постепенный упадокъ силъ. Несмотря на то, что охотникъ его былъ человѣкъ самый простой и грубый, онъ плакалъ о своемъ лихомъ посѣдѣломъ ловцѣ, и всегда говорилъ: «нѣтъ, мнѣ ужъ не нажить такого ястреба.»

Digitized by Google



ПРИЛЕТЪ ДИЧИ

и

НѢКОТОРЫХЪ ДРУГИХЪ ПТИЦЪ,

ВЪ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Предлагаю мои охотничьи замѣтки о прилетѣ дичи, съ 1811-го по 1826-й годъ включительно, кромѣ 1812-го, 1816 и 1821-го годовъ. Первые восемь лѣтъ я жилъ въ Бугурусланскомъ уѣздѣ, Оренбургской губерніи, что нынѣ Самарская; а послѣдніе пять—въ Белебѣевскомъ уѣздѣ, который и теперь составляетъ часть Оренбургской губерніи. Числа прилета птицы записывались тѣ, въ которыя поднимали дичь *съ земли*, или когда видѣли ее сидящую на водѣ и деревьяхъ, а не тѣ, въ которыя видѣли птицу пролетающую въ вышинѣ. Пролётъ не то, что прилётъ; пролётъ совершается почти всегда ночью, или по зарямъ, всегда высоко, и свѣдѣнія о немъ бываютъ иногда слишкомъ нѣточны. Прилётъ значитъ появленіе птицы на мѣстахъ ея обыкновеннаго жительства.

1811-й годъ.

(ВЪ БУГУРУСЛАНСКОМЪ УѢЗДѢ).

Мѣсяцъ мартъ.

14. Прилетѣли грачи.
20. Клинтухи.
21. Скворцы.

Digitized by Google

22. Жаворонки.
25. Дрозды.
27. Пиголицы. Гусей и лебедей видѣли гораздо ранѣе.
30. Появились по рѣкѣ и по материку пруда нырки.

Апрѣль.

10. Съ этого дня началась дружная весна; птица летѣла всякая.
10. Поднялъ валдшнепа.
12. Появились бекасы и кулички-травники.
13. Утки всѣхъ крупныхъ породъ и кулички-зуйки.
16. Чирки.
18. Болотные кулики.
20. Кроншнепы и дуппельшнепы.
22. Гаршнепы.
25. Стрепета и журавли.

Стрѣльба тетеревовъ съ подъѣзда осенью, сначала на дрожкахъ, а потомъ на саняхъ, продолжалась до 27-го ноября и прекратилась за углубленіемъ снѣга.

1813-й годъ.

Февраль.

28. Нашелъ двухъ крохалей или гагаръ на родниковомъ озеркѣ, которое не мерзло и зимой. Должно заключить, что это были утки зимовыя, потому-что въ мартѣ не было совсѣмъ прилета птицы, кромѣ грачей, которые показались 18-го.

Апрѣль.

2. Съ этого числа, по ночамъ и по зарямъ начался валовой пролётъ дичи, особенно утокъ; но на мѣстахъ около рѣки, въ разстояніи десяти верстъ, я нигдѣ не могъ найти даже одной птички.
6. Наконецъ явились необыкновенно запоздавшіе клинтухи и скворцы.
7. Пиголицы, дрозды большіе и малые, а къ удивленію

Digitized by Google

моему, поручейники и черныши. Тепла было очень мало, а потому мало и проталинъ; не смотря на то

8. показались бекасы, которымъ сидѣть было совсѣмъ негдѣ.
9. Появились нырки по рѣкѣ стаями, чего никогда не бываетъ: они показываются всегда парами или въ одиночку. Началось тепло.
12. Вездѣ шатались травники. Поднялъ въ саду валдшнепа. Появились всѣ породы утокъ.
14. Показалось множество мелкихъ куличковъ.
15. Дуппельшнепы.
19. Кроншнепы.
21. Гаршнепы.
26. Журавли.
30. Стрепета.

Стрѣльба тетеревовъ съ подъѣзда продолжалась до 30-го ноября.

1814-й годъ.

Мартъ.

Прилетъ птицъ ранній.

8. Прилетѣли грачи.
12. Клинтухи.
20. Пиголицы.
22. Жаворонки.
25. Скворцы, дрозды и нырки.
27. Гуси, лебеди, крупныя утки, даже витютины, всегда прилетающія поздно.
30. Красноножки или щеголи и травники.
31. Вдругъ вездѣ появились валдшнепы.

Апрѣль.

3. Показались болотные и степные кулики и всѣ мелкіе кулички.
5. Бекасы.
10. Дупели.
12. Гаршнепы.
15. Горлинки.
22. Журавли и стрепета.

Digitized by Google

1815-й годъ.

Мартъ.

Прилетъ птицъ начался еще ранѣе.

3. Показались грачи.
9. Клинтухи по всѣмъ гумнамъ.
13. Не только нырки, но всѣ крупныя породы утокъ.

Воды, то-есть весеннихъ лужъ, не было нигдѣ, и потому всѣ утки садились по рѣкѣ, мало замерзавшей и зимою, и я никогда не убивалъ столько утокъ, даже въ апрѣлѣ, сколько убилъ въ этомъ году, въ мартѣ. Дни стояли красные, а по ночамъ морозы. Настъ образовался довольно крѣпкой, и ходить по немъ было очень ловко и легко, какъ по паркету.

17. Прилетѣли жаворонки; но гдѣ они сидѣли, неизвѣстно, потому-что проталинъ не было.
19. Оказались валдшнепы, дрозды и скворцы.
23. Убилъ бекаса, но потомъ они не появлялись до 3-го апрѣля.
26. Гуси, лебеди и журавли.

Апрѣль.

1. Дружная весна. Явились витютины и мелкіе кулички всѣхъ родовъ.
3. Болотные кулики.
5. Кроншнепы.
7. Дуппельшнепы и гаршнепы вмѣстѣ.
10. Снѣгъ сошелъ. Вездѣ по полямъ показалось множество стрепетовъ. Два раза выпадалъ потомъ снѣгъ съ морозами и вѣроятно погибло много птицъ.

Въ 1816 году я воротился въ деревню уже къ осени. Стрѣльба тетеревовъ съ подъѣзда была необыкновенно добычлива и продолжалась до 7-го декабря.

Digitized by Google

1817-й годъ.

Февраль.

28. Показались клинтухи на гумнахъ и свиристели. Клинтуховъ было очень много.

Мартъ.

6. Прилетѣли грачи.
7. Убилъ на рѣкѣ малаго рода гагару. Клинтухи попадались вездѣ, но до 4-го апрѣля никакой прилетной птички не было, кромѣ жаворонковъ, прилетѣвшихъ на Благовѣщеніе. Время стояло холодное и проталинъ не было.

Апрѣль.

4. Показались пиголицы.
5. Дрозды большіе и малые. Начало сильно таять.
9. Черные кулички и зуйки.
10. Бекасы, витютины, нырки, гуси и видѣли лебедей.
11. Валдшнепы, дуппельшнепы, травники и другіе мелкіе кулички.
15. Крупныя породы утокъ.
17. Болотные кулики.
18. Кроншнепы и чирки во множествѣ.
20. Гаршнепы.
22. Болотные коростели (погоныши).
26. Журавли, которые впрочемъ летѣли уже давно, и стрепета. Стрѣльба тетеревовъ съ подъѣзда продолжалась до 20-го ноября.

Прилетъ горлинокъ, погонышей, кречетокъ, курухтановъ болотныхъ и сивокъ рѣдко отмѣчался въ моихъ запискахъ, а прилета луговыхъ коростелей, перепелокъ и болотныхъ куръ — нѣтъ совсѣмъ. Это значитъ, что они прилетали или оказывались поздно, когда я уже переставалъ записывать прилетъ дичи.

Digitized by Google

1818-й годъ.

Мартъ.

12. Прилетѣли грачи.
25. Клинтухи, жаворонки и скворцы.
28. Нырки.
31. Дрозды и чибисы. Большой дроздъ-рябинникъ былъ застрѣленъ мною зимой въ январѣ, въ верхней уремѣ рѣки Бугуруслана, гдѣ она мѣстами не мерзла.

Апрѣль.

2. Бекасы.
3. Кулички-травники.
4. Гуси (одного убилъ), черные кулички и зуйки.
6. Крупныя утки и болотные кулики.
7. Дуппельшнепы.
9. Витютины, чирята и всѣ породы мелкихъ куличковъ.
11. Гаршнепы.
13. Кроншнепы и озимыя куры (сивки).
25. Рѣчные кулики и курухтаны. Долго стояли холода и выпадалъ снѣгъ при морозахъ.

Май.

2. Появились журавли на поляхъ.
6. Стрепета.
20. Погоныши.

Осенью 31-го августа и 2-го сентября было много, въ сравненіи съ другими годами, пролетныхъ щеголей или красноножекъ. Стрѣльба съ подъѣзда тетеревовъ продолжалась только до 11-го ноября, по множеству выпавшаго снѣга.

1819-й годъ.

Мартъ.

19. Прилетѣли грачи.
22. Клинтухи.
26. Жаворонки и скворцы.
29. Пиголицы и дрозды.

Digitized by Google

Апрѣль.

2. Показались кряковныя утки.
5. Нырки. Было 13 градусовъ морозу.
8. Валдшнепы, въ кустахъ около рѣки.
9. Болотные кулики.
10. Бекасы.
11. Дуппельшнепы и гаршнепы вмѣстѣ, большими высыпками, по размокшимъ луговинамъ. Кроншнепы и малые дрозды.
12. Черные кулички и зуйки, утки-шилохвости и сѣрыя.
14. Кулички-травники, утки-чирята и пиголицы, опоздавшія очень много противъ обыкновенія.
19. Витютины и горлинки.
21. Журавли и сивки.
23. Стрепета.
30. Высыпки турухтановъ.

1820-й годъ.

Мартъ.

12. Прилетѣли грачи.
22. Клинтухи, жаворонки, скворцы, нырки и кряковныя утки.
23. Большіе дрозды и гуси.
26. Пиголицы.
30. Бекасы.

Апрѣль.

2. Журавли и лебеди (одного убилъ).
3. Черные кулички и зуйки.
4. Травники.
8. Чирята и всѣ другія крупныя и мелкія утки; дуппельшнепы и болотные кулики.
13. Гаршнепы и красноножки.
16. Всѣ мелкіе кулички.
19. Кроншнепы и стрепета.
22. Витютины и журавли.
28. Болотные коростели или погоныши.

Digitized by Google

1822-й годъ.

(Въ Белебеевскомъ уѣздѣ).

Мартъ.

12. Прилетѣли грачи.
22. Скворцы, клинтухи, и видѣлъ гусей.
24. Жаворонки.

Апрѣль.

6. Пиголицы.
8. Болотные кулики, кроншнепы, нырки, дрозды большіе и малые.
10. Бекасы и дуппельшнепы вмѣстѣ. — Близко болотъ отъ меня не было, и вся прилетная птица оказывалась по лужамъ на прошлогоднихъ жнивахъ.
11. Чирки, клинтухи и кулички-травники.
13. Гаршнепы, тоже по жнивѣ и лужамъ.

16-го апрѣля выпалъ снѣгъ въ поларшина глубиною и не сходилъ трое сутокъ; какъ только показались проталины, то на нихъ свалилась всякая птица: болотная, водяная, степная и лѣсная. Такъ что я билъ на одной и той же проталинѣ: витютиновъ, утокъ и куликовъ.

26. Появились сивки или озимыя куры.

Май.

4. Вдругъ оказались вездѣ стрепета.
9. Кречетки. — Подъѣздъ къ тетеревамъ продолжался до 8-го ноября.

1823-й годъ.

Мартъ.

15. Прилетѣли грачи.
20. Клинтухи.
27. Жаворонки.

Digitized by Google

28. Пиголицы.
30. Скворцы и дрозды.

Апрѣль.

1. Убилъ чернаго дрозда, какого никогда не видали въ Белебеевскомъ уѣздѣ. — Появились дрозды малаго роду.
4. Кряковныя утки, крохали и нырки.
9. Бекасы и витютины.
11. Кроншнепы и болотные кулики.
12. Дуппельшнепы и чирята.
13. Гаршнепы.
15. Валдшнепы.
20. Стрепета.
24. Озимыя куры и погоныши.
26. Журавли.

Май.

3. Кречетки. — Подъѣздъ къ тетеревамъ прекратился 20-го октября, по глубинѣ рано выпавшаго во множествѣ снѣга.

1824-й годъ.

Мартъ.

11. Прилетѣли грачи.
20. Клинтухи и крупныя утки. Видѣли лебедей.
21. Скворцы и дрозды.
23. Пиголицы. До 4-го апрѣля птица не показывалась за стужей. Весны и признака не было.

Апрѣль.

4. Дружная весна, и въ одинъ день я увидѣлъ всю птицу: всякихъ утокъ, журавлей, болотныхъ и степныхъ куликовъ, травниковъ, чернышей и бекасовъ.
7. Показались валдшнепы во множествѣ.
8. Дупели и гаршнепы.
15. Стрепета и кречетки.
29. Озимыя куры.
30. Погоныши.

Digitized by Google

Октября 18-го я убилъ бекаса въ степи, около большой лужи, когда уже лежалъ и шелъ сильный снѣгъ, котораго 19-го октября выпало столько, что подъѣздъ къ тетеревамъ прекратился. Въ этотъ же годъ снѣгъ засталъ стрепетовъ еще не улетѣвшихъ, и я отыскивалъ ихъ по слѣдамъ, какъ куропатокъ.

1825-й годъ.

Мартъ.

22. Прилетѣли грачи.
28. Клинтухи и жаворонки.
30. Скворцы и пиголицы.

Апрѣль.

1. Гуси.
3. Кроншнепы и травники. Видѣлъ пару пролетѣвшихъ бекасовъ.
4. Утки всѣхъ родовъ и дрозды.
5. Лебеди и болотные кулики.
8. Бекасы показались на мѣстахъ.
10. Дупели и гаршнепы вмѣстѣ, высыпками.
14. Журавли.

Это былъ замѣчательный прилетъ: самыя раннія, первыя четыре прилетныя птицы появились очень поздно; но за то вся остальная птица прилетѣла ранѣе другихъ годовъ, такъ что 14-го апрѣля была вся уже дома, кромѣ стрепетовъ, кречетокъ и озимыхъ куръ, которыя очень запоздали.

Май.

10. Кречетки.
12. Стрепета.
14. Сивки или озимыя куры. Подъѣздъ къ тетеревамъ продолжался до 5-го ноября.

Digitized by Google

1826-й годъ.

Мартъ.

Прилетъ самый поздній, хотя время стояло обыкновенное.

28. Прилетѣли грачи.

Апрѣль.

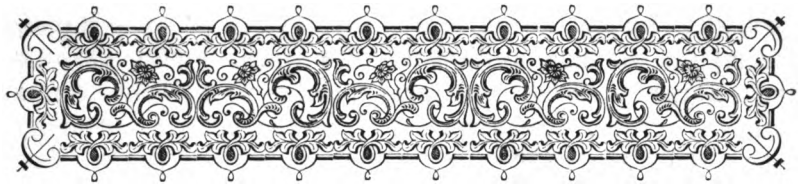
7. Скворцы и жаворонки.
10. Дрозды.
12. Пиголицы.
16. Нашелъ всю птицу прилетѣвшую вдругъ, какъ то: валдшнеповъ, дупелей, бекасовъ, и гардшнеповъ, кроншнеповъ, болотныхъ куликовъ, травниковъ и утокъ всѣхъ породъ; остальная птица появилась опять послѣ долгаго промежутка.

Май.

4. Явились стрепета, кречетки и озимыя куры.
10. Болотные коростельки или погоныши.

Объ отлетѣ дичи у меня, къ сожалѣнію, нѣтъ замѣтокъ. Причина очевидная: я съ жаромъ занимался охотой и не записывалъ постоянно убыли въ породахъ дичи, хотя не могъ не замѣтить ее. Скажу однако вообще, что птица — пропадаетъ въ Оренбургской и Самарской губерніяхъ въ слѣдующемъ порядкѣ: въ концѣ августа, иногда и въ половинѣ, улетаютъ кроншнепы (всегда прежде всѣхъ), болотные кулики и всѣ породы мелкихъ куличковъ; за ними клинтухи и витютины, а горлинки прежде ихъ. Потомъ дуппельшнепы, за ними бекасы и наконецъ гаршнепы и валдшнепы. Изъ утиныхъ породъ — ранѣе улетаютъ чирки, но утки держатся до ноября. Гуси начинаютъ летѣть въ исходѣ августа, но держатся иногда, независимо отъ летящихъ, до половины сентября. Отлетъ журавлей бываетъ въ иные года очень ранній и тянется очень долго. Мнѣ случалось замѣчать летящихъ журавлей въ исходѣ іюля и въ исходѣ сентября: это два мѣсяца! — Народная примѣта, что ранній отлетъ журавлей значитъ раннюю зиму, не всегда сбывается.

Digitized by Google



ЛОВЛЯ ШАТРОМЪ

ТЕТЕРЕВОВЪ И КУРОПАТОКЪ.

Вѣроятно, двѣ трети тетеревовъ и сѣрыхъ куропатокъ (особенно послѣднихъ), потребляемыхъ въ Россіи въ огромномъ количествѣ, крыты шатрами. Хотя эту охоту положительно можно назвать *добычливою*, въ промышленномъ значеніи этого слова; но въ скучное безконечное зимнее время, въ отдаленной деревнѣ, за отсутствіемъ всѣхъ другихъ охотъ, можно и ею заняться съ удовольствіемъ. Я знавалъ многихъ людей, большихъ охотниковъ «крыть тетеревовъ и куропатокъ». Я самъ въ ранней молодости горячо имъ сочувствовалъ и много ѣзжалъ со стариками, несмотря ни на какую погоду, не только крыть уже приваженную птицу, но даже разставлять привады, — что̀ вѣроятно не многимъ можетъ понравиться. Эта охота имѣетъ свои тонкости, свое знанье дѣла, свое умѣнье, свои удачи и неудачи, слѣдственно имѣетъ свой интересъ.

Шатромъ называется сѣть, связанная изъ суровыхъ, посконныхъ и преимущественно конопляныхъ крѣпкихъ нитокъ. Эта птицеловная снасть представляетъ подобіе колпака или воронки, или, всего ближе — островерхой палатки, *шатра*, отчего и названа очень вѣрно этимъ послѣднимъ именемъ. Квадратныя ячейки шатровой тетеревиной сѣти имѣютъ въ по-

Digitized by Google

перечникѣ, вверху шатра, одинъ вершокъ, а внизу — полтора вершка; эта ширина необходима для того, чтобы накрытая птица могла свободно просунуть голову и шею до самыхъ крыльевъ; чтобъ, обманутая этой свободой, она постоянно пробивалась, лѣзла впередъ, а никакъ не вздумала вынуть голову назадъ и выбѣжать изъ-подъ шатра. Цѣпкость сѣтки зависитъ отъ тонины нитокъ и ширины петель или ячеекъ. Чѣмъ нитки тоньше, а петли шире, тѣмъ лучше: само собою разумѣется, что нитки не должны рваться, а сквозь ячейки не должна пролѣзать птица. Величина шатра можетъ быть произвольная; но, по большой части, окружность его, когда шатеръ поставленъ и растянутъ, бываетъ въ десять саженъ.

Охотникъ, занимающійся ловлею шатромъ, еще съ осени наблюдаетъ за тетеревами и знаетъ: много ли ихъ, гдѣ они предпочтительно держатся и куда летаютъ кормиться. Какъ скоро выпадетъ порядочный снѣгъ, онъ ставитъ привады именно на тѣ мѣста, куда тетерева повадились летать за кормомъ. Привада состоитъ изъ нѣсколькихъ овсяныхъ необмолоченныхъ сноповъ, воткнутыхъ въ снѣгъ стоймя, разумѣется, кистями къ верху, и непремѣнно изъ кучи какой-нибудь соломы, сложенной копною въ четырехъ или пяти саженяхъ отъ привады: эта куча соломы впослѣдствіи преобразится въ шалашъ, въ которомъ будетъ сидѣть охотникъ, когда придетъ время крыть тетеревовъ. Разставивъ нѣсколько такихъ привадъ, охотникъ, дня черезъ два, начинаетъ ихъ осматривать, наблюдая слѣдующія предосторожности: 1-е) Онъ осматриваетъ привады на лошади, въ санкахъ, а не пѣшкомъ, и преимущественно въ полдень, когда тетерева уже побывали на кормовыхъ мѣстахъ и улетѣли на такія, гдѣ они обыкновенно отдыхаютъ, сидя на деревьяхъ, или на землѣ, если снѣгъ еще мелокъ. 2-е) Такъ какъ иногда случается, что тетерева полднюютъ недалеко отъ привадъ, то надобно приближаться къ нимъ весьма осмотрительно, то-есть, не подъѣзжать прямо къ привадѣ, не вылѣзать изъ саней и не подходить къ ней, а проѣхать мимо поближе (ибо человѣка, ѣдущаго на саняхъ, тетерева не боятся), такъ, чтобъ можно было разглядѣть: бываютъ тетерева на привадѣ или нѣтъ? 3-е) Если слѣдовъ тетеревиныхъ много и снопы растрепаны, обиты и обдерганы, то надобно ихъ оправить и прибавить

Digitized by Google

свѣжихъ; но если тетерева сидятъ близко, то-есть въ виду, то ни подъ какимъ видомъ на приваду не ходить и даже не останавливаться. Оправку старыхъ сноповъ и прибавку новыхъ можно сдѣлать на другой день; а если опять тетерева будутъ сидѣть неподалеку, то сдѣлать все это рано поутру, то-есть на зарѣ, до ихъ вылета, или поздно вечеромъ, когда они сядутъ на ночевку. Въ свѣтлыя, мѣсячныя ночи оправляютъ привады даже по ночамъ; впрочемъ, многіе охотники дѣлаютъ это всегда на утренней зарѣ, для того, чтобы къ прилету тетеревовъ привады находились въ хорошемъ видѣ: это имѣетъ свою полезную сторону. Въ снѣжную, буранную (по-оренбургски) погоду необходимо каждый день ѣздить на привады и отряхивать снопы отъ снѣга, чтобъ они были виднѣе и приманчивѣе. Необходимо также отряхивать снѣгъ съ копны соломы для того, чтобъ тетерева привыкли постоянно видѣть будущій шалашъ.

Если привада стоитъ недѣли двѣ, не посѣщаемая тетеревами, и даже по близости ихъ не видно, то надобно ее перенесть на другое мѣсто; какъ же скоро на нѣкоторыхъ привадахъ тетерева начнутъ ѣсть, то всѣ другія около нихъ слѣдуетъ уничтожить совершенно и закидать снѣгомъ, чтобъ онѣ тетеревовъ не развлекали въ разныя стороны. Ходъ тетеревовъ на привады загадочное дѣло! Въ иной годъ идутъ очень хорошо, а въ другой очень плохо; бываютъ года, что нейдутъ совсѣмъ: такъ что гдѣ крыли въ зиму паръ по двѣсти — не покроютъ и двухъ десятковъ. Иногда это можно объяснить случайнымъ изобиліемъ кормовъ (если хлѣбъ остался въ полѣ несжатымъ), малоснѣжностью зимы, отсутствіемъ сильныхъ морозовъ; *) но иногда нѣтъ ни одной изъ вышесказанныхъ причинъ, тетеревовъ много, а тетерева нейдутъ на привады, да и только! Не одинъ разъ видалъ я, какъ большія тетеревиныя стаи сидятъ кругомъ привады и щиплютъ себѣ тощія березовыя почки или ольховыя шишки, поглядываютъ умильно

*) Въ малоснѣжныя зимы, хлѣбныя жнивы и озими иногда до февраля мало бываютъ покрыты снѣгомъ, и тетерева по привычкѣ продолжаютъ летать на нихъ, для отыскиванья корма. Въ теплыя же зимы, по мнѣнію охотниковъ, тетерева мало ѣдятъ и довольствуются одними древесными почками. Въ обоихъ случаяхъ, они не собираются въ большія стаи. Что холодъ возбуждаетъ аппетитъ у всѣхъ животныхъ — это дѣло извѣстное.

Digitized by Google

на желтыя кисти овсяныхъ сноповъ и — не приближаются къ нимъ! Мало этого: изъ стаи въ паръ сорокъ, два или три тетерева всякой день слетятъ на приваду и ѣдятъ овсяныя зёрна досыта, а всѣ другія только смотрятъ. Послѣднее обстоятельство тѣмъ удивительнѣе, что тетерева имѣютъ, всѣмъ охотникамъ извѣстное, баранье свойство: куда полетѣлъ и гдѣ сѣлъ одинъ — туда полетятъ и тамъ сядутъ всѣ. На этомъ-то основаніи, для бо́льшаго привлеченья тетеревовъ, сначала къ привадѣ, потомъ подъ шатеръ, употребляютъ тетеревиныя чучела; въ первомъ случаѣ ставятъ ихъ на длинныхъ шестахъ *около* привады; а въ послѣднемъ на снопы, лежащіе на самой привадѣ. Иногда такая приманка бываетъ очень полезна.

Привада, на которой ѣдятъ постоянно тетерева, получаетъ понемногу свой окончательный видъ, то-есть: въ серединѣ привады становится шестъ, аршина въ три вышиною, на которомъ будетъ держаться сѣть; около него, правильнымъ кругомъ, набиваются колышки, каждый четверти въ полторы, къ которымъ будутъ привязаны веревочками нижніе подборы шатра, — и наконецъ, куча соломы превращается въ шалашъ, въ которомъ могли бы помѣститься два человѣка. Если, послѣ всѣхъ этихъ добавленій, сдѣланныхъ не вдругъ, а постепенно, чтобъ измѣненіемъ вида привады не испугать тетеревовъ, станутъ они ежедневно и смѣло ѣсть кормъ — слѣдуетъ немедленно крыть птицу. День для сего выбирается не снѣжный и не вѣтреный: снѣгъ заноситъ приваду, налипаетъ на сѣть и можетъ даже повалить шатеръ, а вѣтеръ качаетъ его и также можетъ уронить; и то и другое обстоятельство, особенно послѣднее (то-есть качка шатра), пугаетъ тетеревовъ и они подъ шатеръ не пойдутъ; однимъ словомъ: чѣмъ морозъ сильнѣе и погода тише, тѣмъ лучше. На зарѣ, задолго до вылета тетеревовъ съ ночевки, охотникъ съ товарищемъ являются на привадѣ и разставляютъ шатеръ: узкимъ концомъ надѣваютъ его на шестъ, подложивъ подъ самый узелъ верхушки небольшую круглую дощечку; нижніе подборы или края привязываются тонкими и крѣпкими веревочками къ колышкамъ (которыхъ бываетъ до двадцати), шатеръ растягивается во всѣ стороны и совершенно представляетъ фигуру круглой, островерхой, огромной палатки. Нижніе края сѣти

Digitized by Google

поднимаются отъ поверхности снѣга (нѣсколько утоптаннаго) четверти на двѣ, чтобъ тетеревамъ было свободно и не страшно подходить подъ шатеръ. Къ шесту, на которомъ держится верхушка шатра, въ самомъ низу, привязана веревка, протянутая въ шалашъ: она засыпается слегка снѣгомъ, чтобъ ее не было видно. Шестъ, до того времени крѣпко воткнутый острымъ концомъ своимъ въ снѣгъ или землю, тогда обрубается гладко и устанавливается на маленькой дощечкѣ, для того, чтобы, дернувъ за веревку, легко было его уронить и мгновенно накрыть тетеревовъ упавшею на нихъ сѣтью. Устроивъ все хорошенько и затрусивъ свои слѣды, дощечку и веревку на самой привадѣ мякиной, а около нея снѣгомъ, — охотникъ съ товарищемъ садятся въ шалашъ, затыкаютъ входъ изнутри соломой и, притаясь, смирно дожидаются прилета тетеревовъ.

Долго тянется зимній разсвѣтъ и долго царствуетъ глубокая тишина. Скучно и душно сидѣть въ темномъ шалашѣ. Наконецъ свѣтъ проникаетъ въ его скважины, и на дворѣ наступаетъ *бѣлый день*, какъ говорится; послышится карканье воронъ и щекотанье сорокъ; потомъ *заскрипятъ* снигири и зазвенятъ пронзительно голоса зеленыхъ и голубыхъ синицъ (бѣсковъ — по-оренбургски), также привыкшихъ кормиться около привады. Какъ, бывало, обрадуешься голосу живой твари! Но вотъ зардѣлся юго-востокъ, солнце готово выкатиться изъ-за горы; наступило время прилета тетеревовъ на приваду, которое, впрочемъ, иногда можетъ замедлиться отъ разныхъ причинъ. Вдругъ прошумѣлъ сильный вѣтеръ... стая тетеревовъ пронеслась надъ шалашемъ и разсѣлась около него по деревьямъ, а если ихъ нѣтъ по близости (что бываетъ на привадахъ полевыхъ), то по снѣгу; даже садятся иногда на шалашъ и на шатеръ. *) Вотъ самая интересная минута! Видъ шатра такъ иногда поражаетъ тетеревовъ, что они, посидѣвъ нѣсколько минутъ на деревьяхъ, или побродя по снѣгу около привады, — вдругъ улетаютъ, какъ-будто чѣмъ испуганные; иногда остаются довольно долго, но не подходятъ

*) Однажды при мнѣ тетеревъ сѣлъ на верхушку шалаша, провалился ногами и сталъ биться: охотникъ принужденъ былъ схватить его за ноги и протащить въ шалашъ, чтобъ онъ хлопаньемъ крѣпкихъ своихъ крыльевъ не перепугалъ тетеревовъ.

Digitized by Google

подъ шатеръ; иногда подойдутъ два-три тетерева (вѣроятно посмѣлѣе другихъ) и досыта наѣдятся, а всѣ остальные или смотрятъ, или клюютъ древесныя почки, точь-въ-точь, какъ это бываетъ съ первоначала, или въ такіе года, когда нѣтъ хода тетеревамъ на привады. Впрочемъ, такіе случаи — отступленіе отъ обыкновеннаго порядка. По большой части тетерева, привыкшіе безъ опасенія ежедневно наѣдаться на привадѣ, не смущаются видомъ шатра и, осмотрѣвшись, черезъ нѣсколько минутъ, одинъ за другимъ, всѣ подойдутъ подъ шатеръ. Тогда охотникъ сильно дергаетъ за веревку, шестъ падаетъ, съ нимъ вмѣстѣ падаетъ сѣть, и — тетерева покрыты. Это дѣйствіе называется: «уронить шатеръ». Охотникъ съ товарищемъ выскакиваютъ изъ шалаша и, если тетеревовъ очень много и они, взлетывая, поднимаютъ на себѣ сѣть высоко, такъ что нижніе тетерева, не успѣвшіе запутаться, выбѣгаютъ изъ-подъ шатра и улетаютъ, — охотники бросаются на шатеръ, опускаютъ его къ низу и придерживаютъ нижніе подборы до тѣхъ поръ, пока всѣ покрытые тетерева увязнутъ въ ячейкахъ сѣти. Тогда колютъ ихъ въ голову перьями, тутъ же выдернутыми изъ крыльевъ, или простымъ желѣзнымъ гвоздемъ, или заостренной, крѣпкой деревянной палочкой, которыми запасаются заранѣе. Чуваши, Мордва и Татары, въ Оренбургской губерніи, очень усердно занимающіеся ловлею тетеревовъ шатрами, съ покрытыми управляются безъ церемоніи, то-есть: не колютъ, а бьютъ ихъ палками. Если тетеревиная стая съ перваго раза покрыта не вся, что̀ по большой части бываетъ, то приваду надобно оправить: перья всѣ собрать, утоптанный и окровавленный снѣгъ заметать свѣжимъ и положить новыхъ овсяныхъ сноповъ. Иногда случается, что остальные тетерева, часть которыхъ была покрыта, черезъ нѣсколько времени опять станутъ прилетать на приваду и ѣсть кормъ, такъ что въ одну зиму, на одной и той же привадѣ, кроютъ тетеревовъ раза три; но иногда, послѣ перваго покрытія, уже не одинъ тетеревъ на приваду не прилетитъ. Замѣчательно, что оставшееся, иногда небольшое число тетеревовъ, посѣщая по-прежнему приваду, нерѣдко приводитъ съ собою новую тетеревиную стаю.

Важною помѣхою въ приваживаніи тетеревовъ бываютъ

Digitized by Google

большіе ястреба и орлы; они ловятъ тетеревовъ и часто угоняютъ далеко съ привады; если это повторится нѣсколько разъ, то тетерева совсѣмъ бросаютъ приваду, хотя бы и привыкли къ ней. Въ такомъ случаѣ, самое лучшее средство — застрѣлить ястреба или орла, по крайней мѣрѣ ранить. Для этого надобно поставить недалеко отъ шалаша чучелу, сдѣланную изъ настоящей тетеревиной кожи съ перьями, привязавъ ее крѣпко къ присадѣ (то-есть къ длинному шесту). Орелъ или ястребъ, повадившійся летать на приваду, принявъ чучелу за настоящаго тетерева, вцѣпится въ нее, и охотникъ, карауливший хищника въ шалашѣ, можетъ легко застрѣлить его.

Все до сихъ поръ сказанное мною относится къ тетеревинымъ привадамъ въ началѣ зимы, которыя становятся иногда на хлѣбной жнивѣ, даже въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ лѣса; но когда выпадетъ много снѣгу и глубокіе сугробы совершенно закроютъ самую высокую жниву, тетерева перестанутъ летать въ поля и постоянно держатся около лѣсныхъ мѣстъ и даже въ серединѣ лѣсовъ, по небольшимъ полянамъ; тогда и привады переносятся именно на такія поляны и на лѣсныя опушки. Въ буранныя зимы тетерева скоро сваливаются въ уремы, *) что *обыкновенно* бываетъ въ концѣ зимы: тамъ для нихъ теплѣе и сытнѣе; охотники и тамъ преслѣдуютъ тетеревовъ своими привадами и, несмотря на изобиліе ольховыхъ шишекъ, соблазняютъ овсяными снопами. Ловля шатромъ производится тѣмъ же порядкомъ.

Если почему-нибудь уже приваженные тетерева не прилетятъ именно въ то утро, когда шатеръ поставленъ и охотникъ сидитъ въ шалашѣ, или прилетятъ, но подъ шатеръ не пойдутъ, то нѣкоторые охотники шатра не снимаютъ и оставляютъ его до слѣдующаго утра, а иногда и на нѣсколько дней, будто бы для того, чтобы тетерева къ шатру присмотрѣлись, а въ самомъ дѣлѣ изъ лѣни; но я слыхалъ отъ самыхъ опытныхъ охотниковъ, что этого никогда дѣлать не должно. Не говоря уже о томъ, что шатеръ можетъ упасть

*) Мнѣ случилось одинъ разъ видѣть свалившихся тетеревовъ въ ольшняковую урему по рѣкѣ Усень (Оренбургской губерніи Белебеевскаго уѣзда), въ такомъ множествѣ, что только своимъ глазамъ можно было повѣрить. Это случилось въ половинѣ ноября.

Digitized by Google

отъ многихъ причинъ и закрыть приваду, а если упадетъ въ присутствіи тетеревовъ, то непремѣнно ихъ напугаетъ, — шатра не должно оставлять потому, что онъ весь опушится инеемъ и скроетъ совершенно приваду отъ глазъ тетеревовъ. Къ этому должно прибавить, что лежащій на снѣгу шатеръ очень часто портятъ мыши.

Должно сдѣлать общее замѣчаніе, что курочки идутъ на приваду и подъ шатеръ гораздо скорѣе и охотнѣе косачей; это вѣроятно происходитъ отъ того, что курочки вообще смирнѣе. Если стая состоитъ изъ однѣхъ курочекъ, то ее привадить къ корму и покрыть несравненно легче; самыя упорныя и осторожныя бываютъ стаи изъ однихъ косачей; среднее между ними составляютъ стаи смѣшанныя, въ которыхъ курочки всегда первыя слетаютъ на приваду и подходятъ подъ шатеръ: за ними, иногда очень не скоро, послѣдуютъ и косачи.

Въ тѣхъ уѣздахъ Оренбургской губерніи, гдѣ растетъ сосна, и гдѣ водятся вмѣстѣ съ простыми, полевыми тетеревами глухари или глухіе тетерева, — кроютъ и нхъ также простыми тетеревиными шатрами, только всегда въ маломъ числѣ. Обыкновенно глухари прилетаютъ на привады вмѣстѣ съ полевыми тетеревами, увлекаясь ихъ примѣромъ; одни же они никогда на приваду не пойдутъ, особенно если летаютъ отдѣльною стаей. Одинъ охотникъ разсказывалъ мнѣ, что онъ, занимаясь крытьемъ тетеревовъ болѣе десяти лѣтъ и видя, что глухари, прилетая иногда къ привадѣ вмѣстѣ съ простыми тетеревами, никогда на нее не шли, а сидѣли въ близкомъ разстояніи на деревьяхъ, преимущественно на соснахъ, ломая крѣпкими своими посами молодые лѣтніе побѣги, называемые погонцами, — вздумалъ употребить эти погонцы для приманки глухарей; онъ нарубилъ верхнихъ побѣговъ съ молодыхъ сосенъ и натыкалъ ихъ на привадѣ, около овсяныхъ сноповъ. Догадка его увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: глухари стали опускаться на приваду и, кушая сначала сосновыя верхушки, стали потомъ ѣсть и овесъ. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ постоянно втыкать сосновые побѣги на привадахъ, если замѣчалъ глухарей въ числѣ простыхъ тетеревовъ. Въ иной годъ удавалось ему, въ разное время, покрыть въ продолженіе зимы до двухъ десятковъ глухарей; но никогда болѣе

Digitized by Google

трехъ въ одинъ разъ онъ не крывалъ. Я не могу сказать положительно, существуетъ ли гдѣ нибудь въ Россіи крытье шатромъ собственно однихъ глухихъ тетеревовъ? Если существуетъ, то для нихъ нуженъ шатеръ большаго размѣра, вязанный болѣе широкими петлями, изъ нитокъ болѣе крѣпкихъ и толстыхъ, потому-что стая глухарей, паръ въ двадцать, — разорвутъ или оторвутъ отъ кольевъ обыкновенный тетеревиный шатеръ.

Для куропатокъ, напротивъ, приготовляется шатеръ гораздо мѐньшаго объема: въ окружности саженъ въ шесть; сообразно этому уменьшенію, ячейки вяжутся поуже и нитки употребляются потоньше. Впрочемъ, фигура шатра, его устройство, постановка и весь процессъ ловли — одинъ и тотъ же. Привады кладутся также въ поляхъ, въ началѣ зимы, куда съ осени повадились прилетать куропатки, и потомъ на гумнахъ, куда загонятъ ихъ глубокіе снѣга и мятели. Куропаточьи привады дѣлаются не изъ сноповъ, а изъ хлѣбной мякины всякаго рода: насыпается кругъ мякины, сажень въ поперечникѣ, и во всѣ стороны отъ этого круга, въ видѣ расходящихся лучей, проводятся дорожки изъ той же мякины; длина ихъ произвольная и, можно сказать, чѣмъ они будутъ длиннѣе, тѣмъ лучше. Какъ скоро хоть одна куропатка изъ стаи, бѣгающей всегда въ разсыпную, нападетъ на мякинную дорожку, то сейчасъ побѣжитъ по ней и закричитъ призывнымъ крикомъ, похожимъ на куриное кудахтанье; въ одну минуту вся стая сбѣжится и прямо по дорожкѣ отправится на приваду, которую всю разроетъ и выклюетъ. Куропатки очень просты или глупы, какъ выражаются охотники. Если разъ побываютъ онѣ на привадѣ, то на другой же день можно поставить шатеръ и покрыть ихъ всѣхъ *до одной*. Если же, какимъ-нибудь образомъ, нѣсколько куропатокъ выбѣгутъ изъ-подъ шатра и улетятъ, то завтра непремѣнно прилетятъ опять, подбѣгутъ подъ шатеръ и будутъ покрыты.

Digitized by Google

ВЫНИМАНЬЕ ЛИСЯТЪ.

Во многихъ губерніяхъ нашихъ существовало обыкновеніе, и теперь существуетъ, вынимать или доставать изъ поръ лисятъ, выкармливать ихъ и, когда они выростутъ и выкунѣютъ, что̀ бываетъ не ранѣе половины декабря,— воспользоваться ихъ шкурками. Лисьи шкурки, въ разныхъ мѣстахъ Россіи, имѣютъ разныя цѣны; въ Оренбургской губерніи онѣ продавались отъ шести до десяти рублей ассигнаціями, въ то время, о которомъ я пишу, то-есть около 1808-го года; слѣдовательно, это было прибыльно, потому-что деньги тогда были дороже теперешняго. Но кромѣ выгодъ денежныхъ, добыванье лисятъ полезно, какъ истребленіе хищныхъ звѣрей, которые сильно переводятъ всякую дичь и домашнихъ птицъ. Вотъ какъ производилось это добыванье въ старые годы, и вѣроятно также производится теперь: въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда лисята ранняго помёта выростутъ съ обыкновенную кошку, отправляются охотники для отысканія лисьихъ поръ, разумѣется, по мѣстамъ болѣе или менѣе имъ извѣстнымъ, удобнымъ для укрыванія лисы съ лисятами. Такія мѣста бываютъ по скатамъ горъ и долинамъ, поросшимъ полевыми кустарниками, иногда по крутымъ оврагамъ, покрытымъ мелкими, древесными побѣгами, но *не лѣсомъ:* по крайней мѣрѣ я не видывалъ, чтобы лиса пометала дѣтей *въ настоящемъ лѣсу;* можетъ быть она знаетъ по инстинкту, что на открытыхъ мѣстахъ безопаснѣе жить ея дѣтямъ, что приближеніе всякой опасности виднѣе и что они, въ случаѣ надобности, могутъ ту же минуту спрятаться въ нору. Если охотникъ отправляется на поискъ одинъ, то непремѣнно долженъ ѣхать верхомъ, а если охотниковъ двое, то могутъ идти пѣшкомъ. Въ первомъ случаѣ это нужно потому, что лиса, одаренная отъ природы самымъ тонкимъ чутьемъ, не

Digitized by Google

боится только конскаго слѣда и не броситъ своей норы, когда побываетъ на ней человѣкъ верхомъ на лошади; во второмъ случаѣ, необходимо быть двоимъ охотникамъ потому, что, найдя нору съ лисятами, одинъ долженъ остаться для караула, а другой воротиться домой за лопатами, заступами, мѣшкомъ или кошелемъ, за хлѣбомъ для собственной пищи и за какимъ-нибудь платьемъ потеплѣе, для ночнаго времени и на случай дождя, ибо для поимки лисятъ надобно оставаться въ полѣ иногда нѣсколько дней. Если же человѣкъ пѣшкомъ побываетъ на норѣ и уйдетъ, то лиса, хотя бы на это время была въ отсутствіи, воротясь, услышитъ чутьемъ слѣды недобраго гостя и непремѣнно уведетъ лисятъ въ другое скрытное мѣсто, сначала неподалеку отъ перваго, какъ-будто для того, чтобъ удостовѣриться: случайно ли заходилъ человѣкъ на ея нору, или съ недобрымъ умысломъ? Какъ скоро въ тотъ же или на другой день опять появится человѣкъ на норѣ — лиса уводитъ дѣтей дальше; если же, напротивъ, никто не приходитъ—лиса возвращается съ своими лисятами и поселяется попрежнему въ своей норѣ. Лиса рѣдко вырываетъ нору сама въ такихъ мѣстахъ, гдѣ есть норы сурочьи или барсучьи; собственная нора лисы всегда очень не глубока, коротка и довольно широка: двоимъ работникамъ не трудно разрыть ее въ одинъ день и переловить лисятъ; барсучья нора — почти тоже; но совсѣмъ другая исторія съ норами сурочьими. Сурки живутъ семьями, штукъ по пяти и болѣе. Чѣмъ многочисленнѣе семейство и чѣмъ больше живетъ на одномъ мѣстѣ, тѣмъ больше норъ и подноркoвъ (то-есть: заднихъ выходовъ, употребляемыхъ только въ случаѣ особенной надобности), тѣмъ глубже и обширнѣе ихъ подземельные закоулки, и тѣмъ выше и шире становится сурчина или бугоръ земли, выгребаемой изъ норъ при ихъ копаньѣ и ежегодной разчисткѣ. Разрыть такую сурчину, совсѣми ея подземными помѣщеніями, — тяжкая работа, требующая много времени и рукъ. Послѣ разныхъ опытовъ, охотники придумали способъ, какъ доставать лисятъ, не разрывая норы, о чемъ я скажу въ своемъ мѣстѣ. Нѣкоторые охотники утверждаютъ, что лиса предварительно истребляетъ семейство сурковъ и потомъ занимаетъ ихъ нору; можетъ быть это и случается, за неимѣньемъ норъ пустыхъ, старыхъ,

Digitized by Google

брошенныхъ сурками; но я всегда находилъ лисятъ въ старыхъ сурочьихъ норахъ, очевидно разчищенныхъ *нѣсколько*, а не *вполнѣ*, уже самою лисою, которой не нужно много мѣста для временнаго помѣщенія. Безъ сомнѣнія, лисѣ не трудно сладить съ суркомъ, но трудно его поймать; онъ вѣчно сидитъ надъ самой норой и при всякомъ шорохѣ прячется въ нее, а нора бываетъ очень длинна, глубока и мѣстами узка, такъ что лисѣ тѣсно лазить для преслѣдованія сурка и даже не пролѣзть безъ разчистки по всѣмъ ея закоулкамъ. Впрочемъ, я не считаю невозможнымъ, что лиса, замышляя временное помѣщеніе будущему семейству, въ продолженіе весны переловитъ сурковъ, подстерегши ихъ поодиначкѣ при выходѣ изъ норы. Барсучью нору можетъ занять лиса, разумѣется, только брошенную хозяиномъ, потому-что барсукъ злобенъ и ей не сладить съ нимъ. Нору, въ которой живетъ лиса съ лисятами, узнать не трудно всякому, сколько-нибудь опытному охотнику: лазъ въ нее углаженъ и на его бокахъ всегда есть волосья и пухъ отъ влѣзанья и вылѣзанья лисы; если лисята уже на возрастѣ, то не любятъ сидѣть въ подземельѣ, а потому мѣсто кругомъ норы утолочено и даже видны лежки и тропинки, по которымъ отбѣгаютъ лисята на нѣкоторое разстояніе отъ норы; около нея валяются кости и перья, остающіяся отъ птицъ и звѣрковъ, которыхъ приноситъ мать на пищу своимъ дѣтямъ, и наконецъ самый вѣрный признакъ — слышенъ сильный и противный запахъ, который всякой почувствуетъ, наклонясь къ отверстію норы. Лиса по необходимости должна безпрестанно отлучаться отъ дѣтей, когда перестанетъ кормить ихъ своимъ молокомъ. Ей нужно не только самой питаться, но и доставать пищу лисятамъ, а потому она въ норѣ почти не живетъ: принесетъ какого-нибудь звѣрка или птицу, притащитъ иногда часть падали, *) которую волочитъ по землѣ, не имѣя силы нести во рту, и, отдавъ дѣтямъ, снова отправляется на добычу. Многіе охотники своими глазами наблюдали такія явленія. Въ эту трудную пору лиса бываетъ такъ худа, какъ скелетъ, кожа на ней виситъ и шерсть вся въ

*) Около норы часто находятъ кости бараньи, телячьи и даже кости коровъ и лошадей.

Digitized by Google

клочьяхъ. По большой части лиса приноситъ дѣтямъ зайцевъ и зайчатъ, тетеревятъ и тетеревиныхъ матокъ: видно, эту дичь ей легче доставать; впрочемъ, таскаетъ тушканчиковъ, *) сусликовъ и даже молодыхъ сурковъ, куръ, гусей, утокъ и всякихъ другихъ дворовыхъ и дикихъ птицъ безъ исключенія.

Удостовѣрясь по вышесказаннымъ мною признакамъ, что лисята точно находятся въ норѣ, охотники съ того начинаютъ, что, оставя одинъ главный выходъ, всѣ другія норы и поднорки забиваютъ землей и заколачиваютъ деревомъ наглухо; главную нору, ощупавъ ея направленіе палкой на сажень отъ выхода, пробиваютъ сверху четвероугольной шахтой (ямой, называемый «подъямокъ»), дно которой должно быть глубже норы, по крайней мѣрѣ на два аршина; четырехъ-угольныя стѣнки этой шахты, имѣющей, въ квадратномъ поперечникѣ, около полутора аршина, должны быть совершенно отвѣсны и даже къ низу нѣсколько просторнѣе, чѣмъ къ верху, для того, чтобы лисята, попавъ въ этотъ колодезь или западню, никакъ не могли выскочить. Пересѣченную шахтою нору соединяютъ мостикомъ изъ тоненькихъ прутиковъ или сухихъ бастылинъ, закрывъ ихъ мелкою травою и засыпавъ легонько землей; верхъ ямы закрываютъ плотно прутьями и травой, чтобы свѣтъ не проходилъ. Когда выгоняемый голодомъ и вызываемый завываньемъ и лаемъ матери лисенокъ ступитъ на этотъ мостикъ, считая его продолженіемъ дна норы, то сейчасъ провалится, и выскочить изъ подъямка уже никакъ не можетъ; онъ начнетъ сильно визжать и скучать, такъ-что охотникъ услышитъ и вынетъ его, а мостикъ поправитъ и опять насторожитъ: черезъ нѣсколько времени попадетъ другой, и такимъ образомъ переловятъ всѣхъ лисятъ, которыхъ бываетъ до девяти. Если они уже велики, то иногда приходится вымаривать ихъ съ недѣлю. Въ продолженіе этой ловли, или, вѣрнѣе сказать,

*) Тушканчикъ—земляной зайчикъ, величиною вчетверо менѣе обыкновеннаго зайца. Сидя на заднихъ лапкахъ у своей норы, по зорямъ утреннимъ и вечернимъ и даже ночью, онъ громко свищетъ. Этотъ свистъ далеко бываетъ слышенъ въ тихомъ воздухѣ. Зиму онъ проводитъ въ норѣ, вѣроятно въ такомъ же снѣ или оцѣпенѣніи, какъ и сурокъ, вмѣстѣ съ которыми появляется весною. Я пробовалъ держать тушканчиковъ въ клѣткахъ и ящикахъ съ прорѣзными отверстіями, но они не ѣли травы, имъ въ изобиліи предлагаемой, и скоро умирали.

Digitized by Google

подстереганья лисятъ, охотники наблюдаютъ большую осторожность; ночью всегда остаются двое и попеременно не спятъ: ночью лиса бываетъ такъ смѣла, что подходитъ на нѣсколько саженъ къ человѣку, особенно когда услышитъ голосъ попавшагося въ западню лисенка, и, если караульный заснетъ, она отроетъ который-нибудь изъ подноркoвъ и уведетъ лисятъ, что случалось не одинъ разъ и въ мое время съ сонливыми караульщиками. Многіе охотники говорятъ, что при лисятахъ бываютъ отецъ и мать, то-есть самецъ и самка. Мнѣ сказывали даже, что одинъ глупый охотникъ застрѣлилъ близко подошедшую лису (шкура ея, въ это время года, никуда не годится), и что это былъ самецъ; но я сомнѣваюсь въ вѣрности разсказа, судя по ихъ *течкѣ*, сходной съ течкою собакъ, у которыхъ, какъ всѣмъ извѣстно, отцы не имѣютъ ни малѣйшаго чувства къ дѣтямъ, никогда ихъ не знаютъ и вообще терпѣть не могутъ маленькихъ щенятъ и готовы задавить ихъ.

Пойманныхъ лисятъ сажаютъ въ лисятникъ (нарочно для того построенную амбарушку), съ крѣпкимъ поломъ, потолкомъ и толстою дверью: въ противномъ случаѣ лисята какъ разъ прогрызутъ отверстіе и всѣ уйдутъ. Кормятъ ихъ всякимъ мясомъ, даже дохлой скотиной, хлѣбомъ, творогомъ, а за неимѣніемъ всего этого—овсянкой, какъ борзыхъ собакъ.

Я помню, когда былъ еще ребенкомъ, что насъ одолѣвали грачи, переселившіеся изъ сосѣдней рѣчной уремы въ садовыя березовыя рощи и губившіе ихъ безжалостно; чтобы отогнать эту докучливую птицу, всякой день раззоряли гнѣзда грачей и приносили по нѣскольку десятковъ грачатъ, которыхъ отдавали лисятамъ; это было лакомство для нихъ, и они съ жадностью съѣдали, каждый лисенокъ — по пяти и болѣе грачатъ. Помню также, что по множеству ловимой рыбы, бросали лисятамъ мелкую плотву и щурятъ, и что они кушали ихъ съ большимъ аппетитомъ.

Въ одномъ осьми-аршинномъ лисятникѣ болѣе десяти или двѣнадцати лисятъ держать не годится: когда сдѣлается холодно, они начнутъ жаться въ кучу, отъ чего нижнимъ и среднимъ бываетъ такъ жарко, что шерсть на нихъ подопрѣваетъ. Несмотря на видимую дружбу во время холода, лисята бываютъ очень недружны и злобны между собой: жестоко грызутся за кормъ и, въ случаѣ голода, пожираютъ другъ друга.

Digitized by Google

Лисятникъ надобно содержать въ чистотѣ и сухости, если охотникъ хочетъ получить хорошія шкуры: лѣтомъ и осенью ежедневно чистить и усыпать полъ пескомъ, а когда выпадетъ снѣгъ, то всякой день накидывать свѣжаго снѣга, о который они трутся и лучше выцвѣтаютъ, или выкуниваютъ. Сытые лисята очень живы и рѣзвы; они любятъ играть и прыгать по лавкамъ, которыя нарочно для того устроиваютъ въ лисятникѣ; они весьма похожи на щенятъ-выборзковъ, только въ первомъ своемъ возрастѣ, покуда не сложились, покуда не распушились ихъ хвосты и покуда безцвѣтные, молочные, какъ называютъ охотники, глаза ихъ не загорѣлись тѣмъ фосфорическимъ блескомъ, отъ котораго свѣтятся они въ темную ночь и во всякомъ темномъ мѣстѣ. Не-охотникъ, невидавшій лисятъ прежде, съ перваго взгляда не различитъ лисенка отъ обыкновеннаго щенка-выборзка; но всмотрѣвшись пристально, по выраженію даже молочныхъ глазъ, можно узнать, что это дикой и въ то же время хищный звѣрь.

При одиночномъ воспитаніи лисенка, постоянно между людьми и домашними животными, дикость его постепенно уменьшается, и онъ можетъ сдѣлаться совершенно ручнымъ; но это требуетъ безпрестанныхъ заботъ и попеченій, чтобы лисенокъ не ушелъ сначала, покуда еще не привыкъ; притомъ его не должно кормить мясною пищею и особенно сырымъ мясомъ. Многіе охотники утверждаютъ, что лису можно перевоспитать и совершенно обратить въ дворную собаку. Я не дѣлалъ такихъ опытовъ, но слыхалъ о нихъ отъ людей достовѣрныхъ. Въ этомъ даже нельзя сомнѣваться: всѣмъ извѣстно, что знаменитый Бюффонъ воспиталъ двухъ лисъ, которыя ходили подъ ружьемъ, какъ легавыя собаки.

Я очень любилъ разсматривать и наблюдать лисятъ въ узкія и длинныя отверстія лисятника (какія дѣлаются въ конюшняхъ), которыя нарочно вырубаются, высоко отъ пола, для свободнаго протока воздуха, безъ чего въ лисятникѣ, лѣтомъ, было бы очень жарко и душно. Когда лисята сыты, они играютъ между собой, точно какъ щенята: прыгаютъ, гоняются другъ за другомъ, прячутся по угламъ и подъ лавками, притворяются спящими, и вдругъ бросаются на того, который нечаянно подойдетъ къ нимъ; подкрадываются одинъ къ другому ползкомъ и соединяютъ въ своихъ пріемахъ и

Digitized by Google

ухваткахъ, вмѣстѣ съ собачьимъ, что-то кошачье. Если лисята голодны, то ссорятся и грызутся безпрестанно; если кормъ получатъ только нѣкоторые, то всѣ остальные бросятся отнимать; если каждому лисенку дано по куску хлѣба, мяса или по птицѣ, то всѣ разбѣгутся въ разныя стороны, и который съѣстъ проворнѣе свою добычу, тотъ кинется отбивать у другаго, не доѣвшаго своего участка. Когда кормъ дается общій, въ корытѣ, то поневолѣ ѣдятъ вмѣстѣ, но безпрестанно огрызаясь другъ на друга. Лисята очень прожорливы и трудно ихъ накормить до отвала; до живыхъ птицъ весьма лакомы, и прежде чѣмъ начнутъ ѣсть, перегрызаютъ имъ крылья, а потомъ шею, что̀ дѣлаютъ даже и съ мертвыми птицами; очевидное доказательство слѣпаго инстинкта, который не умѣетъ различать живыхъ птицъ отъ мертвыхъ и употребляетъ ненужную предосторожность.

Будучи въ ребячествѣ безотчетно-страстнымъ охотникомъ до всякой ловли, я считалъ, бывало, большимъ праздникомъ, когда отпускали меня на лисьи норы; я много разъ ночевывалъ тамъ, и часто не спалъ до восхода солнца, замѣняя караульщика. Тутъ я наслушался, какими разными голосами, похожими на сиплый лай и завыванье собакъ, манитъ лиса своихъ лисятъ, и какъ они, въ отвѣтъ ей, также скучатъ и слегка взлаиваютъ. Лиса безпрестанно бѣгаетъ кругомъ норы и пробуетъ манить дѣтей, то громко, то тихо. Какъ скоро взойдетъ солнце, она удаляется. Должно признаться, что ни малѣйшее чувство жалости не входило мнѣ тогда ни въ сердце, ни въ голову. Впрочемъ, это всегда такъ бываетъ: мальчикъ-охотникъ — существо самое безжалостное въ отношеніи къ звѣрямъ и птицамъ. Оставя въ сторонѣ охоту, уже непонятную въ зрѣломъ возрастѣ, я не могу однако вспоминать безъ живаго удовольствія, какъ хороши были эти ночевки въ полѣ, послѣ жаркаго дня, въ прохладномъ ночномъ воздухѣ, напоенномъ ароматами горныхъ, степныхъ травъ, при звучномъ боѣ перепеловъ, крикахъ коростелей и посвистываньяхъ тушканчиковъ и сурковъ. Какъ сладко дремалось передъ солнечнымъ восходомъ и потомъ какъ крѣпко спалось подъ кожаномъ, или ергакомъ, короткой мѣхъ котораго серебрился утренней росою!...

Digitized by Google

ЛОВЛЯ МЕЛКИХЪ ЗВѢРКОВЪ.

Когда послѣ долгой, то мокрой, то морозной осени, въ продолженіе которой всякой звѣрь и звѣрокъ вытрется, выкунѣетъ, то-есть, шкурка его получитъ свой зимній видъ, сдѣлается крѣпковолосою, гладкою и красивою, когда заяцъ-бѣлякъ, горностай и ласка побѣлѣютъ какъ кипень, а спина побѣлѣвшаго и мѣстами пожелтѣвшаго, какъ воскъ, русака покроется пестрымъ ремнемъ съ завитками; когда куница, порѣчина, хорекъ, или хорь, потемнѣютъ и заискрятся блестящею осью; когда, послѣ многихъ замерзковъ, выпадетъ наконецъ настоящій снѣгъ и ляжетъ пороша — тогда наступаетъ лучшая пора звѣроловства. О капканной ловлѣ я стану говорить особо. Куницъ ловить мнѣ не удавалось, потому-что ихъ водилось очень мало въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я живалъ и охотился; но хорьковъ, горностаевъ и ласокъ я лавливалъ разными поставушками, и объ этой-то охотѣ, также горячо любимой мною въ ребячествѣ и ранней молодости, доставлявшей мнѣ, въ свою очередь, много радостныхъ минутъ, хочу я разсказать молодымъ, преимущественно деревенскимъ, охотникамъ.

Видъ земли, покрытой первымъ снѣгомъ, послѣ грязной, гнилой, осенней погоды, надоѣвшей даже горячимъ псовымъ охотникамъ, *) веселитъ сердце каждаго. Все сдѣлается сухо, бѣло, чисто и опрятно; безчисленные звѣрковые и звѣриные слѣды, всякихъ формъ и размѣровъ, показываютъ, что и звѣри обрадовались снѣгу, что они прыгали, играли большую часть долгой ночи, валялись по снѣгу, отдыхали на немъ въ разныхъ положеніяхъ, и потомъ, послѣ отдыха, снова начинали,

*) Извѣстно, что псовые охотники проводятъ въ отъѣзжихъ поляхъ цѣлые мѣсяцы. Мокрая и сырая погоды считаются выгодными для этой охоты; но иногда такъ надоѣдаютъ охотникамъ, что они радуются сильнымъ морозамъ, дѣлающимъ неудобною псовую охоту съ гончими и борзыми собаками.

Digitized by Google

сначала необыкновенно сильными скачками, свою неугомонную бѣготню, которая наконецъ получала уже особенную цѣль — доставленіе пищи проголодавшемуся желудку. Съ полночи звѣрокъ уже не рѣзвится, не *жируетъ* около однихъ и тѣхъ же мѣстъ, а рыщетъ тамъ, гдѣ скорѣе можетъ встрѣтить какую-нибудь добычу, для чего пробѣгаетъ иногда значительное пространство. Внимательное разсматриванье, неутомимое преслѣдованіе звѣрковыхъ слѣдовъ раскрываетъ наблюдательному охотнику все, что̀ звѣрки дѣлали ночью; дневной свѣтъ объясняетъ, выводитъ наружу всѣ тайны ночной темноты. Для меня это имѣло особенный интересъ, и я нерѣдко жертвовалъ разсчетами добычливаго охотника, удовлетворяя любопытству наблюдателя. Идя по слѣду ласки, я видѣлъ, какъ она гонялась за мышью, какъ лазила въ ея узенькую снѣговую норку, доставала оттуда свою добычу, съѣдала ее и снова пускалась въ путь; какъ хорекъ или горностай, желая перебраться черезъ родниковый ручей или рѣчку, затянутую съ краевъ тоненькимъ ледочкомъ, — осторожными, укороченными прыжками, необыкновенно растопыривая свои мягкія лапки, доходилъ до текучей воды, обламывался иногда, попадался въ воду, вылѣзалъ опять на ледъ, возвращался на берегъ и долго катался по снѣгу, вытирая свою мокрую шкурку; послѣ чего нѣсколько времени согрѣвался необычайно широкими прыжками, какъ-будто преслѣдуемый какимъ-нибудь врагомъ; какъ норка или порѣчина, бѣгая по краямъ рѣки, мало замерзавшей и среди зимы, вдругъ останавливалась, бросалась въ воду, ловили въ ней рыбу, вытаскивала на берегъ и тутъ же съѣдала... Все это совершенно ясно разсказывали звѣрковые слѣды опытному глазу молодаго охотника.

Начинаю съ ловли хорька, который гораздо больше, хищнѣе и неутомимѣе горностая и ласки. Хорекъ есть ничто иное, какъ полевая или каменная куница. Названіе каменной придается ему нѣкоторыми натуралистами потому, что онъ любитъ жить въ каменныхъ, опустѣлыхъ зданіяхъ и развалинахъ; впрочемъ, хорекъ живетъ иногда въ фундаментахъ и подвалахъ жилыхъ каменныхъ строеній и даже въ подвалахъ и погребахъ деревянныхъ домовъ и крестьянскихъ избъ. Всего чаще онъ только посѣщаетъ ихъ по ночамъ для отысканія себѣ добычи и нерѣдко залѣзаетъ въ курятники и голубятни.

Digitized by Google

Величиною онъ бываетъ нѣсколько меньше и тоньше лѣсной куницы, которая далеко превосходитъ его достоинствомъ своего пушистаго и осистаго мѣха; шерсть на хорькѣ коротка и жестка; лѣтомъ она бываетъ желтовато-бураго цвѣта, а зимою темная, какъ на соболѣ и на куницѣ. Хорьки живутъ по полямъ въ норахъ и въ нихъ выводятъ дѣтей, числомъ отъ трехъ до четырехъ; вѣроятно, зимою земляныя лѣтнія норы заносятся снѣгомъ, и тогда хорьки живутъ въ снѣжныхъ норахъ или подъ какими-нибудь строеніями: мнѣ случилось одинъ разъ найти постоянное, зимнее жилье хорька подъ толстымъ стволомъ сломленнаго дерева; онъ пролѣзалъ подъ него сверху, въ сквозное дупло. Не одинъ разъ находилъ я также хорька въ снѣжной норѣ на большомъ разстояніи отъ человѣческаго жилья. Хорекъ, равно какъ горностай и ласка, вполнѣ хищный звѣрокъ; онъ ловитъ всякихъ птицъ, дикихъ и дворовыхъ, во время ихъ сна на ночевкахъ, нападаетъ даже на гусей, какъ увѣряютъ охотники; въ случаѣ же нужды питается также крысами и мышами. Хорекъ злобенъ до невѣроятности, и въ крайности не только огрызается, но бросается даже на собаку. Огрызанье его сопровождается звуками, похожими на щекотанье сороки. Хорекъ никогда не ходитъ, не бѣгаетъ, *) а прыгаетъ, скачетъ, становясь обѣими лапками вмѣстѣ, отъ чего слѣдъ его издали можетъ показаться лисьимъ нарыскомъ, когда лиса спокойно идетъ тихимъ шагомъ; обыкновенные прыжки хорька бываютъ около полуторы четверти, а если онъ чѣмъ-нибудь испуганъ, то скачки его достигаютъ до двухъ четвертей и болѣе. Ловятъ хорьковъ маленькими капканами и самострѣлами. Капканы становятся на тѣхъ мѣстахъ, по которымъ непремѣнно долженъ пройти хорекъ, вылѣзая или влѣзая въ свою пору, или пролѣзая сквозь какое-нибудь отверстіе въ курятникъ, подвалъ, голубятню, куда онъ повадился ходить за своей добычей. Самострѣлы становятся непремѣнно надъ отверстіемъ хорьковой норы, когда онъ застигнутъ въ ней охотникомъ, потому-что хорекъ можетъ попасть въ самострѣлъ, только вылѣзая изъ норы. Самострѣлъ довольно замысловатое орудіе и трудно получить объ немъ понятіе безъ рисунка. Это ничто иное, какъ натянутый лукъ со стрѣлою,

*) Точно также горностай и ласка.

Digitized by Google

которая, вмѣсто копья, оканчивается довольно широкою лопаточкою; лопаточка ходитъ въ пазахъ длинной рамки, вдѣланной прочно въ средину лука, и, будучи спущена, плотно и крѣпко прижимается силою тетивы къ краю рамки. Настороженный самострѣлъ накладывается на выходъ изъ норы, и хорекъ не можетъ изъ нея вылѣзть, не тронувъ сторожка, утвержденнаго поперекъ открытаго отверстія рамки; какъ скоро сторожекъ соскочитъ, тетива спускается и стрѣла мгновенно прищемляетъ звѣрка.

Горностай и ласка могутъ быть причислены къ одному роду. Вся разница между ними состоитъ въ томъ, что горностай вдвое толще и вершка на три длиннѣе ласки; фигура, всѣ стати, нравы и цвѣтъ шерсти у нихъ совершенно одинаковы, кромѣ того, что у горностая кончикъ хвоста черный. Оба эти звѣрка лѣтомъ имѣютъ шкурку рыжевато-бурую, которая кажется тогда даже пестрою, а зимой—бѣлую, какъ снѣгъ; оба хищной породы и питаются мясомъ; оба имѣютъ, съ перваго взгляда, очень граціозную наружность; но всмотрѣвшись хорошенько въ очертаніе ихъ рта, вооруженнаго частыми и острыми зубами, особенно въ ихъ маленькіе, безцвѣтные глазки,—почувствуешь, что они принадлежатъ къ злобной и кровожадной породѣ звѣрей. Особенно ласка, будучи слишкомъ длинна и тонка, и потому изгибая свою спинку дугою, когда останавливается,—напоминаетъ, какъ-то, изгибающуюся змѣю. Вѣроятно горностай также хищенъ и злобенъ, какъ хорекъ и ласка, что̀ и подтверждается охотниками-звѣроловами; но мнѣ не удавалось видѣть своими глазами доказательствъ его хищности; кровожадности же хорька и особенно ласки я много видѣлъ удивительныхъ опытовъ. *) Хорекъ, забравшись въ курятникъ или утиный хлѣвъ, или въ голубятню, никогда не удовольствуется одною жертвою, а всегда задушитъ нѣсколько куръ, утокъ или голубей. Онъ обыкновенно прокусываетъ шею у своей добычи, напивается крови, оставляетъ ее, кидается на другую, и такимъ образомъ умерщвляетъ иногда до десятка птицъ; мясо ихъ остается нетронутымъ; но у многихъ бываютъ головы совсѣмъ отъѣдены и даже двѣ, три изъ нихъ куда-то унесены;

*) Я разсказалъ въ «Запискахъ ружейнаго охотника» о невѣроятной жадности и смѣлости ласки, подымающейся съ тетеревомъ на воздухъ и умерщвляющей зайца въ снѣжной норѣ.

Digitized by Google

иногда же я находилъ куръ, у которыхъ черепъ и мозгъ были съѣдены. Если хорекъ заѣдаетъ по одной или не болѣе двухъ птицъ, что̀ случается довольно рѣдко, то уже непремѣнно уноситъ ихъ головы. Довольно трудно объяснить, отъ чего происходитъ у хорька такая разница въ числѣ жертвъ и въ способѣ употребленія въ пищу своей добычи. Я слыхалъ отъ охотниковъ, что одни молодые хорьки отгрызаютъ головы у птицъ и выѣдаютъ мозгъ, а старые пьютъ только кровь, и что, будучи умнѣе молодыхъ, они умерщвляютъ только по одной или по двѣ штуки, для того, чтобы долѣе пользоваться добычей. Но такому мнѣнію противорѣчатъ самые эти признаки; то есть, если старый хорекъ пьетъ только кровь заѣденныхъ имъ птицъ и умерщвляетъ не болѣе одной или двухъ, не касаясь ихъ мяса, то отъ чего же я всегда находилъ, что если умерщвлена одна или двѣ птицы, то головы ихъ непремѣнно отгрызены и унесены? И такъ, надобно искать другаго объясненія.

Горностаевъ и ласокъ рѣдко ловятъ самострѣлами, потому-что рѣдко попадаются ихъ норы. Для ловли этихъ маленькихъ звѣрковъ употребляютъ *плашки* и *стульчики*. Плашка дѣйствительно есть ничто иное, какъ плаха, то-есть половина бревна, въ отрубѣ вершковъ четырехъ или пяти, расколотаго посрединѣ. Отрубокъ такой плахи, въ аршинъ или нѣсколько болѣе длиною, гладко вытесанный съ плоской стороны, накладывается на такую же плаху и пригоняется къ ней плотно; потомъ верхняя плаха поднимается на четверть или на полторы и, по извѣстному всѣмъ способу, настораживается сторожкомъ, къ которому привязана прикормка или приманка: опаленная мышь, какая-нибудь птичка или кусокъ ветчиннаго сала съ кожей, также опаленнаго на огнѣ для того, чтобы запахъ прикормки былъ слышнѣе. Задній конецъ плахи имѣетъ продолбленную, продолговатую дыру, сквозь которую проходитъ колышекъ, крѣпко утвержденный въ нижней плахѣ; это сдѣлано съ цѣлію, чтобы задній конецъ верхней плахи не могъ соскочить; разумѣется, верхняя плаха поднимается и опускается на немъ свободно. Звѣрокъ, почуявъ лакомую пищу, подходитъ и хватаетъ ее зубами, сторожекъ соскакиваетъ, верхняя плаха падаетъ и придавливаетъ его.

Digitized by Google

Стульчикомъ называются двѣ палочки, всегда изъ сыраго тальника, каждая слишкомъ аршинъ длиною, которыя кладутся крестъ-на-крестъ и связываются крѣпкою бичевкою; потомъ концы ихъ сгибаются внизъ и также связываются веревочками, такъ что всѣ четыре ножки отстоятъ на четверть аршина одна отъ другой, отъ чего весь инструментъ получаетъ фигуру четвероножника, связаннаго вверху плотно; во внутренніе бока этихъ ножекъ набиваются волосяные силья, разстояніемъ одинъ отъ другаго на полвершка; въ самомъ верху стульчика, въ крестообразномъ его сгибѣ, должна висѣть такая же приманка, какую привязываютъ къ сторожку плахи; приманка бываетъ со всѣхъ сторонъ окружена множествомъ настороженныхъ сильевъ; звѣрокъ, стараясь достать добычу, полѣзетъ по которой-нибудь ножкѣ и непремѣнно попадетъ головой въ силокъ; желая освободиться, онъ спрыгнетъ внизъ и повиснетъ, удавится и запутается въ сильяхъ даже всѣми ногами. Впрочемъ, случается иногда, что онъ сначала попадаетъ лапкой, и въ такомъ случаѣ онъ отгрызетъ силокъ. Плашка и стульчикъ становятся на такихъ мѣстахъ, гдѣ много замѣчено горностаевыхъ и ласкиныхъ слѣдовъ, и гдѣ они отыскиваютъ себѣ добычу. Ласку, извѣстную истребительницу мышей въ гумнахъ съ хлѣбомъ и въ хлѣбныхъ амбарахъ, никогда не должно около нихъ ловить. Ласка, по своему тонкому и длинному стану, имѣетъ возможность пролѣзать въ мышиныя норки, въ самыя узенькія щели и даже въ хлѣбныя клади и копны, а потому мышамъ нѣтъ отъ нея спасенья.

Разставя съ вечера нѣсколько такихъ поставушекъ, на разсвѣтѣ надобно ихъ обойти и всѣ собрать, а въ сумерки, оправивъ все какъ слѣдуетъ и положивъ свѣжей приманки, разставить вновь по другимъ мѣстамъ, какія охотникъ сочтетъ болѣе удобными. Эта охота можетъ продолжаться всю зиму, разумѣется, на лыжахъ, и кромѣ тѣхъ ночей, когда идетъ сильный снѣгъ или *крутитъ буранъ*, выражаясь по-оренбургски. Въ буранную погоду такъ занесетъ поставушки, что ихъ на другой день и не отыщешь. Мнѣ нерѣдко случалось терять мои звѣроловные снаряды, потому что часто съ вечера бываетъ тихо и поставушки поставишь, а къ утру подымется такая мятель, что и самому нельзя носа показать. Впрочемъ,

Digitized by Google

простое устройство этихъ снастей даетъ возможность въ одинъ день замѣнить потерянныя новыми.

Кажется, что̀ можно найти привлекательнаго въ этой охотѣ? Но именно въ томъ состоитъ тайна всѣхъ охотъ, что ихъ нельзя объяснить и опредѣлить. То, что покажется неохотнику смѣшно, скучно и нелѣпо,—горячитъ, тревожитъ и радостно волнуетъ сердце охотника. Я самъ съ удивленіемъ и вмѣстѣ съ удовольствіемъ вспоминаю, какъ горячо нѣкогда охотился за маленькими звѣрками. Разставивъ десятка полтора разныхъ поставушекъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ добыча казалась вѣроятною, воротясь поздно домой усталый, измученный отъ ходьбы на лыжахъ—не вдругъ заснешь, бывало, воображая, что можетъ быть въ эту минуту хорекъ, горностай или ласка попала въ какую-нибудь поставушку, попала какъ-нибудь неловко и потому успѣетъ вырваться въ продолженіи зимней, долгой ночи. Рано проснешься поутру, одѣнешься задолго до свѣта и съ тревожнымъ нетерпѣніемъ дожидаешься зари; наконецъ пойдешь, и къ каждой поставушкѣ подходишь съ сильнымъ біеніемъ сердца, издали стараясь разсмотрѣть, не спущенъ ли самострѣлъ, не уронена ли плашка, не запуталось ли что-нибудь въ сильяхъ, и когда въ самомъ дѣлѣ попалась добыча, то съ какой, бывало, радостью и торжествомъ возвращаешься домой, снимаешь шкурку, распяливаешь и сушишь её у печки, и потомъ повѣсишь на стѣну у своей кровати, около которой въ продолженіе зимы набиралось и красовалось иногда десятка три разныхъ шкурокъ.

Я ничего не сказалъ о ловлѣ норокъ, потому-что мнѣ не удавалось самому ловить ихъ; но я видѣлъ, какъ добывали ихъ другіе охотники: они ставили по берегамъ рѣкъ, на которыхъ много было норкиныхъ слѣдовъ, маленькіе капканы, для чего разрывали небольшую ямку въ снѣгу, а если снѣгъ мелокъ, то въ пескѣ или землѣ бѐрега; въ первомъ случаѣ, капканъ засыпался слегка снѣгомъ, а въ послѣднемъ—сухими листочками. Недавно увѣряли меня, что норка питается не одною рыбою, а кушаетъ и мясо. Норку застали очень рано поутру у кухни и гнались за нею до рѣки, въ которую она будто бы бросилась и нырнула. Изъ этого вывели заключеніе, что норка приходила къ кухнѣ, стоящей на довольно большой горѣ, не для ловли рыбы. Я нѣсколько усумнился и говорилъ

Digitized by Google

объ этомъ съ самымъ опытнымъ звѣроловомъ, который тридцать лѣтъ ловитъ норокъ капканами и знаетъ наизусть образъ ихъ жизни. Онъ увѣряетъ, что видѣли хорька вмѣсто норки, который вѣроятно бросился не въ рѣку, а подъ берегъ, гдѣ у него была нора; норка же, по его увѣренію, никогда къ человѣческому жилью не подходитъ.

Digitized by Google

КАПКАННЫЙ ПРОМЫСЕЛЪ.

Ловля звѣрей капканами распространена по всей Россіи, кромѣ губерній южныхъ, гдѣ снѣгу бываетъ мало или вовсе не бываетъ. Я стану говорить собственно объ Оренбургскомъ краѣ и сосѣдственныхъ ему губерніяхъ на сѣверъ. Въ этихъ мѣстахъ рѣдко можно найти деревушку, въ которой бы не было хотя одного капканщика; во многихъ же большихъ селеніяхъ, почти въ каждомъ крестьянскомъ дворѣ есть охотникъ, а иногда и два. Капканами ловится преимущественно заяцъ, потомъ лиса и волкъ. Я слыхалъ, что въ Вятской и Пермской губерніяхъ ловили прежде огромными капканами медвѣдей и россомахъ; но больше я ничего не знаю объ этой интересной охотѣ. И такъ, обращаюсь къ знакомому мнѣ предмету.

Я не стану описывать простаго, всѣмъ извѣстнаго механизма капкановъ. Они бываютъ двухъ сортовъ: большіе и малые, круглые и четвероугольные, волчьи и заячьи; первые почти втрое больше послѣднихъ. Лиса обыкновенно ловится заячьими капканами; собственно же для нея особенной снасти, средней величины, не знаю почему, не дѣлаютъ, а это было бы не дурно; иногда попадается лиса и въ волчьи капканы. Я видалъ маленькіе капканчики для мелкихъ звѣрковъ, но ихъ надобно было дѣлать на заказъ. Теперь ихъ стали приготовлять больше.

Волковъ и лисъ добываютъ слѣдующимъ образомъ: еще съ осени, по-голу, не позже половины октября, на открытыхъ мѣстахъ около большаго лѣса, или въ мелкомъ лѣсу, въ перелѣскахъ, вообще гдѣ чаще видаютъ лисъ и волковъ,— кладутъ притравы, то-есть: бросаютъ ободранную лошадь или корову, для того, чтобъ волки и лисы заблаговременно привыкли ихъ кушать; впрочемъ для этого пригодна всякая па-

Digitized by Google

даль или дохлая скотина. Какъ скоро привада будетъ съѣдена, то вмѣсто нея кладутъ другую, и если зима становится поздно, то случается положить и третью. Когда выпадетъ снѣгъ порядочной глубины, то-есть, четверти въ полторы или двѣ, и волки, продолжая ходить на притраву, почти всегда по однимъ и тѣмъ же слѣдамъ, набьютъ тропы — наступаетъ время ставить капканы. Это случается, по большой части, около зимняго Николы. Надобно замѣтить, что волки ходятъ на притраву цѣлымъ обществомъ, или выводками, которые отъ трехъ и четырехъ простираются до восьми и девяти штукъ, а лиса — всегда въ одиночку. Звѣроловъ заранѣе объѣзжаетъ верхомъ всѣ мѣста около привады или притравы, осматриваетъ волчьи и лисьи тропы и назначаетъ мѣста, гдѣ ставить капканы; потомъ, также верхомъ, отправляется для ихъ постановки. Ѣздить верхомъ потому необходимо, что только конскаго слѣда звѣрь не боится; охотники увѣряютъ, что если подъѣдешь къ привадѣ на саняхъ и, еще хуже, подойдешь пѣшкомъ, то волки и лисы перестанутъ ходить на притраву. И такъ, звѣроловъ, взявъ съ собою нѣсколько капкановъ, отправляется верхомъ на свой промыселъ. Не доѣзжая шаговъ ста до притравы, онъ привязываетъ лошадь гдѣ-нибудь къ дереву или кусту, беретъ одинъ изъ капкановъ и деревянную лопаточку, которая служитъ ему единственнымъ орудіемъ для произведенія всѣхъ работъ, какъ мы увидимъ послѣ. Обувь охотника должна быть чиста и не издавать никакого запаха, навознаго или дегтярнаго, и потому лучше употреблять свѣжіе, незаношенные лапти и онучи, чѣмъ сапоги; руки и рукавицы или варишки звѣролова также должны быть чисты. Подойдя къ мѣсту, то-есть къ тропѣ, охотникъ, наклонясь какъ можно дальше впередъ, но не становясь обѣими ногами вмѣстѣ, очерчиваетъ лопаточкой четвероугольникъ на самой бойкой тропѣ, такъ, чтобы тропа приходилась по срединѣ, бережно снимаетъ пластъ снѣга почти до самой земли и, сохраняя по возможности фигуру волчьихъ слѣдовъ, кладетъ пластъ снѣга позади себя, на свой собственный слѣдъ; на очищенномъ мѣстѣ, котораго величина должна быть соразмѣрна величинѣ снасти, онъ ставитъ капканъ съ его полотномъ, разводитъ дуги, настораживаетъ ихъ, и потомъ достаетъ, также позади себя, чистаго снѣгу и бережно съ лопаточки засыпаетъ имъ

Digitized by Google

капканъ, такъ, чтобы снѣжная поверхность была совершенно ровна, и на этомъ пушистомъ снѣгу, угломъ или концомъ рукоятки той же лопаточки, искусно выдѣлываетъ тропу волчьихъ слѣдовъ, копируя снятый имъ съ этого мѣста слѣдъ. Все это надо такъ мастерски устроить, чтобы острое зрѣніе звѣря ничего не могло замѣтить, и тонкое его чутье ничего не могло услышать; однимъ словомъ, чтобы мѣсто, съ поставленнымъ капканомъ и поддѣланною на немъ волчьей тропою, было совершенно похоже на окружающую его мѣстность. Потомъ охотникъ начинаетъ отступать задомъ, становясь ногою въ свой прежній слѣдъ и засыпая его, по мѣрѣ отступленія, также свѣжимъ, пушистымъ снѣгомъ; отойдя такимъ образомъ саженъ двадцать и болѣе, онъ возвращается къ своей лошади, уже не засыпая своихъ слѣдовъ; садится опять верхомъ, ставитъ другой капканъ, третій, и даже гораздо болѣе, смотря по числу волчьихъ тропъ и слѣдовъ, идущихъ къ притравѣ съ разныхъ, иногда противуположныхъ сторонъ. Я знавалъ такихъ мастеровъ ставить капканы, что безъ удивленія нельзя было смотрѣть на поддѣланныя ими звѣриныя тропы и засыпанные собственные слѣды. Вся работа производилась при моихъ глазахъ лопаточкой, и на другой день я самъ не узнавалъ и не находилъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ были поставлены капканы. Точно такимъ же образомъ ставятъ заячьи капканы на лисьихъ тропахъ, проложенныхъ къ притравѣ или къ какому-нибудь другому мѣсту, куда лиса повадилась ходить за своей добычей; предосторожности наблюдаются тѣ же. Въ старину, какъ разсказывали мнѣ тоже старые охотники, къ волчьимъ капканамъ привязывали веревку съ чурбаномъ или рычагомъ для того, чтобы попавшійся волкъ, задѣвая ими за кочки, кусты и деревья, скорѣе утомлялся и не могъ уходить далеко; но потомъ этотъ способъ былъ совершенно оставленъ: ибо, кромѣ хлопотъ зарывать въ снѣгъ веревку и чурбанъ, они оказывались безполезными: волкъ перегрызалъ веревку — и охотники начали ставить капканы, на волковъ и лисъ, ничего къ нимъ не привязывая. Въ послѣдствіи, по примѣру *верховыхъ* *) охотниковъ, ввели въ употребленіе кап-

*) Верховыми называются тѣ охотники, которые живутъ въ верховьяхъ Волги.

Digitized by Google

каны съ желѣзной цѣпью и якоремъ, и это много облегчило отыскиванье и убой попавшагося звѣря; впрочемъ, капканы заячьи (они же и лисьи) ставятся безъ всякой привязки, отъ чего лисы иногда довольно далеко уходятъ и тѣмъ утомляютъ охотниковъ. Волкъ попадаетъ всегда одной ногой; лиса же изрѣдка двумя; это случается, когда она прыгаетъ, скачетъ, а не бѣжитъ рысью или не идетъ тихой ходою. Лисъ часто ловятъ на заячьихъ тропахъ, потому-что онѣ слѣдятъ зайцевъ и ловятъ ихъ, какъ борзыя собаки. Заячьи капканы на зайцевъ становятся точно также на тропахъ, но нѣсколько съ меньшими предосторожностями. Заячій слѣдъ поддѣлывается иногда отрубленной и высушенной заячьей лапкой, но по большой части тою же лопаточкой. Заяцъ попадаетъ довольно часто двумя ногами, а изрѣдка и тремя; бываютъ примѣры, что заяцъ умудряется попасть лапкой и рыльцомъ; одинъ разъ мнѣ случилось видѣть, что заяцъ попалъ въ капканъ одною переднею и одною заднею ногой: это еще мудренѣе. Вообще зайцы не уходятъ далеко съ капканами, хотя бы попали одною заднею ногой.

Бывали примѣры, что если волки ходятъ на приваду стаей, и одинъ изъ нихъ попадетъ въ капканъ, то всѣ другіе бросаются на него, разрываютъ въ куски и даже съѣдаютъ, такъ что на большомъ, утолоченномъ и окровавленномъ пространствѣ снѣга останется только лапа въ капканѣ да клочки кожи и шерсти: это особенно случается около святокъ, когда наступаетъ извѣстное время течки. Если волкъ попадетъ заднею ногою, то уноситъ капканъ дальше; но если переднею и высоко, то уходитъ не далеко. Пойманнаго въ капканъ волка, особенно безъ цѣпи и якоря, *) иногда бываетъ трудно убить и еще труднѣе взять живьемъ; отчаянное положеніе волка приводитъ его въ бѣшенство, и тогда онъ дѣлается опаснымъ. Смѣлость и горячность многихъ охотниковъ въ такихъ случаяхъ по истинѣ изумительны! Съ дубинкой или палкой въ рукѣ, охотникъ, всегда одинъ, преслѣдуетъ звѣря иногда по нѣскольку верстъ: задыхаясь отъ усталости, обливаясь потомъ, онъ нерѣдко бросаетъ шапку, рукавицы, тулупъ, и

*) Въ отдаленныхъ и глухихъ мѣстахъ многіе охотники до сихъ поръ ставятъ волчьи капканы безъ всякой привязки; доставать цѣпь и якорь хлопотливо и дорого.

Digitized by Google

въ одной рубахѣ, несмотря на сильный морозъ, не отстаетъ отъ волка и не даетъ ему вздохнуть; онъ старается загнать звѣря въ лѣсъ, потому-что тамъ онъ задѣваетъ капканомъ за пеньки и деревья и иногда такъ завязнетъ въ нихъ, что не можетъ пошевельнуться съ мѣста; тогда охотникъ уже смѣло бросается на свою добычу и нѣсколькими ударами по головѣ убиваетъ волка; но никогда не должно приближаться къ нему на чистомъ мѣстѣ. Много бываетъ примѣровъ, что даже по рѣдколѣсью волкъ въ капканѣ, преслѣдуемый близко охотникомъ, выбравши какую-нибудь полянку, вдругъ оборачивается назадъ, бросается на охотника и наноситъ ему много жестокихъ ранъ, даже на груди и на шеѣ: въ такомъ опасномъ случаѣ надобно зарѣзать волка ножомъ, который не худо имѣть охотнику на своемъ поясѣ. Въ лѣсу волкъ не можетъ этого сдѣлать. Онъ будетъ цѣпляться капканомъ за деревья, да и охотникъ можетъ прятаться отъ него за всякимъ стволомъ большаго дерева. Замѣчательно, что многіе охотники спасались въ самыхъ отчаянныхъ случаяхъ отъ нападающаго волка — вдругъ крикнувъ на него грознымъ голосомъ: «Прочь! куда ты? пошелъ назадъ, ступай своей дорогой!....» или что-нибудь подобное. Я слышалъ это отъ самыхъ достовѣрныхъ, старыхъ и опытныхъ охотниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что употребленіе капкановъ съ цѣпью и якоремъ очень много способствуетъ безопасности охотника; но волка, попавшаго въ капканъ, взять живьемъ — это уже другая исторія. Это не то, что звѣрь, загнанный въ степи до такой усталости, что едва переводитъ дыханіе (о чемъ будетъ разсказано послѣ): съ такимъ волкомъ можетъ человѣкъ дѣлать что ему угодно. Живаго волка въ капканѣ берутъ двое и даже трое охотниковъ: утомивъ предварительно и потомъ нагнавъ волка близко, одинъ изъ охотниковъ просунетъ длинный рычагъ подъ дугу капкана, прижметъ къ землѣ и такимъ образомъ совершенно остановитъ звѣря; другой бросаетъ ему на шею мертвую петлю и затягиваетъ, а третій сзади хватаетъ волка за уши; тогда первый охотникъ, бросивъ рычагъ, связываетъ волку ротъ крѣпкой веревочкой, или надѣваетъ намордникъ и завязываетъ позади головы на шеѣ. Послѣ того можно вести или тащить его на веревкѣ куда угодно. Живыхъ волковъ добываютъ для травли собаками.

Digitized by Google

Очень странно, что волкъ почти никогда не отвертываетъ, не отрываетъ своей ноги, завязшей въ капканѣ, несмотря на отчаянныя усилія, которыя онъ для того употребляетъ. Онъ нарочно задѣваетъ капканомъ за дерево или кустъ, мечется и вертится во всѣ стороны; даже зайцу иногда удается оторвать ногу, а лисѣ очень часто. Лиса, будучи вообще смирною въ капканѣ, какъ разъ переломитъ ногу въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ она сжата капканными дугами, потомъ перетретъ кожу и, оставивъ свою лапу въ капканѣ, всегда повыше перваго позвонка, — преблагополучно уходитъ. Псовымъ охотникамъ случалось затравливать лисъ о трехъ ногахъ, которыя, по ихъ словамъ, бѣжали очень рѣзво.

Зайцевъ капканами ловятъ великое множество, по большой части бѣляковъ, но довольно добывается и русаковъ. Тропъ русачьихъ нѣтъ, потому-что они живутъ по открытымъ степямъ и горамъ, гдѣ никакіе кусты и деревья не заставляютъ ихъ ходить по одному и тому же мѣсту; но за то русаки иногда имѣютъ довольно постоянныя денныя лежки въ выкопанныхъ ими небольшихъ норахъ, въ снѣжныхъ сугробахъ или въ норахъ сурочьихъ; тутъ натоптываются нѣкоторымъ образомъ такія же тропы, какъ и въ лѣсу, и на нихъ-то ставятъ капканы; но по большой части ловятъ русаковъ на крестьянскихъ гумнахъ, куда ходятъ они и зимою кушать хлѣбъ, пролѣзая для того, въ одномъ и томъ же мѣстѣ, сквозь прясла гуменнаго забора, или перескакивая черезъ него, когда онъ почти до верху занесенъ снѣгомъ. На этихъ-то прыжкахъ, или пролѣзаньяхъ сквозь прясла, всего вѣрнѣе ставить капканы. Если около гуменъ находится по близости болотистая урема или лѣсъ, то и бѣляки посѣщаютъ гумна, отъ чего дѣлаются очень жирны; но никогда не могутъ сравняться съ русаками, которые до того отъѣдаются, что матерые имѣютъ вѣсу до тридцати-пяти фунтовъ.

Само собою разумѣется, что чѣмъ больше поставлено капкановъ, тѣмъ больше попадетъ зайцевъ; но должно признаться, что это работа хлопотливая и медленная, такъ что въ короткой зимній день трудно поставить болѣе пятнадцати капкановъ. Жестокіе оренбургскіе бураны такъ иногда зано-

Digitized by Google

сятъ ихъ, что привычный и замѣтливый глазъ хозяина не вдругъ найдетъ мѣсто, гдѣ были поставлены его снасти: иногда охотникъ даже теряетъ ихъ и находитъ уже весной, да и то не всегда.

Заячьими капканами ловятъ норокъ по берегамъ рѣкъ. Изрѣдка ловятъ и куницъ, ставя капканы на толстыхъ древесныхъ сучкахъ и пришивая, для прикормки, кусокъ какого-нибудь мяса къ полотну капкана; куница, попавъ въ него, падаетъ вмѣстѣ съ нимъ на снѣгъ, и охотникъ сейчасъ найдетъ ее по слѣду.

Во время оттепели и мокраго снѣга капкановъ не ставятъ, потому-что снѣгъ прилипаетъ къ снастямъ и пружины ихъ оттого дѣйствуютъ слабо; послѣ же мятели или выпавшаго снѣга всѣ снасти надобно осмотрѣть и вновь переставить.

Когда снѣгъ углубѣетъ, то заячьи капканы ставятъ на лыжахъ; но къ волчьимъ и лисьимъ капканамъ, то есть къ мѣстамъ, на которыхъ они ставятся, на лыжахъ не подходятъ. Лыжи необходимы для преслѣдованія попавшаго волка, если снѣгъ уже глубокъ.

Хотя я хаживалъ на эту охоту только за зайцами и всегда съ опытными мастерами, но никогда не умѣлъ ставить хорошо капканы, и въ мои снасти какъ-то звѣрь мало попадалъ. У меня не доставало терпѣнія для отчетливой медленной работы, требующей много времени и акуратности, и я долженъ признаться, что ходьба по снѣгу пѣшкомъ или на лыжахъ, въ зимнюю стужу, мнѣ не очень нравилась. Но обходить поставленные капканы и вынимать попавшуюся добычу я очень любилъ.

Digitized by Google

ГОНЬБА ЛИСЪ И ВОЛКОВЪ.

Я упомянулъ въ своихъ «Запискахъ ружейнаго охотника» о томъ, что по первому снѣгу, довольно глубокому, добычливые охотники, въ Оренбургской губерніи, заганиваютъ, верхомъ на лошадяхъ, лисъ и волковъ и убиваютъ ихъ безъ помощи собакъ и огнестрѣльнаго оружія. Эта охота, которая можетъ быть производима только въ открытыхъ поляхъ или степяхъ, безъ сомнѣнія многимъ вовсе неизвѣстна; а кто и слыхалъ о ней, тотъ также не имѣетъ настоящаго понятія о сущности дѣла, если оно не было сообщено ему участникомъ въ охотѣ или, по крайней мѣрѣ, самовидцемъ. Я разскажу все, что знаю: что видѣлъ своими глазами и что слыхалъ отъ опытныхъ, настоящихъ охотниковъ.

Какъ скоро, въ началѣ зимы, выпадетъ такъ называемая «густая пороша», то-есть: выпадетъ снѣгъ глубиною отъ полуторы до двухъ съ половиною четвертей,—наступаетъ удобное время для гоньбы звѣря, потому-что глубина снѣга лишаетъ его возможности долго бѣжать, а для лошади рыхлый снѣгъ, въ двѣ четверти, ничего не значитъ. Для успѣшной охоты достаточно двухъ верховыхъ, а болѣе трехъ уже и не нужно. Въ случаѣ необходимости, даже одинъ охотникъ на доброй лошади, если мѣстность удобна, можетъ загнать не одну лису, несмотря на краткость осенняго или зимняго дня; но волка загнать одному охотнику почти невозможно; примѣры бываютъ—за то считаются великою рѣдкостью. Цѣль этой охоты состоитъ въ томъ, чтобы гнаться за звѣремъ верхомъ, до тѣхъ поръ, пока онъ, выбившись изъ силъ, не въ состояніи будетъ сдѣлать ни одного прыжка,—и тогда убить его арапникомъ, дубинкой или взять его живьемъ. Преимущественно успѣхъ зависитъ отъ легкости, нестомчивости и неспотыкливости ло-

Digitized by Google

шади и отъ крѣпости силъ и ловкости охотника. Другое, не менѣе важное условіе успѣха состоитъ въ томъ, чтобъ снѣгъ былъ ровенъ, рыхлъ и пушистъ: какъ скоро сдѣлаются хотя маленькіе *удулы*, *) или осадка, или настъ — гоньба невозможна: тогда, если не вездѣ, то по мѣстамъ, снѣгъ будетъ поднимать звѣря, а лошадь, напротивъ, станетъ вездѣ проваливаться и даже рѣзать себѣ ноги. Хотя это добыванье звѣря очень утомительно, но я видалъ много страстныхъ охотниковъ, большею частью изъ простаго народа, предпочитавшихъ гоньбу травлѣ звѣрей борзыми собаками. **) Быстрая скачка на рѣзвой лошади, по необозримому пространству, за убѣгающимъ хищнымъ звѣремъ, сильно разгорячаетъ охотника и онъ приходитъ въ какое-то вдохновенное состояніе, въ самозабвеніе. Вольною птицей носясь по полямъ и долинамъ, по горамъ и оврагамъ, охотникъ безвредно мчится по такимъ неудобнымъ и даже опаснымъ мѣстностямъ, по какимъ онъ не вдругъ бы рѣшился скакать въ спокойномъ состояніи духа. Охотники любятъ такія минуты волненія, да и кто же не любитъ сильныхъ впечатлѣній?...

Въ гонкѣ лиса гораздо слабѣе волка. Волкъ можетъ бѣжать безъ отдыха отъ десяти до пятнадцати верстъ; за то, остановившись, онъ падаетъ совершенно обезсиленный, ткнется рыломъ въ снѣгъ, и съ нимъ можно дѣлать что угодно: ему надо много времени, чтобы отдохнуть. Лиса напротивъ заганивается на двухъ, много на трехъ верстахъ; даже на одной верстѣ высунется у нея языкъ, она начнетъ оглядываться, искать возможности какъ-нибудь прилечь, чтобъ отдохнуть хотя на одну минуту, и если это будетъ удаваться ей, то силы ея подкрѣпятся, она снова пускается въ бѣгъ и саженъ сто бѣ-

---

*) Удуломъ называется, въ Оренбургской губерніи, снѣгъ, сметаемый, придуваемый вѣтромъ къ нѣкоторымъ мѣстамъ, отъ чего образуются крѣпкія, снѣжныя возвышенности и даже бугры.

**) Я знаю, что никто изъ псовыхъ охотниковъ не согласится съ этимъ; знаю, что они смотрятъ съ презрѣніемъ на гоньбу звѣрей, что они хотятъ ихъ травить, а не добывать, хотятъ любоваться рѣзвостью, поимчивостью собакъ, и проч. и проч. Все это справедливо; но о вкусахъ въ охотѣ спорить не должно; скажу только, что продолжительной, упорной скачки несравненно больше въ гоньбѣ, чѣмъ въ травлѣ, что въ гоньбѣ охотникъ дѣйствуетъ самостоятельнѣе, обходясь безъ помощи собакъ и ружья, и что, по словамъ многихъ, въ то же время псовыхъ охотниковъ, гоньба за звѣремъ въ одиночку горячитъ больше травли.

Digitized by Google

житъ очень рѣзво. Прятаться она такая мастерица, что во всякомъ овражкѣ или кустикѣ такъ плотно заляжетъ, что охотникъ можетъ проскакать мимо и дастъ ей время перевесть духъ.

Охота производится слѣдующимъ образомъ: какъ скоро ляжетъ густая пороша, двое или трое охотниковъ, верхами на добрыхъ не задушливыхъ коняхъ, *) вооруженные арапниками и небольшими дубинками, отправляются въ поле, разумѣется, рано утромъ, чтобы вполнѣ воспользоваться короткимъ осеннимъ днемъ; наѣхавъ на свѣжій лисій нарыскъ или волчій слѣдъ, они съѣзжаютъ звѣря; когда онъ поднимется съ логова, одинъ изъ охотниковъ начинаетъ его гнать, преслѣдовать неотступно, а другой, или другіе охотники, если ихъ двое, *мастерятъ*, то-есть, скачутъ стороною, не доцуская звѣря завалиться въ островъ (отъемный лѣсъ), если онъ случится по близости, или не давая звѣрю притаиться въ крѣпкихъ мѣстахъ, какъ-то: рытвинахъ, овражкахъ, сурчинахъ и буеракахъ, поросшихъ кустарникомъ. Охотники иногда пересѣкаютъ ему путь, иногда заѣжаютъ на встрѣчу, зная заранѣе по мѣстности, куда побѣжитъ звѣрь, и нерѣдко поворачиваютъ его такъ, что иногда лиса, особенно волкъ, кружится на одномъ и томъ же пространствѣ, пробѣгая его нѣсколько разъ взадъ и впередъ. Впрочемъ, это дѣлается преимущественно съ волкомъ, который можетъ пробѣжать большое разстояніе; съ лисой же надобно только наблюдать, чтобъ она не залегла гдѣнибудь и не отдохнула. Лошадь того охотника, который гонитъ звѣря по пятамъ, по всѣмъ извилинамъ и поворотамъ его бѣга, разумѣется, должна гораздо скорѣе устать, и тогда товарищъ его смѣняетъ: первый начинаетъ мастерить, а второй гнать. Въ отношеніи къ волку надобно наблюдать слѣдующее правило: какъ скоро онъ начнетъ бѣжать тише, такъ что не трудно смять его лошадью, не должно подскакивать къ нему слишкомъ близко. Матерой или старый волкъ, не лишенный еще силъ, можетъ кинуться на лошадь; бывали примѣры, что волкъ бросался на шею лошади и жестоко ее ранилъ своими

*) Въ Оренбургской губерніи много есть лошадей, выведенныхъ отъ башкирскихъ матокъ и заводскихъ жеребцовъ; эта порода отлично хороша вообще для охоты и въ особенности для гоньбы за звѣремъ.

Digitized by Google

клыками, даже кусалъ за ноги охотника. Въ такомъ случаѣ, не теряя присутствія духа и времени, надобно прибѣгнуть къ арапнику или дубинкѣ. Волкъ боится даже *лучка*, какъ говоритъ народъ, то-есть: боится, когда человѣкъ замахнется на него, какъ-будто хочетъ *лукнуть*, бросить что-нибудь, и рѣдко случается, чтобъ волкъ въ первое мгновеніе не отскочилъ отъ человѣка. *) Удара арапникомъ или дубинкой будетъ достаточно, чтобъ усталый и напуганный звѣрь пустился опять на утекъ. Въ отношеніи же къ лисѣ никакъ не должно полагаться на то, что она приляжетъ и какъ-будто растянется на снѣгу, а надобно сейчасъ попробовать поднять ее хлопаньемъ арапника; потому-что въ то время, какъ охотникъ, подскакавъ къ ней, бросится съ лошади, лиса вскочитъ и сначала побѣжитъ очень проворно, освѣженная минутнымъ отдыхомъ, чѣмъ выиграетъ передъ у охотника и можетъ куда-нибудь спрятаться. Вообще брать загнанную лису живьемъ надобно осторожно: она кусается гораздо чаще, чѣмъ волкъ.—Наконецъ преслѣдуемый звѣрь утомится совершенно, выбьется изъ силъ и ляжетъ окончательно, или вѣрнѣе сказать, упадетъ, такъ что приближеніе охотника и близкое хлопанье арапникомъ его не поднимаетъ; тогда охотникъ, наскакавъ на свою добычу, проворно бросается съ сѣдла и дубинкой убиваетъ звѣря; если же нужно взять его живьемъ, то хватаетъ за уши или за загривокъ поближе къ головѣ и, съ помощію другаго охотника, который немедленно подскакиваетъ, надѣваетъ на волка или лису *намордникъ*, родъ уздечки изъ крѣпкихъ бичевокъ; звѣрь взнуздывается, какъ лошадь, веревочкой, свитой пополамъ съ конскими волосами; эта веревочка углубляется въ самый зѣвъ, такъ что онъ не можетъ перекусить ее, да и вообще кусаться не можетъ; уздечка крѣпко завязывается на шеѣ, близь затылка, и соскочить никакъ не можетъ; уздечка, разумѣется, привязана къ веревкѣ, на которой можно вести звѣря или тащить куда угодно. Живыхъ лисъ и волковъ достаютъ для того, чтобъ притравливать на нихъ молодыхъ собакъ, которыя иногда не берутъ этихъ звѣрей: волка—потому, что онъ силенъ и жестоко кусается, а лису—потому, что она отыгрывается отъ молодыхъ собакъ, которыя по неопытности принимаютъ ее за

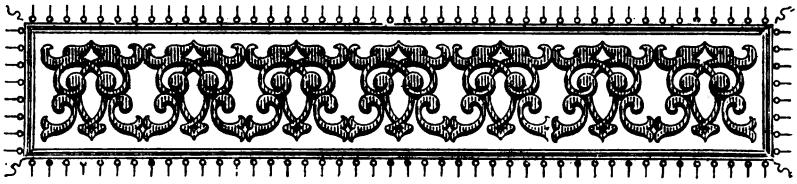
*) Многіе звѣроловы съ этимъ не согласны.

Digitized by Google

такую же, какъ онѣ, собаку и начинаютъ съ нею играть; лиса же, при первой удобной мѣстности, отъ нихъ скрывается и уходитъ; разумѣется, эта хитрость не обманетъ старыхъ вловившихся собакъ.

Есть такіе ловкіе охотники, которые въ одиночку заганиваютъ лису и приводятъ ее живую на веревкѣ. При такой одиночной охотѣ, загнавъ лису, надобно лѣвою рукою держать ее за уши, а правою надѣть на нее намордникъ.

Digitized by Google



НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

о

СУЕВѢРІЯХЪ И ПРИМѢТАХЪ ОХОТНИКОВЪ.

Извѣстное дѣло, что охотники-простолюдины — всѣ безъ исключенія суевѣры, суевѣрны гораздо болѣе, чѣмъ весь остальной народъ, и мнѣ кажется не трудно найти тому объясненіе и причину: постоянное, по большой части уединенное, присутствіе при всѣхъ явленіяхъ, совершающихся въ природѣ, таинственныхъ, часто необъяснимыхъ и для людей образованныхъ и даже ученыхъ, — непремѣнно должно располагать душу охотника къ вѣрѣ въ чудесное и сверхъестественное. Человѣкъ не любитъ оставаться въ неизвѣстности: видя или слыша что-нибудь необъяснимое для него очевидностью, онъ создаетъ себѣ фантастическія объясненія и передаетъ другимъ съ нѣкоторою увѣренностью; тѣ, принимая ихъ съ теплою вѣрою, добавляютъ собственными наблюденіями и заключеніями — и вотъ создается множество фантазій, иногда очень остроумныхъ, граціозныхъ и поэтическихъ, иногда нелѣпыхъ и уродливыхъ, но всегда оригинальныхъ. Я увѣренъ, что охотники первые начали созиданіе фантастическаго міра, существующаго у всѣхъ народовъ. Первый слухъ о лѣшемъ пустилъ въ народъ, вѣроятно, лѣс-

Digitized by Google

ной охотникъ; водяныхъ дѣвокъ или чертовокъ *) замѣтилъ рыбакъ; волковъ-оборотней открылъ звѣроловъ. Я уже говорилъ въ моихъ «Запискахъ ружейнаго охотника», что въ большихъ лѣсахъ, пересѣкаемыхъ глубокими оврагами, въ тишинѣ вечернихъ сумерекъ и утреннаго разсвѣта, въ безмолвіи глубокой ночи, крикъ звѣря и птицы и даже голосъ человѣка измѣняются и звучатъ другими, какими-то странными, неслыханными звуками; что ночью слышенъ не только тихій ходъ лисы или прыжки зайца, но даже шелестъ маленькихъ звѣрковъ. Весьма естественно, что какой-нибудь охотникъ, застигнутый ночью въ лѣсу, охваченный чувствомъ непреодолимаго страха, который невольно внушаетъ темнота и тишина ночи, услыхавъ дикіе звуки, искаженно повторяемые эхомъ лѣсныхъ овраговъ, принялъ ихъ за голосъ сверхъестественнаго существа, а шелестъ приближающихся прыжковъ зайца — за приближеніе этого существа. Крикъ филина и маленькихъ совъ особенной породы, которыхъ онъ слыхалъ, можетъ быть, и прежде, но который не походилъ на слышимые имъ теперь звуки въ лѣсу, — не могъ ли показаться ему и хохотомъ, и стономъ, и воемъ, и чѣмъ угодно? Если же онъ, дрожа и потѣя отъ страха, но подавляемый усталостью, какъ-нибудь засыпалъ, или хотя задремывалъ, то безъ сомнѣнія грезилъ во снѣ тѣмъ же, чѣмъ былъ полонъ и волнуемъ на-яву; дремота даже могла придать болѣе опредѣленности образу неизвѣстнаго существа. Съ первыми лучами солнца, отыскавъ дорогу и возвращаясь домой, онъ чувствовалъ себя какъ-будто изломаннымъ, изщипаннымъ, и увидя свое тѣло, покрытое пятнами, онъ легко могъ приписать ихъ щипанью или щекотанью того же сверхъестественнаго существа. Бѣдняка искусали крупные лѣсные муравьи или другія насѣкомыя; но такое простое объясненіе не приходитъ ему въ голову. А какъ событіе происходило въ лѣсу, то и даетъ онъ имя лѣшаго его таинственному обитателю. Дома разсказываетъ онъ свою чудную повѣсть, показываетъ красныя и синія пятна на своемъ тѣлѣ; воображеніе разскащика и слушателей воспламеняется, дополняетъ картину — и лѣшій или

*) Въ Оренбургской, а равно Казанской и Симбирской губерніяхъ, народъ не знаетъ слова «русалка».

Digitized by Google

лѣсовикъ получаетъ свое фантастическое существованіе! Постепенно укрѣпляясь въ народномъ вѣдѣніи и вѣрованіи, принимаетъ онъ опредѣленный образъ и черты, иногда очень подробные и разнообразные.

Вода, преимущественно большая, въ позднія сумерки и ранній разсвѣтъ, особенно въ ночное время, производитъ на человѣка такое же дѣйствіе невольнаго страха, какъ и дремучій лѣсъ. Внезапное движеніе и плескъ воды, тогда какъ производящей его рыбы или звѣря, за темнотою, хорошенько разглядѣть нельзя, могло напугать какого-нибудь рыбака, сидящаго съ удочкой на берегу или съ сѣтью на лодкѣ. Шумъ и движеніе въ камышѣ или осокѣ, производимые уткой съ утятами, даже прыгающими лягушками, — могли показаться устрашенному воображенію чѣмъ-то похожимъ на движеніе существа несравненно бо̀льшаго объема. Выпрыгнувшая изъ воды на берегъ или спрыгнувшая съ берега въ воду порѣчина, мелькнувшая неяснымъ, темнымъ призракомъ, могла отразиться въ его воображеніи чѣмъ-то похожимъ на образъ человѣческій. У *страха глаза велики*, говоритъ пословица, и почему же круглому, тупому рылу сома, высунувшемуся на поверхность воды и быстро опять погрузившемуся — не показаться за человѣческую голову, которая всплывала на одно мгновенье? Почему остроконечный носъ и голова щуки или жериха не могли показаться локтемъ руки или какимъ-нибудь человѣческимъ членомъ? Точно также, какъ разсказывалъ лѣсной охотникъ о своихъ ночныхъ страхахъ и видѣніяхъ въ лѣсу, разсказываетъ и рыбакъ, въ своей семьѣ, о томъ, что̀ видѣлъ на водѣ; онъ встрѣчаетъ такую же вѣру въ свои разсказы, и такое же воспламененное воображеніе создаетъ таинственныхъ обитателей водъ, называетъ ихъ русалками, водяными дѣвками или чертовками, дополняетъ и украшаетъ ихъ образы и отводитъ имъ законное мѣсто въ мірѣ народной фантазіи; но какъ жители водъ, то-есть рыбы — нѣмы, то и водяныя красавицы не имѣютъ голоса. *) Нельзя ли такимъ образомъ объяснить происхожденіе и другихъ народныхъ суевѣрій? Впрочемъ, изслѣдованіе этого интереснаго предмета до меня не касается. Я упомянулъ о немъ только для того,

*) Такъ утверждаетъ по крайней мѣрѣ народъ въ Оренбургской губерніи.

Digitized by Google

чтобы объяснить, отъ чего охотники суевѣрнѣе другихъ людей.

Вѣроятно, на основаніи такихъ суевѣрныхъ понятій, развилось множество примѣтъ и вѣра въ колдовство, которыми заражены болѣе или менѣе всѣ охотники-простолюдины. Въ Оренбургской губерніи, которая извѣстна мнѣ болѣе другихъ, я замѣтилъ странное явленіе: колдуновъ тамъ довольно, особенно между Мордвами и Чувашами, но суевѣрныхъ примѣтъ очень мало; разумѣется, это отразилось и на охотникахъ. *) Вѣра ихъ въ колдовство, относительно охоты, состоитъ въ томъ, что колдуну приписывается умѣнье заговаривать ружья и всякія звѣроловныя и рыболовныя снасти. Заговоренное ружье или будетъ осѣкаться, какъ бы ни были хороши кремень и огниво, или будетъ бить такъ слабо, что птица станетъ улетать, а звѣрь — уходить, несмотря на полученныя раны; или ружье станетъ бить просто мимо, отъ разлетающейся во всѣ стороны дроби. Въ заговоренныя снасти звѣрь не пойдетъ, а если пойдетъ и попадетъ, то онѣ его не удержатъ. Само собою разумѣется, что колдунъ можетъ произвести и противное тому дѣйствіе, то-есть: пули и дробь станутъ непремѣнно попадать въ цѣль и наносить смертельныя раны; рыба, звѣрь и птица повлекутся невѣдомою силою въ сѣти и снасти и, попавшись, никакъ не освободятся. Ружейные охотники и звѣроловы, ходящіе за краснымъ звѣремъ, всегда обращаются къ колдуну, если онъ есть гдѣ-нибудь въ сосѣдствѣ и пользуется славой; они даютъ ему заговаривать или наговаривать на пули, картечь и жеребья, а также и на свои снасти, преимущественно на капканы. Колдуны средней руки, признавая себя не довольно знающими, чтобы производить вышесказанныя дѣйствія, берутся заговаривать ружья и снасти только для предохраненія ихъ отъ заговора другаго колдуна, болѣе ихъ искуснаго, и охотники считаютъ это необходимымъ.

---

*) Нельзя ли объяснить отсутствіе многихъ суевѣрныхъ примѣтъ Оренбургской губерніи сводностью, разнохарактерностью русскаго народонаселенія, утонувшаго, такъ сказать, въ населеніи туземномъ, состоящемъ изъ Башкиръ, Татаръ, Мордвы, Чувашъ и прочихъ? Отъ взаимнаго столкновенія переселенцевъ изъ разныхъ губерній, какъ между собою, такъ и между туземными инородцами, не могли ли потеряться завозныя суевѣрія и примѣты?

Digitized by Google

Увѣренность въ недобромъ глазѣ, какой бываетъ у нѣкоторыхъ людей, преимущественно старухъ и стариковъ, въ способности ихъ «сглазить» или «озѣпать», очень укоренена въ охотникахъ. Они вѣрятъ этой силѣ безусловно и не только сами боятся встрѣчи съ такими людьми, особенно при выходѣ на охоту, но берегутъ отъ нихъ собакъ и ястребовъ, даже прячутъ ружья и всякія звѣроловныя и рыболовныя снасти.

Независимо отъ вѣры въ колдовство, охотники имѣютъ много примѣтъ, которыя бываютъ общими, а иногда исключительными, принадлежащими лично одному какому-нибудь охотнику. Общими дурными примѣтами считаются:

1) Встрѣча съ людьми недоброжелательными, по большой части, имѣющими будто бы *дурной глазъ*, съ людьми насмѣшливыми (озорниками) вообще съ женщинами и въ особенности съ старухами. Выходя на какую бы то ни было охоту, охотникъ внимательно смотритъ впередъ и, завидя недобрую встрѣчу, сворачиваетъ съ дороги и сдѣлаетъ обходъ стороною или переждетъ, спрятавшись гдѣ-нибудь на дворѣ, такъ чтобы идущая старая баба, или недобрый, или ненадежный человѣкъ — его не увидѣлъ. Если какая бы то ни была женщина, непримѣченная охотникомъ, неожиданно перейдетъ ему поперекъ дорогу, охотникъ теряетъ надежду на успѣшную охоту, нерѣдко возвращается домой и черезъ нѣсколько времени отправляется уже совсѣмъ въ другую сторону, по другой дорогѣ. Женщины знаютъ эту охотничью примѣту, и потому благонамѣренныя изъ нихъ, завидя идущаго охотника, ни за что не перейдутъ ему дорогу, а дождутся, пока онъ пройдетъ или проѣдетъ. Замѣчательно, что эта примѣта до дѣвицъ не касается.

2) Встрѣча съ пустыми телѣгами или дровнями не предвѣщаетъ также успѣшной охоты; тогда какъ, напротивъ, полный возъ хлѣба, сѣна, соломы или чего бы то ни было считается добрымъ предзнаменованіемъ.

3) Крикъ ворона, филина и совы, если охотникъ услышитъ его, идя на охоту, не предвѣщаетъ успѣха.

4) Если кто-нибудь скажетъ охотнику, идущему стрѣлять: «принеси крылышко», звѣролову — «принеси шерстки или хвостикъ», а рыбаку — «принеси рыбьей чешуйки», то охот-

Digitized by Google

никъ считаетъ, что охота его въ этотъ день не будетъ удачна. Вышеприведенными мною словами часто дразнятъ охотниковъ нарочно, такъ, ради шутки, за что они очень сердятся и за что нерѣдко больно достается шутникамъ.

Для противодѣйствія дурнымъ встрѣчамъ и предзнаменованіямъ, считается довольно вѣрнымъ средствомъ: охотнику искупаться, собаку выкупать, а ястреба вспрыснуть водою.

5) Есть еще примѣта у нѣкоторыхъ рыбаковъ съ удочкою, что въ ведро, куда предполагается сажать свою добычу, не должно наливать воды до тѣхъ поръ, покуда не выудится первая рыба. Впрочемъ, эта примѣта далеко не общая.

6) Дробины или картечи, вынутыя изъ тѣла убитой птицы или звѣря, имѣютъ въ глазахъ охотниковъ большую важность: они кладутъ такія дробины или картечи, по одной, въ новые заряды и считаютъ, что такой зарядъ не можетъ пролетѣть мимо.

7) Почти всѣ охотники имѣютъ примѣту, что если первый выстрѣлъ будетъ промахъ, если первая рыба сорвется съ удочки, или ястребъ не поймаетъ первой птицы, то вся охота будетъ неуспѣшна. Это обстоятельство случается нерѣдко съ охотниками запальчивыми, особенно ружейными, не имѣющими даже никакихъ примѣтъ, и случается по причинѣ самой естественной: охотникъ разгорячится, а горячность поведетъ за собой нетерпѣніе, торопливость, невѣрность руки и глаза, несоблюденіе мѣры и — неудачу. Все это обыкновенно приписывается первому промаху. Но вотъ странность: я зналъ одного славнаго ружейнаго охотника, уже не молодаго, у котораго была примѣта, что если первый выстрѣлъ будетъ пудель, то охота будетъ задачна и добычлива. Я много разъ бывалъ съ нимъ на охотѣ и долженъ сказать, что опытъ, къ моему удивленію, всегда подтверждалъ его странную примѣту. Этотъ охотникъ добродушно увѣрялъ меня, что нѣсколько разъ пробовалъ нарочно промахнуться первымъ выстрѣломъ, но что въ такомъ случаѣ примѣта оказывалась недѣйствительною. Эта примѣта уже личная, и служитъ только новымъ доказательствомъ, какъ сильно вліяніе мысли на тѣлесныя наши дѣйствія.

Примѣты личныя, или частныя, неисчислимы и не заслуживаютъ особеннаго вниманія, и потому я о нихъ распро-

Digitized by Google

страняться не стану; разскажу только одинъ забавный примѣръ. Я зналъ старика-охотника, весьма искуснаго стрѣлка, извѣстнаго мастера отыскивать птицу тогда, когда другіе ее не находятъ: онъ ни за что въ свѣтѣ не заряжалъ ружья, не увидѣвъ напередъ птицы или звѣря, отъ чего первая добыча весьма часто улетала или уходила безъ выстрѣла. Этотъ охотникъ былъ увѣренъ, что если зарядить ружье дома, или идучи на охоту, то удачи не будетъ; онъ ссылался на множество случившихся съ нимъ опытовъ, но мнѣ не удалось повѣрить его словъ на дѣлѣ.

Ни на что такъ часто не жалуются ружейные охотники, какъ на легкоранность своихъ ружей, которая будто, по временамъ, безъ всякой причины появлялась въ ихъ ружьяхъ, бившихъ прежде крѣпко и сердито. По бо̀льшей части это приписывается вредному дѣйствію знахарей, которые портятъ ружья заговорами и естественными средствами. Заговоръ можетъ быть пущенъ даже по вѣтру, слѣдовательно отъ него нѣтъ защиты, и лѣкарства надобно искать у другаго колдуна; но если ружье испорчено тѣмъ, что внутренность его была вымазана какимъ-нибудь секретнымъ составомъ (въ существованіи такихъ секретовъ никто не сомнѣвается), отъ котораго ружье стало бить слабо, то къ исправленію этой бѣды считается вѣрнымъ средствомъ змѣиная кровь, которою вымазываютъ внутренность ружейнаго ствола и даютъ крови засохнуть. Нѣкоторые охотники кладутъ змѣю въ стволъ заряженнаго ружья, притискиваютъ шомполомъ и выстрѣливаютъ, послѣ чего оставляютъ ружье на нѣсколько часовъ на солнцѣ или на горячей печкѣ, чтобы кровь обсохла и хорошенько въѣлась въ желѣзо. Вообще змѣиная кровь считается благонадежнымъ средствомъ, чтобы ружье било крѣпко. Впрочемъ, это можно отнести скорѣе къ суевѣрію, чѣмъ къ примѣтамъ.

Въ заключеніе я долженъ признаться, что внезапная легкоранность ружей не одинъ разъ смущала меня въ продолженіе многолѣтней моей охоты; это же необъяснимое обстоятельство случалось и съ другими знакомыми мнѣ охотниками. Я упомянулъ въ моихъ «Запискахъ ружейнаго охотника», о томъ, что ружья начинаютъ очень плохо бить тетеревовъ, когда наступаютъ, въ концѣ осени или въ началѣ зимы, сильные мо-

Digitized by Google

розы; но тамъ причины очевидны, хотя сначала могутъ быть не поняты. Здѣсь совсѣмъ другое дѣло: иногда вдругъ посреди лѣта ружье перестаетъ бить, или бьетъ такъ слабо, что каждая птица улетаетъ. Я приходилъ отъ того въ недоумѣнье, въ большую досаду; искалъ причинъ и не находилъ; но я никогда не приписывалъ этого колдовству, слѣдовательно не прибѣгалъ и къ помощи колдуновъ, даже не пробовалъ змѣиной крови. По неволѣ я вѣшалъ испортившееся ружье на стѣну и бралъ другое. Черезъ нѣсколько времени, привычка къ любимому ружью заставляла меня попробовать, не возвратился ли къ нему прежній бой? И дѣйствительно прежній бой возвращался. Сначала я счелъ это просто чудомъ, но потомъ привыкъ и постоянно лѣчилъ появлявшуюся легкоранность въ моихъ ружьяхъ — вѣшаньемъ ихъ на стѣну для отдохновенія. Что это такое было? Отъ какихъ невѣдомыхъ причинъ происходило это явленіе? — не знаю; но въ дѣйствительности его ручаюсь.

Digitized by Google

СЧАСТЛИВЫЙ СЛУЧАЙ.

Часто случается въ охотѣ, что именно того не находишь, чего ищешь, и наоборотъ: получишь драгоцѣнную добычу тамъ, гдѣ объ ней и не помышляешь. Много разъ ѣзжалъ я съ другими охотниками на охоту за волками съ живымъ поросенкомъ, много разъ караулилъ волковъ на привадахъ, много разъ подстерегалъ тѣхъ же волковъ изъ-подъ гончихъ, стоя на самомъ лучшемъ лазу изъ острова, въ которомъ находилась цѣлая волчья выводка, — и ни одного волка въ глаза не видалъ! Но вотъ что случилось со мной въ молодости; это было въ 1811 году, 21-го сентября. Поѣхалъ я рано утромъ стрѣлять тетеревовъ и валдшнеповъ. День былъ пасмурный и по временамъ моросилъ мелкой дождь. Я убилъ трехъ валдшнеповъ и пять тетеревовъ, которые еще не состаились, мало садились и не долго сидѣли на деревьяхъ, да къ тому же и вѣтеръ сгонялъ ихъ. Проѣздивъ часовъ до одиннадцати и возвращаясь домой, я хотѣлъ выстрѣлить во что нибудь, чтобъ разрядить ружье, заряженное середней утиной дробью, то-есть четвертымъ нумеромъ. Нѣсколько разъ подъѣзжалъ я къ беркуту (степной орелъ), необыкновенно смирному, который перелеталъ съ сурчины на сурчину; два раза подъѣзжалъ я въ мѣру, но ружье осѣкалось (оно было съ кремнемъ); наконецъ, у самой деревенской околицы, вздумалъ я завернуть на одно маленькое, родниковое озерцо, въ которомъ мочили конопли и на которомъ всегда держались утки. Только-что я своротилъ съ дороги и сталъ спускаться къ уремѣ, какъ вдругъ кучеръ мой, какъ-то оглянувшись назадъ, закричалъ: «волки, волки!» и осадилъ лошадей. Я обернулся: два волка неслись прямо на насъ за двумя молодыми собаками, которыя были со мною на охотѣ. Я сидѣлъ верхомъ на дрожкахъ, но проворно перекинулся назадъ лицомъ къ

Digitized by Google

запяткамъ, снялъ ружье, висѣвшее у меня за спиной, и развязалъ платокъ, которымъ былъ обернутъ замокъ, потому-что шелъ мелкой дождичекъ. Въ самую эту минуту, передній волкъ, гнавшійся по пятамъ за собакой, наскакавъ на самые дрожки, отпрыгнулъ и шагахъ въ двадцати остановился, почти бокомъ ко мнѣ. Я мгновенно прицѣлился и выстрѣлилъ: волкъ взвизгнулъ, подпрыгнулъ отъ земли на аршинъ и побѣжалъ прочь, другой пустился за нимъ; собаки спрятались подъ дрожки; лошади почуяли волковъ и подхватили было насъ; но кучеръ скоро ихъ удержалъ. Волки исчезли въ небольшомъ, но крутоберегомъ вражкѣ, называющемся и теперь «Антошкинъ врагъ». Остановивъ лошадей, я зарядилъ поскорѣе своего испанца (такъ называлось мое любимое ружье) картечью, зарядъ которой какъ-то нашелся у меня въ патронташѣ, и поскакалъ вслѣдъ за волками. Шагахъ въ пятидесяти, въ глубинѣ вражка, одинъ волкъ лежалъ, повидимому, мертвый, а другой сидѣлъ подлѣ него: увидѣвъ насъ, онъ побѣжалъ прочь и, отбѣжавъ саженъ сто, сѣлъ на высокую сурчину. Я, удостовѣрившись, что стрѣленый волкъ точно издохъ, легъ подлѣ него во вражкѣ, а кучеру велѣлъ уѣхать изъ виду вонъ, въ противоположную сторону; я надѣялся, что другой волкъ подойдетъ къ убитому, но напрасно: онъ вылъ какъ собака, перебѣгалъ съ мѣста на мѣсто, но ко мнѣ не приближался. Я вышелъ изъ моей засады, кликнулъ кучера и попробовалъ подъѣхать къ волку; но онъ, не убѣгая прочь, держался въ дальнемъ разстояніи. Дѣлать было нечего, я остановился, положилъ ружье на одно изъ заднихъ колесъ и выстрѣлилъ; мѣра была шаговъ на полтораста. Вѣроятно картечь слегка задѣла волка, потому-что онъ сдѣлалъ прыжокъ и скрылся. Я воротился къ убитому волку. Все это время я былъ въ какомъ-то забытьѣ, тутъ только опомнился и пришелъ въ такой восторгъ, какого описать не умѣю и къ какому можетъ быть способенъ только двадцатилѣтній горячій охотникъ. Убить волка, поѣхавъ стрѣлять валдшнеповъ и тетеревовъ, возвращаясь домой, у самой околицы, безъ всякихъ трудовъ, утиной дробью, изъ ружья, которое передъ тѣмъ осѣкалось два разъ сряду... только охотники могутъ понять всѣ эти обстоятельства и оцѣнить мою тогдашнюю радость! И какой волкъ! Самый матерой, даже старый! Трудно было взвалить убитаго звѣря на дрожки, потому-что лошади

Digitized by Google

не стояли на мѣстѣ, храпѣли и шарахались, слыша волчій духъ; но наконецъ кое-какъ я перевалилъ волка поперекъ дрожекъ и привезъ въ торжествѣ домой мою добычу. Полдеревни и вся дворня сбѣжались на такое зрѣлище, потому-что мы съ кучеромъ кричали какъ сумасшедшіе и звали всѣхъ смотрѣть застрѣленнаго волка. Разсказавъ не менѣе ста разъ, всѣмъ и каждому, счастливое событіе, со всѣми его подробностями, я своими руками стащилъ волка къ старому скорняку и заставилъ при себѣ снять съ него шкуру. Я положилъ волку 24 дробины подъ лѣвую лопатку. Волкъ былъ необыкновенно великъ и сытъ; въ одной его ногѣ нашли два желѣзныхъ жеребья, давно заросшія въ тѣлѣ. Очевидно, что онъ былъ стрѣленъ. Желудокъ его оказался туго набитъ свѣжимъ свинымъ мясомъ вмѣстѣ съ щетиной. По справкѣ открылось, что въ это самое утро эти самые волки зарѣзали молодую свинью, отбившуюся отъ стада. И теперь не могу я понять, какъ сытые волки, въ такое раннее время осени, середи дня, у самой деревни, могли съ такою наглостью броситься за собаками и набѣжать такъ близко на людей. Всѣ охотники утверждали, что это были *озорники*, которые *озоруютъ* съ жиру. Въ лѣтописяхъ охоты, конечно, можно назвать этотъ случай однимъ изъ самыхъ счастливѣйшихъ.

Digitized by Google

СТРАННЫЕ СЛУЧАИ НА ОХОТѢ.

Нѣкоторыя изъ случайностей ружейной охоты, разсказанныя мною въ моихъ охотничьихъ запискахъ, какъ-то: улетѣвшій селезень-широконоска, лежавшій мертвымъ нѣсколько часовъ въ ящикѣ охотничьихъ дрожекъ, тетерева, улетавшіе съ разбитыми задами и висящими изъ нихъ кишками, и пр. и пр. — могли показаться, особенно не-охотникамъ, неправдоподобными, потому-что охотники имѣютъ репутацію людей, любящихъ *красное словцо*. Но, не убоясь такой репутаціи, я разскажу, преимущественно для охотниковъ, еще нѣсколько случаевъ, которые покажутся также невѣроятными, хотя они буквально справедливы.

Выстрѣлилъ я однажды въ кряковнаго селезня, сидѣвшаго въ кочкахъ и травѣ, такъ что видна была одна голова, и убилъ его на-повалъ. Со мною не было собаки, и я самъ побѣжалъ, чтобы взять свою добычу; но подходя къ убитой птицѣ, которую не вдругъ нашелъ, увидѣлъ прыгающаго бекаса съ переломленнымъ, окровавленнымъ крыломъ. Должно предположить, что онъ таился въ травѣ около кряковнаго селезня, и что какая-нибудь боковая дробинка попала ему въ косточку крыла.

Точно также, выстрѣливъ съ поперека въ летящаго бекаса, шагахъ въ сорока отъ меня, я далъ промахъ; бекасъ крикнулъ, наддалъ и понесся еще быстрѣе; но въ то же время я увидѣлъ, что шагахъ въ двадцати далѣе летѣвшаго бекаса, по направленію выстрѣла, подпрыгиваетъ дуппельшненъ съ переломленнымъ крыломъ: собака бросилась и принесла мнѣ его

Digitized by Google

живаго. Этотъ случай гораздо удивительнѣе перваго: дуппельшнепъ долженъ былъ подвернуться подъ дробинку въ той самой точкѣ, гдѣ дробинка, пролетѣвъ гораздо далѣе, коснулась земли.

Вотъ еще случай, весьма замѣчательный и въ то же время служащій убѣдительнымъ доказательствомъ, что смертельно раненыя птицы очень далеко улетаютъ сгоряча и гибнутъ потомъ даромъ, и что необходимо пристально наблюдать, если позволяетъ мѣстность, каждую птицу, въ которую выстрѣлилъ охотникъ. Въ послѣднее время моей охоты я строго наблюдалъ это правило и нерѣдко получалъ иногда добычу, которая ускользнула бы у другаго охотника.

Дикіе гуси рѣдко посѣщали нашъ прудъ. Но въ одно жаркое лѣто, въ іюлѣ, мельникъ прибѣжалъ мнѣ сказать, что пятеро гусей (безъ сомнѣнія холостыхъ) опустились на прудъ и плаваютъ между камышами въ почтительномъ разстояніи отъ береговъ. Я сѣлъ въ лодку, и тотъ же мельникъ, пробираясь между зелеными высокими камышами, подвезъ меня къ гусямъ въ мѣру. Я ударилъ въ нихъ крупной дробью: одного убилъ на-повалъ, а четверо остальныхъ улетѣли вверхъ по рѣкѣ Бугурусланъ. Я вышелъ изъ лодки и вмѣстѣ съ другимъ охотникомъ сталъ стрѣлять мелкую дичь по болотистымъ верховьямъ пруда. Не менѣе какъ черезъ часъ, мой товарищъ увидѣлъ, что гуси летятъ назадъ, но только втроемъ. Я сейчасъ подумалъ, что вѣрно четвертый гусь былъ раненъ и гдѣ-нибудь упалъ; вмѣстѣ съ охотникомъ я отправился, вверхъ по рѣкѣ, его отыскивать. Отошедъ версты двѣ, мы узнали отъ пастуховъ, что четверо гусей опускались на паровое поле, находившееся въ полуверстѣ отъ рѣки, на покатости ближней горы, долго сидѣли тамъ и наконецъ улетѣли. Разумѣется, мы пошли на паровое поле и скоро увидѣли, уже окруженнаго воронами и сороками, мертваго гуся. Безъ сомнѣнія, когда гуси летѣли вверхъ по рѣкѣ, раненый гусь сталъ ослабѣвать и пошелъ къ низу, въ сторону отъ рѣки, товарищи послѣдовали за нимъ по инстинкту, и когда онъ опустился на землю или упалъ, то и они опустились, посидѣли около него, и видя, что онъ не встаетъ, полетѣли опять, уже внизъ по рѣкѣ.

Digitized by Google

Подобные случаи повторялись со мною не одинъ разъ; я имѣлъ возможность иногда наблюдать своими глазами и во всѣхъ подробностяхъ такія, для охотника любопытныя явленія, то-есть: какъ, повидимому неподстрѣленная, птица вдругъ начнетъ слабѣть, отдѣляться отъ другихъ и прятаться по инстинкту въ крѣпкія мѣста; не успѣвъ еще этого сдѣлать, иногда на воздухѣ, иногда на землѣ, вдругъ начнетъ биться и немедленно умираетъ, а иногда долго томится, лежа неподвижно въ какой-нибудь ямочкѣ. Вѣроятно, иная раненая птица выздоравливаетъ.

Digitized by Google

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ СЛУЧАЙ.

Въ добавокъ къ разсказамъ о странныхъ происшествіяхъ на охотѣ, я разскажу случай, который самому мнѣ показался сначала какимъ-то сномъ или волшебствомъ. Будучи еще очень молодымъ охотникомъ, ѣхалъ я въ исходѣ іюля, со всѣмъ моимъ семействомъ, на сѣрныя Сергіевскія воды; въ тридцати-пяти верстахъ отъ нашего имѣнія находилось, и теперь находится, богатое село «Кротково», всѣми называемое «Кротовка». Проѣхавъ село, мы остановились у самой околицы ночевать на прекрасной родниковой рѣчкѣ, текущей въ высокихъ берегахъ. Солнце садилось; я пошелъ съ ружьемъ вверхъ по рѣчкѣ. Не прошелъ я и ста шаговъ, какъ вдругъ пара витютиновъ, прилетѣвъ откуда-то съ поля, сѣла на противоположномъ берегу, на высокой ольхѣ, которая росла внизу у рѣчки, и вершина которой какъ разъ приходилась на одной высотѣ съ моей головой; близко подойти не позволяла мѣстность, и я, шагахъ въ пятидесяти, выстрѣлилъ мелкимъ бекасинникомъ. Для такой дроби разстояніе было далеко; оба витютина улетѣли, а съ дерева упала крестьянская дѣвочка.... Всякой можетъ себѣ представить мое положеніе: въ первое мгновеніе я потерялъ сознаніе и находился въ переходномъ состояніи человѣка между сномъ и дѣйствительностью, когда путаются предметы обоихъ міровъ. По счастью, черезъ нѣсколько секундъ, дѣвочка, съ большимъ буракомъ *) въ рукахъ, вскочила на ноги и ударилась бѣжать внизъ по рѣчкѣ къ деревнѣ.... Не стану распространяться въ описаніи моего испуга и изумленія. Блѣдный, какъ полотно,

*) Буракомъ называется круглая кадушечка изъ бересты, съ дномъ и крышкой. Въ низовыхъ губерніяхъ отлично дѣлаютъ бураки, отъ самыхъ крошечныхъ до огромныхъ, и употребляютъ ихъ преимущественно для собиранія ягодъ.

Digitized by Google

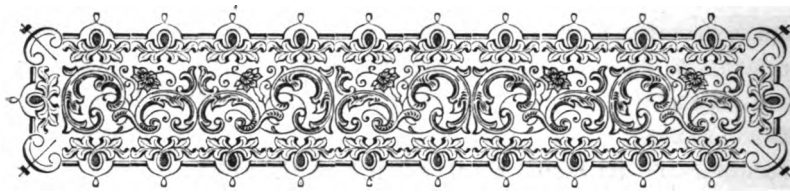
воротился я къ мѣсту нашего ночлега, разсказалъ происшествіе, и мы послали въ Кротовку развѣдать объ этомъ чудномъ событіи; черезъ полчаса привели къ намъ дѣвочку съ ея матерью. По милости Божіей, она была совершенно здорова; штукъ тридцать бекасинныхъ дробиновъ исцарапали ей руку, плечо и лицо, но, по счастью, ни одна не попала въ глаза и даже не вошла подъ кожу. Дѣло объяснилось слѣдующимъ образомъ: двѣнадцати-лѣтняя крестьянская дѣвочка ушла тихонько съ фабрики, ранѣе срока, и побѣжала съ буракомъ за черемухой, которая росла по рѣчкѣ; она взлѣзла за ягодами на дерево, и увидѣвъ *«барина съ ружьемъ»*, испугалась, сѣла на толстый сучекъ и такъ плотно прижалась къ стволу высокой черемухи, что даже витютины её не замѣтили и сѣли на ольху, которая росла почти рядомъ съ черемухой, нѣсколько впереди. Широко раскинувшійся зарядъ однимъ краемъ своего круга задѣлъ дѣвочку. Конечно, великъ былъ ея испугъ; но и мой не меньше. Разумѣется, мать съ дочерью ушли отъ насъ очень довольныя этимъ происшествіемъ.

Digitized by Google

НОВЫЯ ОХОТНИЧЬИ ЗАМѢТКИ.

Вотъ еще достовѣрный разсказъ, относящійся уже къ птицамъ. По сосѣдству отъ меня въ одной деревушкѣ, называющейся «Коростелево», одна крестьянка подложила подъ курицу 12 кряковныхъ яицъ; утята вывелись, воспитались въ стаѣ русскихъ утятъ и привыкли вмѣстѣ съ ними ѣсть кормъ. Должно замѣтить, что это случай рѣдкой: обыкновенно утята, выведшіеся изъ яицъ дикихъ утокъ, сейчасъ пропадаютъ. Осенью корму понадобилось больше и, чтобъ не тратиться даромъ, крестьянка продала восемь утятъ, а двухъ молодыхъ селезней и двухъ утокъ оставила на племя; но черезъ нѣсколько недѣль они улетѣли и пропали. На слѣдующую весну бѣглецы воротились на тотъ же прудъ и стали попрежнему жить и ѣсть кормъ съ дворовыми утками. Осенью одна пара опять улетѣла, а другая осталась зимовать, а въ слѣдующую весну утка нанесла яицъ и вывела десять утятъ, изъ числа которыхъ я самъ купилъ четырехъ. Крестьянка опять оставила пару, и потомство ихъ совершенно смѣшалось и ничѣмъ уже не отличалось отъ русскихъ утокъ. И такъ только въ третьемъ поколѣніи порода дикихъ утокъ совершенно потеряла память о своемъ вольномъ житьѣ; купленныя же мною молодыя утки, принадлежавшія къ второму поколѣнію, еще отличались отъ дворовыхъ, какъ своею наружностью, такъ и нравами: они были бойчѣе, проворнѣе, какъ-то складнѣе и пугливѣе домашнихъ утокъ, часто прятались и даже пробовали нѣсколько разъ уходить. Крылья были подрѣзаны.

Digitized by Google



О СОЛОВЬЯХЪ.

ПИСЬМО И. С. ТУРГЕНЕВА къ С. Т. АКСАКОВУ.

Посылаю вамъ, л. и п. С. Т., какъ любителю и знатоку всякаго рода охотъ, слѣдующій разсказъ о соловьяхъ, объ ихъ пѣньи, содержаньи, способѣ ловить ихъ и пр., списанный мною со словъ одного стараго и опытнаго охотника изъ дворовыхъ людей. Я постарался сохранить всѣ его выраженія и самый складъ рѣчи.

Лучшими соловьями всегда считались курскіе; но въ послѣднее время они похужѣли; и теперь лучшими считаются соловьи, которые ловятся около Бердичева, на границѣ; тамъ, въ пятнадцати верстахъ за Бердичевымъ, есть лѣсъ, прозываемый Треяцкимъ; отличные тамъ водятся соловьи. Время ихъ ловить въ началѣ мая. Держатся они больше въ черемушникѣ и мелкомъ лѣсѣ и въ болотахъ, гдѣ лѣсъ растетъ; болотные соловьи — самые дорогіе. Прилетаютъ они дня за три до Егорьева дня; но сначала поютъ тихо, а къ маю въ силу войдутъ, распоются. Выслушивать ихъ надо по зарямъ и ночью, но лучше по зарямъ; иногда приходится всю ночь въ болотѣ просидѣть. Я съ товарищемъ разъ чуть не замерзъ въ болотѣ:

Digitized by Google

ночью сдѣлался морозъ — и къ утру въ блинъ льду на водѣ намерзло; а на мнѣ былъ кафтанишка лѣтній, плохенькій; только тѣмъ и спасся, что между двухъ кочекъ свернулся, кафтанъ снялъ, голову закуталъ и дыхалъ себѣ на пузо подъ кафтаномъ; цѣлый день потомъ зубами стучалъ. Ловить соловья дѣло не мудреное: нужно сперва хорошенько выслушать, гдѣ онъ держится; а тамъ точёкъ на землѣ расчистить поладнѣе возлѣ куста, разставить тайникъ и самку пришпорить, за обѣ ножки привязать — а самому спрятаться да присвистывать дудочкой — такая дудочка дѣлается въ родѣ пищика. А тайничекъ небольшой изъ сѣтки дѣлается — съ двумя дужками; одну дужку крѣпко къ землѣ приспособить надо, а другую только приткнуть — и бичевку къ ней привязать; соловей сверху какъ слетитъ къ самкѣ — тутъ и дернуть за бичевку — тайничекъ и закинется. Иной соловей очень жаденъ, такъ сейчасъ сверху пулей и бросится, какъ только завидитъ самку, — а другой остороженъ: сперва пониже спустится, да разглядываетъ — его ли самка. Осторожныхъ лучше сѣтью ловить. Сѣть плетется саженъ въ пять; осыпешь ею кустъ или сухой дромъ — а осыпать надо слабо; какъ только спустится соловей — встанешь и погонишь его въ сѣть — онъ все низомъ летитъ — ну, и повиснетъ въ петелькахъ. Сѣтью ловить можно и безъ самки, одною дудочкой. Какъ поймаешь соловья, тотчасъ свяжи ему кончики крылышекъ, чтобы не бился, и сажай его скорѣе въ куролеску — такой ящикъ дѣлается низенькій, сверху и снизу холстомъ обтянутъ. Кормить пойманныхъ соловьевъ надо муравлиными яицами — понемножку и почаще; они скоро привыкаютъ и принимаются клевать. Не мѣшаетъ живыхъ муравьевъ въ куролеску напустить: иной болотный соловей не знаетъ муравлиныхъ яицъ — не видалъ никогда — ну, а какъ муравьи станутъ таскать яица — въ задоръ войдетъ — станетъ ихъ хватать.

Соловьи у насъ здѣсь *) дрянные: поютъ дурно, понять ничего нельзя,—всѣ колѣна мѣшаютъ, трещатъ, спѣшатъ; а то вотъ еще у нихъ самая гадкая есть штука: сдѣлаетъ эдакъ туу и вдругъ: ви! — эдакъ визгнетъ, словно въ воду окунется. Это самая гадкая штука. Плюнешь и пойдешь. Даже досадно станетъ.

*) Во Мценскомъ, Чернскомъ и Бѣлевскомъ уѣздахъ.

Digitized by Google

Хорошій соловей долженъ пѣть разборчиво и не мѣшать колѣна, — а колѣна вотъ какія бываютъ:

Первое: *Пульканіе* — эдакъ: пуль, пуль, пуль, пуль....

Второе: *Клыканіе* — клы, клы, клы, какъ желна̀.

Третье: *Дробь* — выходитъ примѣрно какъ по землѣ разомъ дробь просыпать.

Четвертое: *Раскатъ* — трррррр....

Пятое: *Пленканіе* — почти понять можно: плень, плень, плень....

Шестое: *Лѣшева дудка* — эдакъ протяжно: го-го-го-го-го, а тамъ коротко: *ту!*

Седьмое: *Кукушкинъ перелетъ.* Самое рѣдкое колѣно: я только два раза въ жизни его слыхивалъ — и оба раза въ Тимскомъ уѣздѣ. Кукушка, когда полетитъ, такимъ манеромъ кричитъ. Сильный такой, звонкій свистъ.

Восьмое: *Гусачекъ.* Га-га-га-га.... У малоархангельскихъ соловьевъ хорошо это колѣно выходитъ.

Девятое: *Юлиная стукотня.* Какъ юла, — есть птица на жаворонка похожая — или какъ вотъ органчики бываютъ, — эдакой круглый свистъ: фюіюіюіюю....

Десятое: *Починъ* — эдакъ: тий-вить, нѣжно, малиновкой. Это по настоящему не колѣно — а соловьи обыкновенно такъ начинаютъ. У хорошаго, нотнаго соловья оно еще вотъ какъ бываетъ: — начнетъ: тий-вить — а тамъ тукъ! — Это оттòлчкой называется. Потомъ опять тий-вить.... тукъ! тукъ! Два раза оттòлчка — и въ полъ-удара, эдакъ лучше; въ третій разъ тий-вить — да какъ разсыплетъ, сукипъ сынъ, вдругъ дробью или раскатомъ — едва на ногахъ устоишь — обожжетъ! Эдакой соловей называется съ ударомъ или съ оттòлчкой. У хорошаго соловья каждое колѣно длинно выходитъ, отчетливо, сильно; чѣмъ отчетливѣй, тѣмъ длиннѣй. Дурной спѣшитъ: сдѣлалъ колѣно, отрубилъ, скорѣе другое и — смѣшался. Дуракъ дуракомъ и остался. А хорошій — нѣтъ! Разсудительно поетъ, правильно. Примется какое-нибудь колѣно чесать, — не сойдетъ съ него до истòмы, проберетъ хоть кого. Иной даже съ оборотомъ — такъ длиненъ; пуститъ, напримѣръ, колѣно, дробь, что ли — сперва будто къ низу, а потомъ опять въ гору, словно кругомъ себя окружитъ, какъ каретное колесо перекатить — надо такъ сказать. Одного я такого слыхалъ у мцен-

Digitized by Google

скаго купца Ш....ва — вотъ былъ соловей! Въ Петербургѣ за 1200 рублей ассигнаціей проданъ.

По охотницкимъ замѣчаньямъ, хорошаго соловья отъ дурнаго съ виду отличить трудно. Многіе даже самку отъ самца не узнаютъ. Иная самка еще казистѣе самца. Молодаго отъ стараго отличить можно. У молодаго, когда растопыришь ему крылья, есть на перушкахъ пятнышки, и весь онъ темнѣй; а старый — сѣрѣе. Выбирать надо соловья, у котораго глаза большіе, носъ толстый и чтобы былъ плечистъ и высокъ на ногахъ. Тотъ-то соловей, что за 1200 рублей пошелъ, былъ росту средняго. Его Ш....въ подъ Курскомъ у мальчика купилъ за двугривенный.

Соловей, коли въ бережѣ, до пяти зимъ перезимовать можетъ. — Кормить его надо зимою прусаками или сушеными муравлиными яицами; только яица надо брать не изъ краснаго лѣса, а изъ чернолѣсья, — а то отъ смолы запоръ сдѣлается. Вѣшать надо соловьевъ не надъ окнами, а въ серединѣ комнаты подъ потолкомъ, и въ клѣткѣ чтобъ было нёбко мягкое, суконное или полотняное.

Болѣзнь на нихъ бываетъ: вдругъ примутся чихать. Скверная это болѣзнь. Какой и переживетъ — на другую зиму навѣрное околѣетъ. — Пробовалъ я табакомъ нюхательнымъ по корму посыпать — хорошо выходило.

Пѣть начинаютъ они съ Рождества — и ближе, сперва потихоньку; — съ великаго поста, съ марта мѣсяца, настоящимъ голосомъ, — а къ Петрову дню перестаютъ. — Начинаютъ они обыкновенно съ пленканія.... такъ жалобно, нѣжно: плень.... плень.... Не громко — а по всей комнатѣ слышно. — Такъ звенитъ пріятно, какъ стеклышки — душу всю поворачиваетъ. Какъ долго не слышу — всякой разъ тронетъ — по животику такъ и пробѣжитъ, волосики на головѣ трогаются. — Сейчасъ слезы — и вотъ онѣ. — Выдешь, поплачешь, постоишь.

Молодыхъ соловьевъ хорошо доставать въ Петровки. — Надо подмѣтить, куда старые кормъ носятъ. Иной разъ три, четыре часа — полдня просижу — а ужъ замѣчу мѣсто. Гнѣзда они вьютъ на землѣ — изъ сухой травы и листочковъ. Штукъ пять въ гнѣздѣ бываетъ, а иногда и меньше. Молодыхъ возьмешь да посадишь въ западню — сейчасъ и старые попадутся. Старыхъ надо поймать, чтобы молодыхъ кормили. Посадишь

Digitized by Google

всю семейку въ куролеску, да муравлиныхъ яицъ насыплешь и живыхъ муравьевъ напустишь. — Старые сейчасъ примутся молодыхъ кормить. Клѣтку потомъ завѣсить надо, а какъ молодые станутъ клевать сами, старыхъ принять. Молодые, которыхъ въ Петровки изъ гнѣзда вынешь, живучѣе и пѣть скорѣе принимаются. Брать надо молодыхъ отъ длиннаго, голосистаго соловья. Въ клѣткѣ они не выводятся. — На волѣ соловей перестаетъ пѣть, какъ только дѣтей вывелъ, а о Петровки онъ линяетъ. Сдѣлаетъ на лету колѣнцо — и кончено. Все только свиститъ. А поетъ онъ всегда сидя; на лету, когда за самкой нырнетъ, курлычетъ.

Молодыхъ соловьевъ хорошо къ старымъ подвѣшивать, чтобы учились. — Повѣсить ихъ надо рядомъ. И тутъ надо примѣчать: если молодой, пока старый поетъ, молчитъ и сидитъ, не шелохнется, слушаетъ—изъ того выйдетъ прокъ—въ двѣ недѣли, пожалуй, готовъ будетъ; а какой не молчитъ, самъ туда же вслѣдъ за старикомъ бурлитъ — тотъ развѣ на будущій годъ запоетъ, какъ быть слѣдуетъ — да и то сомнительно.—Иные охотники секретно въ шляпахъ приносятъ молодыхъ соловьевъ въ трактиръ, гдѣ есть хорошій соловей; сами пьютъ чай или пиво, а молодые тѣмъ временемъ учатся. — Отъ того лучше завѣшивать молодыхъ, когда ихъ къ старому приносятъ.

Первые охотники до соловьевъ — купцы — тысячи рублей не жалѣютъ. Мнѣ бѣлевскіе купцы давали двѣсти рублей и товарища—и лошадь была ихняя. Посылали меня къ Бердичеву. Я долженъ былъ двѣ пары представить отличныхъ соловьевъ, а остальные—хоть пятьдесятъ паръ—въ мою пользу.

Былъ у меня товарищъ, охотникъ смертный до соловьевъ,—часто мы съ нимъ ѣздили. Подслѣповатъ онъ былъ — много ему это мѣшало. — Разъ, подъ Лебедянью, выслушалъ онъ удивительнаго соловья. Приходитъ ко мнѣ, — разсказываетъ—такъ отъ жадности весь трясется. Сталъ его ловить—а сидѣлъ онъ на высокой осинкѣ. Вотъ однако спустился — погналъ его товарищъ въ сѣть; ткнулся соловей въ сѣть—и повисъ. Сталъ его товарищъ брать — знать руки у него дрожали—соловей вдругъ какъ шмыгнетъ у него между ногъ—свистнулъ, запѣлъ и улетѣлъ. Товарищъ такъ и завопилъ. Онъ потомъ божился, увѣрялъ меня, что онъ явственно чувство-

Digitized by Google

валъ, какъ кто-то соловья у него изъ рукъ силой выдернулъ. Что-жъ! Всяко бываетъ. Принялся онъ опять манить его — нѣтъ! не тутъ-то было! — Оробѣлъ, знать; смолкъ. Цѣлыхъ десять дней товарищъ потомъ за нимъ все ходилъ. Что же вы думаете! Соловей хоть бы чукнулъ—такъ и пропалъ.—А товарищъ чуть не рехнулся; насилу его домой притащилъ. Возьметъ, шапку о̀-земь грянетъ, да какъ начнетъ себя кулакомъ по̀ лбу бить.... А то вдругъ остановится и закричитъ: «раскапывайте землю — въ землю уйти хочу, — туда мнѣ дорога, слѣпому, неумѣлому, безрукому....» Вотъ какъ оно бываетъ чувствительно.

Случается, что другъ у друга наровятъ хорошихъ соловьевъ отбить, пораньше зайти на мѣсто. На все нужно умѣнье— да и безъ счастья тоже нельзя. Случается также, что отводятъ, колдовствомъ то-есть; а противъ этого—молитва. Разъ я таки страху набрался. Сижу я ночью подъ лѣсомъ, выслушиваю соловьевъ—а ночь такая темная, претемная.... И вдругъ мнѣ показалось, что будто ужъ это не по-соловьиному что-то гремитъ, словно прямо на меня идетъ.... Жутко мнѣ стало, такъ что и сказать нельзя.... вскочилъ, да и давай Богъ ноги. Мужики—тѣ не мѣшаютъ; тѣмъ все равно; еще смѣются, пожалуй.—Мужикъ грубъ; ему, что соловей, что зябликъ—все едино. Не ихъ разума дѣло. Ихъ дѣло—пахать, да на печи лежать съ бабой.—А я вамъ теперь все разсказалъ. *)

Ив. Тургеневъ.

С. Спасское.
6-го ноября 1854 года.

---

*) Конечно, читатели, особенно охотники, оцѣнятъ достоинство этого живаго, вѣрнаго разсказа. Я замѣчу только, что собраніе такого рода драгоцѣнныхъ, спеціальныхъ свѣдѣній по разнымъ охотамъ могло бы составить, сколько интересное, столько и полезное для науки указаніе жизни и нравовъ птицъ и звѣрей, доступныхъ для наблюденій только исключительно однимъ охотникамъ-спеціалистамъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЗАМѢЧАНІЯ И НАБЛЮДЕНІЯ ОХОТНИКА БРАТЬ ГРИБЫ. *)

Въ числѣ разнообразныхъ охотъ человѣческихъ имѣетъ свое мѣсто и смиренная охота ходить по грибы, или брать грибы. Хотя она не можетъ равняться съ другими охотами, болѣе оживленными уже потому, что тамъ приходится имѣть дѣло съ живыми твореніями, но можетъ соперничать со многими, такъ сказать, второстепенными охотами, имѣющими впрочемъ свои особые интересы. Я даже готовъ отдать преимущество грибамъ, потому что ихъ надобно отыскивать, слѣдовательно можно и не находить; тутъ примѣшивается нѣкоторое умѣнье, знаніе мѣсторожденія грибовъ, знаніе мѣстности и счастье. Не даромъ говоритъ пословица: «Со счастьемъ хорошо и по грибы ходить». **) Тутъ есть неизвѣстность, нечаянность, есть удача и неудача; а все это

---

*) Статья эта первоначально была напечатана въ № 6-мъ «Вѣстника естественныхъ наукъ» 1856 года, издававшагося Императорскимъ Московскимъ Обществомъ испытателей природы подъ редакціею К. Ф. Рулье, который, помѣщая статью, такъ отозвался о ней въ примѣчаніи: «Съ научной точки зрѣнія эта статья чудесно обрисовываетъ зависимость грибовъ, этихъ низшихъ растительныхъ формъ, отъ внѣшнихъ условій, и тѣмъ служитъ новымъ развитіемъ *закона общенія*, о которомъ мы говорили въ статьѣ «*Сенъ-Бернардская собака*». *К. Р.*

Прочія примѣчанія подъ статьей принадлежатъ также К. Ф. Рулье.

**) Эту пословицу я слыхалъ употребляемую и въ обратномъ содержаніи: «Безъ счастія и по грибы нечего ходить».

Digitized by Google

вмѣстѣ подстрекаетъ охоту въ человѣкѣ и составляетъ ея особенный интересъ. Охота ходить по ягоды или за орѣхами (одна изъ охотъ второстепенныхъ) съ перваго взгляда можетъ показаться сходною съ охотою брать грибы; но при ближайшемъ разсмотрѣніи мы увидимъ, что послѣдняя имѣетъ большія преимущества. Охотники брать грибы вѣрно со мною согласны, и съ ними-то хочу я побесѣдовать, имъ хочу сообщить мои многолѣтнія наблюденія.

Грибы составляютъ самую питательную, *) вкусную и здоровую пищу, если они употребляются не въ излишествѣ, не слишкомъ жирно приготовленные, а совершенно прожаренные и уваренные, или совершенно просолившіеся. Послѣднее относится къ тѣмъ породамъ грибовъ, которые солятся сырыми, какъ-то: грузди, рыжики и другіе. Для горожанъ грибы лакомство, для народа пища, а въ иныхъ мѣстахъ отрасль дохода. Грибъ дитя лѣса. Въ степи нѣтъ грибовъ, кромѣ шампиньоновъ и луговиковъ, но и тѣ родятся только на землѣ унавоженной, на выгонахъ, толокахъ и дорогахъ, всегда около жилищъ человѣческихъ или скотскихъ. Всѣмъ извѣстное дѣло, что если посѣять или насадить, однимъ словомъ, развести и выростить лѣсъ въ чистомъ полѣ, то непремѣнно начнутъ родиться въ немъ грибы, свойственные породамъ разведеннаго лѣса. Но не въ одной тѣни (какъ думаютъ многіе), бросаемой древесными вѣтвями, заключается таинственная сила деревъ выращать около себя грибы; тѣнь служитъ первымъ къ тому орудіемъ, это правда; она защищаетъ землю отъ палящихъ лучей солнца, производитъ влажность почвы и даже сырость, которая необходима и для лѣса, и для грибовъ; но главная причина ихъ зарожденія происходитъ, какъ мнѣ кажется, отъ древесныхъ корней, которые также, въ свою очередь, увлажая сосѣднюю землю, сообщаютъ ей древесные соки, и въ нихъ-то по моему мнѣнію заключается тайна грибороженія. Это убѣдительно доказывается тѣмъ, что около пней срубленныхъ деревьевъ, производившихъ въ изобиліи извѣстныя породы грибовъ подъ своей живительной тѣнью, долго продолжаютъ родиться тѣ же самыя породы, иногда десять лѣтъ и болѣе. Медленно умирая, наконецъ корни сгніютъ и высохнутъ и

*) Извѣстно, что грибы отличаются, между прочимъ, отъ другихъ низшихъ растеній обиліемъ азотистыхъ или протеиновыхъ началъ.

Digitized by Google

грибы перестанутъ родиться. Я неоднократно имѣлъ случай производить мои наблюденія надъ пнями деревъ, стоявшихъ отдѣльно на полянахъ и опушкахъ, гдѣ нельзя предполагать вліянія другихъ сосѣднихъ деревъ. Въ доказательство же, что одной тѣни и влажности не достаточно для произведенія грибовъ, можно указать на нѣкоторыя породы деревъ, какъ напримѣръ на ольху, осокорь, тополь, черемуху и проч., подъ которыми и около которыхъ настоящіе грибы не родятся. Полная зависимость грибороженія отъ древесныхъ соковъ, и даже отъ качества ихъ, всего убѣдительнѣе доказывается уже тѣмъ, что многія деревья производятъ исключительно имъ свойственные грибы. Если бы нужны были только сырость, тѣнь и прохлада, то всякія породы грибовъ родились бы подъ всякими деревьями.

Народъ, признавая вполнѣ вліяніе деревъ на грибы, далъ нѣкоторымъ изъ нихъ названія, происходящія отъ названія деревъ, какъ напр.: березовикъ, осиновикъ, подорѣшникъ, дубовикъ и проч.

Грибы раздѣляются на употребляемые въ пищу и неупотребляемые: послѣдніе вообще называются поганками; въ числѣ ихъ находятся грибы ядовитые, какъ-то: дубовикъ, мухоморъ и другіе. Между поганками есть грибы, которые въ иныхъ мѣстахъ Россіи считаютъ вредными, а въ иныхъ мѣстахъ употребляютъ въ пищу, напр.: свинухи, или коровьи уши, валуи, моченки, чернухи и проч.; ихъ предварительно отвариваютъ или вымачиваютъ, потомъ солятъ и кушаютъ безъ всякаго вреда. Я зналъ даже человѣка, который всѣ грибы, кромѣ дубовиковъ и мухоморовъ, считалъ съѣдобными и доказывалъ ихъ безвредность собственнымъ примѣромъ и всего своего семейства; онъ утверждалъ даже, что, такъ называемыя, поганки точно такъ же вкусны, какъ и другіе грибы.

Этому впрочемъ трудно повѣрить, потому что поганки по большей части не только имѣютъ непріятный цвѣтъ и видъ, но и пахнутъ очень противно.

Замѣчательно, что многія породы грибовъ съѣдобныхъ, или хорошихъ, какъ иногда ихъ называютъ, имѣютъ, какъ бы соотвѣтствующіе имъ грибы, *поганки*, нѣсколько похожія на нихъ образованіемъ своимъ и цвѣтомъ; еще замѣчательнѣе,

Digitized by Google

что когда начнутъ появляться эти поганки между хорошими грибами, то они начнутъ пропадать; наконецъ слой съѣдобныхъ грибовъ проходитъ, и мѣстомъ ихъ пребыванія совершенно завладѣютъ поганки. Это особенно бываетъ примѣтно въ тѣхъ грибахъ, которые родятся во множествѣ слоями, кучками, какъ, напримѣръ, въ масленикахъ, рыжикахъ и бѣлянкахъ.

Всѣмъ охотникамъ извѣстно, что у грибовъ есть *любимыя мѣста*, на которыхъ они непремѣнно каждый годъ родятся, въ большемъ или меньшемъ изобиліи. Безъ сомнѣнія этому должны быть естественныя причины; но для простаго взгляда эта разница поразительна и непостижима. Въ лѣсу довольно частомъ, гдѣ корни и даже вѣтви однихъ деревъ встрѣчаются съ корнями и вѣтвями другихъ деревъ, любимыя мѣста, если они и есть, замѣтить трудно; но въ рѣдколѣсьѣ, или на полянахъ, они очевидны и никакому сомнѣнію не подвержены. У меня есть дубовая роща, въ которой находится около двухъ тысячъ старыхъ и молодыхъ дубовъ; старые, въ числѣ болѣе двухъ сотъ, стоятъ очень рѣдко между собою на большой сѣнокосной полянѣ, и только подъ нѣкоторыми изъ нихъ съ незапамятныхъ временъ родятся во множествѣ бѣлые грибы, нѣсколько особеннаго образованія и величины, необыкновенной плотнины и крѣпости и также необыкновеннаго бронзоваго или стальнаго цвѣта, иногда пестрые и глянцовитые, какъ мраморъ. Первое качество, вѣроятно, происходитъ отъ качества сока дубовыхъ корней, а послѣднее — отъ дѣйствія солнечныхъ лучей, потому что одиночно стоящіе высокіе дубы даютъ мало тѣни. Подъ другими же дубами, на той же выше сказанной, сѣнокосной полянѣ, грибовъ бываетъ очень мало, а подъ нѣкоторыми и совсѣмъ не бываетъ. Есть также у меня въ саду и въ паркѣ, конечно, болѣе трехъ сотъ елей, и только подъ четырьмя елями родятся рыжики. Мѣстоположеніе, почва, порода деревьевъ — все одинаково, а между тѣмъ, вотъ уже двѣнадцать лѣтъ, какъ я самъ постоянно наблюдаю и каждый годъ вновь убѣждаюсь, что грибы родятся у меня на однихъ и тѣхъ же любимыхъ своихъ мѣстахъ, подъ тѣми же дубами и елями. Разныя породы грибовъ, родясь около отдѣльныхъ деревъ, представляютъ замѣчательную особенность, которая состоитъ въ томъ, что грибы предпочтительно родятся

Digitized by Google

на сѣверной сторонѣ дерева, на восточной и западной — ихъ бываетъ гораздо меньше, а на южной сторонѣ, особенно въ сухое время, грибовъ почти не бываетъ.

Такое вліяніе частей свѣта и солнечнаго стоянія еще очевиднѣе въ породѣ рыжиковъ: рыжики красные около одной и той же ели постоянно родятся на сѣверъ и до половины восточной и западной стороны. Тутъ, точно по назначенной чертѣ, къ югу идутъ уже рыжики зеленовато-синіе, имѣющіе поверхность шероховатую, какъ-будто засохшую, хотя корень и шляпка гриба въ изломѣ точно также красны и сочны. Такимъ образомъ окружность дерева раздѣляется по равнымъ частямъ: рыжики красные занимаютъ сѣверную сторону, а рыжики зеленоватые южную; востокъ же и западъ обѣими породами дѣлится пополамъ; но и тутъ на южной сторонѣ грибовъ бываетъ меньше.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ дождливые, мочливые года, какъ выражается народъ, грибы родятся въ большемъ изобиліи, особенно если ненастье сопровождается тепломъ но и тутъ бываютъ исключенія, непонятныя простому наблюдателю, которыя объяснить можетъ только наука. Я неоднократно замѣчалъ, что, несмотря на сильную теплоту атмосферы, дожди бываютъ иногда вредны грибамъ; иногда это вредное дѣйствіе оказывается медленно и незамѣтно, а иногда — съ поразительной очевидностью и быстротой, особенно на грибахъ молодыхъ, только-что вышедшихъ изъ земли. Въ продолженіи послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ я видѣлъ четыре раза сильныя опустошенія, произведенныя дождемъ, выпавшимъ повидимому при благопріятныхъ условіяхъ теплоты. Два раза такой дождь сопровождался какою-то сухою мглою, которая пахла противною гарью; а два раза дожди были проливные, сильно промочившіе землю и мгновенно смѣненные солнечнымъ сіяніемъ. Посѣщая каждый день, около полудня, всѣ грибородныя мѣста моего сада и парка, на которыхъ наканунѣ я оставилъ множество молодыхъ бѣлыхъ грибовъ, я былъ пораженъ внезапною перемѣною ихъ вида: болѣе или менѣе всѣ молодые грибки сморщились и позасохли, а самые маленькіе, величиною съ горошинку и даже съ маленькій лѣсной орѣхъ — исчезли, и только какая-то гниловатая пыль, которую и различить было очень трудно, лежала на тѣхъ

Digitized by Google

мѣстахъ, гдѣ находились грибные зародыши. Нѣкоторые изъ грибовъ, болѣе возмужавшихъ, оправились и достигли своей обыкновенной величины, но уже въ какомъ-то нѣсколько изуродованномъ видѣ; прочіе же подгнили и свалились. Такія вредныя слѣдствія дождя были замѣчены и записаны мною каждый разъ. Подобное же дѣйствіе, но медленно обнаруживающееся, производятъ иногда изобильныя ночныя росы, производящія желтоватыя пятна даже на травѣ. Кстати будетъ здѣсь сказать, что существующее въ народѣ повѣрье, будто замѣченный человѣкомъ грибъ не выростетъ, а завянетъ, по моимъ наблюденіямъ, совершенно несправедливо. У меня всегда бываетъ множество замѣченныхъ грибовъ, преимущественно бѣлыхъ, и я беру ихъ въ такомъ возрастѣ, какой мнѣ понадобится, или оставляю достигать полнаго своего развитія и красоты. Я не стану самоувѣренно утверждать, что взглядъ человѣка не можетъ производить магнетическаго дѣйствія на растительное царство; но скажу только, что безчисленные опыты меня убѣдили въ томъ по крайней мѣрѣ, что *мой* взглядъ никогда грибамъ не былъ вреденъ. Я даже пробовалъ слегка дотрогиваться до грибовъ и освобождать ихъ отъ листьевъ и травы, которые иногда мѣшаютъ грибамъ расти. Я даже отламывалъ кусочки отъ ихъ шляпокъ, а грибы росли попрежнему: одно вѣрно: если пошатнуть корень гриба, онъ завянетъ и пропадетъ.

Въ ненастное время и къ осени грибы отдаляются отъ деревьевъ и охотнѣе растутъ по опушкамъ и по голымъ горамъ — *на отскочихъ*, какъ выражается народъ; а въ сухую и жаркую погоду грибы жмутся подъ тѣнь и даже подъ вѣтви деревъ, особенно елей, которыя разстилаютъ свои сучья, какъ лапы по землѣ, отчего крестьяне и называютъ ихъ *лапникомъ* и рубятъ безъ пощады и безъ вреда дереву на всякія свои потребности; они даже утверждаютъ, что ель лучше и скорѣе достигаетъ строевой величины, если ее «подхолить», то-есть, обрубить нижнія вѣтви.

Кромѣ вредныхъ дождей и росъ, грибамъ вредятъ, на открытыхъ мѣстахъ, жаркіе лучи полдневнаго солнца: они прижигаютъ грибныя шляпки и хотя прохлада ночи, роса и перепадающій дождь освѣжаютъ ихъ, но если прижиганье повторяется ежедневно, то грибы засыхаютъ, не достигнувъ

Digitized by Google

полнаго возраста. Продолжительное и постоянное ненастье также, въ свою очередь, вредно грибной растительности, особенно въ тѣни, въ густой травѣ и мѣстахъ глухихъ: грибы загниваютъ, плеснѣютъ и погибаютъ. Ихъ очень портятъ и даже истребляютъ и живые враги: земляныя улитки, или слизни, которые, плотно приклеясь къ грибамъ, точатъ и поѣдаютъ шляпки и корни ихъ. Въ неурожайные, не-грибные годы, рѣдко попадется грибъ, на которомъ бы не было двухъ и трехъ слизней. Бѣлки также охотницы до грибовъ, преимущественно до бѣлыхъ, и часто тонкіе и острые бѣличьи зубки оставляютъ дорожчатые слѣды на изглоданныхъ грибныхъ шляпкахъ. Но всего болѣе истребляются грибы зарождающимися въ нихъ мелкими бѣлыми червячками; въ иной годъ ихъ бываетъ такое множество, что корень у всякаго бѣлаго гриба, по наружности крѣпкій и здоровый, непремѣнно источенъ внутри и разсыпается, если возьмешь его неосторожно или крѣпко рукою; по счастію, шляпки грибовъ уже послѣднія истачиваются червями и нерѣдко остаются здоровыми и нетронутыми при совершенно съѣденномъ внутри корнѣ: удивительно, какъ получаютъ грибы питательные соки и какъ могутъ расти въ такомъ положеніи?

Существуетъ мнѣніе, что будто бы грибы, особенно послѣ дождя, выростаютъ въ одну ночь: это несправедливо. Правда, что иногда найдешь молодые грибы тамъ, гдѣ вчера ихъ не находилъ; но они были, и оставались только незамѣченными, потому что мало отдѣлялись отъ земли, скрывались подъ листьями или въ травѣ. Самые скороспѣлые или скорорастущіе грибы, какъ напр. березовики и сыроѣжки, достигаютъ полнаго развитія въ три дня, а грибы бѣлые въ недѣлю и болѣе. Всѣхъ медленнѣе растетъ дубовикъ, грибъ впрочемъ никуда негодный и даже ядовитый, какъ я уже сказалъ.

Въ урожайные или грибные годы грибы часто попадаются кучками, семьями, даже растутъ двойчатками, тройчатками и болѣе. Это я говорю о такихъ породахъ грибовъ, которые обыкновенно растутъ въ одиночку, какъ-то бѣлые, березовые, осиновые и проч. У меня срисованъ осиновикъ, у котораго шесть отдѣльныхъ корней покрыты одной шляпкой. Изобиліе

Digitized by Google

грибнаго сѣмени *) и земляныхъ соковъ нерѣдко проявляется въ самыхъ странныхъ и уродливыхъ видахъ. Одинъ разъ я нашелъ сыроѣжку, изъ шляпки которой выросла другая сыро-

Чер. 1.

Уродливыя формы грибовъ: 1. Осиновикъ.

ѣжка также со шляпкою: я срисовалъ эту уродливую рѣдкость. Я также находилъ не одинъ разъ въ землѣ большіе куски бѣлогрибнаго сѣмени—массу, совершенно похожую на корень, величиною даже съ человѣческую голову.

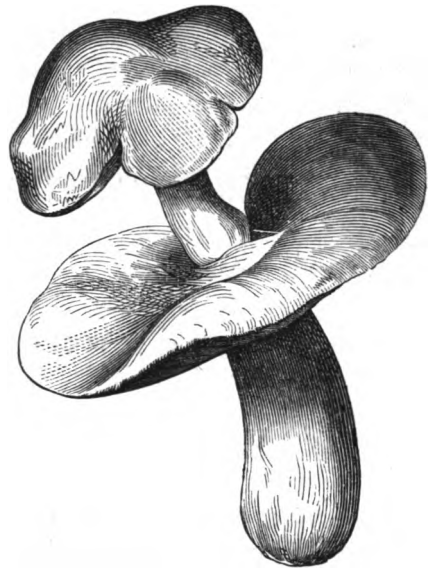
Порядокъ появленія грибовъ бываетъ слѣдующій: какъ только весною окажутся проталины, то по лѣснымъ полянамъ и вообще по рѣдколѣсью начнутъ появляться сморчки, — сначала *глухіе*, **) а потомъ *стройки*; ***) они растутъ даже

*) Micelium.
**) Helvella esculenta.
***) Marchella esculenta.

Digitized by Google

подъ снѣжною корою, гдѣ бѣжитъ подъ ней вода; послѣ сморчковъ слѣдуетъ промежутокъ времени съ мѣсяцъ, а при засухѣ и болѣе, въ продолженіи котораго грибовъ нѣтъ никакихъ. Потомъ появляются масляники, березовики, сыроѣжки

Чер. 2.



Уродливыя формы грибовъ: 2. Сыроѣжка.

и осиновики, потомъ первые слои груздей, подгруздковъ и бѣлыхъ грибовъ; потомъ слѣдуютъ лисички и шампиньоны; наконецъ идутъ осенніе грибы, волжанки, бѣлянки, рыжики и опенки. Весь этотъ порядокъ иногда нарушается, но всегда зависитъ отъ состоянія погоды и атмосферическихъ явленій. Къ этому должно прибавить, что каждая порода грибовъ появляется слоями раза два и даже три, въ продолженіи лѣта и осени, покуда частые и сильные морозы, особенно при засухѣ, не убьютъ окончательно грибную растительность. Говоря о каждой породѣ грибовъ отдѣльно, я скажу подробнѣе о случайныхъ измѣненіяхъ въ произрастаніи грибовъ. *)

---

*) Авторъ не успѣлъ исполнить свое намѣреніе.

Digitized by Google

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАМѢТКА

къ

«УРЯДНИКУ СОКОЛЬНИЧЬЯ ПУТИ».

Желая сколько нибудь пособить объясненію нѣкоторыхъ мало понятныхъ словъ, выраженій и названій въ книгѣ: «Урядникъ Сокольничья Пути», относящихся къ соколиной охотѣ съ хищными птицами, нынѣ приходящей въ совершенное забвеніе, *) я предлагаю мои примѣчанія на вышесказанную книгу и разскажу все, что знаю о соколиной охотѣ, по наслышкѣ отъ старыхъ охотниковъ и—какъ самовидецъ.

Очевидно, что первое мѣсто въ великолѣпной соколиной охотѣ царя Алексѣя Михайловича занимали «кречета»: сначала упоминается просто «кречетъ», потомъ «кречатій челигъ» или «чегликъ», какъ его теперь называютъ охотники, то-есть сначала говорится о самкѣ кречатьей, которая всегда бываетъ крупнѣе и сильнѣе, а потомъ о самцѣ, о челигѣ,

---

*) Я не называю соколиной охотой травлю утокъ соколами, до сихъ поръ продолжающуюся у башкирцевъ Оренбургской губерніи; они портятъ высокую природу сокола, пріучая его, не забираясь вверхъ, ловить утокъ почти въ угонъ, по-ястребиному.

Digitized by Google

уступающемъ ей въ силѣ, но превосходящемъ въ рѣзвости полета. Кречетъ птица очень мало извѣстная: ее знаютъ только по слухамъ или изъ книгъ; но я видѣлъ въ моемъ ребячествѣ двухъ кречетовъ, уже не молодыхъ, которые доживали свой вѣкъ у моего отца, бывшаго нѣкогда страстнымъ охотникомъ до ловчихъ птицъ. Кречетъ перомъ почти бѣлый; стати всѣ имѣетъ соколиныя, величиною даже поменьше сокола-утятника. Онъ очень красивъ, особенно потому, что чудесные черные сокольи глаза его кажутся еще чернѣе и блещутъ еще ярче отъ бѣлаго цвѣта его перьевъ. Я не видѣлъ этихъ кречетовъ въ полѣ, то-есть въ дѣлѣ, въ охотѣ; но мнѣ разсказывали ходившіе за ними охотники, что оба кречета (оба самки) ловили чудесно, и что они бьютъ птицу по-соколиному, устремляясь на свою добычу сверху внизъ. Очень помню, что оба кречета жили въ одной большой клѣткѣ, загороженной изъ частокола на родниковомъ ключѣ, и что въ жаркое время кречета сидѣли, погрузивъ ноги въ холодную воду. Охотники объясняли мнѣ, что кречетъ птица сибирская, о чемъ упоминается не одинъ разъ въ книгѣ «Соколинаго пути», что онъ чувствуетъ такой жаръ и зудъ въ ногахъ, что въ лѣтнее время безъ холодной воды жить не можетъ; что станетъ щипать и рвать носомъ своимъ пальцы и такъ ихъ изранитъ, что наконецъ околѣетъ. Я не утверждаю этого разсказа, а передаю только что̀ слышалъ. Тѣ же охотники разсказывали мнѣ, что у моего отца бывали нѣкогда «дербники» или «дробники». Не объ нихъ ли говоритъ книга «Сокольничья пути» слѣдующими словами: «Угодительна же и потѣшна дермлиговая перелазка и добыча»? По словамъ старыхъ охотниковъ, дербникъ бываетъ очень малъ, не болѣе копчика и соединяетъ въ себѣ свойства сокола и ястреба, то-есть бьетъ птицу сверху и ловитъ въ угонъ; что на травлю всегда пускаютъ двухъ дербниковъ, что ими травятъ только мелкую птицу и что самая веселая охота напускать ихъ на жавронковъ въ то время, когда жавронокъ самъ поднимается высоко отъ земли: одинъ дербникъ бьетъ его сверху внизъ, а другой, не допуская садиться, подбиваетъ снизу вверхъ; что эта потѣха продолжается иногда нѣсколько минутъ, до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ дербниковъ поймаетъ добычу. Для охотника это зрѣлище должно быть въ высшей степени восхитительно. Что же ка-

Digitized by Google

сается до словъ: «Добровидна же копцова добыча и летъ», то я долженъ повторить то, что сказано мною въ «Запискахъ ружейнаго охотника».

Если случится ѣхать лѣсистой дорогою, чрезъ зеленые перелѣски и душистыя поляны, только-что выѣдешь на нихъ, какъ является въ вышинѣ копчикъ. Если онъ имѣетъ гнѣздо неподалеку, то обыкновенно сопровождаетъ всякаго проѣзжаго, даже прохожаго, плавая надъ нимъ широкими, смѣлыми кругами въ высотѣ небесной. Онъ сторожитъ изумительно зоркими своими глазами: не вылетитъ ли какая-нибудь маленькая птица изъ-подъ ногъ лошади или человѣка. Съ быстротою молніи падаетъ онъ изъ поднебесья на вспорхнувшую пташку, и если она не успѣетъ упасть въ траву, спрятаться въ листьяхъ дерева или куста, то копчикъ вонзитъ въ нее острые когти и унесетъ въ гнѣздо къ своимъ дѣтямъ. Если же не удастся схватить добычу, то онъ взмоетъ вверхъ крутой дугою, опять сдѣлаетъ ставку и опять упадетъ внизъ, если снова поднимается та же птичка, или будетъ вспугана другая. Копчикъ бьетъ сверху, черкаетъ какъ соколъ, на котораго совершенно похожъ. Иногда случается, что отъ большихъ дѣтей вылетаютъ на ловлю оба копчика, самка и чегликъ, и тогда они могутъ позабавить всякаго зрителя и не-охотника. Нельзя безъ пріятнаго удивленія и невольнаго участія смотрѣть на быстроту, легкость и ловкость этой небольшой, красивой хищной птицы. Странно, но самому жалостливому человѣку какъ-то не жаль бѣдныхъ птичекъ, которыхъ онъ ловитъ! Такъ хорошъ, изященъ, увлекателенъ процессъ этой ловли, что непремѣнно желаешь успѣха ловцу. Если одному копчику удастся поймать птичку, то онъ сейчасъ уноситъ добычу къ дѣтямъ, а другой остается и продолжаетъ плавать надъ человѣкомъ, ожидая и себѣ поживы. Случается то, что оба копчика, почти въ одно время, поймаютъ по птичкѣ и улетятъ съ ними; но чрезъ минуту одинъ непремѣнно явится къ человѣку опять. Копчикъ загадочная птица: на волѣ ловитъ чудесно, а ручной ничего не ловитъ. Я много разъ пробовалъ вынашивать копчиковъ (то же, что дрессировать собаку) и гнѣздарей и слетковъ; выносить ихъ весьма легко: въ три, четыре дня онъ привыкнетъ совершенно и будетъ ходить на руку, даже безъ вабила (кусокъ мяса); стоитъ только свистнуть да

Digitized by Google

махнуть рукой, стоитъ копчику только завидѣть охотника или заслышать его свистъ — онъ уже на рукѣ, и если охотникъ не протянетъ руки, то копчикъ сядетъ на его плечо или голову, — живой же птички никакой не беретъ. Эта особенность его извѣстна всѣмъ охотникамъ; но я не вѣрилъ, пока многими опытами не убѣдился, что это совершенная правда. Потерявъ всякую надежду, чтобы копчикъ сталъ ловить, я обыкновенно выпускалъ его на волю, и долго видѣли его летающаго около дома и слышали жалобный пискъ, означающій, что онъ голоденъ. Получалъ ли копчикъ прежнюю способность ловить на волѣ, или умиралъ съ голоду, — не знаю.

Къ этому надобно прибавить, что уже было также мною сказано, то есть, что охотники у царя Алексѣя Михайловича умѣли вынашивать копчиковъ, что ими травили и что ловъ и летъ копцовый безъ сомнѣнія были добровидны.

Слѣдующія строки, когда поставляютъ нововыборнаго: «И взявъ его тѣ рядовые два сокольника Никитка и Мишка подъ руки, поставляютъ на поляновъ» (въ другомъ мѣстѣ на поляново), — заставляютъ меня думать, что поляново, состоящее изъ сѣна, покрытаго попоной, представляетъ эмблематически поле или лугъ, заросшій травою.

Слово ващага, употребленное такъ: «Ѳедька Кошелевъ держитъ вабило; второй поддатень, Наумка Петровъ держитъ ващагу», — наводитъ меня на мысль, что это есть ничто иное, какъ сумка, въ которую кладется вабило и которая теперь называется вачегъ; вѣроятно эта сумка дѣлалась изъ матеріи, пропитанной воскомъ для того, чтобы кровь отъ вабила не марала платья, а потому и называлась ващагой. — Считаю не лишнимъ разсказать все, что̀ я видѣлъ и помню въ соколиной охотѣ. Сокола бываютъ трехъ породъ: большіе, средніе и малые. По цвѣту перьевъ называютъ ихъ сѣрыми и черными. Обыкновенно охота производится слѣдующимъ образомъ: охотники, съ однимъ или двумя соколами, разумѣется, хорошо выношенными, ѣздятъ по полямъ, по рѣчкамъ или около небольшихъ озеръ; усмотрѣвъ издали птицу, сокола бросаютъ съ руки, и онъ сейчасъ начинаетъ всходить кругами вверхъ; когда же онъ взойдетъ до извѣстной своей высоты, птицу поднимаютъ, спугиваютъ, и соколъ, какъ молнія, падаетъ на нее съ неба. Сокола стараго и умнаго (глупыхъ быва-

Digitized by Google

етъ не мало) *) спускаютъ съ руки сейчасъ по выѣздѣ въ поле; онъ возьметъ умѣренный верхъ и идетъ имъ впереди охотниковъ, самъ высматриваетъ добычу и едва завидитъ — вдругъ начинаетъ подниматься выше и выше надъ самою птицею: слѣдовательно самъ и укажетъ охотникамъ добычу. — Лучшимъ соколомъ считается тотъ, который высоко ходитъ и, взобравшись кругами въ поднебесье, дѣлаетъ тамъ ставку, то-есть становится неподвижно въ воздухѣ, не поднимаясь уже кверху. Въ это время охотникъ спугиваетъ птицу съ воды или съ хлѣбнаго поля, что я уже и сказалъ. Самый лучшій соколъ, что называется перваго сорта, очень рѣдко попадающійся охотникамъ, не станетъ бить птицы, пока не взойдетъ вверхъ на свою настоящую опредѣленную высоту. Плохой же соколъ летаетъ на кругахъ низко, ставки не дѣлаетъ и, какъ скоро увидитъ птицу, сейчасъ на нее бросается, схватываетъ когтями и опускается на землю, слѣдовательно тутъ нѣтъ никакого удовольствія для охотника. Соколиная охота по преимуществу благодарная охота. Тутъ дѣло идетъ не о добычѣ, не о числѣ затравленныхъ гусей или утокъ,—то охотники наслаждаются рѣзвостію и красотою соколинаго полета или, лучше сказать, неимовѣрной быстротой его паденія изъ-подъ облаковъ, силою его удара. Въ народѣ говорятъ, что соколъ бьетъ птицу грудью, и при первомъ взглядѣ это покажется справедливымъ; соколъ бьетъ свою добычу крѣпкими пріемными когтями своихъ заднихъ пальцевъ, которые онъ очень искусно складываетъ вмѣстѣ, а какъ въ это время ноги его бываютъ прижаты къ груди, то дѣйствительно можно подумать, что онъ бьетъ птицу грудью. Пріемные когти бываютъ такъ остры и крѣпки, ударъ такъ силенъ, что если попадетъ по утиной шеѣ, то иногда перерѣзываетъ ее пополамъ: голова отлетитъ въ сторону, и утка падаетъ обезглавленною. Если ударъ придется по крылу, то такъ его повреждаетъ, что птица не можетъ уже летать; если же ударъ сложенныхъ когтей угодитъ вдоль утки, то разрѣжетъ ей всю спину отъ репицы до шеи и заворотитъ кожу на сторону;

---

*) У отца моего перебывало до ста соколовъ, и только четверыхъ называли умницами. Глупымъ называютъ только такого сокола, который верху не держитъ, и сейчасъ бросается за всякой дрянной птицей.

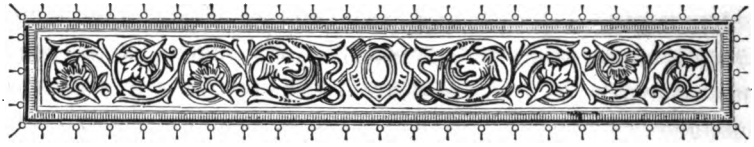
Digitized by Google

пухъ и перья полетятъ по воздуху и ошеломленная утка, перевертываясь, какъ кубарь въ воздухѣ, падаетъ на землю; соколъ взмоетъ вверхъ, увидитъ, гдѣ упала его добыча, и прямо уже опускается на нее. При соколиной охотѣ необходимо, чтобъ охотники были верхами. Ударъ сокола съ такой высоты, что едва можно разглядѣть его, какъ темное пятнышко, стоящее въ небѣ, бываетъ иногда очень косвенный (діагональный), и соколъ можетъ свалиться съ добычей даже за полверсты и болѣе, и потому надобно скакать туда, чтобъ немедленно отыскать его, пока онъ не успѣлъ наѣсться и сдѣлаться негоднымъ къ продолженію охоты; при травлѣ же гусей поспѣшность еще необходимѣе: когда соколъ вышибетъ одного гуся изъ стаи,—иногда повтореннымъ ударомъ, если первый окажется недостаточнымъ,—и опустится на него или свалится съ нимъ на землю, то вся стая гусей бросится на помощь погибающему товарищу и, если охотникъ не подоспѣетъ, то гуси своими крыльями и носами не только изуродуютъ сокола, но даже забьютъ до-смерти.

Послѣ всего сказаннаго мною будетъ еще понятнѣе, какъ вѣрно и живописно нѣсколькими словами изображенъ соколъ въ «Новомъ уложеніи и устроеніи чина сокольничья пути»: «Красносмотрителенъ же и радостенъ высокаго сокола летъ».

1855 г. Декабря 15.

Digitized by Google



ОТЗЫВЪ О „ЖУРНАЛѢ ОХОТЫ“.

Съ января текущаго 1858 года издается въ Москвѣ г. Г. Миномъ *Журналъ Охоты*, который выходитъ по одной книжкѣ 28-го числа каждаго мѣсяца. При каждой книжкѣ прилагается прекрасный отдѣльный рисунокъ: или политипажъ извѣстнаго въ Москвѣ перваго и отличнаго мастера этого дѣла г. Рихау, или литографія Бахмана, также очень хорошо сдѣланная. Изъ 10-ти вышедшихъ рисунковъ— политипажей семь, а литографій три. Каждая книжка журнала доставляла мнѣ каждый мѣсяцъ истинное удовольствіе своими статьями, удовольствіе въ то же время совершенно новое, потому что охотничьяго журнала на русскомъ языкѣ у насъ никогда не бывало. Были попытки, но какъ-то не состоялись. Судя по себѣ, я предполагаю, что *Журналъ Охоты* во всѣхъ ея видахъ, охоты, въ обширномъ смыслѣ этого слова, долженъ доставлять такое же удовольствіе всѣмъ охотникамъ, разсѣяннымъ по огромному пространству Россіи. Но къ удивленію моему, ни въ одномъ журналѣ, кромѣ *Московскихъ Вѣдомостей*, не было сказано добраго и благодарнаго слова издателю. Я ожидалъ также гораздо болѣе сочувствія въ нашихъ охотникахъ, ожидалъ, что они своими статьями поспѣшатъ дополнить нѣкоторые пробѣлы въ *Журналѣ Охоты*. Сколько бы любопытныхъ свѣдѣній, сколько интересныхъ разсказовъ, современныхъ, живыхъ охотничьихъ новостей, могли бы доставить спеціалисты-охотники, каждый по своей части! Я считаю единственною тому причиной, что *Журналъ Охоты* мало еще распространенъ, что во многихъ отдаленныхъ углахъ простран-

Digitized by Google

ной Руси даже не знаютъ о его существованіи. Какъ старый охотникъ, какъ человѣкъ, писавшій объ охотѣ, я считаю за долгъ выразить полную благодарность г-ну Мину и поговорить о достоинствѣ статей, помѣщенныхъ въ вышедшихъ уже книжкахъ. Я очень былъ бы счастливъ, еслибъ эти строки обратили вниманіе моихъ собратовъ-охотниковъ на изданіе г. Мина и возбудили въ нихъ участіе къ *Журналу Охоты,* который по истинѣ заслуживаетъ полное одобреніе всѣхъ образованныхъ читателей.

Въ 1-й январской книжкѣ обращаетъ на себя вниманіе *Охотничій дневникъ царя Алексѣя Михайловича,* этого истиннаго патріарха, царственнаго представителя русскихъ охотниковъ, который вполнѣ чувствовалъ всю поэзію охоты и художественно относился не только къ самому дѣлу, но ко всѣмъ мелочамъ и подробностямъ его обстановки. Царь Алексѣй Михайловичъ, не говоря о другихъ его царственныхъ и человѣческихъ достоинствахъ, самое умилительное и самое достолюбезное лицо для каждаго охотника. Я увѣренъ, что многія мѣста въ *Урядникѣ* или въ *Уставѣ сокольничья пути* непремѣнно писаны или диктованы имъ самимъ. Надобно быть истиннымъ охотникомъ въ душѣ, съ поэтической стороны смотрящимъ на дѣло, чтобы такъ мѣтко, такъ тепло и увлекательно выражаться. Хотя *Дневникъ* есть только перечень государевой охоты, но онъ живо представляетъ царственнаго охотника во всѣ часы дня и даже ночи, при всѣхъ перемѣнахъ погоды, во всей его охотничьей дѣятельности. Письма же царя Алексѣя Михайловича къ стольнику Матюшкину, которыми заключается эта любопытная статья г. Забѣлина, просто прелесть и драгоцѣнность.

Статья *Куропатка сѣрая полевая* также очень интересна, не только для охотника, но и для всякаго любителя натуральной исторіи. Политипажъ, изображающій стаю куропатокъ на отдыхѣ, превосходенъ, какъ по своему составленію, такъ и по исполненію. Охотникъ не можетъ смотрѣть на него равнодушно. Вотъ онѣ, эти красивыя, по своему перу, и миловидныя, по своему складу, наши туземки, не отлетныя, сѣрыя куропатки: иныя почти совсѣмъ зарылись въ снѣгъ, другія закопались въ него до половины; иныя остаются на поверхности снѣга и какъ-будто дремлютъ, надувшись и оттопырив

Digitized by Google

свои перышки, отчего кажутся гораздо толще и круглѣе; иныя собираются усѣсться на отдыхъ и уже готовятся разгребать снѣгъ своими голыми, рѣзвыми на бѣгу, красивыми ножками; а между тѣмъ по голымъ сучьямъ, опушеннымъ снѣгомъ, наклонившимся надъ стаей отдыхающихъ куропатокъ, прыгаютъ бѣлки, щеглята и снегири, съ любопытствомъ заглядывая въ разрытый и разбросанный снѣгъ, и думая найдти въ немъ какую-нибудь для себя поживу. Во второмъ нумерѣ *Журнала Охоты* статьи *Англійскіе законы объ охотѣ* Г. и *Охотничьи метательныя оружія*, съ политипажами г. Константина Петрова, замѣчательны и любопытны: первая сообщаетъ намъ, какое значеніе имѣетъ охота въ Англіи, гдѣ еще въ 1017 году по Рождествѣ Христовѣ были изданы законы объ охотѣ англо-саксонскимъ завоевателемъ Канутомъ, законы, изъ которыхъ многіе теперь еще существуютъ; вторая, т. е. исторія охотничьяго метательнаго оружія, представляетъ полное и добросовѣстное изслѣдованіе этого важнаго предмета, его постепеннаго развитія и усовершенствованія, до котораго дошло оно теперь. Статья Жюль-Жерара: *Арабы и Львы* исполнена самаго живаго интереса, даже и для всякаго любознательнаго читателя. Наконецъ статья И. Бильфельда: *Оленій Ревъ*, окончаніе которой напечатано въ № 3, украшенная двумя прекрасными литографіями, рисуетъ разнообразную и великолѣпную картину высокой охоты въ окрестности Кизляра, за дичью первоклассною, охоты, мало извѣстной у насъ внутри Россіи, а потому заслуживающей еще бо́льшаго любопытства и вниманія. На первой литографіи (№ 2 и 3 журнала) изображенъ олень, ревомъ своимъ оглашающій пустынное пространство и тишину темной ночи; закинувъ вѣтвистые рога на спину, онъ зоветъ зычнымъ ревомъ къ себѣ подругу, чутко слушая, не отзовется ли гдѣ ея отвѣтный голосъ. На второй литографіи олень, какъ видно, услыхавъ какіе-то знакомые звуки, въ пылу страсти ничего не разбирая, бросился въ воду и распугалъ стадо утокъ въ прибрежномъ камышѣ, усѣвшихся тамъ на ночлегъ: однѣ съ испугомъ разлетаются въ разныя стороны, а другія, вѣроятно встревоженныя прежде, опять возвращаются уже вереницей на прежнее мѣсто. Въ № 3 отлично хорошо написана статья *Грачъ*, но она, конечно, интересна только для любителей нату-

Digitized by Google

ральной исторіи, а не для ружейнаго охотника. У насъ въ Россіи грачей не ѣдятъ, хотя мясо молодыхъ и жирныхъ очень вкусно; никто не считаетъ ихъ дичью, и никто не стрѣляетъ, развѣ только для того, чтобъ отогнать ихъ отъ березовой рощи, которую сушатъ они устройствомъ своихъ безобразныхъ гнѣздъ. Но статья моя далеко бы превзошла назначенные ей предѣлы, еслибъ я сталъ распространяться о всѣхъ любопытныхъ и замѣчательныхъ статьяхъ, напечатанныхъ въ 10 книжкахъ *Журнала Охоты*, какъ напримѣръ: *Перепелки на островѣ Кипрѣ*, *Дикая индѣйка*, *Охота на кагуара или американскаго льва* и пр. Не буду говорить также о превосходно нарисованныхъ и вырѣзанныхъ политипажахъ, изъ числа которыхъ изображеніе «альпійскаго охотника» превзошло всѣ прежніе политипажи Рихау. *) Я остановлюсь только на *Воспоминаніяхъ охотника* г. Ф. Арсеньева и на *Запискахъ ружейнаго охотника Костромской губерніи* А. В—ва. Оба разсказа написаны очень живо и драматично; но разсказъ г. В—ва лучше и вполнѣ переноситъ читателя въ костромскія лѣсныя мѣста. Въ № 10 *Журнала Охоты* помѣщены двѣ, въ высшей степени замѣчательныя статьи: *Охота въ горахъ* (изъ записокъ о Шотландіи) самого редактора, г. Мина, и *Охота въ окрестностяхъ Усть-Сысольска* г. Ф. Арсеньева. Въ статьѣ г. Мина дѣло еще не дошло до охоты, но его очеркъ шотландскихъ горъ, морскаго залива и чудныхъ величественныхъ, измѣняющихся картинъ, производимыхъ и солнцемъ и дождемъ, его живыя описанія встрѣчавшихся съ нимъ людей, такъ интересны и занимательны, такъ рисуютъ страну, о которой говоритъ онъ, что заставляютъ насъ ожидать удовольствія отъ продолженія его статьи. Я прошу г. Мина не поскупиться на отрывки изъ его путешествія по Шотландіи, которую онъ, какъ я слышалъ, исходилъ пѣшкомъ вдоль и поперекъ. *Охота въ окрестностяхъ Усть-Сысольска* г. Арсеньева, на берегахъ рѣкъ Вычегды и Сысолы, въ громадныхъ лѣсахъ Сѣверной Россіи, въ этой сказочной сторонѣ (какъ говоритъ сочинитель), любопытна для каждаго охотника по своей новости, свѣжести картинъ и особенностямъ. По этому прекрасному обращику читатель

*) Должно упомянуть, что стихотвореніе *Альпійскій Охотникъ*, изъ Рейгюрда, очень живо и сильно переведено г. Дмитріемъ Миномъ.

Digitized by Google

въ правѣ надѣяться встрѣтить то же достоинство въ послѣдующихъ его статьяхъ.

Высказавъ искренно мое мнѣніе о *Журналѣ Охоты*, я прибавлю два желанія: 1) чтобы книжки были потолще и 2) чтобы онѣ состояли изъ статей объ охотахъ преимущественно русскихъ.

КОНЕЦЪ ПЯТАГО ТОМА.

UNIV. OF MICHIGAN,

JAN 11 1912

Digitized by Google

Digitized by Google

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 01416 3219

Digitized by Google

Digitized by Google